

**ХАНТАУ ПАЛЕОМЕТАЛЛ ДӘУІРІНІҢ
ТАСЫМАЛДАУШЫ ӨТКЕЛІ**

**ХАНТАУСКИЙ ТРАНЗИТНЫЙ КОРИДОР
В ЭПОХУ ПАЛЕОМЕТАЛЛА**

**ЖЕТІСУ ӨЛКЕСІНІҢ
ТАРИХЫ МЕН
АРХЕОЛОГИЯЛЫҚ
ДЕРЕКТЕРІ**

**ИСТОРИЯ
И АРХЕОЛОГИЯ
СЕМИРЕЧЬЯ**

Выпуск 7

Алматы 2020

**ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫ
БІЛІМ ЖӘНЕ ҒЫЛЫМ МИНИСТЕРЛІГІ
Ә. Х. МАРҒҰЛАН АТЫНДАҒЫ АРХЕОЛОГИЯ ИНСТИТУТЫ**

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ ИМ. А. Х. МАРГУЛАНА**

**ХАНТАУ ПАЛЕОМЕТАЛЛ ДӘУІРІНІҢ
ТАСЫМАЛДАУШЫ ӨТКЕЛІ**

**ЖЕТІСУ ӨЛКЕСІНІҢ ТАРИХЫ МЕН
АРХЕОЛОГИЯЛЫҚ ДЕРЕКТЕРІ**

**ХАНТАУСКИЙ ТРАНЗИТНЫЙ КОРИДОР
В ЭПОХУ ПАЛЕОМЕТАЛЛА**

**ИСТОРИЯ И АРХЕОЛОГИЯ
СЕМИРЕЧЬЯ**

**МАҚАЛАР МЕН ЖАРИЯЛЫНЫМДАР ЖИНАҒЫ
СБОРНИК СТАТЕЙ И ПУБЛИКАЦИЙ**

**7 ШЫҒАРЫЛЫМ
ВЫПУСК 7**

**Алматы
2020**

УДК 902/904
ББК 63.4
Х 19

Книга издается в рамках грантового финансирования Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан, ИРН проекта AP0513551 тема: «Хантауский транзитный коридор в эпоху палеометалла».

Рекомендовано к изданию Ученым Советом Института археологии им. А.Х. Маргулана Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан

Рецензенты:

Ж.К. Таймагамбетов, доктор исторических наук, профессор, академик НАН РК
В.В. Варфоломеев, кандидат исторических наук, доцент

Редколлегия:

Д.А. Воякин, А.А. Горячев – ответственный редактор,
Т.А. Егорова – шеф-редактор, С.А. Потапов

Х 19

Хантауский транзитный коридор в эпоху палеометалла: сборник статей и публикаций. Серия «История и археология Семиречья». Выпуск 7. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана МОН РК, 2020. – 224 с.
ISBN 978–601–7106–48–5

Данный выпуск сборника посвящен одному из важнейших регионов Юго-Западного Жетысу, включающего в себя Шу-Илейское междуречье вплоть до западных отрогов хребта Иле Алатау. Местоположение Хантауского транзитного коридора предопределило его роль в развитии процессов взаимодействия и развития древних культур скотоводов и земледельцев Центрального Казахстана и Жетысу на протяжении нескольких исторических эпох. В издании представлены научные работы, освещающие различные аспекты археологических и специализированных естественно-научных исследований Хантауского региона, позволяющие представить объективную картину заселения территории Жетысу в эпоху палеометалла. В работах определена культурная принадлежность древних сообществ, обозначены их экономико-хозяйственные приоритеты. Итогом планомерных работ по проекту стали новые археологические материалы древних поселений, могильников и петроглифов, способствующие выяснению основных направлений коммуникаций населения региона и выделению основных культурных параметров этого взаимодействия в зависимости от характера исторических процессов в эпоху палеометалла.

Сборник предназначен как для специалистов – историков, археологов, краеведов, так и для широкого круга читателей.

УДК 902/904
ББК 63.4

*В оформлении обложки использована фотография А.А. Горячева
сцена с колесницей в горах Кульжабасы*

© Артюхова О.А., Воякин Д.А., Горячев А.А., Дуйсебаева Т.Н.,
Егорова К.А., Егорова Т.А., Ильин Р.В., Мамиров Т.Б.,
Марьяшев А.Н., Нигматова С.А. Новоженнов В.А.,
Потапов С.А., Рогожинский А.Е., Сараев В.В.

ISBN 978–601–7106–48–5

© Институт археологии им. А.Х. Маргулана МОН РК

СОДЕРЖАНИЕ

От редколлегии	4
----------------------	---

**Физико-географическая характеристика и история исследований
Хантауского транзитного коридора**

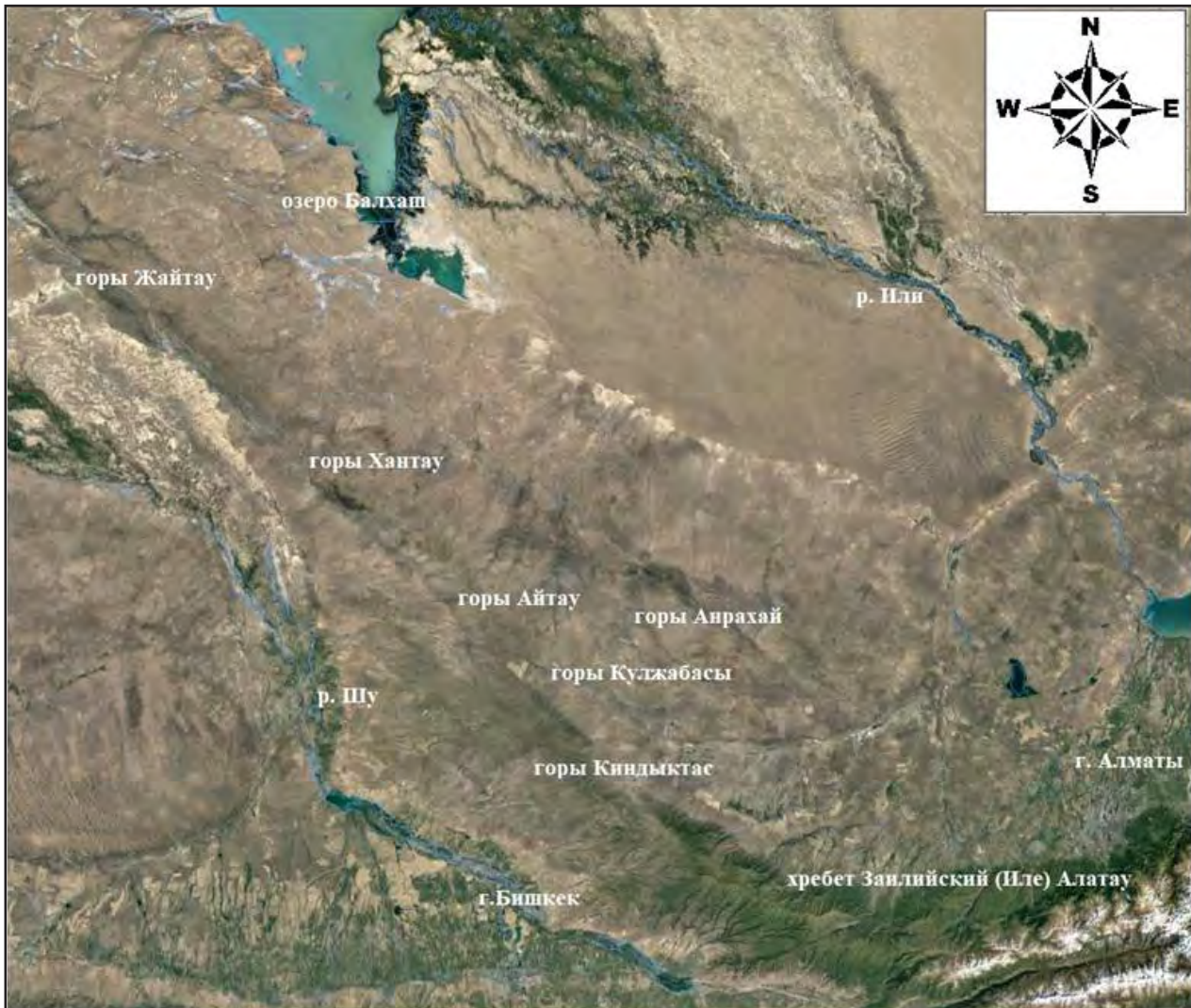
Дуйсебаева Т.Н. Краткая характеристика природных условий Шу-Илейских гор.....	7
Нигматова С.А. Геологические особенности и палеоклимат гор Шу-Или.....	21
Рогожинский А.Е. Из истории археологического изучения Чу-Илийского междуречья.....	56
Артюхова О.А., Мамиров Т.Б. Памятники каменного века Шу-Илейских гор (материалы работ 2016–2017 гг.).....	76

**Археологические исследования
Хантауского транзитного коридора**

Воякин Д.А., Горячев А.А., Потапов С.А., Ильин Р.В. Методика археологических исследований и маркировка маршрутов древних миграций на территории Хантауского транзитного коридора	91
Горячев А.А., Сараев В.В. Древние поселения Хантауского региона и вопросы хозяйственно-культурного развития населения эпохи палеометалла	117
Горячев А.А. Погребальные комплексы бронзового века Хантауского транзитного коридора.....	135
Горячев А.А., Егорова Т.А., Егорова К.А. Петроглифы эпохи палеометалла в горах Хантау	158
Марьяшев А.Н., Горячев А.А., Егорова Т.А., Сараев В.В. Древние наскальные рисунки хребта Киндыктас	179
Сараев В.В. О некоторых аспектах функционального назначения древних чашечных камней Жетысу.....	194
Новоженков В.А. О древнейших миграциях в Центральной Азии: Туранский коммуникационный канал	199
Список сокращений	222

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

«Хантауский транзитный коридор» – историко-географический термин, обозначающий территорию между юго-западной оконечностью озера Балхаш и пустыней Бетпак-Дала на севере до северо-западных отрогов хребта Илейский Алатау на юге. В географическом отношении к этой территории относится Шу-Илейское эрозийно-тектоническое низкогорье (Киндыктаско–Шу-Илейские возвышенности) с прилежащими равнинами, которое также именуется Шу-Илейским водоразделом. Специфические для юго-восточной части Казахстана – Жетысу природно-климатические условия региона более схожие со степными районами Центрального Казахстана (Сары-Арка и Северная Бетпак-Дала) способствовали в ходе исторического процесса активным контактам их обитателей между собой.

Хантауский транзитный коридор на космоснимке

Узловой точкой «коридора» по своему положению являлись горы Хантау, где транспортные маршруты древности расходились в различных направлениях: 1) к западу – через горы Хантау в долину реки Шу; 2) к востоку – через степь Жусандала и плато Бозой к южному побережью реки Или; 3) к югу – через многочисленные долины вдоль гор Айтау до хребта Киндыктас и через северные склоны и внутри горные долины Шу-Илейских гор в долины Копа, Самсы и Узынагаш у северных горного хребта и западных отрогов Заилийского Алатау. Характер контактов через Хантауский проход мог определяться как миграциями групп населения из Центрального Казахстана, так и интенсификацией хозяйственно-экономических и социальных связей между сопредельными регионами.

Интенсивные контакты с соседними регионами привели к тому, что в памятниках эпохи бронзы прослеживаются хозяйственно-бытовые и культурные традиции, которые были распространены от Южной Сибири, Алтая, Южного Зауралья, Центрального и Восточного Казахстана и до Средней Азии. Традиции древних культур эпохи бронзы, обнаруженные здесь, находят свое продолжение в культуре древних саков и усуней Южного Казахстана и Жетысу, демонстрируя продолжение роли региона как одного из транзитных центров Центральной Азии и в раннем железном веке. Трансевразийские коммуникации Жетысу соединили урало-казахстанские степи – мощнейший очаг культуругенеза эпохи бронзы – с Северным Притяньшаньем, Турфаном, Маргианой, Бактрией и Северным Ираном. Культурно-исторический феномен Хантауского транзитного коридора определялся его географическим положением на границе двух глобальных культурно-исторических и природных зон: скотоводческая зона центрально-казахстанских степей и зона земледельческих культур Средней Азии.

В рамках проекта «Хантауский транзитный коридор в эпоху палеометалла» основными объектами исследований стали памятники эпохи бронзы на данной территории. Их специфика заключается в том, что места древних поселений и могильников в предгорной и горной зоне часто использовались на протяжении нескольких исторических периодов. Это позволяет, с одной стороны, проследить преемственность культурных традиций населения региона на протяжении длительного времени, а с другой – выявить инновации и определить их культурное значение. Изучение археологических комплексов, состоящих из разновременных и разнотипных памятников, дает возможность проследить исторические процессы древности на базовом материале и существенно дополнить сведения о хозяйственной структуре, быте и культурных традициях древнего населения Юго-Западного Жетысу. В рамках проекта была выявлена система расселения древних племен эпохи бронзы и раннего железного века в регионе.

В эпоху бронзы происходило активное заселение территории Жетысу племенами андроновской культурно-исторической общности из территории Центрального и Восточного Казахстана (XX/XIX–XIV/XIII вв. до н. э.). Переселение из Центрального Казахстана и взаимодействие с местным коренным населением на территории Шу-Илейского междуречья происходило достаточно сложно и неоднородно. В это время начинается процесс интенсивного разрушения более древних культурных традиций и формирование новых смешанных их форм. Он нашел отражение, прежде всего, в погребальных традициях и, в определенной степени, наскальном искусстве, что представлено в систематизированных материалах по региону.

Основные направления исследований связаны с выявлением и изучением наиболее характерных археологических комплексов Хантауского транзитного коридора и реконструкцией транспортных путей древних коммуникаций. Исследованы миграционные маршруты древних жителей Жетысу и Центрального Казахстана в регионе. Комплексный характер изучения памятников региона позволяет создать базу для дальнейших системных реконструкций этнокультурных и социально-экономических процессов древности в южной и юго-восточной части Казахстана.

**ФИЗИКО-
ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ
ХАРАКТЕРИСТИКА
И ИСТОРИЯ
ИССЛЕДОВАНИЙ
ХАНТАУСКОГО
ТРАНЗИТНОГО
КОРИДОРА**

Дуйсебаева Т.Н.

Институт зоологии, Министерство образования и науки РК,
Алматы, Казахстан**КРАТКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРИРОДНЫХ УСЛОВИЙ ШУ-ИЛЕЙСКИХ ГОР**

Аннотация. В статье представлено краткое физико-географическое описание Шу-Илейских гор, включая их органичную составную часть – горы Хантау. Приводятся общие сведения по геологическому возрасту и тектоническому развитию территории, ее геоморфологическим, гидрологическим (поверхностные и грунтовые воды) и климатическим особенностям, а также биоразнообразию. Подчеркивается двойственный – своеобразный и переходный характер территории, что подтверждается анализом многих природных компонентов – тектоники, рельефа, климата, ландшафтов и биоразнообразия.

Небольшой по площади массив Хантау входит в состав Шу-Илейских гор и по своим природным условиям является их органичной составляющей. Конкретные сведения по Шу-Илейским горам начали накапливаться с XIX столетия по результатам комплексных экспедиций Императорской академии наук, Русского географического общества, а позже Отдела земельных улучшений и Переселенческого Управления в рамках изучения Средней и Центральной Азии. Среди исследователей XIX – первой трети XX вв. были А.И. Шренк, Г.Д. Романовский, А.Н. Краснов, Ю.А. Шмидт, В.Е. Недзвецкий, Р.И. Аболин, В.С. Титов, Б.Ф. Мефферт, Н.А. Буцков, Н.А. Ноздрев и многие другие ученые и естествоиспытатели, доставившие первые картографические материалы, геологические, ботанические и зоологические коллекции и описания природных условий региона [Елисеев, 1961; Вислогузова и др., 1991; Кокарева и др., 2016].

В советское время были организованы активные изыскательские работы по изучению геологического строения, минеральных и водных ресурсов Шу-Илейских гор, особенностям их тектонического и геоморфологического устройства [Сарсеков и др., 1979,

Абдулин, 1994], серьезное внимание уделено вопросам палеогеографии, включая проблемы гидрологии и становления современных ландшафтов [Джуркашев, 1972]. Богатые ботанические материалы, накопленные к середине прошлого столетия [Краснов, 1888; Аболин, 1930; Блюменталь, 1937; Гамаюнова, Голоскоков, 1949; Фисюн, 1953 и др.], были обобщены в многотомной сводке «Флора Казахстана» [1956–1966]. Вопросы геоботанического районирования Шу-Илейских гор затрагивались В.Н. Павловым в его знаменитом труде «Ботаническая география СССР» 1948 г., а позднее детально разрабатывались В.Н. Хромцовым [1983, 1986]. Ценные сведения по редким и эндемичным видам растений включены в работы В.В. Фисюн [1979] и А.А. Иващенко [2005; Иващенко, Белялов, 2019]. Последний систематический список флоры Шу-Илейских гор представлен И.И. Ролдугиным и В.В. Фисюн [2018].

Материалы по животному миру Шу-Илейских гор, накопленные зоологами и зоогеографами за весь период исследований, к настоящему времени обработаны и опубликованы лишь частично и разные группы животных изучены далеко неравномерно. Наиболее полной, по-видимому, может считаться ин-

формация по орнитофауне. Все известные данные по распространению и биологии птиц в Шу-Илейских горах включены в двухтомную монографию по птицам Тянь-Шаня А.Ф. Ковшаря [2019 а, б]. Данные по фауне млекопитающих, собранные к середине прошлого столетия, обобщены А.В. Афанасьевым [1960] и в многотомной сводке «Млекопитающие Казахстана» [1969–1985]. К сожалению, материалов по современному видовому составу и состоянию популяций млекопитающих практически нет. Разрозненные сведения можно найти по отдельным видам рептилий [Чернов, 1947; Бондаренко, Дуйсебаева, 2012]. Материалы по фауне беспозвоночных практически не публиковались.

Представленная ниже краткая характеристика природных условий в составе Шу-Илейских гор, включая Хантау, в силу ограниченного объема текста не претендует на полноту. Более детальную информацию можно почерпнуть из приведенных в конце обзора литературных источников. Латинские названия растений и животных приводятся в соответствии с принятой таксономической номенклатурой [Гаврилов Э., Гаврилов А., 2005; Павлинов, 2006; Svensson, 2009; Ковшарь, 2019 а, б; Ролдугин, Фисюн, 2018; Uetz et al., 2019; Frost, 2020].

Рельеф и геологическое строение

Согласно принятым схемам геолого-географического и геоморфологического районирования [Шлыгин, 1971; Вислогузова и др., 1991], территория Шу-Илейских гор (Шу-Илейское низкогорье) располагается в пределах Шу-Балкашского района, именуемого также Шу-Балкашским поднятием или Шу-Илейским водоразделом (рис. 1). Его границами являются Жалаир-Найманский разлом на западе и юго-западе, западный фланг Илейской котловины (долина р. Копы) на юге, озеро Балкаш с Южно-Балкашской впадиной на востоке; северная граница проходит примерно по 46° с. ш. [Шлыгин, 1971]. В состав Шу-Балкашского поднятия входит ряд низкогорных и мелко-сопочных массивов – горы Доланкара, Сарыбастау, Жартас, Кулжабасы и некоторые другие и Шу-Илейские горы.

Шу-Илейские горы ориентированы с севера-запада на юго-восток и протягиваются почти на 300 км от горы Байкара ($45^\circ 13'$ с. ш., $72^\circ 26'$ в. д., 665 мн. ур. м.) на северо-западе до гор Кендыктас (не включая последние: примерно до $43^\circ 40'$ с. ш.) на юго-востоке. Высшая точка – гора Тымлайшоки ($43^\circ 58'$ с. ш., $75^\circ 12'$ в. д., 1242 мн. ур. м.). Горы образованы плоскогорьем Жельтау с высотами порядка 500 м н. ур. м. и горами Айтау с высотами 800–1000 мн. ур. м. В состав плоскогорья Жельтау входят невысокие и плосковершинные горы Шагырлы, Жамбыл, Майжарылган и некоторые другие менее значительные массивы. Своей восточной окраиной плоскогорье уходит под воды Балкаша, формируя изрезанную береговую линию озера с многочисленными заливами, полуостровами и островами (рис. 1).

Горы Хантау представляют собой самый высокий северо-западный участок гор Айтау. Высшая точка – гора Сункар, 1042 м н. ур. м. Они характеризуются эрозионно-тектоническим рельефом в виде грядово-гривистого низкогорья (рис. 2а) и сложены древними образованиями кембрия с высокой прочностью, что определяет направление простираения грив и гряд. Хотя горы невысоки (в среднем 500 м н. ур. м.), они резко контрастируют с окружающими наклонными предгорными шлейфами и аллювиальными равнинами: относительное превышение над прилежащей с юго-запада равниной составляет 600–700 м при расчлененности рельефа 200–500 м. Юго-западные склоны гор Хантау крутые – до 45° , скалистые (рис. 2б) и расчленены многочисленными короткими, но глубоко врезанными логами. Северо-восточные склоны, напротив, более «мягкие» пологие – до $10\text{--}15^\circ$ [Елисеев, 1961; Вислогузова и др., 1991].

История формирования Шу-Илейских гор трактуется разными геологами неоднозначно. По геоморфологическим особенностям А.В. Вислогузова и др. [1991] и Е.А. Финько [1975] относят Шу-Илейское низкогорье, кроме его южной части, к отдельной провинции Центрально-Казахстанского Мелкосопочника. По В. Горбунову [1939], Н.П. Костенко и В.Ф. Шлыгиной [1971] геологическая структура и генезис дают основание считать Шу-

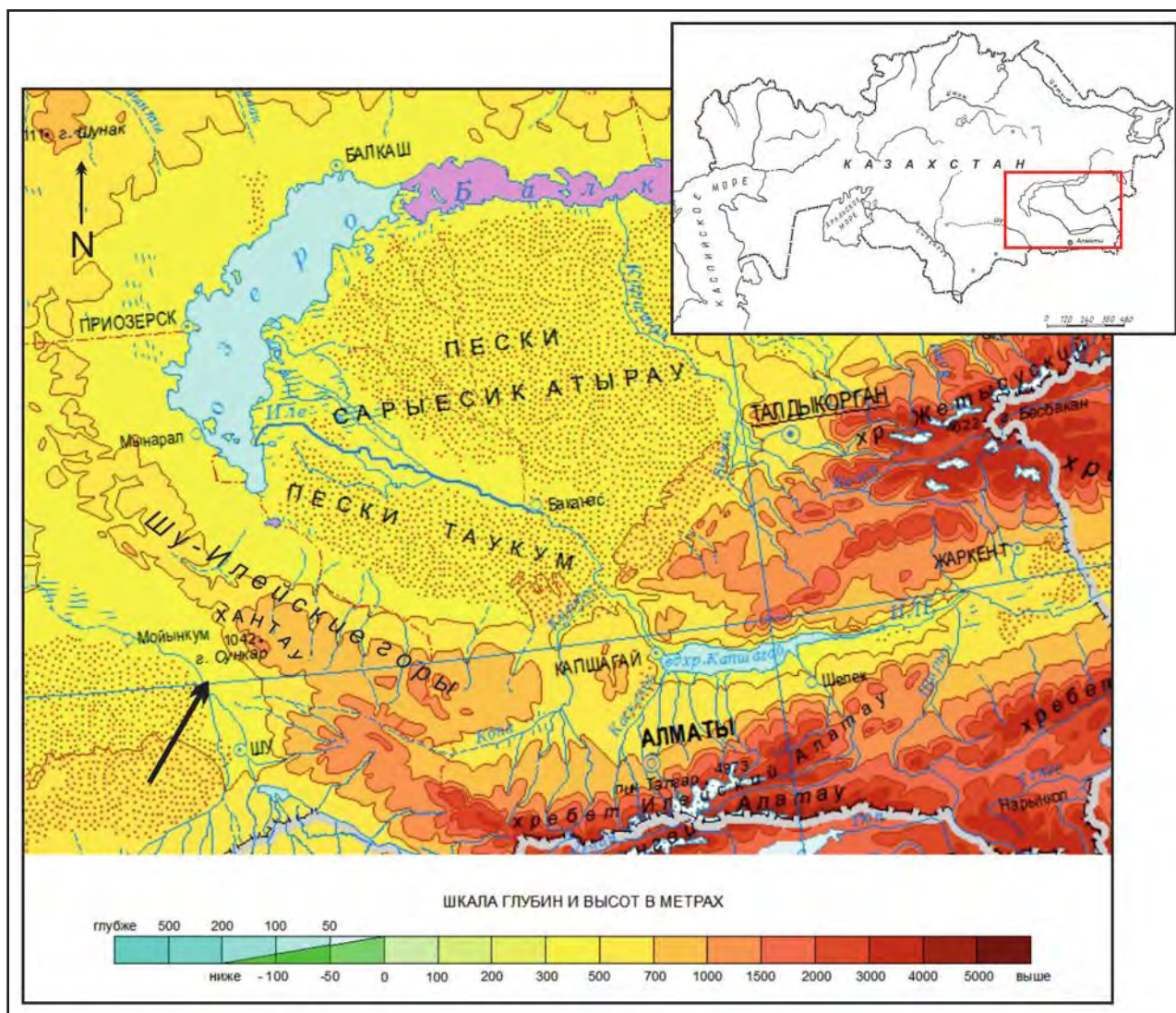

Рис. 1. Гипсометрическая карта юго-восточного Казахстана и положение Шу-Илейских гор [Национальный атлас Республики Казахстан, 2010].

Илейские горы, за исключением их северной части, крайней северо-западной цепью Северного Тянь-Шаня. Обособление северной части Шу-Илейских гор в самостоятельную геологическую структуру – «зону перехода» от эпиплатформенного Тянь-Шанского пояса к Казахстанскому щиту [Абдулин, 1994] определялось тем, что она испытала меньший подъем в альпийский орогенез.

В тектоническом отношении Шу-Илейское низкогорье входит в состав очень древней Кокшетау-Северотяньшаньской системы каледонской складчатости Урало-Монгольского (Центрально-Азиатского) складчатого пояса [Галицкий, 1971; Костенко, Шлыгина, 1971; Абдулин, 1994; Сейтмуратова, Никитина, 2012]. Ведущую роль в ее формировании играли аккреционно-коллизонные про-

цессы. Обособление структур Кокшетау-Северотяньшаньской складчатой системы началось еще в *позднем неопротерозое* порядка 650–630 млн л. н. в результате разделения Тарим-Тяньшань-Казахстанского палеоконтинента, который, в свою очередь, был одним из осколков окончательно распавшегося к этому времени суперконтинента Родиния [Самыгин и др., 2015]. В дальнейшем на территории образовавшегося Казахстан-Северотяньшаньского микроконтинента проявлялись разные геологические обстановки, что определило формирование ряда геологических формаций.

В *раннем-среднем кембрии* (530–515 млн л. н.) Казахстан-Северотяньшаньский массив распался на серию структурно-формационных зон, характеризующихся резким различием в

Рис. 2. Эрозийно-тектонический рельеф гор Хантау: а) ущелье в горах Хантау; б) крутые юго-западные склоны. Фото: О.В. Белялова (а) и Т.Н. Дуйсебаевой (б).

режиме магматизма и седиментации. Вместе с Заилийским районом, Южной Джунгарией и отчасти горами Кендыктас, территория бу-

дущего Шу-Илейского низкогорья формировала тектонически активную окраину расплавленного массива. Это был участок обширной

эвгеосинклинальной* области [Галицкий, 1971; Абдулин, 1994]. Режим дна был далеко беспокойным и сопровождался периодически повторяющимися восходящими движениями с активными интрузивными процессами. Состав мощных толщ кембрийских отложений включал осадочные, вулканогенно-осадочные и вулканогенные формации. Характерным было формирование офиолитовых ассоциаций, ванадиевоносных пород и сланцев разного состава [Абдулин, 1994]. В настоящее время показано, что офиолиты Жалаир-Найманского прогиба имеют возраст около 520 млн. лет и являются самыми древними в палеозоидах Казахстана [Сейтмуратова, Никитина, 2012].

В конце кембрия-ордовике (500–440 млн л. н.) геосинклинальный режим на территории сохранялся, но наметился переход к орогенетическому развитию (инверсионный этап). Этот период характеризовался усилением тектонической активности и вулканической деятельности, сменой подъемов и прогибаний, активизацией аккреционно-коллизии процессов со сближением микроконтинентальных блоков. Территория оставалась покрыта морем, но увеличивалась площадь растущих островов, происходило сокращение и обмеление морского бассейна, на что указывало, в частности, появление осадков флишоидного типа [Абдулин, 1994]. В Жалаир-Найманском прогибе шло активное, преимущественно карбонатно-терригенное осадконакопление, а в силуре он превратился в сдвигово-коллизиию зону между обрамляющими его микроконтинентальными блоками.

В эпоху каледонского орогенеза, проявившегося с особой силой в девоне (416–359 млн л. н.), для всей территории было характерно усиление подвижности земной коры и активизация вулканизма. Мощные девонские отложения включали вулканогенные, молассовидные и вулканогенно-осадочные формации [Шлыгин, 1971; Абдулин, 1994]. В результате аккреционно-коллизиию процессов, начавшихся еще в ордовике, микро-

континентальные блоки Центрального Казахстана и Северного Тянь-Шаня претерпели консолидацию с постепенным закрытием смежных бассейнов. К концу девона на большей части территории Шу-Илейского низкогорья завершилась тектоно-магматическая активизация, но ее юго-восточная окраина сохраняла высокую подвижность. Тектоническое развитие Шу-Илейского низкогорья закончилось к среднему-позднему карбону, уже в эпоху герцинского орогенеза, с окончательным сжатием всех континентальных микроблоков и смятием в складки окраинных территорий в местах коллизиию контактов. На таких участках формировались линейные покровно-складчатые сооружения большой протяженности, включая Шу-Илейское низкогорье, которое в карбоне-перми (359–251 млн л. н.) приобрело характер возвышенной суши [Абдулин, 1994; Самыгин и др., 2015].

В мезозое (251–66 млн л. н.) активная тектоническая деятельность коры сменилась спокойным этапом платформенного континентального развития региона с денудацией горных сооружений, формированием древней коры выветривания, накоплением осадков разливов эпиконтинентальных морей по периферии Шу-Илейских гор. К началу кайнозоя эта территория представляла собой относительно выровненную холмистую равнину с отдельными останцами. Первые предвестники альпийского орогенеза появились в позднем олигоцене. Оживление тектоники в позднем плиоцене (5.4–1.8 млн л. н.) и далее в четвертичном периоде вызвало общее сводовое поднятие территории и дифференцированные тектонические движения по разломам, что привело к формированию отдельных крупных глыбовых поднятий, горстов и грабенов, подвергшихся впоследствии денудационым процессам, формированию конусов выноса и становлению современного рельефа региона [Галицкий, 1971; Шлыгин, 1971].

Особенности тектонического и геологического развития Шу-Илейских гор опре-

* Эвгеосинклинальная область – участок подвижной земной коры (возможно, зона раздвига или деградации земной коры), характеризующийся высокой тектонической подвижностью и активным вулканизмом и развивающийся без установления платформенного режима [Геологический словарь, 1978; Абдулин, 1994].

делили богатство полезными ископаемыми. По территории Шу-Илейских гор проходит одноименный золоторудный пояс с мощными запасами золота, меди и железа. В группе золоторудного Акбакайского месторождения, расположенного в юго-западной ветви Девонского вулканоплутонического пояса, перекрывающего Шу-Илейский регион, сосредоточено до 8.2% балансовых и до 15.4% потенциальных запасов золота Республики Казахстан и производится четверть всей золотодобычи страны [Ваулин, 2016]. Шу-Илейские горы входят в состав Бетпакдала-Шу-Илейской урановорудной провинции Казахстана с промышленными запасами урана [Черняков, 2013]. Кроме того, в Шу-Илейских горах выявлено большое количество проявлений с высоким содержанием вольфрама, молибдена и олова, а также значительные запасы минерального сырья – карбонатных пород, гидрослюдистых сланцев, габбро и флюоритов [Абдулин, 1994]. Горы Хантау помимо месторождений золота богаты свинцово-цинковыми рудами [Мазуров, 2005]; в юрских отложениях найдены запасы угленосных пород [Галицкий, 1971].

Водные ресурсы

Небольшая высота Шу-Илейских гор, отдаленность от основных высоких хребтов Тянь-Шаня, расположение между двумя круп-

ными аридными впадинами – Шу-Сарысуской и Прибалкашской, а также близость экстрааридной глинисто-каменистой пустыни Бетпакдала на северо-западе определяют высокую сухость климата и маловодье района. Два постоянных крупных водотока – реки Шу и Курты – протекают в одном-двух десятках километров от подошвы гор соответственно на западе и востоке. Сами Шу-Илейские горы, в том числе и Хантау, характеризуются слабо развитой поверхностной гидрографической сетью. Речушки, стекающие в сторону Шу-Сарысуской впадины, принадлежат Арало-Сырдаринскому бассейну. Это – Андассай, Карашыгалы, Алмалы, Сарыбулаксай, Сууксай, Сарыбулак, Котыр, Сункар, Жидели, Улькен-Жидели и др. Речушки, стекающие с восточных склонов Шу-Илейских гор в сторону равнины Жусандала, – Карасай, Караулкашкан, Аксуек, Куеликара, Жалпакши, Тесик, Шолак, Жынгылды и некоторые другие принадлежат бассейну Балкаша. Все перечисленные водотоки стекают по многочисленным логом гор преимущественно в весеннее время, но ближе к лету или полностью пересыхают, или сохраняются отдельными плесами, имеющими грунтовую подпитку (рис. 3а).

С другой стороны, обилие тектонических нарушений и развитие сильнотрещиноватых пород в Шу-Илейских горах обуславливают хорошие условия для инфильтрации атмосферных осадков, талых вод и соответственно

Рис. 3. Водные ресурсы гор Хантау: а) редкие водотоки, пересыхающие в теплое время года; б) родник. Фото Т.Н. Дуйсебаевой.

формирования запасов подземных вод [Ахмедсафин и др., 1975], нередко выклинивающихся достаточно обильными родниками (рис. 3б). На предгорные равнины выходят воды палеоген-неогеновых и четвертичных делювиально-пролювиальных отложений. Подземные воды залегают на глубине от нескольких десятков до нескольких метров с закономерным уменьшением глубины от склонов гор к равнине. Питание – зимне-весенние атмосферные осадки, фильтрация временных поверхностных водотоков и подток трещинных вод. Воды сульфатные, хлоридно-сульфатные натриевые и гидрокарбонатные кальциевые с общей минерализацией от 3 до 10 г/л (солончатые и соленые).

Климат

Согласно климатическим показателям, климат Шу-Илейских гор относится к континентальному умеренному типу [Алисов, 1950] или, по классификации Кӧрпен, к полуаридному степному [Kottek et al., 2006; Peel et al., 2007]. Абсолютный максимум температуры воздуха – $+47^{\circ}\text{C}$, абсолютный минимум – $(-46)^{\circ}\text{C}$; средние летние температуры (июль) относительно невысоки $+24-27^{\circ}\text{C}$; средние зимние (январь) от -7°C до -11°C (таблица). Годовая амплитуда температур достаточно высока – $33-38^{\circ}$, однако пересеченный характер рельефа в некоторой степени и в определенные сезоны смягчает температурные контрасты. Безморозный период длится около полугода (180–190 дней).

Годовые осадки составляют 150–300 мм с уменьшением количества в северном направлении. Примерно половина годовой нормы приходится на теплое время года (апрель–октябрь), а плохо выраженный максимум на весну-лето, что указывает на центральноазиатско-казахстанский режим увлажнения [Агаханянц, 1981]. Устойчивый снежный покров ложится на почву в последние дни ноября – первую декаду декабря и сходит в третьей декаде февраля. Высота снежного покрова небольшая – 10–20 см (таблица).

В горах Хантау и в южной части Шу-Илейских гор в целом значительна степень опасности сильных ветров (до 10–100 час/год). В ап-

реле 2001 и 2002 гг. в районе пос. Хантау зафиксирована скорость ветра соответственно 34 и 40 м/сек [Байшалонов, 2010]. Гидротермический коэффициент для всей проектной территории составляет 0.2 и менее в направлении оз. Балкаш, что характеризует климат как «сильно засушливый».

В последнее тридцатилетие для Балкаш-Алакольского бассейна, куда относится большая часть проектной территории, наблюдается увеличение среднегодовой температуры воздуха на $0.35^{\circ}\text{C}/10$ лет, с наибольшим ростом в межсезонье (весна и осень), а также незначительное уменьшение суммы годовых осадков (до 0.1 мм/10 лет) с большей долей для весеннего периода. На фоне изменений температурного режима и режима осадков наблюдаются увеличение безморозного периода, удлинение периода засухи в теплый сезон года, уменьшение высоты снежного покрова и некоторые другие процессы, указывающие на определенную аридизацию регионального климата [Байшалонов, 2007].

В историческое время на протяжении позднего плейстоцена и голоцена климатические условия и ландшафты Шу-Илейских гор не выходили за рамки степного или полупустынного типа [Величко, 2009; Амосов, 2017]. Расположение территории вне ледниковых зон и пояса сплошного распространения криолитозоны [Aubekero, Gorbunov, 1999], а также пересеченный низкогорный характер местности обеспечивали относительную стабильность регионального климата даже в условиях резкого контраста последнего ледникового максимума позднего плейстоцена и оптимума среднего голоцена. В период среднеголоценового оптимума подгорные равнины и сами Шу-Илейские горы характеризовались «остепенным» обликом, что доказано и для других аридных территорий Центральной Азии, испытывающих влияние западного переноса воздушных масс [Амосов, 2017]. В периоды похолоданий в горной части Шу-Илейских гор имело место некоторое увеличение доли бореальных элементов во флоре, в то время как подгорные равнины испытывали ксерофитизацию, приобретая полупустынный облик [Ролдугин, Фисюн, 2018]. Так или иначе, но даже в предшествующую голоцену эпоху

Некоторые климатические показатели территории Шу-Илейских гор на примере гор Хантау [Климат Казахстана, 1959; Байшалонов, 2010; Национальный атлас Республики Казахстан, 2010].

№	Климатические показатели	Значения
1	Средняя температура самого холодного месяца (январь), °С	-7-11
2	Средняя температура самого теплого месяца (июль), °С	26-27
3	Годовое количество осадков,	250
	из них в теплый период, мм	50-100
4	Заморозки:	
	даты первых осенних	10.10-30.10
	даты последних весенних	10.04-20.04
5	Высота снежного покрова, см	10-25
6	Количество дней со снежным покровом	80-100
7	Устойчивый снежный покров	
	даты образования	30.11-10.12
	даты разрушения	20.02-30.02
8	Количество дней в году:	
	засуха (теплое время: IV-X)	140-160
	пыльные бури	0-5
9	Средняя годовая скорость ветра, м/сек	2-3
10	Продолжительность периода с температурой воздуха выше +10°С, дней	Свыше 190

последнего сурового оледенения (20 000–18 000 л. н.) экосистемы Шу-Илейских гор оставались относительно благоприятными для жизни человека [Величко, Куренкова, 2009].

Почвы, растительный и животный мир

Сухость климата и маловодье определяют общий аридный характер ландшафтов региона и всех его компонентов.

Широкое распространение получают здесь каменистые и щебненные почвы; у подножья гор развиты лессовые накопления с прерывистыми пятнами песчаных, солонцеватых и солончаковых почв и их эфемерно-полынный покрытием [Павлов, 1948; Афанасьев, 1960]. На лессовых почвах доминируют полынные растительные сообщества, на засоленных – тасбиюргуновые. В истоках

рек, пересыхающих летом, обычны чиевники с полынью и солянками и редкие заросли тростника. На редких участках непересыхающих пойм и у родников встречаются отдельные кустарники и деревья ив. Вершины гор покрыты изеневе-полынными сообществами.

Расположенные на стыке геоморфологических районов [Вислогузова и др., 1991] Шу-Илейские горы характеризуются комплексным биогеографическим делением. Территория гор относится к области Древнего Средиземья Голарктического доминиона, а в его пределах к Сахаро-Гобийской пустынной подообласти с Ирано-Туранской и Центрально-азиатской надпровинциями [Лавренко, 1962]. В пределах Центрально-азиатской надпровинции в Шу-Илейских горах присутствуют комплексы биот Казахской равнинной пустынной и Жонгаро-Тяньшанской горной про-

винций [Рачковская и др., 2003]. Горы отличаются исключительным своеобразием и уникальностью растительного и животного мира.

Хотя основное ядро флоры и фауны Шу-Илейских гор составляют пустынные виды туранских равнин, значительна их общность с флорами и фауной степных и горно-степных регионов, высок процент видов, связанных с сообществами низкотравных полусаванн, широко распространенных в сниженных частях гор Средней Азии [Афанасьев, 1960; Храмцов, 1983].

Для Шу-Илейских гор характерна высотная дифференциация растительного покрова с двумя выраженными поясами – нижним пустынным (600–850 (900) м н. у. м.) и верхним степным (850 (900)–1200 м н. у. м.). Пустынный пояс сложен сообществами туранских (= южнотуранских) и северотуранских (=казахстанских) элементов; степной – сообществами казахстанско-северотяньшанских и горно-среднеазиатских видов [Храмцов, 1983; Рачковская и др., 2003]. Для пустынного пояса, занимающего предгорья и шлейфы гор характерно развитие фрагментов южных среднеазиатских эфемеровых пустынь на лессовых почвах с доминированием в растительных сообществах однолетних и многолетних эфемеров и эфемероидов, в частности, осоки (*Carex pachystylis*), мятлики (*Poa bulbosa*), ферулы (*Ferula foetida*). Пышное развитие такой пустыни приходится на весеннее время максимального выпадения осадков (рис. 4а). С развитием эфемеровых пустынь южного типа связано глубокое проникновение в Шу-Илейское низкогорье и некоторых видов животных – обитателей туранских равнин, связанных в своей активности с развитием эфемеров. Одним их ярких примеров является среднеазиатская черепаха (*Agrionemys horsfieldii*) [Бондаренко, Дуйсебаева, 2012].

Анализируя состав флоры Шу-Илейских гор, Н.В. Павлов [1948] охарактеризовал ее как переходную к западному Тянь-Шаню и назвал «<...>форпостом последнего, глубоко вдающимся в пустыни и степи центрального Тянь-Шаня<...>» (с. 549). Действительно, в своем составе флора Шу-Илейских гор имеет много растений, характерных для хребта Каратау и Западного Тянь-Шаня, включая

такие великолепные виды первоцветов, как тюльпаны Альберта (*Tulipa alberti*), Грейга (*T. greigii*: рис. 4б) и Колпаковского (*T. kolpakowskiana*), внесенные в Красную книгу Казахстана [Иващенко, 2005; Иващенко, Белялов, 2019], лук каратавский (*Allium karataviense*) и многие другие. Среди 19 эндемичных видов [Ролдугин, Фисюн, 2018] встречаются редкие растения из древних субтропических и тропических сообществ, в частности, недзвецкия семиреченская (*Niedzweckia semiretschenskia*), парнолистник (*Zygophyllum stenocarpum*), юриния коренная (*Jurinea robusta*), копеечник хантавский (*Hedysarum chantavicum*) и некоторые виды астрагалов, которые являются реликтами неогенового времени. Недзвецкия семиреченская, юриния коренная и тюльпан Регеля включены в Красную книгу Казахстана [2014]. Копеечник хантавский и козелец хантавский (*Sconzonera chantavica*) – уникальные узкоэндемичные формы – описаны с гор Хантау [Ролдугин, Фисюн, 2018].

Основу сообществ позвоночных животных предгорий и подгорных равнин Шу-Илейских гор составляют виды пустынных сообществ. Из рептилий это – среднеазиатская черепаха (*A. horsfieldii*), разноцветная (*Eremias arguta*) и быстрая (*E. velox*) ящурки, восточный удавчик (*Eryx tataricus*), стрела-змея (*Psammophis lineolatus*), обыкновенный щитомордник (*Gloydus halys*); из птиц – малый (*Calandrella brachydactyla*), хохлатый (*Galerida cristata*), степной (*Melanocorypha calandra*) и двупятнистый (*M. bimaculata*) жаворонки, чернолобый сорокопуд (*Lanius minor*) и туркестанский жулан (*L. phoenicuroides*), черноголовая (*M. feldegg*) и маскированная (*M. personata*) трясогузки, розовый скворец (*Pastor roseus*), каменки – плешанка (*Oenanthe pleschanka*: рис. 4в) и плясунья (*O. isabellina*), удод (*Upupa epops*), чернобрюхий рябок (*Pterocles orientalis*), включенный в Красную книгу Казахстана [2010], и другие; из млекопитающих – тушканчик-прыгун (*Allactaga sibirica*), средний (*Spermophilus brevicauda*) и малый (*S. pygmaeus*: рис. 4г) суслики, гребенщикова (*Meriones tamariscinus*) и краснохвостая (*M. libycus*) песчанки, заяц-песчаник (*Lepus tibetanus*) [Афанасьев, 1960; Бондаренко, Дуйсебаева, 2012; Ковшарь,

Рис. 4. Растения и животные гор Хантау: а) цветение ферулы, *Ferula foetida* на лессовой защебненной подгорной равнине; б) тюльпаны Грейга, *Tulipa greigii* на каменистых горных склонах; представители пустынной фауны – каменка-пleshанка, *Oenanthe pleschanka* (в) и малый суслик, *Spermophilus pigmeus* (г); д) восточная степная гадюка, *Vipera renardi* встречается в увлажненных местах обитания; е) стервятник, *Neophron percnopterus* – крупный падальщик, включен в Красную книгу Казахстана [2010].

Фото Т.Н. Дуйсебаевой (а-б), М.В. Пестова (в, е), С. Сапарбаева (г), О.В. Белялова (д).

2019 а, б]. Животные пустынных сообществ принадлежат к разным зоогеографическим хоронам – северному казахстанскому «очагу развития фауны равнинных засушливых степей и пустынь с плотными почвами и редким травостоем» [Гептнер, 1945, с. 27] и южному туранскому [Долгушин, 1957; Афанасьев, 1960].

В свою очередь, сложный пересеченный

рельеф гор, особенно вблизи ручьев, мелких речек и по выходам родников, создает гумидные микроклиматические условия, пригодные для жизни равнинных степных и лесных обитателей, проникающих сюда с севера с Казахского Мелкосопочника, а также видов предгорной зоны Жонгаро-Тяньшанского зоохорона. Около воды и по увлажненным участкам встречаются зеленые жабы

(комплекс *Bufotes viridis*), прыткая ящерица (*Lacerta agilis*), восточная степная гадюка (вероятно, подвид *Vipera renardi tienshanica*: рис. 4д), лесная мышь (*Apodemus sylvaticus*), обыкновенная полевка (*Microtus arvalis*), рыжая вечерница (*Nyctalus noctula*), хотя их обилие в Шу-Илейских горах невелико [Афанасьев, 1960]. По Шу-Илейским горам проходит северная граница распространения на юго-востоке Казахстана золотистой щурки (*Merops apiaster*) и сизоворонки (*Coracias garrulus*). В верхнем поясе гор гнездятся или встречаются в летнее время крупные хищные птицы: змеяед (*Circaetus gallicus*), могильник (*Aquila heliaca*) и стервятник (*Neophron percnopterus*: рис. 4е); из млекопитающих с юга заходят джейран (*Gazella subgutturosa*) и архар (*Ovis ammon collium*). Все эти виды занесены в Красную книгу Казахстана [2010].

Мостом между Казахским Мелкосопочником и Тянь-Шанем можно назвать Шу-Илейские горы и в отношении фауны насекомых. Картина «смешения» пустынных и горно-степных видов остается правдивой, по крайней мере, для мух (*Diptera*), перепончатокрылых (*Hymenoptera*), бабочек (*Lepidoptera*), прямокрылых (*Orthoptera*) и тлей (*Aphidoidea*) [Кадырбеков Р.Х., перс. сообщ.]. Некоторые горные тяньшанские виды насекомых, например, жужелица-красотел (*Callisthenes elegans*), идут по Шу-Илейским горам далеко на север, проникая в Казахский Мелкосопочник [Кабак И.И., перс. сообщ.]. В целом, положение гор в широтном диапазоне перехода от южных субтропических среднеазиатских пустынь к северным казахстанским пустыням умеренного климата; близость высоких хреб-

тов Тянь-Шаня с юга, с одной стороны, и крупного внутриконтинентального озера на севере, с другой; расположение между двумя обширными аридными предгорными впадинами (Шу-Сарысульской – на западе и Прибалкашской – на востоке); контрастный, но не высокий рельеф и лежащая в основе всех этих современных географических особенностей геологическая история объясняют своеобразие флоры и фауны региона.

Анализ особенностей природных условий Шу-Илейских гор приводит к пониманию их глубоко двойственного характера – *самобытного и переходного* одновременно, что видно по многим природным компонентам – тектонике, рельефу, климату, ландшафтам и биоразнообразию. И.И. Ролдугин и В.В. Фишюн [2018], отмечая своеобразный и переходный характер флоры Шу-Илейских гор, подчеркивают, что «<...> Р.В. Камелин (1973) справедливо в ряду горной Среднеазиатской провинции выделяет Чу-Илийский округ. В целом она носит *аутохтонный и миграционный* характер <...>» (с. 144). Такая характеристика, очевидно, может быть отнесена не только ко флоре, но к Шу-Илейским горам в целом.

Благодарности. Автор признателен О.В. Белялову, М.В. Пестову, С. Сапарбаеву за предоставленные фотографии ландшафтов и животных; Э.Ю. Сейтмуратовой за консультации и помощь с литературой по геологическому развитию Шу-Илейских гор; А.А. Иващенко, А.Ф. Ковшарю, И.И. Кабаку, Р.Х. Кадырбекову – за консультации по составу флоры и фауны; П.А. Есенбековой за помощь с переводом аннотации на казахский язык.

ЛИТЕРАТУРА

- Абдулин А.А. Геология и минеральные ресурсы Казахстана. Алматы: Ғылым, 1994. 400 с.
- Аболин Р.П. От пустынных степей Прибалхашья до снежных вершин Хантенгри. Л., 1930. 176 с.
- Агаханиянц О.Е. Аридные горы СССР. М.: Мысль, 1981. 271 с.
- Алисов Б.П. Климатические области зарубежных стран. М.: Госуд. изд-во географ. лит-ры, 1950. 350 с.
- Амосов М.И. Природные зоны равнин Евразии во время среднеголоценового климатического оптимума // Изв. РГО, 2017. Т. 149, вып. 1. С. 22–35.
- Афанасьев А.В. Зоогеография Казахстана. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1960. 260 с.
- Ахмедсафин У.М., Джабасов М.Х., Шлыгина В.Ф., Ошлаков Г.Г., Шестаков Ф.В., Ливинский Ю.Н. Алма-Атинская область // В кн.: Гидрогеологические условия Казахстана. Алма-Ата: Изд-во «Наука» КазССР, 1975. С. 103–118.
- Байшоланов С.С. Метеорология және климатология. Алматы: Қазақ университеті, 2007. 232 с.
- Байшоланов С.С. Риск и опасность сильных ветров // Атлас природных и техногенных опасностей и рисков чрезвычайных ситуаций в Республике Казахстан / Под ред. Медеу А.Р. Алматы, 2010. С. 149–151.
- Блюменталь И.Х. Геоботанический очерк западной оконечности Заилийского Алатау и Чу-Илийских гор. Л.: Изд-во ЛГУ, 1937. 126 с.
- Бондаренко Д.А., Дуйсебаева Т.Н. Среднеазиатская черепаха, *Agriemys horsfieldii* (Gray, 1844) в Казахстане (распространение, районирование ареала, плотность населения) // Современная герпетология, 2012. Т. ½. С. 3–26.
- Ваулин О.В. (составитель). Жамбылская область. Золото. Справочник. Тараз – Бишкек: «РОКИЗОЛ», 2016. 94 с.
- Величко А.А. Структура ландшафтнoй оболочки эпохи максимального оледенения (карта 25) // Палеоклиматы и палеоландшафты внетропического пространства Северного полушария. Поздний плейстоцен – голоцен. Атлас-монография / Под ред. проф. А.А. Величко. М.: ГЕОС, 2009. С. 94–98.
- Величко А.А., Куренкова Е.И. Расселение древнего человека в позднем плейстоцене (карта 24) // Палеоклиматы и палеоландшафты внетропического пространства Северного полушария. Поздний плейстоцен – голоцен. Атлас-монография / Под ред. проф. А.А. Величко. М.: ГЕОС, 2009. С. 88–94.
- Вислогузова А.В., Владимиров Н.М., Гуськова А.И., Медеуов А., Нурмамбетов Э.И., Потапова Г.М., Сарсаков А.С. Рельеф Казахстана (пояснительная записка к Геоморфологической карте Казахской ССР масштаба 1:1 500 000). В 2-х частях. Часть 1. Алма-Ата: Ғылым, 1991. 176 с.
- Гаврилов Э.И., Гаврилов А.Э. Птицы Казахстана (сокращенное издание). Алматы: Tethys, 2005. 226 с.
- Галицкий В.В. Геоморфология // Геология СССР. Т. 60. Южный Казахстан. Геологическое писание. Книга 2. / Под ред. Ш.Е. Есенова. М.: Недра, 1971. С. 216–227.
- Гамаюнова А.П., Голоскоков В.П. Материалы к флоре и растительности Чу-Илийских гор // Изв. АН КазССР, сер. ботан., 1949, № 4. С. 57–83.
- Геологический словарь. В 2-х томах. Т. 2. Н – Я. М.: Изд-во «Недра», 1978. 456 с.
- Гептнер В.Г. Пустынно-степная фауна Палеарктики и очаги ее развития // Бюлл. МОИП, отд. биол., 1945. Т. 50, вып. 1–2. С. 17–38.
- Горбунов В. Ледники бассейна озер Балхаш, Сассык-куль и Ала-куль // Изв. Госуд. географ. общ-ва, 1939. Т. 71, вып. 5. С. 705–722.
- Джуркашев Т.Н. Антропогенная история Балхаш-Алакольской впадины. Алма-Ата: Наука, 1972. 127 с.
- Долгушин И.А. Орнитогеографическое районирование Казахстана // Мат-лы к совещ. по вопр. зоогеогр. суши. Львов, 1957. С. 34–36.
- Елисеев В.И. Кайнозойские аллювиальные отложения северо-восточной окраины Чуйской впадины // Труды геол. ин-та АН СССР. Вып. 56. М.: Изд-во АН СССР, 1961. 189 с.

- Иващенко А.А. Тюльпаны и другие луковичные растения Казахстана. Алматы: ИД «Две столицы», 2005. 192 с.
- Иващенко А.А., Белялов О.В. Казахстан – родина тюльпанов. Алматы: Атамұра, 2019. 368 с.
- Камелин Р.В. Флорогенетический анализ естественной флоры горной Средней Азии. Л.: Наука, 1973. 356 с.
- Климат Казахстана / Под ред. А.С. Утешева. Л.: Гидрометиздат, 1959. 368 с.
- Ковшарь А.Ф. Птицы Тянь-Шаня (западной половины горной системы в пределах Казахстана, Кыргызстана, Узбекистана, Таджикистана). В 2-х томах. Т. 1. Неворобьиные. Алматы, 2019а. 560 с.
- Ковшарь А.Ф. Птицы Тянь-Шаня (западной половины горной системы в пределах Казахстана, Кыргызстана, Узбекистана, Таджикистана). В двух томах. Том 2. Воробьиные. Алматы, 2019б. С. 577–1184.
- Кокорева И.И., Отрадных И.Г., Съедина И.А. Современная флора Чу-Илийских гор (Северный Тянь-Шань) // Мат-лы XV междунар. науч.-практ. конф. «Проблемы ботаники Южной Сибири и Монголии». Барнаул, 23–26 мая 2016 г. Барнаул, 2016. С. 418–426.
- Костенко Н.П., Шлыгина В.Ф. Физико-географическое описание // Геология СССР. Т. 60. Южный Казахстан. Геологическое описание. Книга 1. / Под ред. Ш.Е. Есенова. М.: Недра, 1971. С. 13–22.
- Красная книга Казахстана. Т. 1. Животные, Ч. 1. Позвоночные. Изд. 4-е, перераб. и доп. Алматы, 2010. 324 с.
- Красная книга Казахстана. Т. 2. Ч. 1. Растения. Изд-е 2-е исправ. и доп. Астана: ТОО «АркPrintXXI», 2014. 452 с.
- Краснов А.Н. Опыт истории развития флоры южной части Восточного Тянь-Шаня // Записки Рус. географ. общ-ва. СПб., 1888. Т. 19.
- Лавренко Е.М. Основные черты ботанической географии пустынь Евразии и Северной Америки. Комаровские чтения. М.-Л.: Наука, 1962. Вып. 15. 169 с.
- Мазуров А.К. Металлогеническое районирование Казахстана // Известия Томского политехнического университета. Естественные науки, 2005. Т. 308. № 4. С. 33–39.
- Млекопитающие Казахстана. Т. 1–4. Алма-Ата: Изд-во Наука, 1969–1985.
- Национальный атлас Республики Казахстан. Том 1: Природные условия и ресурсы. 2-е изд., перераб. и доп. / Под ред. акад. А.Р. Медеу. Алматы, 2010. 150 с.
- Павлинов И.Я. Систематика современных млекопитающих (2-е изд.) М.: Изд-во МГУ. 2006. 297 с.
- Павлов Н.В. Ботаническая география СССР. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1948. 712 с.
- Рачковская Е.И., Сафронова И.Н., Волкова Е.А. Ботанико-географическое районирование // Ботаническая география Казахстана и Средней Азии (в пределах пустынной области) / Под ред. Е.И. Рачковской, Е.А. Волковой и В.Н. Храмцова. СПб.: Бостон-Спектр, 2003. С. 192–222.
- Ролдугин И.И., Фисюн В.В. Флора Чу-Илийских гор (конспект и анализ). Алматы: Эрекет-Принт, 2018. 210 с.
- Самыгин С.Г., Хераскова Т.Н., Курчатова А.М. Тектоническое развитие Казахстана и Тянь-Шаня в неопротерозое и в раннем – среднем палеозое // Геотектоника, 2015, № 3. С. 66–92.
- Сарсеков А.С., Владимиров Н.М., Каскарау Т.Ж. Геоморфологическое строение // Чу-Илийский рудный пояс. Гидрогеология и геоморфология. Алма-Ата: изд-во «Наука», 1979. С. 9–17.
- Сейтмуратова Э.Ю., Никитина О.И. Обстановки формирования палеозоид Казахстана по новым данным // Известия НАН РК. Серия геологии и технических наук. 2012. № 6. С. 5–22.
- Финько Е.А. Морфоструктура // Равнины и горы Средней Азии и Казахстана. М.: Наука, 1975. С. 215–219.
- Фисюн В.В. Флора и растительность Чу-Илийских гор. Автореф. дис. канд. биол. наук. Алма-Ата, 1953. 8 с.
- Фисюн В.В. Эндемы Чу-Илийских гор и необходимость их охраны // Охрана растит. мира Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1979. С. 121–127.
- Флора Казахстана. Т. 1–9. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1956–1966.
- Храмцов В.Н. Растительность Чу-Илийских гор (география и картография). Дис. на соис. учен. степ. канд. биол. наук. Л., 1983. 192 с.

Храмцов В.Н. Закономерности растительного покрова Чу-Илийских гор // Ботанический журн., 1986. Т. 71, № 11. С. 1519–1526.

Чернов С. А. Материалы к герпетофауне Казахского нагорья, северного побережья Балхаша и гор Кан-Тай // Изв. АН КазССР. Сер. зоол., 1947. Вып. 6. С. 120–124.

Черняков В.М. Современное состояние сырьевой базы природного урана в Казахстане и пути ее усовершенствования // Радиоактивность и радиоактивные элементы в среде обитания человека. Мат-лы IV Междунар. конф., г. Томск, 4–8 июня 2013 г. С. 554–559.

Шлыгин А.Е. Основные черты геологического строения // Геология СССР. Т. 60. Южный Казахстан. Геологическое писание. Книга 1. / Под ред. Ш.Е. Есенова. М.: Недра, 1971. С. 23–29.

AubekeroV B., Gorbunov A. Quaternary permafrost and mountain glaciation in Kazakhstan // Permafrost Periglac. Processes, 1999, 10: 65–80.

Frost, D.R. Amphibian Species of the World: an Online Reference. Version 6.1 (28th March 2020). Electronic Database accessible at <https://amphibiansoftheworld.amnh.org/index.php>. American Museum of Natural History, New York, USA. doi.org/10.5531/db.vz.0001

Kottek M., Grieser J., Beck C., Rudolf B., Rubel F. World Map of the Köppen-Geiger climate classification updated // Meteorol. Zeitschr., 2006, 15(3), 259–263.

Peel M.C., Finlayson B.L., McMahon T.A. Updated world map of the Köppen-Geiger climate classification // Hydrol. Earth Syst. Sci., 2007, 11, 1633–1644, <http://www.hydrol-earth-syst-sci.net/11/1633/2007>.

Svensson L. Collins Bird Guide. 2nd ed. Harper Collins Publ., London, 2009. 448 p.

Uetz, P., Freed, P., Hošek, J. (eds.) The Reptile Database, <http://www.reptile-database.org>, accessed (21st December 2019).

Дуйсебаева Т.Н.

Зоология институты, Қазақстан Республикасы Білім және ғылым министрлігі,
Алматы, Қазақстан

ШУ-ІЛЕ ТАУЛАРЫНЫҢ ТАБИҒИ ЖАҒДАЙЛАРЫНА ҚЫСҚАША СИПАТТАМА

Түйін. Мақалада Шу-Іле тауларының, соның ішінде олардың органикалық құрамы – Хан-тау тауларының қысқаша физикалық-географиялық сипаттамасы келтірілген. Аумақтың геологиялық жасы мен тектоникалық дамуы, оның геоморфологиялық, гидрологиялық (жер үсті және жер асты сулары) және климаттық ерекшеліктері, сонымен қатар биоалуантүрлілігі туралы жалпы мәліметтер келтірілген. Аумақтың қосарланған және өтпелі сипаты ерекше атап өтілді, бұл көптеген табиғи компоненттерді – тектоника, топография, климат, ландшафттар мен биоәртүрлілікті талдау арқылы расталады.

Dujsebayeva T.N.

Institute of Zoology, Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan,
Almaty, Kazakhstan

SHORT DESCRIPTION OF NATURE CONDITIONS OF SHU-ILE MOUNTAINS

Annotation. A short description of nature conditions of Shu-Ile low mountain system including their organic compound – the Khantau Mountains is presented in the article. General information on geological age and development of the territory, its geomorphological, hydrological (including surface and underground sources) and climatic peculiarities as well as biodiversity is provided. The dual – distinctive and transitional at the same time an essence of nature of Shu-Ile Mountains is emphasized. The analysis of many natural components of the territory – tectonics, relief, climate, landscapes and biodiversity confirms that assertion.

Нигматова С.А.

Институт геологических наук им. К. И. Сатпаева,
Алматы, Казахстан

ГЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ И ПАЛЕОКЛИМАТ ГОР ШУ-ИЛИ

Аннотация. Регион, условно называемый «Хантауским транзитным коридором», приурочен к горам Хантау, расположенным в Юго-Западном Прибалхашье, и является частью Чу-Илийского (Шу-Илийского) эрозийно-тектонического низкогорья с прилежащими равнинами в его южной части. Здесь на протяжении доисторического и исторического времени пересекались пути и судьбы многих народов. Этот район почти всегда был пограничной зоной межкультурных контактов, а горы и окружающие ландшафты служили естественным рубежом для крупномасштабных массовых передвижений людей.

В статье приводятся основные сведения о физико-географическом положении региона, гидрографии, геоморфологии, геологическом развитии указанной территории, благодаря которому сформировался современный специфический облик гор Чу-Или, данные о климате, почвенно-растительному покрову. Приводятся материалы по палинологическому и палеоклиматическому изучению четвертичных отложений. Детально рассматриваются материалы по палеоклимату второй половины голоцена (от 4500 лет назад до нашего времени). Установлены этапы увлажнения и иссушения климата в голоцене и реакция растительности на эти изменения. Изучение территории Чу-Илийских гор дает ключ к глубокому пониманию, геологических и историко-культурных событий, происходивших на этой территории в древности и в настоящее время.

Введение

По водоразделу рек Чу и Или простирается сложная система низкогорий, объединяемых общим названием. Горы Чу-Или являются продолжением и северо-западным окончанием северного Тянь-Шаня, с которым имеют сходную историю геологического развития, но отличаются меньшей активностью неотектонических движений. Чу-Илийские горы представляют собой низкогорно-мелкосопочные возвышенности, сформированные в результате длительной пенепленизации территории древней горной системы – выравнивания рельефа под действием процессов денудации и выветривания.

На северо-западе они сопряжены с Бетпакдалой и на северо-востоке с преимущественно равнинной частью Западного Прибалхашья. Низкогорно-мелкосопочный Чу-Илийский массив протягивается в северо-западном направлении на расстоянии более 200 км. На севере район ограничен оз. Балхаш, которое разделяет

территории Сарыарка и Жетысу. Всю северовосточную часть занимает огромный массив эоловых песков Таукум, а восточнее их находится обширная дельта р. Или. Между Аныракайскими горами и песками Таукум расположена наклонная предгорная равнина, являющаяся прекрасным пастбищем. Аныракайские горы с глубокими ущельями и родниками удобны для летних стоянок, но имеют ограниченное число проходных ущелий.

Юго-западнее Аныракайских гор располагаются горы Хантау, которые ограничены тектоническим уступом и расчленены глубокими долинами, затрудняющими передвижение гужевого транспорта и людей. И только между Хантау и Кендыктасскими горами имеется узкий транзитный коридор, по которому можно попасть в долину р. Копа – притока р. Или. Описанный проход удобен для широтных миграций и в течение многих веков служил различным народам в качестве трансграничного транспортного пути. Он позволял

проникнуть в обширные предгорья Северного Тянь-Шаня и далее на восток в Восточный Туркестан, Джунгарию и Китай. Именно поэтому транзитные караванные пути вокруг Чу-Илийских гор с давних пор одновременно являлись и маршрутами путешествий для многих поколений исследователей Центральной Азии [Аубекеров и др. 2011, с. 13]. За пределами Чу-Илийских гор с запада простираются бескрайние равнины Бетпакдалы и широкая долина р. Чу. Здесь пролегали кочевые маршруты и караванные дороги в Сарыарку, Мугоджары и дальше на запад континента. По долине Чу в южном и западном направлениях торговые караваны передвигались в страны Средней Азии.

Отличительная черта облика этой территории заключается в сложном сочетании отложений разного геологического возраста от докембрия и палеозоя до четвертичных включительно: низкогорно – мелкосопочного рельефа, обрамляющих его равнин различного морфологического строения, огромного разнообразия выходов скальных пород. Для гор характерны интенсивные проявления новейших тектонических движений и современные рельефообразующие процессы [Аубекеров, 2011, с. 13–14].

Своеобразие занимаемого географического положения и устройства поверхности во многом объясняет тот факт, что на протяжении доисторического и исторического времени здесь пересекались пути и судьбы многих народов. Этот район почти всегда был пограничной зоной межкультурных контактов, а горы и окружающие ландшафты служили естественным рубежом для крупномасштабных массовых передвижений людей.

Тысячелетиями этот путь служил для миграций животных и птиц, что на ранних этапах становления человечества во многом предопределяло пути движения первобытных гоминид. Об этом сегодня наглядно свидетельствуют стоянки каменного века, расположенные на отдельных участках Чу-Илийского региона [Аубекеров, 2011, с. 13–14]. Пути миграций гоминид, караванные пути, современные авто- и железнодорожные магистрали, туристические маршруты во многом совпадают по местоположению, что сви-

детельствует о достаточно ограниченном выборе возможных направлений движения. Изучение территории Чу-Илийских гор дает ключ к глубокому пониманию, геологических и историко-культурных событий, происходивших на этой территории в древности и в настоящее время.

1. Физико-географическая характеристика и геолого-тектонические особенности формирования современного рельефа

Между Илийской, Чуйской, Южно-Балхашской депрессиями и оз. Балхаш в северо-западном направлении протягивается ряд низкогорных и мелкосопочных возвышенностей: Кулжабасы, Анракай, Доланкара (Дуланкара), образующих Чу-Балхашский водораздел, и условно отнесенные к Чу-Илийским горам горы Хантау, Койжарылган, Майжарылган, Джамбул, Котнак. Центральную и северную части Чу-Балхашского водораздела занимает возвышенное плато с редкими вершинами, расчлененное логами, полого наклоненное к оз. Балхаш и обрамленное с юго-запада крутым уступом высотой 400–700 м. На побережье оз. Балхаш мелкосопочник не кончается, а уходит под воды озера, создавая изрезанность берегов и обуславливая появление многочисленных полуостровов и островов.

В системе возвышенностей Чу-Илийских гор наиболее высокой является гора Айтау с наивысшей отметкой 1254 м, за ним следуют горы Хантау – 1053 м, Джамбул – 974 м, Жельтау – 570 м, Байгара – 665 м. Горы Кендыктас в юго-западной части района отделяются от Чу-Илийских гор тектонической впадиной и представляют наклонное к юго-западу плоскогорье с наивысшей абсолютной отметкой 1520 м. Эти горы имеют мелкосопочный характер с типичными выровненными поверхностями с чашеобразными и циркообразными впадинами, окаймленные крутыми склонами. Рельеф района представляет систему пологих хребтов [Владимиров и др., 1979, с. 195; Позднышева, 1971, с. 14–17].

По характеру поверхности Чу-Илийские горы распадаются на две обособленные части. Наряду со степными пространствами

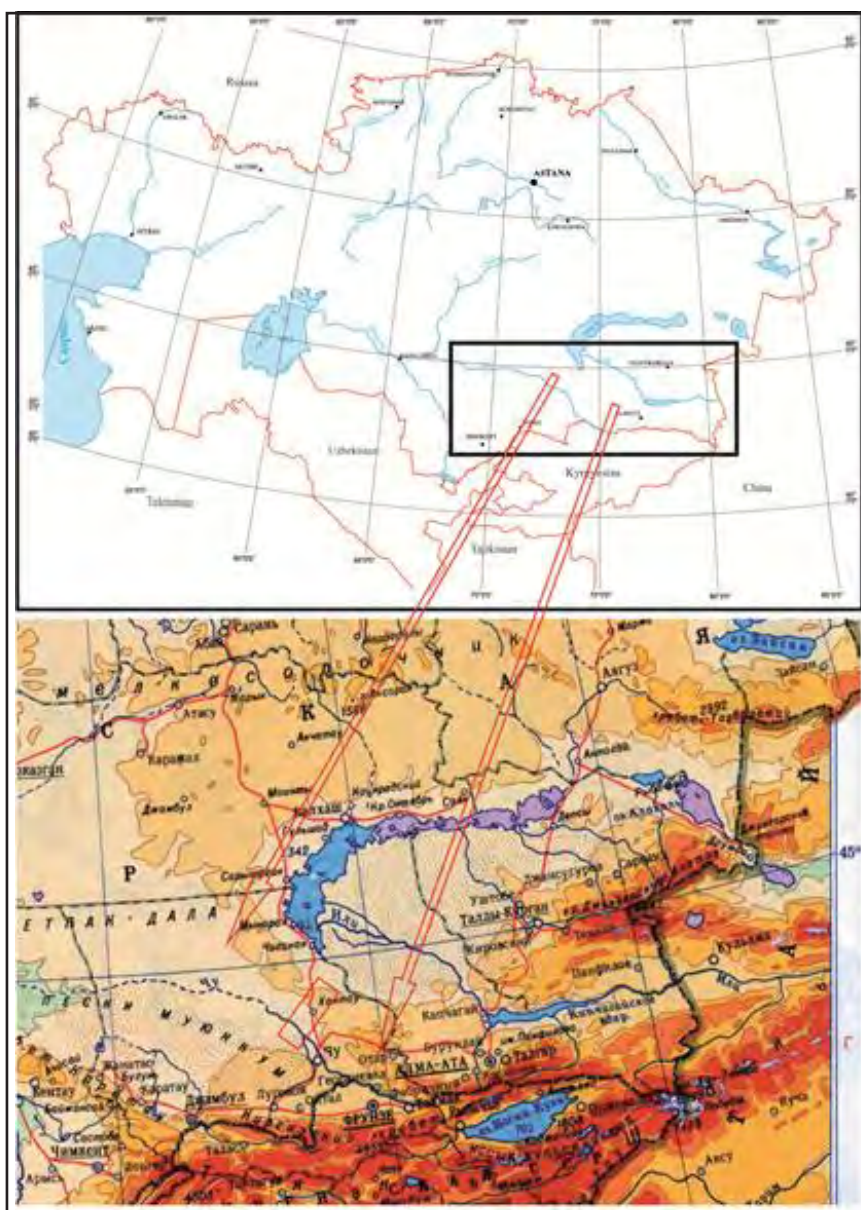

Рис. 1. Расположение гор Чу-Или на карте Казахстана.

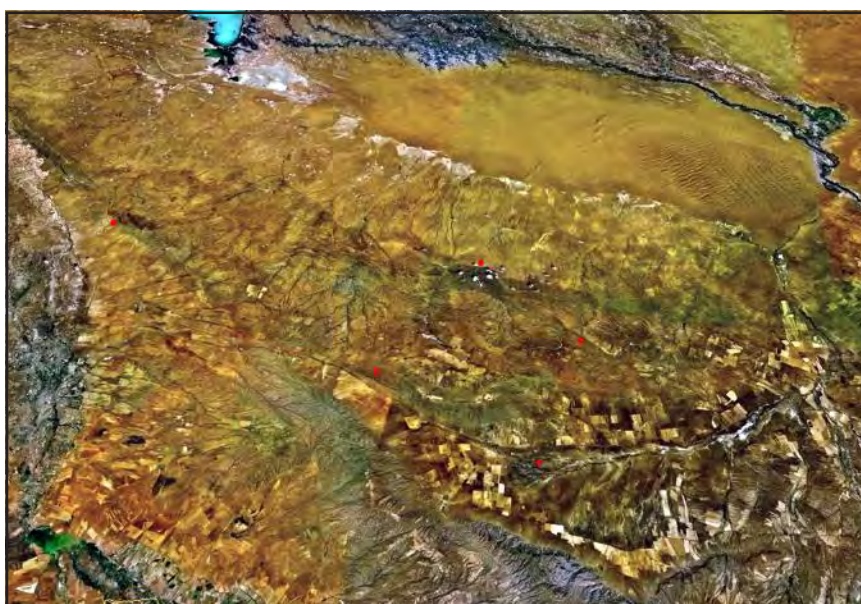

Рис. 2. Космический снимок Чу-Илийские горы (обработка Ж.М. Деом).

высятся обрывистые горы с отдельными остроконечными пиками, сложенными устойчивыми породами, или расстилаются целые площади монотонного мелкопочечника, сложенного обычно легко выветривающимся гранитом или сильно раздробленными палеозойскими сланцами, наблюдается связь рельефа с устойчивостью пород. Район характеризуется сложностью ландшафтно-геоморфологической, неотектонической и геологической обстановки (рисунок 1, 2).

1.1. Гидрография района

В данном регионе наиболее крупными водными артериями являются реки Копа, Ацису, Жынгылды, Чокпар, Ацибулак, Копалы. Несмотря на то, что гидрографическая сеть района развита достаточно хорошо, постоянно действующие водотоки малочисленны. Воды, которые несут небольшие речки, при выходе из гор полностью расходятся на инфильтрацию в четвертичные аллювиально-пролювиальные отложения конусов выноса.

Большое значение в этом регионе имеют подземные воды. Первый от поверхности горизонт грунтовых вод незначительный, из-за небольшого количества осадков, которые приходится, главным образом, на холодное время года с максимумом, приходящимся на весну. В период весеннего таяния снегов по многочисленным логам и сухим руслам можно наблюдать кратковременные бурные потоки талых вод. В середине лета и осенью лога стоят практически сухие. По мере передвижения на северо-запад водоносность уменьшается, и минерализация воды повышается.

1.2. Климатические особенности

Характерной особенностью климата Чу-Илийских гор является значительная засушливость и континентальность: зима холодная (средняя температура января: 7–11), лето жаркое (средняя температура июля: +24–27), среднегодовое количество атмосферных осадков 100 – 300 мм (рисунки 2, 3, 4). Суммарная солнечная радиация 130 – 140 ккал/см², а радиационный баланс – соответственно 45–50 ккал/см² [Национальный Атлас, 2010, с. 57–74] (рисунок 3, 4, 5).

Расположение этой территории в глубине

Евразийского материка и удаленность от океанов способствует формированию особенностей атмосферной циркуляции, с большим притоком солнечного тепла и образованием ясной или малооблачной погоды в течение почти всего года. С октября до марта включительно значительное влияние на погодные условия оказывает отрог сибирского антициклона, когда над территорией устанавливается безоблачная тихая погода с сильным ночным выхолаживанием. Прохождение холодного фронта сопровождается выпадением осадков в виде дождя или снега, вторжение антициклонов с севера также вызывает похолодание [Семенов, 1970, с. 138–140].

В теплое время года (с апреля до сентября) поверхность территории нагревается, а сибирский антициклон отступает, здесь образуется область пониженного давления (термическая депрессия). Циклонические процессы в этот период проявляются очень слабо в виде небольших изменений температуры и незначительной облачности [Метеорологический ежегодник, 1990–1995].

Континентальность климата Чу-Илийских гор обуславливает контрастность в переходе одного сезона к другому: неустойчивая и довольно теплая зима быстро переходит в дождливую весну, которая вскоре сменяется жарким летом. Ветровой режим региона определяется пространственным расположением основных орографических элементов.

1.3. Почвенно-растительный покров

Основные пространства Чу-Илийских гор расположены в пустынной зоне: с юга – предгорные пустыни Северо-Тяньшанского типа, севернее – средние пустыни. *Предгорные пустыни северо-тяньшанского типа* занимают самое северное положение и охватывают все подгорные равнины, окаймляющие хребты Северного Тянь-Шаня (к востоку от северо-восточного склона Сырдарьинского Каратау) и Джунгарского (Жетысуйского) Алатау [Рачковская, 2003, с. 134–154].

Для предгорных и средних пустынь характерно преобладание сообществ, сформированных полынями (род *Artemisia*) и многолетними солянками. Для этих пустынь характерно участие в составе сообществ злаков

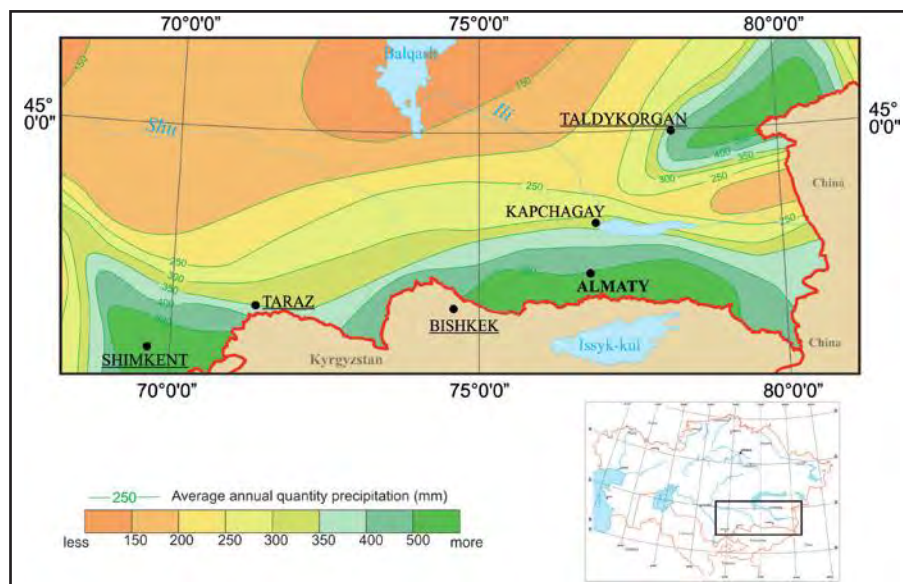

Рис. 3. Распределение влажности на территории Чу-Илийских гор и прилегающих территорий.

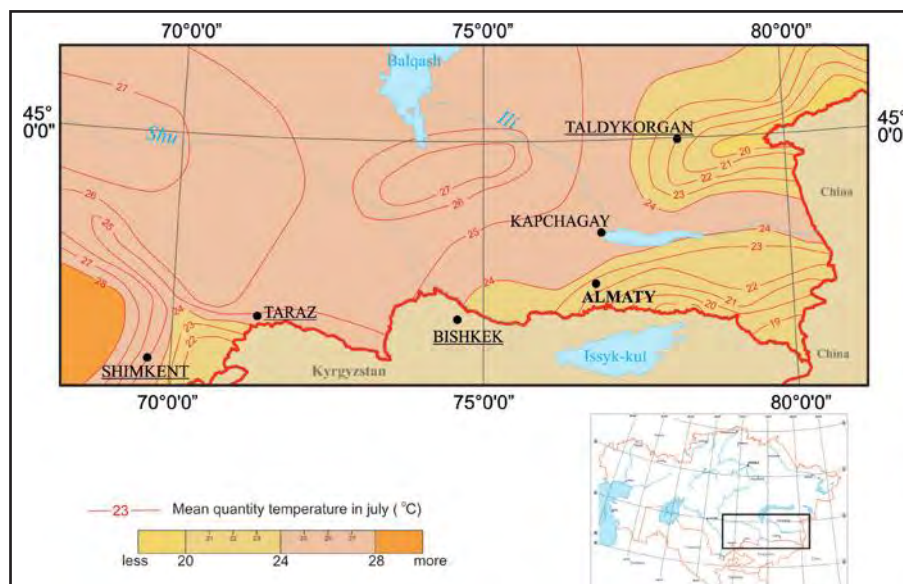

Рис. 4. Средняя температура июля.

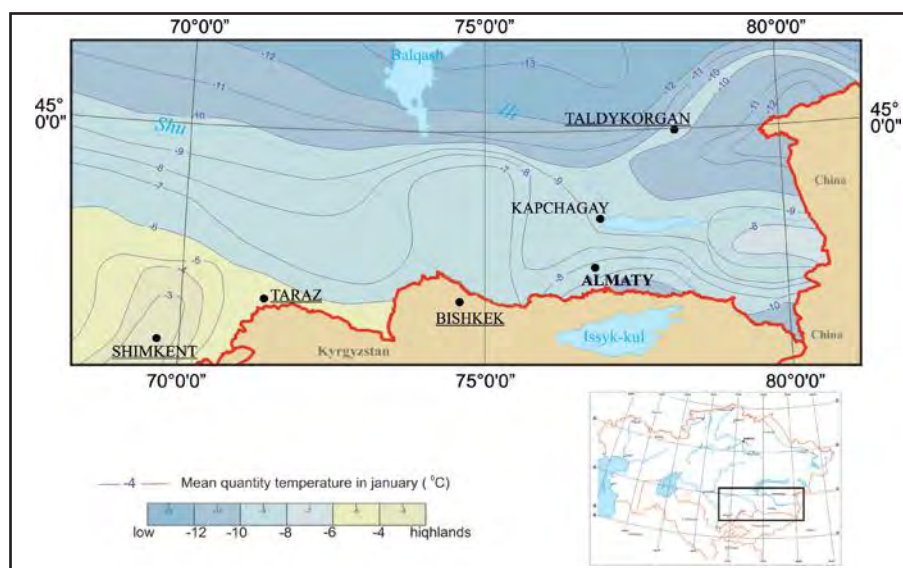

Рис. 5. Средняя температура января.

(*Stipa sareptana*, *S. richteriana*) и растений с коротким циклом развития – эфемеров и эфемероидов (*Poa bulbosa*, *Carex pachystylis*).

С северными и средними пустынями связаны в своем распространении такие полыни, как полынь белоземельная (*Artemisia terrae – albae*), полынь серая (*A. semiarida*), полынь Лерха (*A. lerchiana*), полынь лессинговидная (*A. sublessingiana*), а с южными – полынь раскидистая (*A. diffusa*) и полынь кемрудская (*A. kemrudica*). В предгорных пустынях (предгорья северного Тянь-Шаня) представлен ряд видов, имеющих локальные ареалы, например, полынь семиреченская (*Artemisia hep-tapotamica*).

Многолетнесолянковые пустыни объединяют сообщества с доминированием видов разных родов семейства маревых (*Cheopodiaceae*) – солянки *Salsola*, ежовника *Anabasis*, тасбиюргуна *Nanophyton*, сведы *Suaeda* и др., а также близкого к ним по экологии и облику *Reamuria songarica* (из семейства *Tamaricaceae*). В основном это невысокие полукустарнички, 20–50 см высоты, ксерофильного склада, образующие сообщества в автоморфных условиях на суглинистых и супесчаных почвах, нередко гипсоносных, карбонатных, щелнистых и каменистых, в условиях постоянного дефицита влаги и выносящие засоление. Особенно велики их площади в средних пустынях (рис. 6, 7, 8).

В Чу-Илийских горах основной фон растительного покрова создают полынно-эфемеровые и полынно-солянковые ассоциации на щелнистых сероземах. По видовому составу и количеству растений эти полупустынные участки весьма скудны и однообразны. На скальных обнажениях склонов гор растительность отсутствует или представлена единичными экземплярами растений.

Участки гор выше 1200–1300 м, особенно платообразные вершины, заняты злаково-разнотравными сухими степями на каштановых почвах с типчаком, ковылем-волосатиком, овсецом пустынным, полынью Лессинга (рис. 9).

По ущельям встречаются кустарники, а по днищам плоских ложбин с неглубокими грунтовыми водами (2–3 м) – небольшие участки лугов, используемые как сенокосы. На территории области развито отгонно-

пастбищное шерстно-мясное овцеводство и местами богарное земледелие. Вдоль отдельных речек есть небольшие участки посевов зерновых и овощебахчевых культур. Территория используется в качестве низкопродуктивных зимних пастбищ.

2. Геолого-геоморфологическое строение (по Б.Ж. Аубекерову)

Чу-Илийские полупустынные и степные низкогорья сложены протерозойскими и нижнепалеозойскими гнейсами и кристаллическими сланцами, прорванными гранитными интрузиями. Они расчленены системой разломов на приподнятые на разную высоту глыбы и впадины. Поверхность гор в основном выровнена процессами древней пенепленизации. Наибольшая высота массива 1800 м (гора Соран). Вследствие резкой континентальности климата здесь происходит энергичное разрушение коренных пород, особенно в северной части массива, где отроги гор погребены среди продуктов своего разрушения.

Чу-Балхашский район является областью активных герцинских тектонических и магматических процессов (в Чу-Балхашском районе – в основном девонские). В девоне, карбоне и в юре произошло три импульса тектонической и вулканической деятельности, приведшие к образованию древних Чу-Илийских гор, которые в мезозое были подвергнуты разрушению с выравниванием поверхности (денудация). Фрагменты этих древних гор сохранились до настоящего времени в виде наклонных равнин.

В начале палеозоя на данной территории существовали морские условия, о чем свидетельствуют осадочные породы, содержащие фауну. В кембрии в юго-восточной части Чу-Или находился глубоководный желоб с соответствующим процессом субдукции (опускания горной породы с края одной тектонической плиты в полурасплавленную астеносферу внизу) и образованием аккреционной призмы, слагающей ныне гряды Кульджабасы. Гряда сложена сильно-смятыми тонкослоистыми породами глубоководного происхождения.

В начале ордовика происходили складчатые дислокации и внедрение раннеордовикских

Рис. 6. Заморозки в Чу-Илийских горах (район археологического памятника Тамгалы) в марте.

Рис. 7. Фрагменты опустыненного пенеплена в горах Хантау.

Рис. 8. Горы Хантау, на переднем плане предгорная равнина с солянковой растительностью.

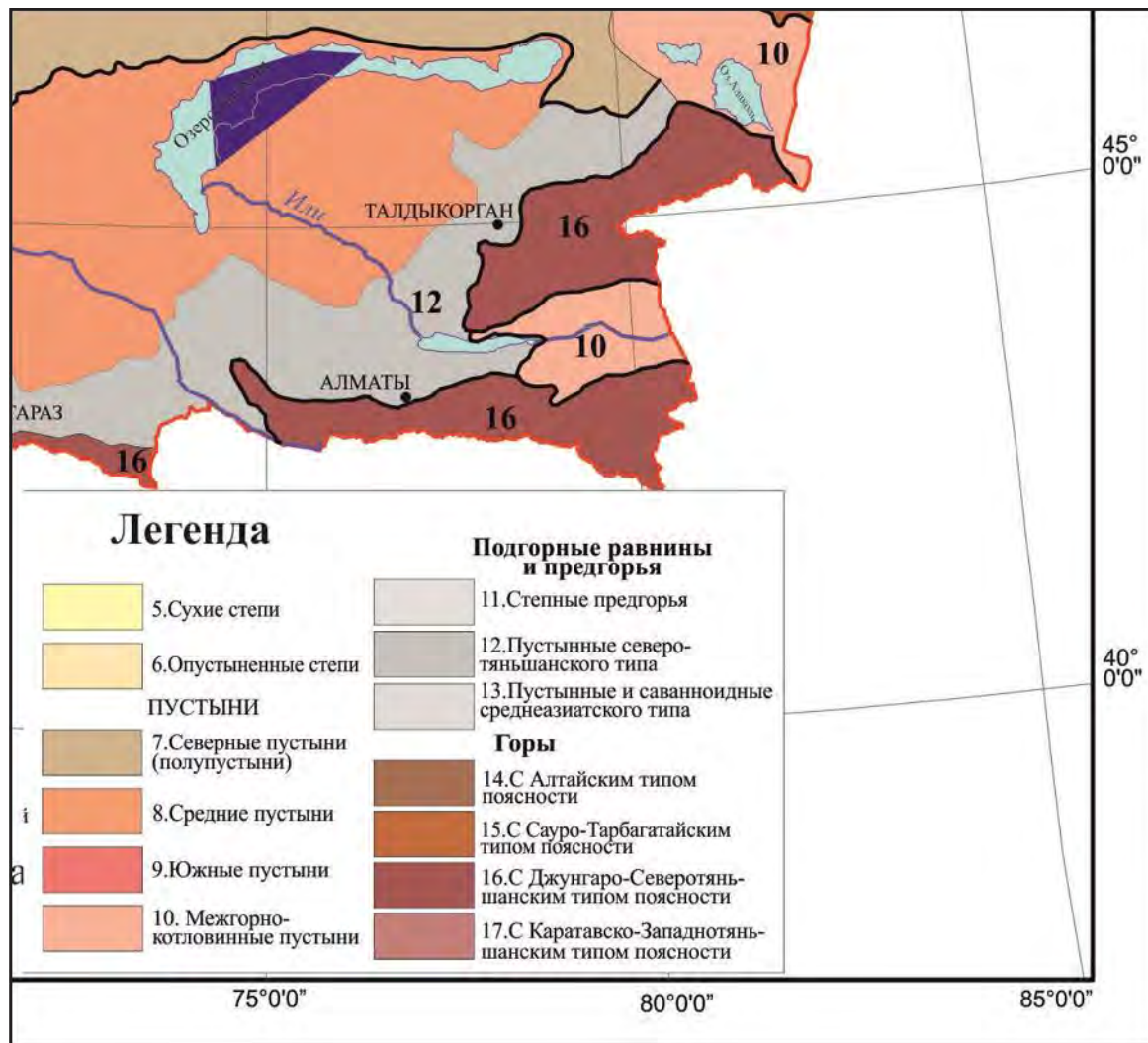

Рис. 9. Фрагмент карты пустынной растительности Казахстана (по Е.И. Рачковской, 2003).

и, возможно, позднекембрийских ультраосновных интрузий. Ордовикские, силурийские и девонские отложения лежат без ярко выраженных складчатых несогласий. В широко распространенных здесь отложениях ордовика часто встречается ископаемая фауна, что можно объяснить мелководностью морского бассейна в условиях тропического климата.

Большую площадь занимают девонские гранитоиды, слагающие несколько крупных массивов. Нижне-среднедевонские вулканиты послеинверсионного (орогенного) этапа занимают большие площади, позднедевонские и раннекаменноугольные терригенные, реже карбонатные, ограниченные.

Каменноугольные интрузивные породы развиты мало, они слагают изолированные наложенные мульды. Каменноугольные отложения представлены континентальными и реже морскими преимущественно терригенными

образованиями, которые наращивают разрез верхнего девона, образуя совместно с ним единые структуры.

В Чу-Балхашской зоне участки каменноугольной седиментации перемежались с приподнятыми площадями со схожим рельефом, служившими областями размыва [Шлыгин, 1977, с. 26, 364, 386].

В пермское время завершился орогенный этап геологического развития и с мезозоя начинается платформенный этап, связанный, в свою очередь, со сложной тектонической историей.

Триасовая система. У северного подножия Чу-Илийских гор в урочище Аксуек бурением под кайнозойским чехлом обнаружена впадина, выполненная толщей пестроцветных и сероцветных угленосных пород среднепозднетриасового возраста. Эти отложения залегают несогласно на породах палеозоя с

развитой на них глинисто-бемитовой корой выветривания, мощность до 30 м.

Меловая система. К западу от Чу-Балхашского водораздела расстилается денудационная равнина, в понижениях рельефа которой сохранились отложения позднемеловой эпохи. В восточной же части Бетпак-Далы распространены континентальные отложения туронского века, подразделяемые на ащикольскую и тамгалинскую свиты. Наиболее полный разрез ащикольской свиты наблюдается к юго-западу от озера Каракоин. К тамгалинской свите относят толщу преимущественно пестроцветных пород, залегающих между сероцветными отложениями ащикольской свиты.

Кайнозойский комплекс.

Палеогеновые отложения распространены как к востоку, так и к западу от Чу-Илийского региона. К западу от выраженного в рельефе водораздела они залегают большей частью на размытых отложениях верхнего мела, реже — на различных породах палеозоя. По мере приближения к водоразделу сокращаются мощности и выпадают нижние части разреза. Восточнее урочища Тасуекоба распространены лишь верхняя часть отложений олигоценного возраста.

Олигоценные отложения представлены только континентальными фациями.

В низовьях реки Чу озерные и аллювиально-озерные отложения бетпакдалинской свиты с размывом и значительным перемывом налегают на морские сероцветные осадки верхнего олигодена. Представлены они темно-красными и красно-бурыми песчанистыми глинами гидрослюдистого состава с железистыми конкрециями.

В асказансорской свите аллювиальные и озерно-аллювиальные отложения свиты представлены разнозернистыми кварцевыми и полимиктовыми песками с гравием и галькой, мощность 15–25 м.

Неогеновая система в пределах Чу-Илийских гор представлена континентальными отложениями. Нижне-среднемиоценовые отложения аральской свиты выделяются только в южном Прибалхашье. Здесь они представлены зеленовато-серыми, пестроцветными или бурыми глинами с кристаллами гипса, мощность 50 м.

Отложения нижне-среднемиоценовой кеншагырской свиты локально распространены к западу от Чу-Балхашского водораздела, налегают с размывом на отложения андасайской свиты или более древние. Представлены разнозернистыми песками и песчаниками, светло-бурыми глинами и полимиктовыми галечниками и конгломерат брекчиями, мощность от 40–50 до 250–300 м.

Четвертичная система.

К раннечетвертичному времени относятся пролювиальные и пролювиально-делювиальные образования, слагающие фрагменты древних конусов выноса у подножья Чу-Илийских гор. Они занимают самое высокое гипсометрическое положение по отношению к более молодым четвертичным осадкам и обнажены с поверхности. Отложения древнего шлейфа лежат с размывом на породах неогена, коры выветривания и палеозойских образованиях и состоят из плохо окатанных галек, валунов и щебенки. Мощность конгломератов 4–5 м.

Аллювиально-пролювиальные слагают высоко поднятую и сильно расчлененную предгорную равнину. Осадки лежат без видимого перерыва на породах илийской свиты и сложены в нижней части разреза галечниками и серыми крупнозернистыми песками с мощностью 40 м. Аллювиально-озерные отложения южного Прибалхашья, представлены средне- и мелкозернистыми полимиктовыми песками с прослоями суглинков и супесей мощностью от 10–30 до 50–70 м.

Среднечетвертичные аллювиальные отложения слагают вторые надпойменные террасы рек. В строении аллювия принимают участие гравийно-галечники, суглинки и пески. Мощность аллювия от 1,5 до 10 м. В ложково-долинной сети юго-западного и северо-восточного склонов Чу-Илийских гор наблюдаются конгломераты, которые также отнесены к среднечетвертичным образованиям. В составе пролювия преобладают валунные галечники с примесью щебня, а также суглинистый материал с мощностью до 60 м.

Эоловые отложения песчаных массивов Таукум формируются во вторую половину среднечетвертичной эпохи за счет развеивания нижнечетвертичных образований, выведенных

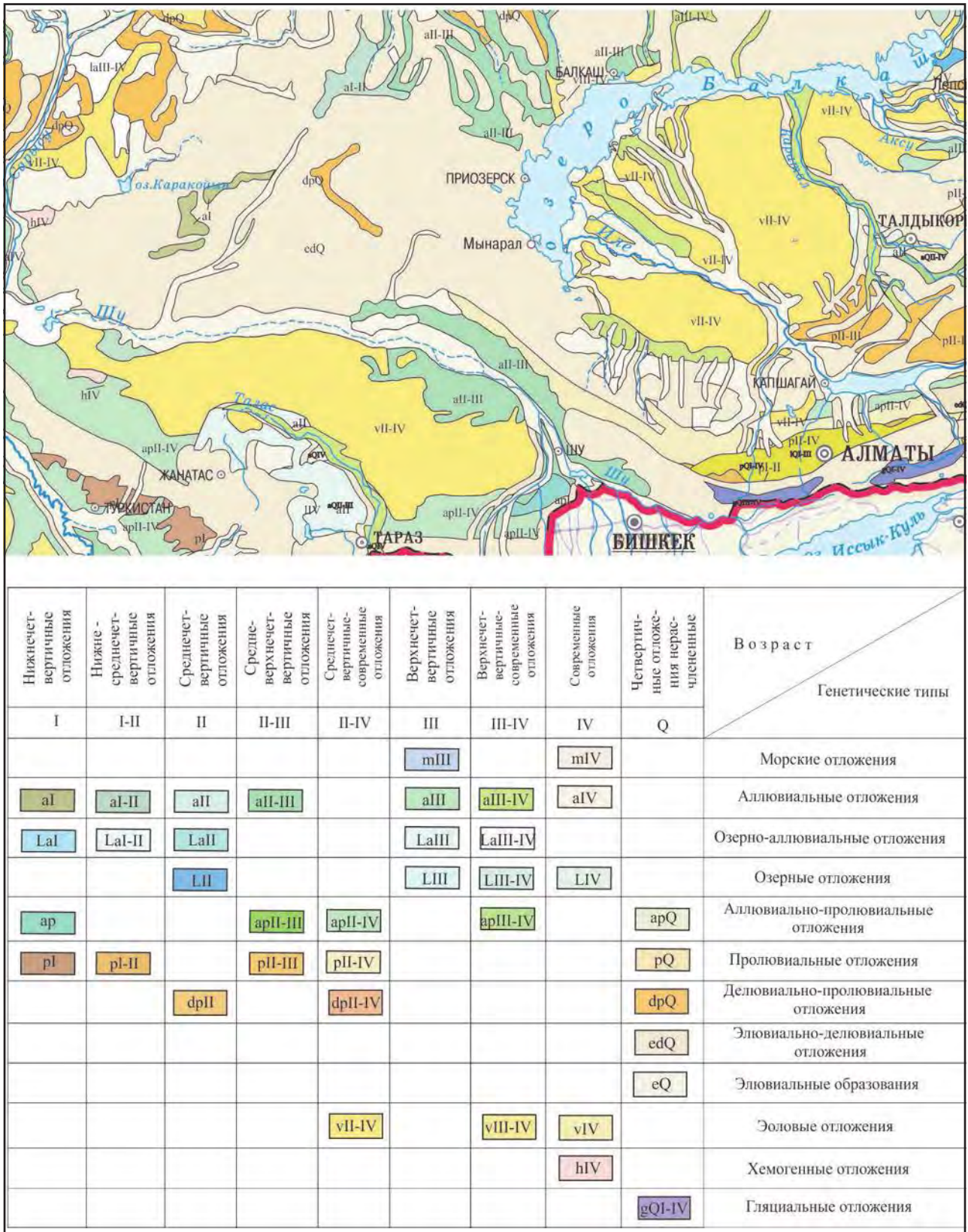

Рис. 10. Фрагмент карты четвертичных отложений Казахстана (составлена Б.Ж. Аубекеровым и С.В. Перезовым, 2006 г.).

на поверхность в первую половину средне-четвертичного времени.

Аллювий верхнечетвертичного возраста слагает первые надпойменные террасы – это галечники, перекрытые слоем суглинка, мощность до 5 м. Аллювиальная толща первой надпойменной террасы реки Чу и гор Хантау, образована суглинками и песками мощностью 12 м.

Проллювиальные отложения приурочены к подножию Чу-Илийских гор и вложены в среднечетвертичные образования. Они представлены плохо окатанными галечниками с песчано-суглинистым заполнителем мощностью от 3–5 до 10–25 м. Ложем их является породы среднечетвертичного возраста, верхнего плиоцена и палеозоя, на которых они залегают с размывом.

Озерные осадки слагают вторую террасу озера Балхаш, заложенную серией береговых валов. В составе террасы преобладают илистые пески и глины с прослоями торфа, мощность 1,85 м.

Современные отложения представлены аллювием, который слагает пойменные террасы и выстилает русла рек и представлен разнотерными песками с мелкой галькой, суглинками и супесями мощностью 0,4–0,6 м. Аллювиально-пролювиальные отложения характеризуются значительной примесью щебня и дресвы и плохо сортированным рыхлым материалом мощностью 0,5–1,0 м. Проллювиальные отложения выполняют русла слабо разработанных логов, являются притоками высшего порядка. Это угловатые обломки с песчано-глинистым заполнителем мощностью до 4 м (рис. 10).

2.1. Геоморфологическое строение

Основными факторами, оказавшими решающее влияние на формирование современного низкогорно-мелкосопочного рельефа Чу-Илийского региона, явились: продолжительный континентальный режим с мезозоя и, присущая ему, интенсивная денудация созданных в палеозое горных сооружений; трансгрессии мелового и палеогенового морей; новейшие тектонические движения земной коры с последующей активизацией денудационных процессов, происходившие в завершающий этап рельефообразования. Всего в

районе выделяется три класса рельефа: горы, холмы, равнины. Все эти формы объединяются в несколько генетических групп: эрозионно-тектоническую, денудационную и аккумулятивную.

Эрозионно-тектонический рельеф

К нему относятся низкогорные и холмистые типы рельефа.

Низкогорья развиты в областях интенсивного проявления новейших тектонических движений и характеризуются глубокой расчлененностью (200–500 м). Выделяется 2 типа низкогорий – грядово-гривовые и грядово-увалистые.

Грядово-гривовые низкогорья занимают локальные участки вдоль Жалаир-Найманской зоны разломов; в горах Кульджабасы и Айтау сложенных комплексом древних образований эффузивов и песчаников кембрия. Абсолютные отметки гор колеблются от 770 до 1050 м. Гряды и гривы ориентированы преимущественно с юго-востока на северо-запад. В горах Кульджабасы юго-западные склоны более крупные (до 450), скалистые, расчлененные, чем северо-восточная (15–200). Относительная высота гор достигает 800–900 м, а высота основного эрозионно-тектонического уступа и гор Айтау составляет 600–700 м. Меньшая расчлененность низкогорные массивы Тасбастау и Кызылбастау (400–550 м).

Грядово-увалистые низкогорья развиты в юго-западной части района в горах Кульджабасы. Этот горный массив представляет собой обособленное глыбовое поднятие, вытянутое в северо-западном направлении и ограниченное на северо-востоке и юго-западе крупными разломами (рис. 11).

Абсолютные отметки его центральной части достигают 1178 м. Тектонические уступы заметно денудированы, но хорошо выражены в рельефе, высота их достигает до 400–500 м. С северо-востока к ним примыкают мощные шлейфы конусов выноса, протягивающиеся на 10 км. Склоны более или менее симметричные, слабо задернованные, крутизной 15–20 градусов. Относительная высота 300–350 м. Время формирования низкогорья – посленеогеновое.

Холмистый эрозионно-тектонический рельеф связан главным образом с зоной новейших поднятий по Жалаир-Найманскому

разлому и отличается большим разнообразием образующих его форм. Он объединяет 6 типов рельефа:

1. Грядово-грядовый мелкосопочник развит широко и по степени расчлененности имеет 3 подтипа: высокий, средний и низкий. Высокий мелкосопочник характерен для гор Мунлу (1790 м), Архарлы (505 м), Кызылсырт (627 м), Байгара (655 м), Койжарылган (584 м), Майжарылган (582 м) и другие. Средневысотный мелкосопочник образует массивы между горами Джамбул и Байгара. Низкий мелкосопочник широко распространен в урочище Акжал, в районе сопки Котнак и Сынтал. Время образования посленеогеновое.

2. Грядово-увалистый мелкосопочник по относительной высоте положительных форм подразделяется на 3 подтипа. Высокий мелкосопочник развит в горах Кульжабасы и Тасбастау, расположенных на юге территории, на абсолютных отметках до 1250 м. Средний и низкий мелкосопочник распространен в центральной части и северных частях региона и отличается слабой расчлененностью, мягкостью очертания форм. Протяженность отдельных увалов и гряд не более 2–3 км, по ширине до 500 м. Возраст посленеогеновый.

3. Грядовый мелкосопочник представлен одиночными положительными формами трапециевидного сечения. По степени расчлененности он разделяется на высокий (100–200 м) и средний (50–100 м) подтипы. Высокие гряды образуют горы Булаттау (651 м). Протяженность форм достигает 3–5 км, в поперечнике 500–800 м. Вершины гряд уплощенные, слабовыпуклые, лежат на абсолютных отметках 500–650 м. Склоны симметричны, слабо задернованы, крутизна 12–15 градусов. Гряды сложены эффузивно-осадочными образованиями девона и карбона и ментамарфизованными породами кембрия. Возраст мелкосопочника посленеогеновый.

4. Увалисто-куполовидный мелкосопочник подразделяется на средний и низкий и лежит на абсолютных отметках до 500 м. Он развит главным образом вдоль западного побережья озера Балхаш и на крайнем северо-западе региона. Небольшие участки его находятся на восточном склоне Чу-Илийских гор. Среди увалов и куполовидных сопки изредка

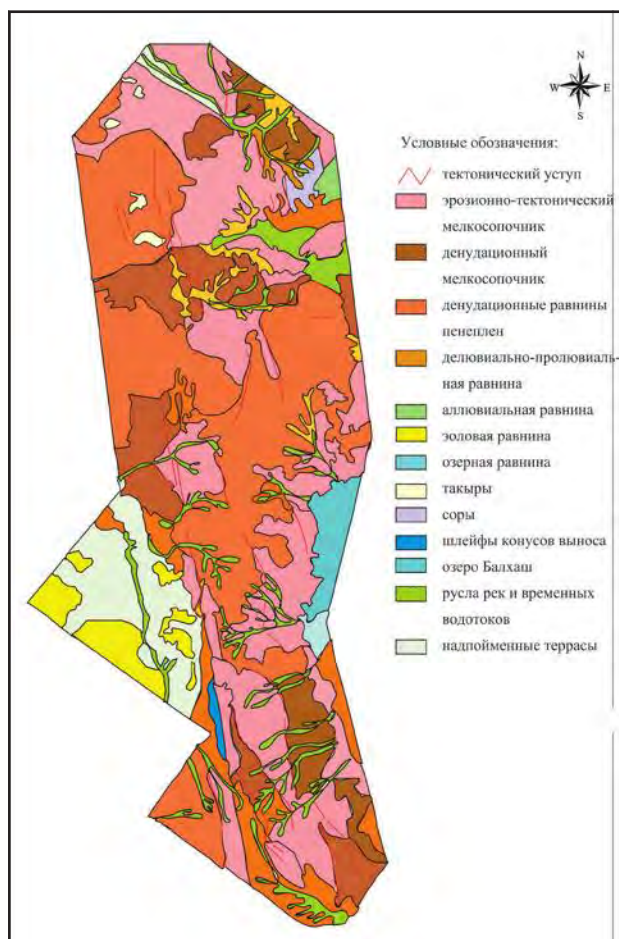

Рис. 11. Карта-схема геоморфологического строения гор Чу-Или (Б.Ж. Аубекеров, С.А. Нигматова, С.В. Перевозов).

встречаются конические холмы с усеченной вершиной, сложенные кварцитами. Высота сопки редко превышает 30–50 м. Склоны их в общем пологие до 8–10 градусов. Формы сложены эффузивно-осадочными породами девона и карбона. Время формирования посленеогеновое.

5. Увалистый рельеф наиболее широко распространен в северной части региона и на восточном склоне Чу-Илийских гор на абсолютных отметках до 570 м. Здесь преобладают низкие увалы высотой 30–40 м, реже встречаются средневысотные (60–80 м). Сложены они эффузивными и осадочными породами ордовика, девона и карбона и сформировались в местах умеренных неотектонических движений. Увалы расположены близко друг от друга параллельными грядами, что в определенной мере отражает складчатую структуру фундамента. Протяженность их 0,7–1,5 км при ширине до 0,5 км. Возраст посленеогеновый.

6. Рельеф «Щербатых скал» подразделяется на 2 подтипа: средний и низкий, развитых в северной части региона на абсолютных отметках 700–800 м. Он образован в результате длительной континентальной денудации интрузивных тел, обнажающихся на поверхности. Состоит из разнообразных по морфологии форм, порой весьма причудливых очертаний, называемых местными жителями «кытыртас», что означает «щербатые скалы». Возраст посленеогеновый.

Равнины денудационные¹

Немногом меньше половины площади рассматриваемой территории занято денудационными рельефом, развитым между озером Балхаш и Чу-Илийскими горами. Его отличают разное гипсометрическое положение поверхности и неоднородная степень расчлененности, создающие в одном случае черты равнинного, в другом – мелкосопочного рельефа. Наблюдается закономерная связь между степенью расчлененности, гипсометрическим положением поверхностей денудации и возрастом образованных на их базе типов и форм рельефа. Так, наибольшая расчлененность и более высокое гипсометрическое положение присущи, как правило, рельефу более молодого этапа рельефообразования, в то время как выровненные денудационные поверхности древнего пенепплена отличаются весьма слабой расчлененностью.

Денудационный рельеф подразделяется на 2 класса: холмы и равнины. Холмы грядовые, грядово-гривовые и куэстовые.

1. Грядовый рельеф занимает участки низкого мелкосопочника на северо-западе региона (на отметках до 400 м) и состоит в основном из гряд, среди которых то там, то здесь встречаются одиночные куполовидные и увалистые формы. Гряды вытянуты на северо-запад, что соответствует простиранию эффузивно-осадочных пород субстрата, протяженность их до 1,5–2 км, высота до 40–50 м.

2. Грядово-гривовый рельеф также относится к подтипу низкого мелкосопочника и развит севернее горы Курмантобе на абсолют-

ных отметках до 400 м. Образован единичными грядами и гривами высотой 30–35 м, сложенными эффузивно-осадочными породами девона-карбона и кристаллическими сланцами кембрия. Гряды имеют слабо выраженный трапециевидный поперечный профиль, вершины грив заостренные и довольно крутые, до 20–25 градусов, чаще вытянутые склоны.

Между участками мелкосопочного и низкогорного рельефа главным образом в восточной и северных частях района, простираются значительные по площади денудационные равнины, как на складчатом образовании, так и по породам рыхлого чехла. Эти равнины на протяжении мезо-кайнозойской истории геологического развития не подвергались ощутимым тектоническим воздействиям, поэтому отличаются слабой расчлененностью, на площадях их развития местами сохранились реликты древнего пенепплена с остатками мезозойской коры выветривания.

3. Наклонная денудационная равнина (пенепплен) занимают обширную территорию на востоке исследуемой территории и представлена высоко-, средне- и низковолнистыми разностями. Низко- и средневолнистые равнины располагаются на абсолютных отметках 300–400 м, а участки высоковолнистой равнины на абсолютных отметках 420–430 м. Выделенные разности наиболее древние, отвечают конической стадии для последующих трансформации рельефа под влиянием альпийских тектонических движений. Поверхность равнины отличается значительной выровненностью и мягкостью очертаний положительных и отрицательных форм, сопрягающихся между собой обычно под углом 4–6 градусов. На ней можно встретить едва уловимые повышения и понижения, разница в высотах, которые редко превосходят 3–5 метров. Понижения блюдцеобразной формы, нередко занятые такырами, выработались, по-видимому, уже в четвертичный этап рельефообразования. Денудационная равнина в основном сложена корой выветривания, образуется по эффузивно-осадочным породам

¹ К денудационным равнинам относятся выровненные поверхности, сформированные в результате воздействия ветра, воды, перепадов температуры и сил гравитации на тектонически приподнятую местность в условиях временного или длительного преобладания денудационных процессов.

палеозоя. Поэтому время формирования равнины определяется возрастом коры выветривания, то есть допозднемеловым этапом.

4. Наклонная денудационная равнина также является древним пенепленом, занимает обширную территорию в северо-восточной части исследуемой территории. По степени расчлененности она подразделяется на высоко-, средне- и низковолнистую разновидности. Абсолютные отметки поверхности высоковолнистой равнины, фрагментарно развитой среди средне- и низко-волнистых равнин 430–470 м. Поверхности низко- и средневолнистых равностей занимают на севере отметки 350–380 м, в южной и центральной частях 450 м. Основание денудационной равнины сложено осадочными и вулканогенными образованиями палеозойского и допалеозойского возраста с участками сохранившейся древней коры выветривания. Формирование ее произошло в доверхнемеловое время. Сформирована она, в основном, в четвертичный период.

5. Наклонная денудационная равнина в областях активных новейших движений расположена северо-восточнее Жалаир-Найманской зоны разломов и ограничивается мелкосопочником юго-западного побережья озера Балхаш. Широкая полоса ее протягивается параллельно зоне разломов примерно на 300 км. Уклон поверхности равнины направлен от юго-восточной части к озеру Балхаш. Равнинность поверхности рельефа нарушается главным образом системой логов и речных долин, спускающихся с гор Чу-Балхашского водораздела. Реже отрицательные формы представлены, плоскодонными понижениями, ссорами и такырами. Наиболее расчлененные участки денудационной равнины расположены восточнее гор Хантау, где густая сеть логов, пересекаемых равнину, образует высоковолнистый рельеф. Средневолнистые равнины занимают обширную территории севернее гор Хантау, а низковолнистая развитая фрагментарно по всей площади, Равнина сложена эффузивно-осадочными породами палеозоя и допалеозоя и сформировалась в доверхнемеловое время, а в четвертичный этап претерпела заметное эрозионное расчленение.

6. Наклонная денудационная равнина с эрозионным расчленением в областях новей-

ших поднятий развита участками северо-восточнее и юго-западнее гор Хантау. У гор Хантау ее поверхность лежит на абсолютных отметках до 1100 м, а западнее до 750–800 м. Наклон поверхности равнины в основном на юго-западе. В этом же направлении ее пересекает густая логов, базисом стока которых является долина реки Копа. Лога придают равнине высоковолнистое строение, расчленяя ее на глубину до 20–30 метров. Основание равнины сложено комплексом осадочно-эффузивных пород палеозоя и допалеозоя. Время формирования ее поверхности доверхнемеловое, а интенсивное расчленение произошло в четвертичный период.

7. Наклонная денудационная равнина, образованная селективной денудацией, в областях новейших поднятий занимает участки гранитных массивов Кызылтас и Хантау. Ее отличает более низкое гипсометрическое положение на общем фоне древнего пенеплена, что обусловлено большой податливостью гранитов процессами физико-химического выветривания. Абсолютные отметки поверхности равнины составляет 800–850 м. Равнина расчленена системой разно ориентированных логов на глубину до 30 метров и имеет высоковолнистое строение.

Время формирования совпадает с палеогеновым этапом, так как расчленяющая ее сеть логов имеет четвертичный возраст.

8. Наклонная пластовая денудационная равнина развита южнее северных ветвей Жалаир-Найманской зоны разломов, где она занимает обширные площади, простирающиеся на многие десятки километров, сложена отложениями верхнего мела, палеогена и неогена. Наиболее высоко (400–470 м) расположена древняя верхнемеловая поверхность, сложенная галечниками и глинами. Такая разница в абсолютных отметках объясняется тем, что участки пластовых равнин, расположенные ближе к основной зоне поднятий. Они приподняты на большую высоту, чем те фрагменты, которые удалены на юго-запад от нее, таким образом, наблюдается общий перенос поверхности, способствующий расчленению равнин. Морфологические останцы меловой поверхности представляют собой плато, возвышающиеся над равниной до 10–15 м.

Уступы их отчетливо выражены крутыми (20–25 градусов) склонами, густо изрезаны короткими логами. Поверхность плато ровная и лишь местами осложнена плоскодонными суходолами, совокупность которых с плосковершинными останцами придает равнине волнистый облик, крыта растительностью из кокпека и биюргуна. Равнина образовалась в позднемеловое время, а откапывание и расчленение ее произошли в четвертичный период.

9. Наклонная пластовая денудационная равнина с новейшим эрозионным расчленением занимает обширные площади в крайнем северо-восточной части, сложенные горизонтально залегающими отложениями палеогена и неогена. Абсолютные отметки ее поверхности 470 м на северо-востоке, 350–380 м на юго-западе. Здесь осадки неогена лежат непосредственно на породах палеозоя, слагающих денудационную равнину в областях новейших поднятий. Поверхность равнины в общем плоская, расчлененная системой логов, спускающихся к долине реки Копа, и придают равнине низковолнистый облик. Субстратом ее служат горизонтальные толщи глин неогена и реже песков с галечниками палеогена. Волнистое строение поверхности обусловлено в основном наличием такыров. Глубина их вреза 2,5 м. Возраст равнины посленеогеновый.

Равнины аккумулятивные

1. Наклонная аллювиальная раннечетвертичная равнина.

Наиболее древние аккумулятивные равнины сохранились в северной части региона. Это раннечетвертичная аллювиальная равнина Акдала. Поверхность ее лежит на абсолютных отметках 450–525 м и слегка наклонена на юго-запад. Идеально ровная поверхность равнины нарушается небольшими блюдцеобразными понижениями и неглубокими суходолами. Равнина сложена песками и суглинками с галечниками нижнечетвертичного возраста, чем и определяется время ее формирования.

2. Наклонная делювиально-пролювиальная раннечетвертичная равнина.

Она распространена севернее и западнее гор Кульжабасы, в центральной части региона, а также юго-западнее гор Хантау. На этих

участках она обрамляет шлейфы конусов выноса. Конуса выноса – веерообразно расходящиеся, отчетливо выражены в рельефе. Они разделены многочисленными логами глубиной до 10–15 м, а на участках сопряжения со склонами гор глубина их увеличивается до 20–30 м. Ширина логов 15–20 м по дну, в низовьях 100–150 м. Поверхность конусов выноса слегка выпуклая и усыпана древесно-щебнистым материалом, угол наклона шлейфов в сторону о горы составляет 4–6 градусов. Они сложены грубообломочными щебнистыми образованиями с песчано-суглинистым заполнителем. Поверхность делювиально-пролювиальной равнины имеет абсолютные отметки 510–520 м у гор Кульжабасы и 370–400 м у гор Хантау. Общая равнинность ее здесь нарушается той же системой суходолов, которые пересекают шлейфы конусов выноса.

Возраст равнины и шлейфы конусов выноса раннечетвертичная.

3. Наклонная аллювиально-пролювиальная раннечетвертичная равнина занимает небольшой участок в крайней юго-восточной части региона. Севернее горы Дегерес она представляет собой интенсивно расчлененный, адырный рельеф с абсолютными отметками 750–800 м. Относительно прилегает с запада делювиально-пролювиальные равнины и Копинская долина. Она приподнята на 50–70 м. Расчленяющие ее лога ориентированы с юга на север и отличается большой глубиной вреза (до 60 м), крутыми склонами и узким дном. Густая сеть логов делает слабовыпуклые участки равнины непригодными для посевов трав и зерновых культур.

Равнина сложена нижнечетвертичными гравийно-галечными отложениями с песчано-суглинистыми заполнителями.

3. Наклонная делювиальная-пролювиальная среднечетвертичная равнина распространена западнее гор Джамбул в пределах абсолютных отметок 320–430 м. Поверхность ее ровная и не несет на себе следов современного эрозионного расчленения. Сложена делювиально-пролювиальными образованиями среднечетвертичного возраста (рис. 12).

4. Наклонная аллювиально-пролювиальная средне-позднечетвертичная равнина распространена в Копинской долине. Поверхность

Рис. 12. Предгорная наклонная делювиально-пролювиальная равнина у подножий Анракайских гор (фото Б. Аубекерова).

ее имеет абсолютные отметки 650–730 м, и наклонена к осевой части долины. Густая сеть логов придает равнине волнистое строение, прорезая ее на глубину 15–30 м. Лога в рельефе выражены четко и имеют ширину по дну до 100–150 м, а по верху 500–600 м.

Равнина сложена аллювиально-пролювиальными гравийными накоплениями средне-верхнечетвертичного возраста.

5. Наклонная делювиально-пролювиальная среднечетвертично-современная равнина представлена небольшими участками. У низкогорий она сопряжена со шлейфами конусов выноса, а у мелкосопочного рельефа примыкает к сопкам, всюду пересекается системой логов глубиной до 3–5 м. Равнина сложена среднечетвертично-современными супесчано-суглинистыми породами с редкой дресвой и щебенкой.

7. Эоловая с песчаными грядово-бугристыми формами расположены главным образом в долине реки Чу и дельты реки Или и представлены грядово-бугристыми, бугристыми и грядовыми песчаными массивами.

Грядово-бугристая песчаная равнина по правобережью реки Чу, где образована за счет перевивания верхней части разреза песчано-глинистых отложений первой надпойменной террасы реки. Она состоит из невысоких гряд (2–4 м) и бугров с пологими склонами (10–12 градусов). Протяженность гряд ориентированных в основном с юга на север, составляет 150–200 м, а ширина 30–40 м. Грядово-бугристая равнина долины реки Копя сформировалась в современное время. Она развита по верхнечетвертичным аллювиальным отложениям, а в дельтовой части реки Или имеет возраст среднечетвертично-современный.

Бугристая равнина занимает значительные площади по левому берегу реки Чу (абсолютная отметка 350–400 м). Эоловые пески на этих участках накопились за счет перевивания отложений первой и второй надпойменных террас, сложенных суглинисто-супесчаными осадками. Бугры достигают 10 м. Формирование бугристой равнины началось

после образования отложений второй надпойменной террасы реки Копа. Возраст позднечетвертично-современный.

Грядовая песчаная равнина занимает небольшой участок на крайнем севере региона. Гряды высотой 3–4 м. Протяженность не более 100–150 м, а ширина до 30–40 м.

Речные долины

Поверхности, созданные деятельностью гидросети, связаны главным образом с рекой Копа.

Главный водораздельный гребень южного и северного склона Чу-Илийских гор проходит очень близко к долине реки Копы. Гидрографическая сеть здесь развита хорошо, и все склоны изрезаны бесчисленными долинами, балками и логами, которые при наличии крупных склонов превращаются в узкие расщелины.

Форма склонов, наклон русла и характер переносимого материала свидетельствует об установившемся профиле верхней части больших логов и о чрезвычайно активном размывании нижней. Совершенно сухие в летнее время русла этих рек имеют только кое-где застойные лужи и ямы соленой воды и крайне редко небольшие ключи с проточной водой в несколько десятков и сотен метров длиной. Весной, видимо, они несут много воды образующей в низовьях ряд ям глубиной до 5 метров, и катящие валуны до 1 метра в диаметре.

Русло реки разделяется на множество притоков и рукавов, приобретая вид внутридолинной дельты, в пределах которой в весеннее половодье образуются широкие размывы. Русло глубоко врезано, низина его 50–60 метров. По обе стороны развиты высокая и низкая пойма, ширина которых не превышает 300–400 метров. Ширина русел и рукавов в пределах поймы в суженных участках 3–4 м, а в расширенных 2–2,5 м. По правобережью прослеживается только первая надпойменная терраса, занимающая обширную долину Карой. Ширина колеблется от 15 до 30 км, высота 2–3 м. Местами она сливается с поймой, кое-где на поверхности террасы встречаются эоловые бугры и гряды высотой 1–2 м. Всюду пойма изобилует солончаками. По левобережью прослеживается пойма и одна надпойменная

терраса. Первая надпойменная терраса шириной 4–6 км отдалена от поймы уступом, высота 3–5 м. Ниже по течению терраса снижается, отделяется от поймы слабо выраженным уступом 1–1,5 м. По данным Никифоровой К.В. (1960 г.) и Елисеева В.И. (1961 г.), возраст первой террасы верхнечетвертичный, пойменных – современный.

Долина реки Сарыбулак начинается от родника Сарыбулак и врезана в днище древней долины. Ниже по течению пересекает северную часть района в широтном направлении. Ширина ее в среднем течении достигает 4 км, в верховьях – нескольких сотен метров. В долине выделяется пойма шириной 50 м, и две надпойменные террасы. Высота первой надпойменной террасы 2–2,5 м, а вторая терраса, высотой 8–10 м, развита в низовьях. Поверхность ее местами подверглась эоловой переработке с образованием невысоких (1–2 м) песчаных бугров. Ширина террасы 2 км. Первая терраса расчленена старицей и протоками. Высота ее 1,8–2,5, ширина до 1,5 км. Пойма высотой около 1 м на всем протяжении имеет ширину 40–50 м. Кроме описанных долин в Чу-Илийском регионе развита сеть судоходов, особенно густая и хорошо выраженная в области низкогорья и мелкосопочника. Сложены однотипным материалом, сверху суглинок 1 м, ниже супесь, щебенка. Возраст среднечетвертично-голоценовый.

Древняя долина более широкая, от нее сохранились конгломераты на небольших участках и глины неогенового возраста мощностью до 10 м. Возраст древней долины плиоцен раннечетвертичный.

Шлейфы конусов выноса широко расположены у подножий гор Хантау, Анрахай. Отличаются слабоволнистой поверхностью, имеющий незначительный уклон (3–5 градусов) от гор. Местами расчленены современными логами на глубину до 25–30 м. Ширина шлейфов до 2–3 км.

В Чу-Илийских горах картируются четыре генерации конусов выноса. Самые древние (нижнечетвертичные) шлейфы сохранились фрагментами непосредственно у подножия гор. В них сложена следующая ступень (среднечетвертичные) шлейфов конусов выноса, спускающаяся ниже по склону на 1–2 км. В

свою очередь, в среднечетвертичные шлейфы вложены более молодые – верхнечетвертичные, фронтальная часть которых опускается еще ниже, достигая поверхности первой надпойменной террасы. В Чу-Илийских горах самые молодые, современные конуса выноса, генетически связаны с голоценовой ложковой сетью.

2.3. Новейшие тектонические структуры

Активные проявления новейших тектонических движений в районе Чу-Илийских гор привели к существенному омоложению рельефа, когда на фоне слабоволнистой донеогеновой денудационной равнины в результате глыбовых поднятий и дальнейшего эрозионного расчленения образовалась система Чу-Илийских гор с прилегающими мелкосопочными и равнинными территориями. В пределах юго-восточной части Чу-Илийских гор выделяются две новейшие структуры первого порядка: Чу-Илийская глыбовая зона и Копя-Илийская впадина. Каждая из них в свою очередь, включает ряд новейших структур первого, второго и третьего порядка.

Чу-Илийская глыбовая зона. Эта новейшая структура в общем плане совпадает с крупной структурой палеозоя – Чу-Илийским мегантиклинорием. Она расположена на юго-западе Казахского щита, вытянута с юго-востока на северо-запад более чем на 300 км. Развитая система разломов делит ее на ряд блоков – структур более мелкого порядка. Естественными границами новейших структур являются тектонические уступы, сопряженные со швами древних, но омоложенных разломов. Уступ, сопряженный с шовной зоной регионального Жалаир-Найманского разлома, ограничивает Чу-Илийскую глыбовую зону с юго-запада и морфологически прослеживается в рельефе с юго-востока на северо-запад на 200–500 км.

В районе гор Джамбул, Хантау и Айтау относительная высота его до 300–400 м. По мере продвижения на северо-запад она постепенно снижается, а на крайнем северо-западе не находит выражения в современном рельефе.

Одной из наиболее ярких черт геоморфологического строения Чу-Илийской глыбовой зоны является широкое распространение реликтов древнего мезозойского пенеплена, который считается общим для Центрального Казахстана и возраст которого устанавливается как доверхнемеловой. По интенсивности амплитуд неотектонических движений в Чу-Илийской глыбовой зоне выделяется три новейшие структуры второго порядка (табл. 1).

К первой относится Айтауское глыбовое поднятие, которому свойственны значительные суммарные амплитуды новейших поднятий в неоген-четвертичное время, расположенной в юго-восточной части Чу-Илийской глыбовой зоны. На юге оно отделяется от Копинской впадины кулисообразно расположенными тектоническими уступами, приуроченными к зонам древних обновленных разломов северо-западного направления. Западной его границей служит тектонический уступ, приуроченный к зоне регионального Жалаир-Найманского разлома.

Северная и северо-восточная границы проходят по зонам разломов широтного и северо-западного направлений, отмеченных в рельефе денудированными тектоническими уступами, которые отделяют Кызылтасскую ступень от Жельтауского глыбового поднятия. В плане это поднятие имеет овальную форму и вытянутую в северо-восточном направлении на 300 км. В его пределах развит низкогорный и мелкосопочный эрозионно-тектонический рельеф с отметками более 1000 м. Наивысшая точка в горах Узунтау достигает 1295 м. Гидрографическую сеть Айтауского глыбового поднятия образуют временные водотоки в основном северо-восточного и юго-западного направлений. К числу первых относятся реки Аксуек, Ботабурум, Жалиакши, Шолак, Жингельды, Копалысай, Ащису.

В Айтауском глыбовом поднятии выделяется 11 структур третьего порядка (табл. 1). Улькен-Тасобинский горст² в рельефе соответствует одноименной горной гряде, которая четко выраженным тектоническим уступом обрывается в Копинскую впадину. Высота

² Участок земной коры, резко приподнятый над окружающей местностью по вертикальным или крутонаклонным тектоническим разломам (сбросам и взбросам) до нескольких сотен и тысяч метров в высоту, длиною в десятки сотен километров при ширине в десятки километров с крутыми склонами.

Новейшие структуры

1	2	3
Чу-Илийская глыбовая зона	Айтауское глыбовое поднятие	Горсты: Улькентасобинский Узунтауский Шольадырский Хантауский Грабены: Ащисуйский Бескольский Ступени: Жингельдинская Хантауская Кызылтасская
	Жельтауское глыбовое поднятие	Горсты: Джамбульский Байгаринский Жельтауский Грабены: Суекский Ступени: Майжарылганские Койжарылганская Чагырлинская Андасайская Бурунтауская
Кендыктасская глыбовая зона	Кендыктасское глыбовое поднятие	Кербулакский горст Чокпарский грабен
Копя-Илийская впадина	Копинская впадина	Копинский грабен Эспеасыкская ступень
Чу-Сарысуйская впадина	Фурмановский прогиб	Берликская ступень

тектонического уступа в районе гор Культобасы достигает 200 м, а крутизна 70 градусов. На северо-восток от Улькен-Тасобинского горста располагается Жельды-Далинский грабен и Жингельдинская ступень. Амплитуда поднятий до 900 м. Жингельдинская ступень представляет собой платообразную поверхность, расчлененную верховьями рек Жингельды и Копалысай. Междуречье их плоское и составляет единый уровень на высоте 950–1000 м.

К юго-востоку от Жингельдинской ступени донеогеновая поверхность постепенно погружается, образуя Жельды-Далинский грабен, ограниченный уступами гор Улькен-Тасобы и Доланкара, вдоль подножий которых развиты среднечетвертично-современные пролювиальные шлейфы конусов выноса. Суммарные амплитуды новейших поднятий на северо-западе 800 м, юго-востоке – 700 м.

Узунтауский горст в рельефе соответствует

вытянутым в северо-западном направлении мелкосопочным грядам с широким развитием в центральной части реликтов доверхнемелового пенеплена. Он отделяется от окружающих структур четко выраженными тектоническими уступами, вдоль подножий которых развиты среднечетвертично-современные пролювиальные шлейфы конусов выноса. Здесь донеогеновая поверхность поднята до 1000 м. К юго-западу уменьшаются до 800 и 900 м. В целом Узунтауский горст представляет собой асимметричный горст с более поднятой северо-восточной частью. Ащисуйский грабен³ в рельефе образует межгорное понижение, отделяющее горы Узунтау от мелкосопочных гряд. На юге это понижение постепенно переходит в Копинскую впадину, где донеогеновая поверхность перекрывается рыхлыми неоген-четвертичными отложениями. Здесь рельеф значительно выположен и представляет собой денудационную равнину, которая является реликтом доверхнемелового пенеплена, с отметками 850–900 м.

К северо-западу от Ащикольского грабена донеогеновая поверхность вновь погружается под неоген-четвертичные отложения, образуя межгорную депрессию – Бескольский грабен, отделяющий горы Узунтау от мелкосопочных гряд Шольдадыр. Общая мощность неоген-четвертичных отложений, выполняющих грабен, достигает 150 м. Шольдадырский горст с юго-запада по тектоническому уступу граничит с Бескольским грабеном, а на севере граничит с Прибалхашской впадиной.

В центральной части горста развита денудационная равнина, расчлененная логами и оврагами на глубину до 10–20 м. Амплитуды новейших поднятий в пределах горста около 400 м.

Куртинский горст также имеет асимметричное строение и слагает с Шольдадырским горстом единый неотектонический блок, но в отличие от него он испытал большие поднятия за неоген-четвертичное время – до 700 м.

На северо-западе Айтауского глыбового поднятия выделяется Хантауское и Кызылтасское новейшие ступенчатые структуры, в пределы которых входят одноименные гранитные массивы, испытавшие поднятие в неоген-четвертичное время в едином блоке с вмещающими их эффузивно-осадочными породами амплитудой до 700 м. Кызылтасская ступень, отделяющая от Хантауской тектоническим уступом, по которому развиваются мелкосопочные гряды гор Куем-Кора. Основной формой рельефа ступенчатых структур является увалистый и увалисто-куполовидный мелкосопочник.

ген-четвертичное время в едином блоке с вмещающими их эффузивно-осадочными породами амплитудой до 700 м. Кызылтасская ступень, отделяющая от Хантауской тектоническим уступом, по которому развиваются мелкосопочные гряды гор Куем-Кора. Основной формой рельефа ступенчатых структур является увалистый и увалисто-куполовидный мелкосопочник.

Копя-Илийская впадина. В рассматриваемом районе расположена только ее северо-западная часть – Копинская впадина, включающая две структуры третьего порядка – Копинский грабен и Эспе-Асыкскую ступень. Копинский грабен начинается от Чокпарского перевала с отметками немногим более 1000 м и далее к юго-востоку четко прослеживается в рельефе, отделяясь с юга тектоническим уступом гор Улькен-Тасоба. Днище грабена выполнено глинами плиоцена мощностью до 20 м, перекрывающими песчаники карбона с участками маломощной коры выветривания. Эспе-Асыкская ступень расположена в северо-восточной части Копинского грабена. Здесь по разлому северо-западного направления отделяется поднятый блок грабена, который далее к северу сопрягается с Узунтауским горстом Айтауского глыбового поднятия. Суммарные амплитуды неотектонических поднятий в пределах ступени составляет 300–600 м (рис. 13).

3. Палинологическое и палеоклиматическое изучение гор Чу-Или

Во многих регионах Казахстана, в Северном Китае, Монголии, Южной Сибири и Средней Азии в основании четвертичных разрезов естественных обнажений или в днищах крупных долин в аридной зоне (пустыни и полупустыни) встречаются конгломерат-брекчии, выполненные слабо окатанным галечным и щебнистым материалом, обычно скрепленным прочным карбонатным цементом, так называемые верхнегобийские конгломераты. Эти образования вошли в стратиграфические схемы регионов как нижняя часть разреза неоплейстоцена.

Генезис конгломератов до сих пор не выяс-

³ Грабен – участок земной коры, опущенный относительно окружающей местности по крутым или вертикальным тектоническим разломам.

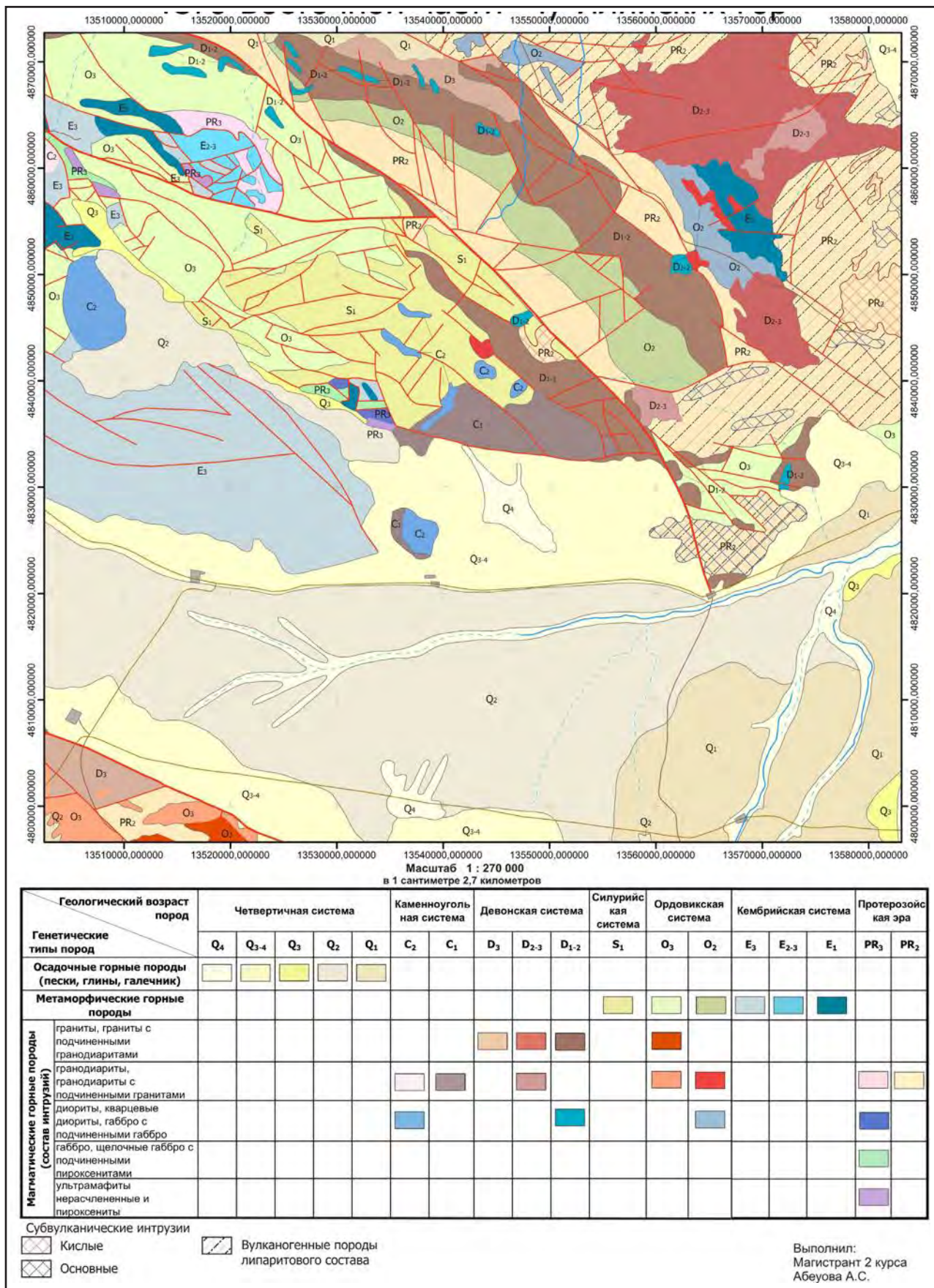

Рис. 13. Карта-схема четвертичных отложений и новейшей тектоники Чу-Или.

нен окончательно. Предположительно, климат времени формирования конгломератов был жарким, засушливым, в пользу чего свидетельствуют и палинологические данные. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что в более позднее время плейстоцена и голоцене такого масштаба, формирования конгломератов в аридной зоне не происходило, вероятно, этот процесс был обусловлен специфическими климатическими условиями на начальном этапе формирования аридной зоны (конец эоплейстоцена – ранний плейстоцен).

Суждения об условиях формирования и возрасте в какой-то мере можно получить, анализируя палинологические данные.

Состав палиноспектров, изученных из отложений, относимых к верхнегобийским конгломератам достаточно разнообразен и позволяет предполагать специфические условия их образования.

Из цемента конгломератов у подножий юго-западного склона Чу-Илийских гор, а также в некоторых межгорных впадинах Л.Н. Чупиной [Чупина, 1981, с. 82–87], извлечен следующий спорово-пыльцевой спектр: древесных – 8%, травянистых – 91%, спор – 1%. Среди древесных – *Rhus*, *Carpinus*, *Pterocarya*, *Corylus*, *Quercus*, *Celtis*, *Pinus*, *Betula*, *Alnus*. Среди травянистых преобладает пыльца полыней (68%), маревых – 17%, в виде примеси присутствует пыльца парнолистниковых, эфедры, злаков, сложноцветных, джужгуна и разнотравья, в сумме до 15%. Единичными зернами отмечены споры папоротникообразных. Указанный состав, по мнению Л.Н. Чупиной, свидетельствует о том, что в период образования конгломератов в Чу-Илийских горах были развиты степи с островками широколиственных лесов. Климат был несколько мягче современного.

Юго-западный склон Чу-Илийских гор находится на границе центральных и южных пустынь. Флоры Чу-Илийских гор и в настоящее время имеют высокий уровень эндемизма и реликтовости. Следовательно, состав спорово-пыльцевых спектров верхнегобийских конгломератов, изученных Л.Н. Чупиной, не столько отражает более мягкие, чем современные климатические условия, сколько является отражением остатков богатых хвойно-широколи-

ственных лесов неогена, еще сохранявшихся в раннем плейстоцене на данной территории.

Наиболее представительные палиноспектры были выделены из конгломератов Чу-Илийского региона и Северного Прибалхашья.

По реке Ащису (Чу-Илийские горы) конгломераты выполняют днища древних долин.

Палинологический материал, полученный из этих отложений, характеризуют предгорные пустыни и полупустыни.

В нижней части разреза установлено большое число диатомей, растительных тканей и грибов. В составе палиноспектра пыльце травянистых принадлежит 100 %. Из них на долю пыльцы полыней приходится 60%, 17% – маревые, 6% – *Poligonaceae*, единичными зернами представлены *Ephedra*, *Roaceae*, *Apiaceae*, *Fabaceae*, *Lamiaceae*, *Ranunculaceae*, *Convolvulaceae*, *Centaurea*, *Triletes*.

Из вышележащей части обнажения установлены спектры, где пыльца древесных составляет 5% (сосны и березы), основная роль в составе спектра принадлежит пыльце травянистых – *Artemisia* (20%), *Chenopodiaceae* (20 %), *Poligonaceae* (10%), *Convolvulaceae* (7), по 1–2 % принадлежит пыльце *Apiaceae*, *Carex*, *Fabaceae*, *Cychoriaceae*, *Lamiaceae*.

Верхняя часть конгломератов. В составе палиноспектра установлено древесных 5%, среди них установлено 2.5% пыльцы сосны, 1.5% – пыльца клена, единично встречена пыльца березы и ели. Среди травянистых установлена пыльца полыни 42.5%, маревых – 25%, гречишные – 10%, 3-лопастные – 5%, эфедра – 3%, пыльца злаков, бобовых, розоцветных, сложноцветных – единично.

Обнажение в антецедентном участке ур. Тамгалы, у входа в каньон археолого-культурного комплекса Тамгалы, около III группы петроглифов. Для них характерно абсолютное преобладание пыльцы травянистых растений, среди которых 50% составляет пыльца маревых, 32% приходится на долю полыней, 10% – трехлопастных форм, 6% – гречишные, по 3% – эфедра, губоцветные и бобовые. В целом, состав палиноспектров указывает на развитие пустынной растительности.

Практические во всех образцах установлены в большом количестве споры почвенных грибов, диатомей и водорослеобразные формы.

Более подробно изучен разрез конгломерат-брекчий в долине р. Копалысай в Аныракайских горах (Чу-Илийский регион). В долине реки Копалы находится глубоко врезанная каньонообразная долина, обрывистые берега которой имеют высоту 12–16 м. В предгорной зоне бортовые части долин сложены аллювиально-пролювиальными четвертичными конгломератами. В них хорошо видно слоистые текстуры, переслаивающиеся с пластами палевых известняков и мергелей. Они образуют ритмично построенные пачки, указывающие на периодически изменяющиеся условия осадконакопления.

Для разреза характерна ритмичная слоистость (рис. 14), связанная со сменой аридных и плювиальных фаз, обуславливающих большую или меньшую обводненность речной сети. С аридными фазами связано накопление палевых известняков и мергелей. Палинологические материалы из разреза следующие:

Образец 1. Пыльца травянистых форм составляет 100%. Из них на долю маревых приходится 24%, полыням принадлежит 18%, гречишным – 12%, злакам – 10%, бобовым и пыльце облепихи принадлежит по 6%, единично представлены пыльцевые зерна осоковых, валериановых, губоцветных, цикориевых, лютиковых, зонтичных, колокольчиковых. Таким образом, состав СПС указывает на развитие лугово-степных ландшафтов.

Образец 2 представлен обедненным спектром, с незначительным участием пыльцы маревых и полыней.

Образец 3 характеризуется обедненным палиноспектром с доминированием пыльцы травянисто-кустарничковых растений – полыней и маревых.

Образец 4 представлен спектром с абсолютным доминированием пыльцы маревых – 75%. В меньшем количестве встречена пыльца полыней – 10%, гречишных и губоцветных по 5%. Установлено незначительное количество пыльцы лютиковых и селитрянок.

Образец 5. Палиноспектр этого интервала крайне обеднен, здесь установлены единичные пыльцевые зерна эфедры, парнолистниковых и маревых.

Образец 6. Богатый разнотравный палиноспектр, который представлен пылью эфед-

ры – 5%, маревых, полыней и 3-лопастными формами – 10%. Доминирует пыльца маревых – 40% и полыней – 35%. Единично установлена пыльца злаков, осок.

Образец 7. Спектр аналогичен описанному из образца 5.

Образец 8 также обедненный палиноспектр, с доминированием пыльцы маревых. Пыльца травянистых форм составляет 100%. Из них на долю маревых приходится 20%, полыням принадлежит 35%, гречишным – 12%, злакам – 8%, бобовым и пыльце облепихи принадлежит по 6%, единично представлены пыльцевые зерна осоковых, губоцветных, цикориевых, лютиковых, зонтичных, колокольчиковых. Встречается пыльца эфедры – 3%. Состав СПС указывает на развитие лугово-степных ландшафтов.

Палиноспектры из конгломератов по р. Копалысай содержат пыльцу, в основном, пустынной растительности. Таким образом, вероятно, в раннем плейстоцене климат был аридным и благоприятным для концентрации карбонатов, что и способствовало образованию конгломерат-брекчий с карбонатным и глинисто-карбонатным цементом в раннем неоплейстоцене.

Материалы, полученные при работах по изучению четвертичных отложений Балхашского сегмента, позволяют получить следующие данные. Распространение конгломерат-брекчий в Северном Прибалхашье, совпадает с районом Северо-Балхашской ступени [Поздышева, 1971, с. 25]. Именно в этих районах наблюдается слияние профилей равновесия древней и молодой гидросети и образование зоны выклинивания грунтовых вод.

Таким образом, изучение палиноспектров из разрезов конгломерат-брекчий долин рек Копалысай, Ащису, Тамгалы позволяет сделать следующие выводы:

– Основная часть разреза формировалась в условиях аридного климата с типично сезонными условиями аккумуляции аллювиально-пролювиальных отложений, которые постепенно цементировались в сухое время года глинисто-карбонатным цементом. Такого типа формирования можно рассматривать как эпигенетический тип с типичными текстурами заполнения, когда карбонаты откладываясь

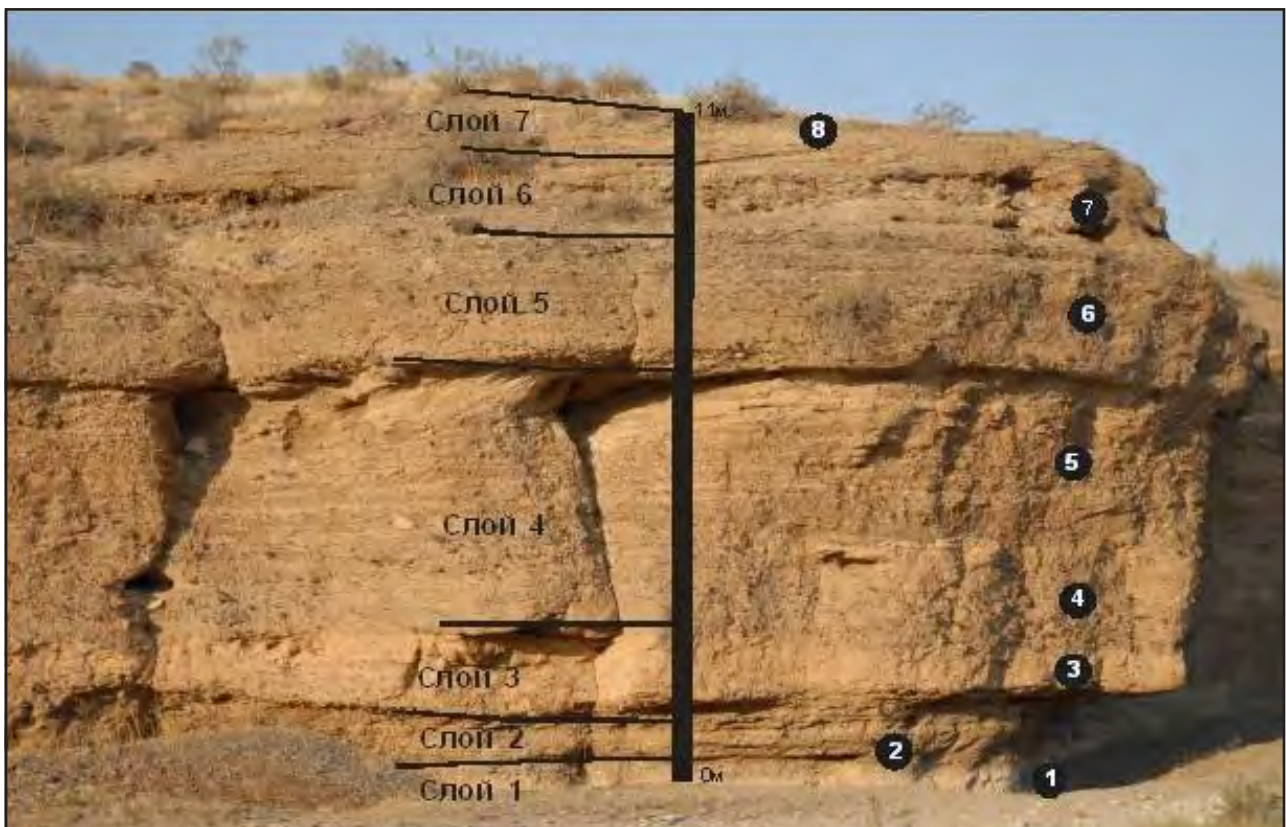

Рис. 14. Разрез конгломерат-брекчий в каньоне р. Копалысай.

Слой 1. Палевые известняки и мергели, песчанистые (пески мелко- и среднезернистые), плотные, наклонно- и горизонтально слоистые.

Слой 2. Песчаник аллювиальный, русло-вый, косо- и наклоннослоистый, с линзами мелкозернистого песка, слабосцементированный с включениями мелкой щебенки и галечника.

Слой 3. Палевые известняки с включениями песка (мелко- и среднезернистого), плотные, наклонно- и горизонтально слоистые.

Слой 4. Конгломерат мелкогалечный с песчаным заполнителем с большим количеством включений крупной щебенки, дресвы и гравия. В нижней части наклонно- и горизонтально слоистый, выше косо-слоистый. Цемент глинисто-карбонатный прочный.

Слой 5. Песчаник с включениями линз гравия, галечника и щебенки (до 15 см), горизонтально- и наклонно-слоистый, цемент прочный, глинисто-карбонатный.

Слой 6. Брекчия щебнисто-дресвяная косо-слоистая, слабосцементированная, цемент непрочный.

Слой 7. Конгломерат мелкогалечный с песчаным заполнителем с большим количеством включений крупной щебенки, дресвы и гравия.

(Описание разреза выполнено Б.Ж. Аубекеровым).

внутри песчаных и гравийно-галечниковых отложений и заполняли пространство между терригенным материалом.

– Генезис конгломератов сингенетичный и обусловлен ландшафтно-климатическими обстановками в пустынной зоне.

– Возраст конгломератов оценивается, в основном, как раннеплейстоценовый. Однако возможно, что часть конгломератов могла иметь и более ранний возраст – конец эоплейстоцена.

Таким образом, становится очевидным, что уже порядка 2 000 000 лет назад на данной тер-

ритории уже существовали открытые остепненные пространства с большим количеством водотоков и пойменными лугами или рощами вокруг них. Все эти условия способствовали формированию богатой фауны и флоры Чу-Илийских гор в раннем квартере.

На месте саванн уже в раннем неоплейстоцене формировались сухие степи и полупустыни аридной зоны Казахстана.

В голоцене (от 11 000 лет назад до настоящего времени) происходило заселение и обживание территории Чу-Илийских гор. Способствовало этому ряд причин, среди которых относительно

благоприятные природно-климатические условия и богатый животный мир этой местности играли не последнюю роль.

Более влажный и мягкий климат способствовал большому водосбору рек, с рощами по берегам и богатыми пастбищами. В горах обитали многочисленные стада крупных животных – диких быков, диких козлов, архаров, куланов, оленей. Изображения этих животных во множестве встречаются на скалах, покрытых «пустынным загаром».

Люди населяли территорию гор Чу-Или примерно с пятого тысячелетия до нашей эры до начала второго тысячелетия до н.э., о чем свидетельствуют неолитические каменные артефакты. В конце второго тыс. до н. э. (конец бронзового века) здесь появляются и оседают на тысячу лет родственные ариям саки. Во второй половине первого тыс. до н. э. в Семиречье (Жетысу) зафиксированы многочисленные памятники раннего железного века. В первое и второе тысячелетия нашей эры регион подвергался миграционным волнам других тюркских, а также монгольских племен. В Чу-Илийских горах многочисленны петроглифы и захоронения проживавших здесь народов, руины их жилищ, загонов для скота, остатки мелиоративных сооружений, туры на вершинах и знаки-оба на перевалах.

Петроглифы в горах Чу-Или встречаются единично и группами на скальных выходах. Неподалеку устраивались и поселения. В первых, близ скал обычны родники, а во вторых, нагреваясь и постепенно отдавая тепло, скалы южной экспозиции формировали специфический микроклимат.

Одним из недавно открытых памятников наскальной живописи и сопутствующих им интересным инженерным сооружениям средневековья является памятник Кульджабасы, расположенный на южных склонах Чу-Илийских гор. Наиболее интересной частью этого археологического комплекса является 1000 петроглифов (наскальных изображений), которые по стилю изображения, тематике и количеству превосходят многие памятники Азии. Для изучения условий среды того времени были проведено несколько шурфов на днище долин и отобраны пробы из могильников и поселений. Наиболее представительный разрез

был получен по шурфу, проведенном на пойме сухой долины Гарбузсай.

В результате выполненных исследований были получены тренды палеоклимата, отражающие развитие его во время формирования изученных отложений.

В целом, весь разрез можно разделить на три крупных этапа – с 2,6 м до 1,5 м (относительно влажно и прохладно), с 1,4 до 0,75 м (сухо и жарко) и с 0,75 до 0,05 м (наиболее влажно и прохладно, близко к современному). Но в этих трех этапах, несомненно, есть некоторые особенности, указывающие на флуктуации климата (рис. 15).

Так, на 1 этапе с глубины 2,6 до 1,5 м несколько выделяется палиноспектр с гл. 2,5 м – он характеризуется присутствием пыльцы сосны и березы, сокращением количества пыльцы эфедры.

Обращает на себя внимание образец 31 – здесь также появляется единичная пыльца сосны, но при этом резко увеличивается состав маревых – до 60%.

В целом, спс этого этапа отражают развитие предгорных марево-разнотравных (разнотравно-маревых) пустынь с высоким содержанием пыльцы сложноцветных, цикориевых.

Этап 2 с глубины 1,4 до 0,8 м. Характеризуется резким сокращением разнообразия пыльцы сложноцветных, преобладанием пыльцы 3-лопастных форм. Только на уровне пробы 21-а отмечается некоторое увлажнение – уменьшением в связи с этим состава маревых, появление пыльцы березы, цикориевых, незначительное увеличение разнотравья.

Этап 3 с глубины 0,8 до 0,05 м. Характеризуется большим числом пыльцевых зерен, присутствием пыльцы древесных растений, разнообразием пыльцы однодольных растений – злаков, лилейных, осок, ежеголовки. Встречается единичная пыльца культурных злаков – ячменя (?), в пробах 1, 11, 12, 16. Заметно увеличивается количество пыльцы разнотравья. Однако, по-прежнему высоко содержание пыльцы 3-лопастных форм 40–50%, связано ли это с холодными климатическими условиями?

В целом климат этапа влажный и прохладный, пробы 1 и 2 могут характеризовать современную растительность и климат.

щебенистыми супесями. Они залегают на скальном основании, сложенном песчаниками девона. На глубине 2,70–2,35 м располагается слой сильно щебенистых супесей – культурный слой, содержащий каменное сооружение эпохи бронзы. Заполнение составляет рыхлый суглинок с щебнем, костями животных и керамикой эпохи бронзы. В основание залегает твердая, утоптанная поверхность пола жилища, обильно покрытого карбонатами, абсолютная дата, полученная по данным А.Е. Рогожинского (Определение Л.А. Орловой) по золе и углю ^{14}C 2900 лет назад. Здесь же имеется абсолютная дата костей овцы ^{14}C 3160±100 лет (СОАН-4284) захороненной ниже пола. К этому же слою относится вполне корректная ЭПР дата ИЯФ – 3000 лет назад (определения С.П. Пивоварова).

Время накопления слоя совпадает с заметным улучшением климатических условий. Климатические показатели становятся близкими к современным.

Выше на глубине 2,35–2,10 м залегает слой супеси с обильным щебнистым материалом и включением обломков керамики, костей животных эпохи бронзы и РЖВ. В этом слое из его нижней части получены ЭПР даты 3000 и 3100 лет назад и 2500 и 2700 лет для верхней части слоя и под первым пожарном слоем дата 2000 лет назад (ИГН, Гринева). Из этого слоя получена также радиоуглеродная дата для верхней его половины 2360 лет назад (Орлова, Новосибирск), что вполне совпадает с датами, полученными по ЭПР методу. На глубине 2,10–1,75 м залегают суглинки с незначительным количеством обломков пород, но с достаточно многочисленными фрагментами керамики эпохи раннего железа.

Этот слой снизу ограничен слоем золы и угля, что связывается нами с достаточно сильными пожарами, после которых с окружающих склонов сопки зола и уголь были снесены в пониженное место.

Для пустынной местности такие пожары не являются редкостью, однако, такое количество обугленных остатков пустынных растений может быть связано с более богатой растительностью.

Палинологические материалы показывают, что пожарам предшествовала некоторая опти-

мизация климата, способствовавшая появлению более богатого кустарниково-травянистого растительного покрова, это подтверждается и обгорелыми остатками ветвей кустарников. Средняя и верхняя части слоя накапливались в сухих и жарких условиях пустынь и только, вероятно, к концу этого этапа климат начинает существенно изменяться в сторону оптимизации. Пустынная растительность сменяется полупустынной, с большой долей участия в ней разнотравья (рис. 16).

Слой на глубине 1,55 до 1,2 м сложен суглинками и глинами с хорошей горизонтальной слоистостью.

Отложения содержат мало песчаного и щебнистого материала, несут в себе следы криогенного воздействия в виде клиновидных структур, глубиной до 1,0 м, образующих полигональную сеть размером от 1,0 до 1,5 м. Заполнителем клиновидных форм являются вышележащие супеси.

Верхняя часть отложений с криогенными структурами указывают на резкое похолодание (главным образом за счет снижения зимних температур) во время которого образовались изначально грунтовые морозобойные клинья в местах сильно увлажненных и криогенных полигонов, от которых сохранились ископаемые псевдоморфозы по ледяным жилам.

В нижней части слоя получена дата 1740± лет назад (по ^{14}C) и серия ЭПР дат (ИЯФ) с большим разбросом от 1200 (некорректная дата) до 2000 и 2700 (некорректная дата) лет назад.

Климатические условия по палинологическим данным указывает, что накопление этих отложений происходило при плювиальном климате с достаточно большим количеством выпадавших осадков и понижением температуры. Для данного разреза это наиболее прохладный и влагообеспеченный отрезок времени.

Слой супеси на глубине 1,2–0,25 м содержит культурные остатки средневековых конструкций, кости животных, керамику, костяная пластина-накладка с резным орнаментом из концентрических окружностей, переотложенные обломки пластинчатых изделий из бронзы и заостренный железный стержень. Вероятная датировка сооружения – XV–

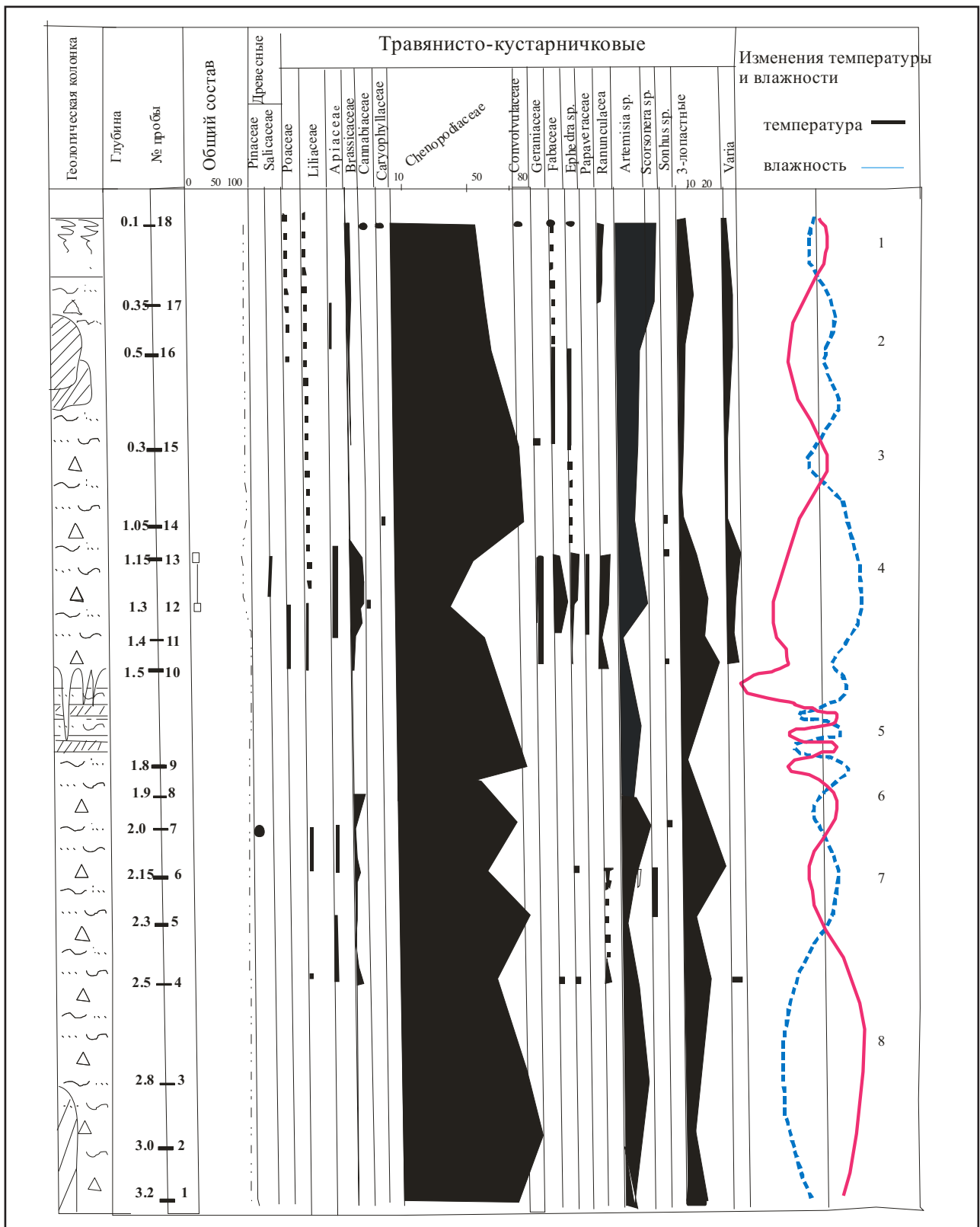

Рис. 16. Палинологическая диаграмма голоценовых отложений поселения Тамгалы 1.

XVII вв., позднее средневековье. В верхней половине слоя получены даты от 1000 до 1500 лет назад.

Этот слой начинал формироваться во время климата, сходного с современным, наступившем после предшествующего пльвиального

климата. Начиная с нижней части этого слоя и до завершения разреза растительный покров и климатические условия соответствовали условиям современных полупустынь с незначительными флуктуациями климата и изменениями растительности.

На глубине 0,25–0,05 м залегает слой делювия. Завершает разрез дерновый слой мощностью 2–4 см.

Наиболее полно весь разрез отложений с ранней бронзы до современного изучен из урочища Серектас, расположенного в непосредственной близости от урочища Тамгалы, всего в 30 км к северу.

Голоценовые отложения в урочище Серектас изучены по естественному разрезу ложковых отложений и разрезу непосредственно на поселении Серектас.

Здесь удалось выделить этапы изменения растительного покрова, соответствующие изменениям параметров климата – температуре и влажности. Палинологическое изучение разреза от бронзового века до этнографических слоев позволило составить климатические кривые, отражающие основной тренд климата на протяжении 4–5 тыс. лет на данной территории.

Долина р. Серектас является правым притоком р. Ацису, она имеет русло, в котором вода держится все лето только в плесах, а слабый водоток наблюдается до середины лета. Пойма не широкая, в антецедентных каньонообразных участках сохраняются плесы с густыми зарослями камыша. Кроме поймы в долине наблюдаются две надпойменные террасы. Общая ширина долины колеблется в пределах от 100 до 500 м.

Отложения поймы и террас характеризуются однотипными разрезами и это обычно супесчаные и суглинистые отложения, часто щебенистые или с прослоями глинистого плохо отсортированного песка. В базальном слое наблюдается слой слабо окатанной гальки и мелких валунов. Мощность отложений не превышает 3–5 м.

Закраинные части террас перекрыты делювиальными отложениями, что придает рельефу сглаженные очертания. Элювиально-делювиальные отложения прикрывают склоны и вершины плоских сопки и являются преобладающим генетическим типом четвертичных отложений. Кроме них широко развиты пролювиальные отложения, накопление которых происходит за счет выноса обломочного материала долинами рек в предгорную зону или к подножию мелкосопочника.

Поселение Серектас 1 расположено с южной стороны сопки, у подножия которой протекал ручей. При более благоприятных климатических условиях водоток был, вероятно, более сильным и продолжался, по видимому, значительную часть года, о чем свидетельствует довольно хорошая сортировка отложений и однородный состав. Само поселение (изучалось А.Н. Марьяшевым) во время функционирования постепенно расширялось и оттесняло ручей к югу. Защищенная от ветра солнечная южная сторона, хороший травостой в долине позволял постоянно жить здесь при благоприятных условиях длительное время небольшому количеству людей.

Голоценовые отложения в урочище Серектас изучены по естественному разрезу ложковых отложений (шурф 101) и разрезу на поселении Серектас.

Разрез шурфа 101. Расположен он в урочище Серектас в 60 м на северо-восток от основного раскопа.

Здесь сверху – вниз описаны следующие отложения:

1. Современный почвенно-растительный слой.

2. Супеси светло-коричневые покровные, преимущественно делювиальные.

На глубине около 1 м наблюдается край кладки из крупных обломков порфиринов.

3. Супесь плотная с включениями гравия, гальки и дресвы. Общая мощность отложений около 1,80 м (рис. 17).

Для всех изученных палиноспектров характерно отсутствие пыльцы древесных растений. Основная роль в сложении спектров принадлежит пыльце травянистых и кустарниковых растений.

Палинозона 8 – характеризуется малым числом пыльцевых зерен как в количественном, так и в качественном отношении. Основу этих спектров составляет пыльца сем. Маревых (*Chenopodiaceae*), ее содержание достигает 50 %, 30% составляет пыльца 3-порово 3-бороздных форм, условно относимых нами к разнотравью. Пыльца полыни (*Artemisia* sp.) составляет 10% от общего числа пыльцевых зерен, единично установлена пыльца розоцветных (*Rosaceae*), зонтичных (*Api-*

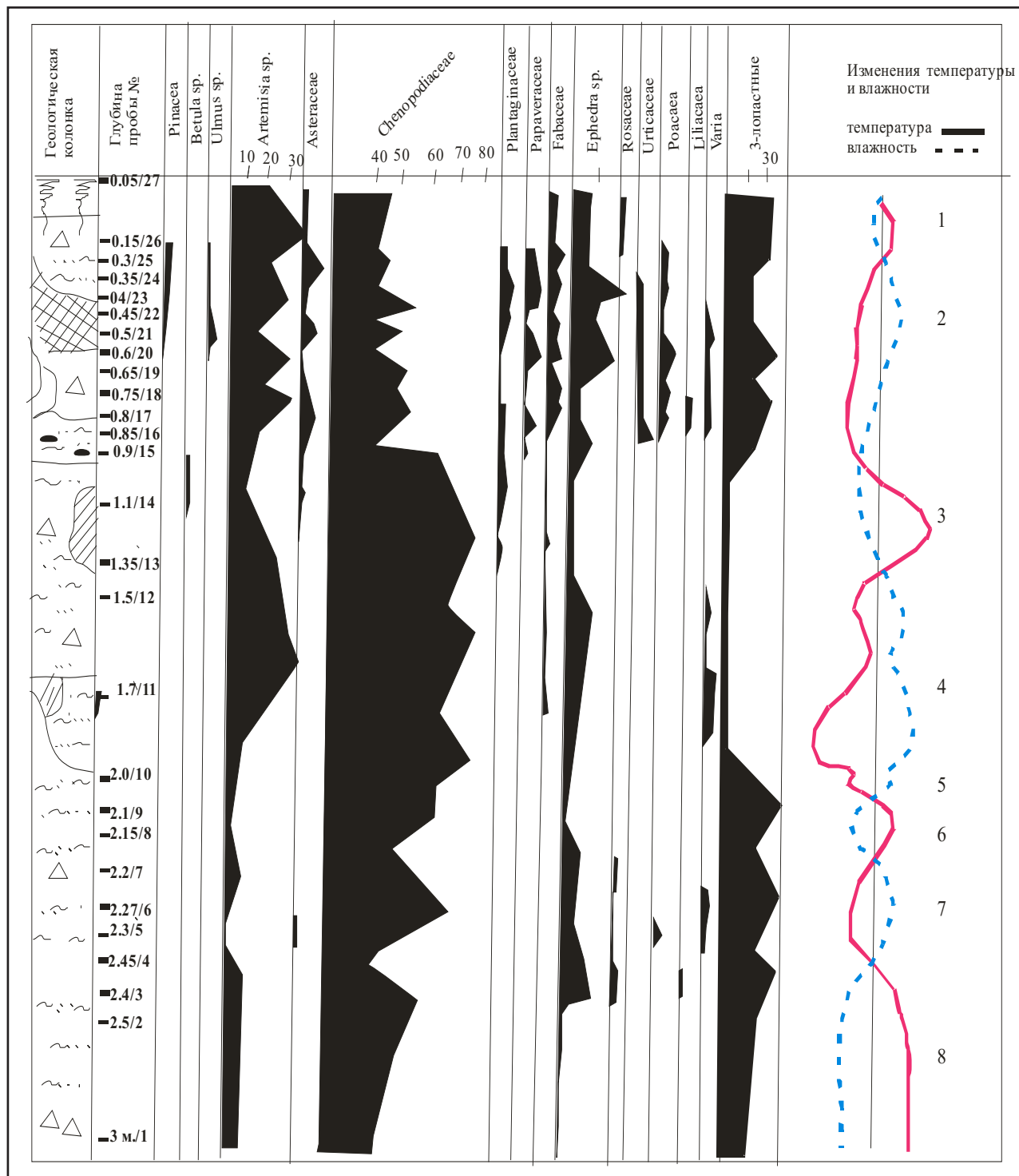

Рис. 17. Палинологическая диаграмма голоценовых отложений урочища Серектас.

сеае) и лютиковых (*Ranunculaceae*). Все это указывает на существование климата относительно более холодного и влажного.

Палинозона 7 представлена более разнообразным составом пыльцы. Здесь также значительная (до 50%) роль принадлежит пыльце сем. Маревых, пыльца эфедры встречается в двух видах, она составляет от 2 до 5 %, пыльца полыней достигает около 10%, 3-поровые 3-бороздные и 3-поровые формы

составляют по 15 %. Единичными ПЗ представлены сем. Гвоздичных, лилейных, цикориевых, розоцветных, зонтичных, бобовых. Климат на этом этапе характеризуется как достаточно умеренный, близкий к современному, возможно, несколько более влажный и прохладный.

Палинозона 6 характеризуется малым числом ПЗ и весьма бедным видовым составом. 72% принадлежит пыльце маревых (*Cheno-*

rodiasaeae), значительно меньшим числом ПЗ представлены *Artemisia* – 16%, сложноцветные – 2%, 3-поровые 3-бороздные – 10%. Климат реконструируется как сухой и жаркий. Палиноспектр, изученный из этого горизонта, представлен немногочисленными мелкими, угнетенными пыльцевыми зернами. Основу спектра составляет пыльца семейства маревых – до 70%, велико значение 3-порово 3-бороздных форм – до 25%, полыни составляют около 5% от общего числа ПЗ. Возможно, климат был достаточно теплым и сухим.

Палинозона 6 характеризуется относительно небольшим числом ПЗ маревых, значительное участие разнотравья, кроме того, здесь установлена пыльца бобовых, розоцветных, крестоцветных, злаков, это позволяет предположить, что климат во время осадконакопления был относительно влажный и прохладный.

Палинозона 5. Пыльца маревых достигает 70%, 3-порово 3-бороздным ПЗ принадлежит 20–25%, полыни составляют 5%–10%. Климат, по-видимому, был близок к современному.

Палинозона 3 отражает интервал преобладанием пыльцы маревых 80%, пыльца 3-порового 3-бороздного типа (возможно, угнетенные ПЗ полыни) достигают 10%, установлена пыльца полыни – 15%. Климат жаркий и сухой.

Палинозона 2 характеризуются малым количеством пыльцевых зерен (ПЗ). В спорово-пыльцевых спектрах доминирующее положение принадлежит пыльце маревых *Chenopodiaceae* – 70% от числа всех ПЗ. Значительно меньше участие пыльцы полыни (*Artemisia* sp.). До 20% достигает пыльца разнотравья. Климат относительно влажный и прохладный.

Палинозона 1. Палиноспектры характеризуются большим числом пыльцевых зерен (ПЗ) хорошей сохранности. Доминирующая роль принадлежит пыльце травянистых растений, в основном представителям сем. Маревых – *Chenopodiaceae* (до 50%), полыням (*Artemisia* sp.) – 20–30%, разнотравью – 15–20%, единичными пыльцевыми зернами представлены *Malva* sp. (*Malvaceae*), *Ephedra* sp., *Taraxacum* sp., *Poa* sp., *Papaver* sp., *Rosa* sp., виды из сем. *Brassicaceae*.

Палинологические данные по разрезам ур. Там-

галы и Серектас однотипны и позволяют нам сделать выводы о климате и растительности эпох конца суббореала и начала субатлантика.

Суббореальный век характеризуется сравнительно прохладными, но влагообеспеченными условиями, которые хорошо улавливаются на спорово-пыльцевых диаграммах и отражены на климатических кривых. Только в конце суббореального периода отмечен период потепления и некоторого иссушения, которое в дальнейшем, в субатлантический век сменяется постепенным увеличением увлажненности, максимум которой приходится на середину субатлантика. С этим же временем связано и наиболее четко зафиксированный холодный и влагообеспеченный этап, как в горах, так и в пустынной зоне, который в некоторых случаях отмечается небольшим изначально грунтовыми криогенными структурами, обнаруженными на стоянках Тамгалы, Серектас (рис. 18).

3.1. Палинологическое изучение содержимого погребальных сосудов кургана Кожабала-I

Курганы являются археологическими объектами, изучение которых дает возможность получить представление об истории и культуре древних племен. Проводимые при этом реконструкции базируются на изучении атрибутов погребального обряда (оружие, посуда, украшения, орудия труда, морфометрия могильных ям и др.), антропологических данных умерших, остеологического материала. Как правило, изделия из металлов, керамики, стекла, минералов, горных пород, раковин сохраняются, в той или иной степени. Однако, предметы органического происхождения, практически не встречаются в захоронениях, если не были созданы особые условия (например, подкурганная мерзлота). В этой связи особый интерес вызывает вопрос типа питания людей, создавших эти курганы. Особый интерес представляют горшки с заупокойной пищей, которые во множестве находят в разновозрастных могильниках и курганах. Как указывают многие авторы, заупокойная пища относится к числу важнейших элементов погребально-поминальной обрядности.

Несмотря на большой интерес к представленной проблеме, в настоящее время еще отсутствуют корректные методические разра-

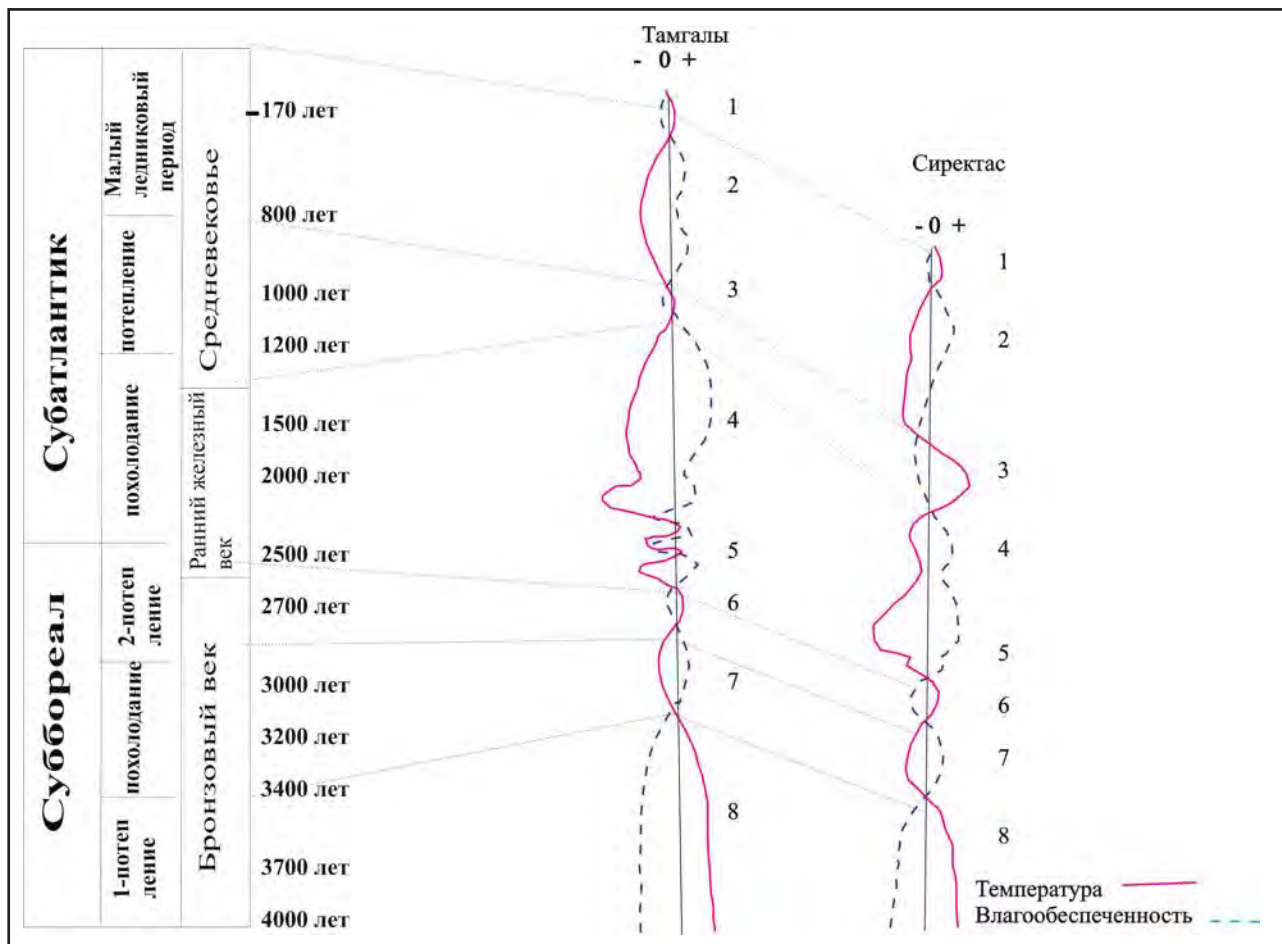

Рис. 18. Схема соотношения голоценовых отложений гор Чу-Или.

ботки для реконструкции содержимого глиняных сосудов из курганных захоронений.

В системе традиционной культуры керамические сосуды рассматриваются не только как предмет, предназначенный для приготовления и хранения пищи, но и как неперменный атрибут ритуально-мифологической практики. Поэтому чрезвычайно важным представляется решение проблемы реконструкции исходного содержимого сосудов, установить культурно-исторические и природно-географические закономерности в использовании заупокойной пищи древними степными племенами.

На карпологический и палинологический анализы было передано 12 образцов грунта из горшков могильника Кожабала с целью попытки реконструировать состав содержимого горшков (таб. 2).

Таким образом, в погребальных горшках из могильника Кожабала-I не было установлено семян и плодов, возможно, в них находилась вода, молоко или бульон, которые не оставили

после себя никаких следов, кроме тех, которые могли бы быть установлены химическими методами. Только в горшке из ограды 19, погребение 2 (образец 6) были установлены фрагменты нагара – тонкие небольшие пластинки размером около 1x 0,5 см и толщиной 1 мм темного цвета, относительно упругой консистенции. Разваривание в пробирке в 10% КОН позволило получить массу, состоящую из плотных растительных волокон, практически не определимых при просмотре под микроскопом.

Палинологическое изучение этих же образцов практически не дало результата, кроме того, что можно предположить, что некоторые горшки были заполнены грунтом уже при захоронении или сразу после него, т.к. палиноспектры практически аналогичны, полученным из контрольного шурфа. В некоторые же горшки грунт проник позже, как бы просачиваясь, об этом косвенно может свидетельствовать бедный состав палиноспектров. Однако, исследования будут продолжены.

Результаты палинологического анализа

Погребение	Наим-е образца	Описание пород	Результаты палинологического анализа
1	Ограда 15	Суглинки более плотные, темно-коричневого цвета, плотно сцементированные, очень влажные, с большим количеством тонких корней	Выделена пыльца маревых – 27 шт. и полыней – 8, 3-лопастных форм – 7 шт. Масса почвенных грибов, фрагменты растительных тканей.
	Ограда 17	Влажные плотные суглинки, темно-коричневого цвета	Установлена единичная пыльца маревых, современная пыльца злаков (2 шт.) и маревых.
	Ограда 18	Пылеватый глинистый грунт	Пыльца маревых и полыней в единич. кол-ве.
	18 - 2	Суглинки плотные, темно-коричневые, сцементированные, с большим количеством тонких корней	Установлена пыльца маревых, современная пыльца полыней
	Ограда 19	Суглинки коричневые, плотные	Пыльца маревых, полыней и 3-х лопастных форм в небольшом количестве – 25 шт. Масса почвенных грибов, фр-ты растит. тканей.
2		Суглинки плотные, темно-коричневые, сцементированные	Установлена пыльца маревых, современная пыльца полыней, в небольшом количестве.
	Ограда 20	Суглинки, с большим количеством корней, форма горшка сохранившаяся	Встречается пыльца маревых и полыней в единичном количестве.
4	Ограда 21	Суглинки светло-коричневые, масса мелких частиц кварца (разрушенный гранит)	Пыльцы не выделено, растительный детрит
3	1	Суглинки плотные, коричневого цвета, плотно сцементированные	Встречается пыльца маревых и полыней в единичном количестве.
	2	Суглинки темно-коричневые, влажные	Встречается пыльца маревых и полыней в единичном количестве.
4		Сухие коричневые суглинки	Пыльцы не выделено, растительный детрит

Заключение

Таким образом, особенности геологического строения района Чу-Илийских гор: сочетание относительно невысоких скалистых участков с ущельями, где протекали родники и произрастали рощи, многоводными в весенне-летний период речками с широкими выположенными долинами, возможность перехода к озеру Балхаш, обилие растительности для выпаса и живности для охоты делало этот регион привлекательным для жизни в течении многих тысячелетий.

В бронзовом и раннем железном веках ландшафты и растительный покров Чу-Илийских гор (пустыни, предгорные степи) были в основном близкими к современным.

Колебания климата вызывали изменения границ ландшафтных зон на равнинах и более значительные изменения в горах, которые могли существенно влиять на условия жизни народов того времени. В течение бронзового века, процессы осадконакопления в аридной зоне были очень незначительным, что позволяло использовать нижние части склонов положительных форм в качестве мест

погребения. В раннем железном веке в условиях большей увлажненности эрозионные процессы усиливались и предопределили передислокацию некрополей и поселений на плоские вершины положительных форм в пустынях.

Плювиальные условия РЖВ существенно изменили возможности аридной зоны. Более низкие температуры, и увеличение количества осадков, длительно сохранявшийся растительный покров, позволил значительно увеличить поголовье скота и дал возможность кочевать по степи на большие расстояния.

Более влажный и прохладный климат создает предпосылки для кочевий в течение почти всего лета, нет нужды держаться за оазисы, наверное, поэтому кочевье более желательно, чем жизнь у оазисов и нет необходимости подниматься в горы. Для кочевого образа жизни и экспансий на другие территории было необходимо как увеличение поголовья вьючных животных (на стоянках РЖВ костные остатки скелетов лошадей стали встречаться в больших количествах), так и поддержания их кормовой базы. Все эти условия выдержаны

в горах Хантау: длительная вегетация растений, родники, тенистые ущелья и теплые скалы. Возможности длительных кочевий способствовали торговле и взаимообмену.

ЛИТЕРАТУРА

Альперович В.Е., Абдрахманов К.А. и другие. Чу-Илийский рудный пояс: Геология Чу-Илийского региона / Под редакцией А.А. Абдулина, В.М. Волкова, Г.Н. Щербы (главный редактор). Алма-Ата: Наука, 1980. 503 с.

Аубекеров Б., Нигматова С.А., Сала Р., др. Палеоклиматические условия аридной зоны Семиречья в эпоху бронзового и раннего железного веков // Природные и социальные проблемы географии аридных территорий. Материалы научно-практ. конф. «Жандаевские чтения», 24–25 мая 2001. Алматы, 2001. С. 26–34.

Аубекеров Б.Ж., Нигматова С.А., Кузнецова Л.Л. Геоморфологическое строение и природные ландшафты Казахстана // Историко-культурный Атлас Казахского народа. Алматы: «Print-S», 2011. С. 6–21.

Аубекеров Б.Ж., Нигматова С.А., Рогожинский А.Е. Геоморфология и геологическое строение района историко-культурного памятника Тамгалы // «Актуальные проблемы геосистем аридных территорий». Материалы Междунар. науч.-практ. конф. Алматы: КазНУ, 2003. С. 289–294.

Владимиров Н.М., Сарсеков А.С. и другие. Чу-Илийский рудный пояс: Гидрогеология и геоморфология Чу-Илийского региона. Алма-Ата: Наука, 1979. 195 с.

Джуркашев Т.Н. Антропогенная история Балхаш-Алакольской впадины / Ред. Медоев А.Г. Алма-Ата: Наука, 1972. С. 102–117.

Иванов А.С., Антоненко А.Н. и другие. Чу-Илийский рудный пояс: Строение земной коры. Алма-Ата: Наука, 1979. 191 с.

Калецкая М.С. Горы Юго-Восточного Казахстана: Текст к «Геоморфологической карте горных областей Юго-Восточного Казахстана» м. 1 : 1000000 / М.С. Калецкая, Г.А. Авсюк, С.Н. Матвеев; предисл. акад. А.А. Григорьева; Казах. фил. АН СССР, Ин-т географии АН СССР. Алма-Ата: изд-во Казах. фил. АН СССР, 1945. 211 с.

Каскарауов Т.Ж. Геологическое развитие и условия формирования россыпей Чу-Илийских гор в неотектонический этап // Автореферат дисс. канд. дисс. Алма-Ата. 1981. 20 с.

Максимова А.Г., Ермолаева А.С., Марьяшев А.Н. Наскальные изображения урочища Тамгалы [Текст]: альбом / Максимова А.Г., Ермолаева А.С., Марьяшев А.Н. Алма-Ата: Изд-во «Өнер», 1985. 144 с.

Метеорологический ежемесячник по метеостанциям за 1990–1995 г.

Национальный Атлас Республики Казахстан. Алматы, 2010. 150 с.

Нигматова С.А. Климатостратиграфия голоцена аридной зоны Казахстана // Известия НАН РК, сер. Геологическая. № 5. 2008. С. 4–15.

Нигматова С.А. Палинологическая характеристика культурных слоев эпохи бронзового и раннего железного века Семиречья (Юго-Восточный Казахстан) // Материалы X Всероссийской палинологической конференции, 14–18 октября 2002 г. М., 2002. С. 171–172.

Нигматова С.А. Проблемы палинологических исследований позднего кайнозоя аридной зоны Центральной Азии // Состояние, перспективы и задачи стратиграфии Казахстана. Алматы, 2002. С. 101–103.

Нигматова С.А., Аубекеров Б.Ж. К вопросу о формировании аридной зоны в Казахстане // Вестник КазНТУ, 2009. № 6. С. 14–17.

Позднышева Д.П. Геоморфология и новейшая тектоника Северо-Западного Прибалхашья // Автореферат. канд. дисс. Алма-Ата, 1971. 21 с.

Сваричевская З.А. Геоморфология Казахстана и Средней Азии. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1965. 296 с.

Семенов В.А., Шимкевич Г.Л. Реки // Казахстан. М.: Наука, 1969. С. 133–154.

Чупина Л.Н. Палинологическая характеристика четвертичных отложений Чу-Илийского региона // Палинологические исследования в Казахстане. Алма-Ата: Наука, 1981. С. 82–87.

Шлыгин А.Е., Токмачева С.Т. Чу-Балхашский район // В кн.: Геология СССР. Т. XL. М.: Недра, 1977. 503 с.

Шлыгин А.Е. Геология СССР. Южный Казахстан. Том 40. С. 26, 364, 386.

Яковлев Д.И. Голодная степь Казахстана. Чу-Балхаш-Илийский водораздел, Бедпак-Дала и Муюн-Кум [Текст]: географическое, геологическое и гидрогеологическое описание / Д.И. Яковлев; Акад. наук СССР. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1941. 142 с.

Нигматова С.А.

Қ. И. Сәтбаев атындағы Геология ғылымдары институты,
Алматы, Қазақстан

ШУ-ІЛЕ ТАУЛАРЫНЫҢ ГЕОЛОГИЯЛЫҚ ЕРЕКШЕЛІКТЕРІ МЕН ПАЛЕОКЛИМАТЫ

Түйін. Аталмыш «Хантау транзиттік дәлізі» аймағы Оңтүстік-Батыс Балқаш аймағында орналасқан Хантау тауларымен шектелген және Шу-Іле, оңтүстігіндегі жазықтықтарымен қоса, эрозиялық-тектоникалық аласа тауларының бөлігі болып табылады. Мұнда, заманымызға дейінгі және заманымыздан кейінгі уақыттарда көптеген халықтардың жолдары мен тағдырлары қиылысқан. Бұл аймақ әрдайым мәдениаралық байланыстардың тоғысқан аймағы болып келді, ал таулар мен айналадағы ландшафттар адамдардың жаппай қозғалысы үшін табиғи шекара болған. Мақалада аймақтың физикалық-географиялық жағдайы, гидрография, геоморфология, геологиялық дамуының арқасында Шу-Іле тауларының заманауи өзіндік келбеті, климаты, топырағы мен өсімдік жамылғысы қалайша қалыптасқаны жайлы негізгі мәліметтер айтылады.

Төрттік шөгінділерін палинологиялық және палеоклиматтық зерттеу материалдары ұсынылған. Голоценнің екінші жартысындағы палеоклимат туралы материалдар (4500 жылдан бастап қазірге дейін) егжей-тегжейлі қарастырылған. Голоцендегі климаттың ылғалдануы мен шөлейттену кезеңдері және өсімдіктердің осы өзгерістерге реакциясы анықталды. Шу-Іле тауларының аумағын зерттеу аталмыш өңірде ежелгі және қазіргі орын алып жатқан геологиялық, тарихи және мәдени оқиғаларды терең түсінуге мүмкіндік береді.

Saida Nigmatova

Satbayev Institute of Geological Sciences,
Almaty, Kazakhstan

GEOLOGICAL FEATURES AND PALEOCLIMATE OF CHU-ILI MOUNTAINS

Annotation. The region, conditionally titled the Khantau transit corridor is confined to the Khantau mountains situated in southwest Balkhash and is part of the Chu-Ili erosion-tectonic lowhills with adjacent plains in its south parts. Here, during the prehistorical and historical times, crossed paths and fates of many ethnics. The region was always a frontier zone for intercultural contacts, and the mountains and surrounding landscapes served as natural boundaries for large-scale mass migrations of peoples. The article contains information on physical-geographical positioning of the region, hydrography, geomorphology, geological development of the given territory, which favoured the present-day specific appearance of the Chu-Ili mountains, and data on the climate, soil-vegetation cover.

Presented are materials on palinological and paleoclimatic studies of Quaternary sedimentation. The data on paleoclimate of the second half go Holocene are provided (4500bp to now). Periods of precipitation and aridisation of climate during the Holocene have been established, along with the related reaction of vegetation. Research of the Chu-Ili mountain area provides clues to deep understanding of geological and historical-cultural events, occurring in the region in antiquity and in contemporary times.

Рогожинский А.Е.

Институт археологии им. А. Х. Маргулана,
Алматы, Казахстан

ИЗ ИСТОРИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ЧУ-ИЛИЙСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ

Аннотация. Изучение памятников археологии в западной части Семиречья в пределах Чу-Илийского междуречья началось в последней четверти XIX в. и продолжается до настоящего времени. Выделяются периоды наиболее активных исследований: в 1980-е годы и в течение первых десятилетий XXI в. Ведущими направлениями исследований представляются изучение памятников бронзового века и наскального искусства Чу-Илийских гор. Наряду с этим развивается археология тюркского периода и Нового времени. На основе археологических и других источников выявляется историко-культурное значение Чу-Илийского междуречья как зоны транскультурного взаимодействия и узлового участка межрегиональных коммуникаций.

Чу-Илийское междуречье как транскультурный трансфер

Чу-Илийский водораздел образует протяженная область низкогорья и мелкосопочника, отделяющая водосборные бассейны рек Или (Иле) в ее низовье и Чу (Шу) в среднем течении. От северо-западного предгорья Заилийского (Илейского) Алатау до Западного Прибалхашья, имея общую протяженность более 200 км, располагаются Чу-Илийские (Шу-Илейские) горы – система хребтов северо-западной ориентировки, разделенных обширными межгорными впадинами; осевая часть гор образует водораздел рек Чу и Или [Историко-культурный атлас, 2011, с. 13–14]. Название гор условно принято в географической литературе со второй половины XIX в., в период активного изучения внутренних областей Азии российскими и европейскими естествоиспытателями, поскольку в исторические времена эта горная система общего названия не имела [Яковлев, 1941, с. 32–33]. На это указывает существование наименований отдельных крупных географических единиц района, которые нашли отражение в картографии и других источниках

XVIII–XIX вв., при отсутствии упоминаний о едином названии всей горной системы, окруженной пустынями Мойынкум на западе, Сарытаукум, Жусандала на северо-востоке и Бетпакдала на северо-западе.

Под общим названием «Чу-Илийские горы» объединяются несколько крупных возвышенностей: горы Киндыктау, или Киндыктас – по наименованию самой высокой точки, 2200 м; горы Айтау – на северо-запад от гор Жалпактас до северной оконечности Хантау, включая крупные массивы с наивысшими отметками – Кулжабасы (г. Кушоки, 1178 м) Аныракай (г. Тымлайшоки, 1242 м), Хантау (г. Сункар, 1024 м); горы Жамбыл (972 м). Горы Айтау на юго-востоке отделяет от Киндыктаса широкая равнинная впадина, по которой протекает р. Копа, приток Курты. Юго-западные пределы Айтау проходят вдоль долины р. Чокпар (Шокпар) к западу от одноименного невысокого перевала на водоразделе, который в исторические времена служил главной точкой пересечения Чу-Илийских гор в широтном направлении; в индустриальную эпоху целесообразность проведения через перевал Чокпар железнодорожного пути Туркестано-Сибирской магистрали установлена геологом

П.И. Преображенским в 1906 г. [Преображенский, 1910].

В геоморфологическом плане Чу-Илийские горы представляют собой систему низких гор и мелкосопочника (горсты), разделенных межгорными тектоническими впадинами (грабенами) [Историко-культурный атлас, 2011, с. 13–14]. Здесь мало рек, многие из них пересыхают к началу лета; в жаркий период солоноватая вода родников и плёсов обеспечивает людей и животных влагой. Наиболее крупными реками района являются Копа, Ащису, Жынгылды, Чокпар, Сарыбулак и Копалы. Они берут истоки на водораздельных участках, где сохранились остатки мезозойского пенеплена, явившегося исходной поверхностью для последующего расчленения эрозионной сетью и образования мелкосопочника.

Чу-Илийское междуречье лежит в зоне пустынь с засушливым резко континентальным климатом: годовая амплитуда колебаний температур воздуха 79° С, среднегодовой уровень осадков составляет 195–206 мм. Растительный и животный мир обусловлен принадлежностью района к пустынно-степной зоне, но довольно разнообразен. По условиям экологии Чу-Илийский район вместе с прилегающими с востока, севера и запада пространствами пустынь традиционно является зоной кочевого и отгонного животноводства, местом сезонных (преимущественно зимних и весенне-осенних) стоянок скотоводов. Обширные пространства пенеплена на водораздельных участках основных долин особенно благоприятны для кочевников: при невысоком снежном покрове они являются хорошими зимними пастбищами для больших стад лошадей и овец. Летними и промежуточными сезонными кочевьями служат межгорные долины мелкосопочника, а также высокогорные пастбища на склонах Заилийского Алатау, удаленные от зимних стойбищ всего на 50–100 км. Горная часть Чу-Илийского междуречья относится сегодня к самым малонаселенным районам Семиречья с плотностью населения менее 1 чел. на кв. км [Ерофеева и др., 2008, с. 44–47, 99–105].

Особое место занимает район юго-западного предгорья Киндыктаса с прилегающей равниной Чуйской долины, который благодаря гидрографическим особенностям водотока

р. Чу отличается наиболее благоприятными условиями для прочной оседлости на базе поливного земледелия и отгонного скотоводства. К этому же географическому району относится одно из самых крупных рудопроявлений меди на юго-востоке Казахстана со следами древних разработок – месторождения Шатырколь, Жайсан, Унгури и др. [Берденов, 2008, с. 52].

В целом, ландшафтно-климатические условия, природные ресурсы и само географическое положение Чу-Илийского междуречья, по меньшей мере, с бронзового века делали эту область особенно привлекательной для специализированного скотоводства, развивавшегося на периферии осело-земледельческих оазисов Чуйской, Илийской долин и предгорной полосы Северного Тянь-Шаня. Еще большее значение данный район приобретал в системе региональных коммуникаций Центральной Азии. В разные исторические периоды здесь сходились пути, ведущие из Среднеазиатского междуречья (через Фергану и Шаш) к оазисам Восточного Тянь-Шаня и далее в Китай, а также на север и северо-восток – к металлоносным месторождениям Сарыарки и Алтая, в Южную Сибирь и Монголию. Узловая коммуникационная роль Чу-Илийского «коридора» заметно возросла в те времена, когда предгорная полоса Тянь-Шаня вместе с долинами Или и Чу становилась зоной устойчивой оседлости и развитой городской культуры (от раннего средневековья до тимуридского времени), но кочевничество при этом неизменно сохраняло ведущее значение в культурно-хозяйственной жизни населения региона.

Таким образом, сосредоточение в Чу-Илийском междуречье примечательных памятников древней и средневековой культуры, которые отражают многосторонние региональные контакты его населения, представляется закономерным. В исторической ретроспективе роль коммуникационного коридора Чу-Илийского междуречья ярко проявляется от Нового времени до раннего средневековья включительно. В конце XVII – середине XVIII в. здесь размещались крупные сторожевые джунгарские отряды и караульные пункты, прикрывавшие с запада пути, ведущие в Семиречье. Отсюда через Казахскую степь к Волге вела главная стратегическая магистраль – Большая

Калмыцкая дорога, соединявшая кочевую ставку (ургу) джунгарских ханов и Тибет с волжскими калмыками [Ерофеева и др., 2008, с. 44–47, 92–94]. Сюда же устремился главный поток «последнего великого кочевья» волжских калмыков, покинувших пределы России в 1771 г. [Колесник, 2003, с. 215–216]. В раннее средневековье обладание именно этим районом давало разным группам тюркских племен («десятистрельным» тюркам, тюргешам, огузам и карлукам) экономическое и военно-политическое преимущество перед остальными кочевниками, соперничавшими за установление контроля на важном перекрестке трансрегиональных коммуникаций в эпоху процветания Шелкового пути.

Еще один акт далеких миграций и культурных контактов на Чу-Илийском водоразделе кочевников поздней античности раскрывают обнаруженные здесь наскальные рисунки и тамги, распознавание которых дополняет историю завоевания Греко-Бактрии и происхождения правителей Кушанского царства и древнего Хорезма [Rogozhinskii, Yatsenko, 2015; Рогожинский, 2016]. В эпоху бронзы Чу-Илийское междуречье отчетливо выделяется как район высокой концентрации памятников, отражающих активное взаимодействие пастушеских племен с оседло-земледельческим миром Средней Азии [Рогожинский, 2011 а], которое сопровождалось, по-видимому, сложением здесь своеобразного идеологического и, возможно, этнополитического центра. Характер межрегиональных связей и содержание исторического процесса в древнейшие эпохи шаг за шагом раскрываются в продолжающемся изучении памятников археологии Чу-Илийского культурного «коридора».

Этапы изучения памятников археологии

Около полутора столетий охватывает период, в течение которого происходило изучение древнего прошлого западной части Семиречья (о историко-географическом содержании названий «Семиречье» и «Жетысу» см: [Рогожинский, 2019]). На этом временном отрезке формирования научных представлений об истории края – от первых случайных откры-

тий до современного систематического выявления, регистрации и комплексного исследования археологических памятников района – можно выделить три этапа: *начальный*, когда эпизодические путешествия ученых-натуралистов и энтузиастов-краеведов доставляли отрывочные известия о древностях этих мест; *ранний*, когда отечественными археологами впервые совершались целенаправленные поиски и профессиональные раскопки памятников Чу-Илийских гор; *современный*, характеризующийся как этап широкого, непрерывного, углубленного изучения памятников в соединении с задачами их сохранения и популяризации.

Начальный этап (середина XIX – середина XX в.). Первым европейцем Нового времени, который проследовал степным путем из Орска до северной оконечности Чу-Илийских гор, был майор русской армии Карл Миллер, направленный с дипломатической миссией в ставку джунгарского хана Галдан-Цэрена в 1742 г., однако «Журнал поездки» К. Миллера не содержит упоминаний об исторических достопримечательностях тех мест [История Казахстана, 2007, с. 101–135].

Начало научным изысканиям в Чу-Илийских горах положено экспедицией А.И. Шренка, который в 1843 г. «достиг гор Хантау, оттуда через р. Или, Лепсу, Аягуз возвратился в Семипалатинск» [Мушкетов, 1886, с. 103]; маршрут экспедиции доходил до горного массива Аныракай, но внимание исследователя преимущественно занимали флора и фауна района [Ерофеева и др., 2008, с. 63]. Изучение края ускорилось после вхождения Семиречья в состав Российской империи, и уже в конце 1860-х гг. появились глазомерные карты, на которых изображены контуры основных массивов и речной системы Чу-Илийского водораздела [Яковлев, 1941, с. 29]. Малоизученный и малонаселенный район постепенно приобретал на топографических картах правильные очертания, снабженные местной топонимикой. Экспедиция геолога Г.Д. Романовского в 1875 г. провела ряд маршрутов на северо-запад от р. Курты «в сообществе любителя естественных наук и знатока местной этнографии полковника А.А. Кушакевича» [Романовский, 1878, с. 5]. Созданная Г.Д. Рома-

новским карта горной страны к юго-западу от Балхаша входит в число первых картографических материалов, дававших представление о геологическом строении и рельефе Чу-Илийских гор [Яковлев, 1941, с. 22], но в трудах ученого так же не найти сведений по археологии исследованного края. Важным достижением дореволюционной картографии стали десятиверстные листы западного района Семиречья, отличающиеся большой детальностью, а также карта Верненского уезда, составленная под руководством П.П. Румянцева в 1911 г. на основе всех имевшихся топографических материалов и данных, на которой довольно подробно, хотя с существенными искажениями, полностью изображена область Чу-Илийских гор [Материалы, 1913, с. 1].

Первое археолого-этнографическое описание западной части Семиречья выполнено геоботаником А. Н. Красновым, который по заданию П. П. Семенова весной 1886 г. совершил рекогносцировочную поездку через Чу-Илийские горы к Балхашу. Результаты экскурсии публиковались Российским географическим обществом сначала в виде краткого изложения редактором писем-отчетов А.Н. Краснова в разделе «Вести об экспедициях Общества» [Вести, 1887, с. 346–351], а затем представлены самим исследователем в «Очерках быта семиреченских киргиз» [Краснов, 1888 б, с. 436–481]. «Верхом на лошади, имея сзади себя пару наемных верблюдов, – пишет А.Н. Краснов, – я совершил следующий путь по области: сперва к поселку Илийскому и вниз по течению Или до Курту; затем вверх по Курту к горам Куль-джа-басы, Андрахай и по водоразделу Чу и Или до реки Карасай, залива Ала-куль и гор Ат-лескен на берегах Балхаша; обогнувши Ала-куль на обратном пути, я прошел в урочище Камау и пески Таукум на берегу Или, откуда через горы Хан-тау, Далакайнар и Кендык-тау, я мимо Кастекского перевала перешел в Верный» [Краснов, 1888 а, с. 137]. В сопровождении двух проводников-казахов и сибирского казака А. Н. Краснов пересек центральную часть Чу-Илийского водораздела с юго-запада на северо-восток. На пути естествоиспытателя оказалось немало памятников древней культуры, описание которых открывает историю археологического

изучения Западного Семиречья. В заметках А.Н. Краснова впервые упоминаются курганы, каменные изваяния и петроглифы урочища Ойжайлау в горах Киндыктас, при этом детальность их описания говорит о личном ознакомлении ученого с памятниками данной местности.

Отметив разнообразие древних курганов, А.Н. Краснов дополнительно сообщает: «Сравнительно редко на них, большею частью попарно, попадаются иногда грубо, иногда более изящно сделанные из гранита каменные бабы. То попадаются едва заметные высеченные на камне черты человеческого лица, то, напротив, целые фигуры, изображающие человека в колпаке, с чашею, прижатою к груди, и с мечом за поясом. Такие бабы есть около Иссык-Куля близ Преображенского, есть они на горах Кандык-тау и около Балхаша. Эти бабы нередко находятся в связи с довольно здесь распространенными изображениями на скалах. Такие изображения попадаются близ урочища Дала-кайнар, между горами Хан-тау и Андракай, и особенно много в горах Кандык-тау в урочище Ой-джайлау, в верховьях речки Узун-су.

Тут попадаются всадники, вооруженные луками и стрелами; другие держат в руках длинные копья с значками и имеют у пояса кривые сабли. Их длинные одежды напоминают халаты. Сцены представляют чаще всего охоту. Люди всегда окружены оленями, архарами, лисами, тиграми, кабанам и какими-то очень крупными животными с толстым пушистым хвостом и клыками, подобными мамонтовым; в ущелье попадаются также изображения верблюда – именно, двугорбого. Рисунки грубы, полустерты; гранитные скалы, на которых они изображены, подвергаются разрушению, и, надо думать, если археологи не поспешат заняться изучением этих остатков, они скоро бесследно пропадут для науки» [Краснов, 1888 б, с. 472–473].

А.Н. Краснов не только первым из ученых описал некоторые петроглифы Чу-Илийских гор, но также сделал их копии, т. е. впервые создал графическую документацию этих памятников: «В Чу-Илийских горах на скалах высечена масса изображений людей с луками и животных. Это целый зоологический атлас,

где тау-тэкэ, архары, маралы, верблюды и другие звери изображены во множестве. Часто попадаются изображения зверя, крайне похожего на мамонта. Эти изображения я тщательно скопировал. Киргизы ничего не знают о происхождении этих рисунков. Надписей при них нет, а предположения туземцев, что горы разрисованы китайцами, «скуки ради», конечно, не заслуживают внимания» [Вести, 1887, с. 351]. Нужно отметить, что первая фотографическая фиксация наскальных изображений Чу-Илийских гор произведена Н. Н. Пантусовым в 1897 г.

Осенью 1887 г. служебную поездку вдоль западных склонов мелкосопочника Айтау до гор Хантау и Жамбыл совершил начальник Верненского уезда подполковник Н. М. Изразцов – автор записок об обычном праве семиреченских казахов, подготовленных в 1879–1881 гг. на основе специального изучения быта казахов восточных районов Семиреченской области, которые полностью изданы только в наши дни [Изразцов, 2011]. Не известной до

настоящего времени оставалась и составленная землемером И. К. Ароновым по заданию Н. М. Изразцова в 1887 г. подробная карта западной части Чу-Илийских гор, правобережья Чуйской долины и юго-западной оконечности Балхаша, на которой обозначены названия многих урочищ, остатки ирригационных каналов и средневековых городищ Истюбе и Актюбе с описанием их внешнего вида и сделанных находок (рис. 1, 2).

«Трудно сказать, – пишет в своем рапорте Н. М. Изразцов, – были ли это селения или небольшие крепостцы, пожалуй, последнее вернее. Ныне это бугры разных размеров. ... На всех буграх сверху масса черепков глиняных неглазурованных корчаг и горшков (красной глины и серой с песком), украшенных рядами звездочек, множество костей людей. ... На буграх и около дети местных киргизов находят медные монеты с отверстием в середине, остатки луков, стрел, копий, медные серьги, бусы, обломки различных изделий из камня» [ЦГА РК. Ф. И-64. Оп. 1. Д. 4163.

Рис. 1. Карта западной части Чу-Илийских гор и юго-западной оконечности Балхаша, составленная по поручению Н. М. Изразцова в 1887 г. ЦГА РК. Ф. И-64. Оп. 1. Д. 4163. Л. 61.

Рис. 2. Фрагмент карты 1887 г. с указанием некоторых археологических памятников и достопримечательностей Чу-Илийских гор. ЦГА РК. Ф. И-64. Оп. 1. Д. 4163. Л. 61.

Л. 54 и об., 61]. На полях документа внизу листа сохранился автограф Н.А. Аристова (рис. 3), служившего тогда вице-губернатором Семиреченской области: «О развалинах городов по р. Чу упоминает в своей Тарихи-Рашиди известный Мухаммед-Хайдар, кашгарский летописец начала XVI столетия. Он приводит датированную 711 годом гиджры (1311 г. от Р. Х.) надпись на могильном камне, сохранившемся в его время в развалинах одного из древних городов на Чу, присовокупляя, что таких го-

родов было очень много (см. Вельяминов-Зернов. Исследование о Касимовских царях. 1864 г., ч. 2, стр. 162). Н.А. Аристов. 20 ноября 1887 г.». К заслугам Н.А. Аристова нужно также отнести написание первого источниковедческого обзора по археологии Семиреченской области, включавшего сведения о памятниках между-речья Чу и Или, которые были выявлены уже к концу XIX столетия [Аристов, 2001, с. 53–83].

В 1889 г. вышла статья В.М. Флоринского, врача и археолога, устроителя Томского уни-

верситета, посвященная курганам Семипалатинской и Семиреченской области [Флоринский, 1889, с. 15–31], в которой помимо собственных наблюдений над устройством древних могильных насыпей автором использованы сведения, собранные по его просьбе инспектором народных училищ Семиреченской области Дмитрием Городецким, отцом будущего известного верненского краеведа и гляциолога В.Д. Городецкого (1878–1943). Приложением к статье В.М. Флоринского выступает своего рода «итинерарий», составленный семиреченским деятелем просвещения, по долгу службы регулярно совершавшим объезд области по тогдашним почтовым трактам: на отрезке между станциями Самсы и Курдай близ дороги им учтены и кратко описаны 39 групп древних курганов [Городецкий, 1889, с. 43–45]. Сам автор отмечал, что его «наблюдения сделаны поверхностно, большею частью из экипажа, во время проезда, причем не было сделано ни тщательного осмотра большинства курганов, ни их измерения. Поэтому представляемый материал может иметь не описательное, а

лишь числительное значение и при том далеко не полное» [Флоринский, 1889, с. 31]. Несмотря на такую строгую оценку, это был первый опыт систематического учета археологических памятников определенного вида не только в подгорной полосе Тянь-Шаня в пределах Чу-Илийского междуречья, но и Семиреченской области в целом, которым могли воспользоваться будущие исследователи края. Заметим, что в первом своде памятников археологии Казахстана советского времени данная публикация по курганам Семиречья ошибочно приписывается В.Д. Городецкому [Археологическая карта Казахстана, 1960, Указатель I, 193].

Первые артефакты из древних и средневековых курганов Чу-Илийского района оказались добытыми в ходе незаконных грабительских раскопок и стали известны благодаря предпринятым колониальной администрацией мерам к пресечению практики систематического уничтожения культурного наследия. В последнее десятилетие XIX в. западные районы Верненского уезда Семиреченской

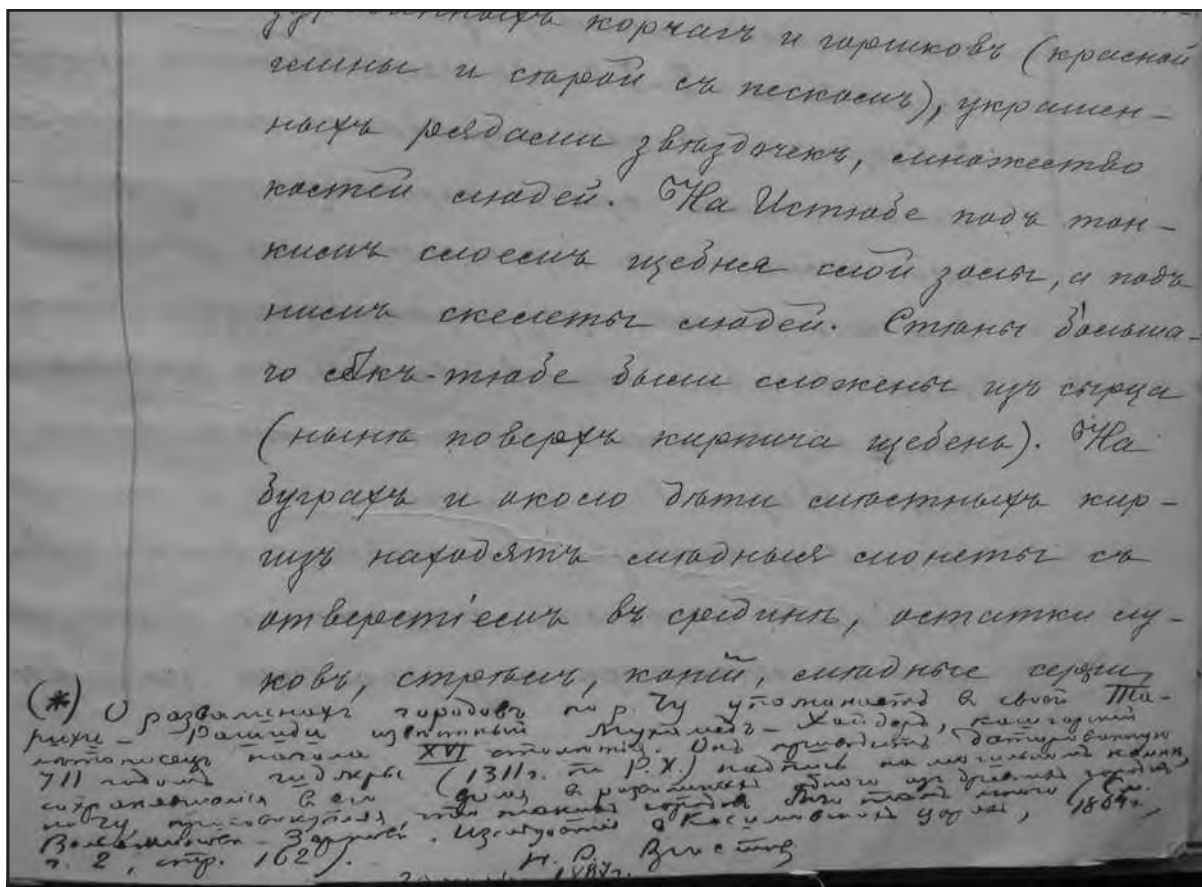

Рис. 3. Примечание Н. А. Аристова (автограф) на странице служебного рапорта Н. М. Изразцова, 1887 г. ЦГА РК. Ф. И-64. Оп. 1. Д. 4163. Л. 54.

области захлестнула волна кладоискательства, сопровождавшегося массовым разрушением местным населением древних памятников Чу-Илийских гор [Рогожинский, 2011 б]. Бум кладоискательства был спровоцирован развернувшимися во второй половине 1880-х гг. в Чуйской долине раскопками несторианских кладбищ близ Пишпека и Токмака, организатором которых выступила Императорская Археологическая комиссия с привлечением семиреченских энтузиастов и археологов-любителей В. Ф. Пояркова, А. М. Фетисова и Н. Н. Пантусова. Первые широкомасштабные археологические изыскания в крае проводились на фоне широкого оповещения населения о необходимости передачи случайно найденных древностей колониальному начальству, которое гарантировало уплату за них значительных сумм. Однако вместо ожидаемого результата такая неосторожная политика властей стимулировала коммерческий интерес кочевых и оседлого населения области к памятникам археологии, побуждая к самостоятельным хищническим раскопкам. Очаг кладоискательства, возникнув в кыргызских волостях Чуйской долины, быстро распространился на прилегающие районы, включая Аулиеатинский уезд Сырдарьинской области и западную часть Верненского уезда, т. е. Чу-Илийское междуречье, населенные казахами Старшего жуза.

Весной 1892 г. К. П. Зенков, служащий Отарского почтово-телеграфного отделения (станция Отар находилась на почтовом тракте у подножия гор Акташ, на правом берегу р. Талдыбулак), сообщал в письме Н. Н. Пантусову: «Живя в Отаре уже около 4-х лет, я вижу, что с каждым годом киргизы Ргайтинской, Анракайской, Кастекской, Курдайской, Калгутинской, Чуйской волостей разрывают древние могилы. Неужели нельзя этого им запретить? Находят они разные золотые, серебряные вещи и употребляют их на свои надобности. ... Могилы эти неглубоки, всего аршина четыре глубины и квадратный аршин в диаметре, на каждой такой могиле каменные бабы, изображающие человека, мужчину и женщину, голых, с изображением детородных членов. В самой же могиле находятся кости человека и лошади; под левой мышкой скелета киргизы

находят большей частью золотые и серебряные вещи небольших размеров, как-то: серьги, браслеты, маленькие чашечки и т. д. Разрыть такую могилу можно в день при усилении трех человек. В настоящее время начиная от станции Узунагачской и вниз по р. Чу к Балхашу разрыто таких... более 700 могил. Неужели в здешнем крае не найдется человека обратить на это внимание!» [Археология Семиречья, 2011, с. 299] Летом того же года по распоряжению военного губернатора области штабс-ротмистром Д. Ф. Варагушиным с двумя сопровождавшими его понатыми было произведено специальное расследование по делу о самовольных раскопках; свой отчет он сопровождал глазомерным планом (рис. 4) «участка местности Верненского уезда, в котором произведены раскопки древних могил» [НА ИИМК РАН. РА. Ф. 1. 1892 г. Д. 15. Л. 39].

Следственная группа проехала от Отара на юго-запад до р. Калгуты, вдоль западного склона Киндыктаса через долины Сарыбулак, Шатырколь, Унгурли и Теректы на север, затем от Шокпара к горам Желдыбе в истоках р. Жынгельды и далее через Сарыбастау, обогнув с северо-запада горы Доланкара, направилась к урочищу Алмалы и вновь до станции Отар. На всей очерченной территории, приблизительно соответствующей нынешним Кордайскому и Чуйскому районам Жамбылской области, а также Жамбылскому району Алматинской области, обнаружены следы грабительских раскопок около 800 курганов. Как видно, в западных волостях Верненского уезда, удаленных от тогдашних административных центров Семиречья, среди коренного населения кладоискательство не только приняло особенно широкий размах, но и получило организованную форму, поскольку в мобилизации соплеменников на поиск древностей ведущую роль сыграли волостные управители и отдельные бии аулов и волостей.

По итогам проведенного следствия непосредственные участники раскопок (до 200 человек) были преданы суду, а управители семи кочевых волостей отстранены от должностей приказом военного губернатора от 2 сентября 1892 г.: «Волостные управители волостей Чуйской... Курдайской... Калгутинской... Западно-Кастекской... за ложное донесение

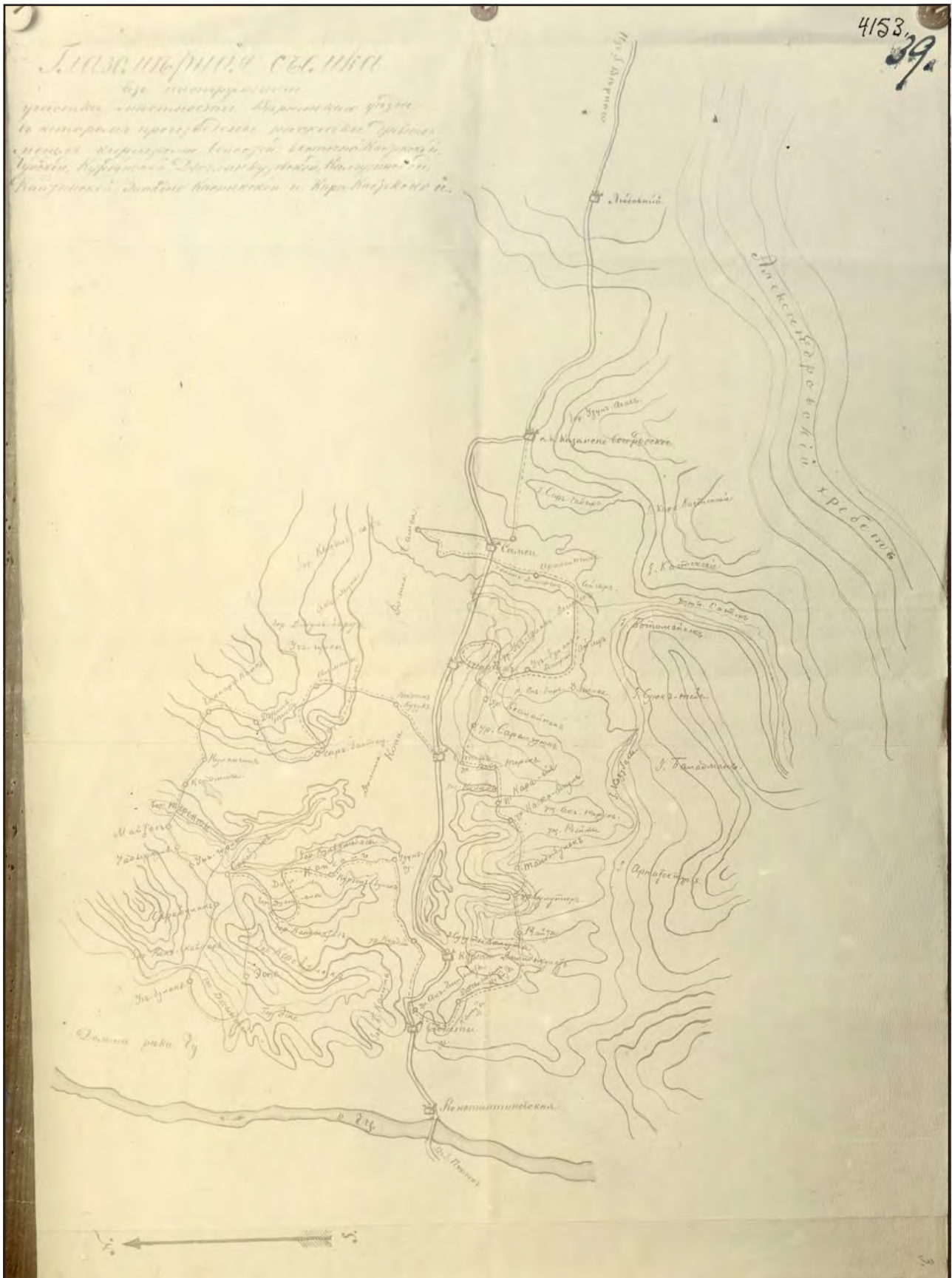

Рис. 4. Схематическая карта западной части Верненского уезда, в которой производились самовольные раскопки древних могил, 1892 г. НА ИИМК РАН. РА. Ф. 1. 1892 г. Д. 15. Л. 39а.

верненскому уездному начальнику о том, что в местностях, находящихся в их ведении, раскопок древних могил нет, и за неказание г-ну обер-офицеру по военной части штабс-ротмистру Варагушину при производстве им дознания содействия к раскрытию виновных в разрытии могил, а также управитель Ргайтинской волости..., приказывавший старшинам прикладывать печати в том, что раскопок нет, и бий № 1 аула Западно-Кастекской волости... который не только сам производил раскопки, но приказывал раскапывать могилы другим киргизам, – удаляются от занимаемых ими должностей...» [Рогожинский, 2011 в, с. 21–22]. Изъятые в ходе следствия предметы, добытые из могил, составили «3 тючка» или около 50 предметов, были пересланы в Императорскую Археологическую комиссию [Отчет Археологической комиссии, 1894, с. 94–95; НА РГО. Ф. 1. Оп. 1. 1892. №15. Л. 32–32 об.]; полная публикация архивных материалов и зарисовок изъятых в 1892 г. предметов осуществлена недавно [Археологическая карта Казахстана, 1960, с. 39, 40; Археология Семиречья, 2011, с. 298–310; рис. 18–22]. По-видимому, в горах Киндыктас и Айтау в конце XIX века массовому разрушению подверглись преимущественно курганы и мемориалы с каменными изваяниями кочевников раннего средневековья, однако при исследовании в наши дни захоронений бронзового века здесь также фиксируются следы относительно поздних перекопов и разрушения могил.

Вскоре после описанных событий в Чу-Илийских горах были проведены первые раскопки с научной целью. Осенью 1897 г. семиреченский археолог-любитель Н.Н. Пантусов осмотрел памятники вблизи каньона р. Курты (Куртинский Капшагай), а затем обследовал местность Жалпактас на юго-восточной оконечности гор Айтау. На этом маршруте уполномоченный агент Императорской Археологической комиссии в Семиреченской области отметил многочисленные следы недавних грабительских раскопок: «На всем пространстве Джалпак-таса разбросана масса могил больших и малых размеров; иные из них еле заметны; очень многие из этих могил раскопаны киргизами; они доставали себе из них некоторую добычу. Я тоже пытался поискать

чего-нибудь в разрытых могилах, которые кетменями были очищены; однако в них ничего не оказалось. Могилы были обложены громадными перпендикулярными глыбами плоских камней или плит» [Пантусов, 1899, с. 66]. Судя по зарисовке и описанию раскопанной могилы, Н. Н. Пантусов исследовал одно из погребений, вероятно, относившееся к раннему железному веку (подобные могилы, обложенные плоскими плитами, с боковой нишей для погребальной посуды, в 1957 г. исследованы А.Г. Максимовой вблизи Тамгалы) [Рогожинский, 2011 в, р. 235, 236]. Недалеко от Жалпактаса им найдены наскальные изображения, и сделанный здесь снимок является первой фотографией петроглифов Чу-Илийских гор: на ней запечатлены разновременные изображения животных и тамгообразный знак тюркского времени [Рогожинский, 2011 в, рис. 3].

Только по фотографиям и описанию Н.Н. Пантусова известны тибетские надписи на скалах и отдельных камнях, обнаруженные на правом берегу р. Курты, в нижней части каньона – Куртинского Капшагая, ныне образующего борта водохранилища [Пантусов, 1899, с. 63–64; Археология Семиречья, 2011, с. 30]. В урочище Таскотан на левом берегу Курты, пишет Н.Н. Пантусов, «мы нашли три могилы. Крайняя к реке была целая, некопаная, а средняя раскопана киргизами (казахами – А.Р.) и в нее вложены были одна разбитая каменная баба и три целых бабы. Мы разрыли эту могилу, извлекли баб и сняли их на другой день фотографически» [Пантусов, 1899, с. 64; Археология Семиречья, 2011, рис. 31]. Так впервые после сообщения А.Н. Краснова в Чу-Илийском междуречье были документально зафиксированы поминальные мемориалы с каменными скульптурами тюркского времени. Наконец, в урочище Караэспе к востоку от местности Жалпактас исследователь обнаружил колодец Танбалытас, возле которого сфотографировался вместе с группой сопровождавших аульных старшин на фоне нарисованного на скале изображения «человеческого лица». В действительности на фотографии запечатлены стилизованные тамги казахов племени сарыуйсун Старшего жуза, через земли которых путешествовал Н.Н. Пантусов [Рогожинский, 2010, с. 118–119]. К сожалению,

проведенные в наши дни специальные поиски перечисленных памятников, открытых Н.Н. Пантусовым в районе каньона Курты и урочища Жалпактас, не увенчались успехом.

Ранний этап (середина – вторая половина XX в.). Изучение археологических памятников Чу-Илийских гор прервалось на полстолетия сразу после первой научной экскурсии, проведенной Н.Н. Пантусовым в конце XIX века. За этот период не найти публикаций об исследовании здесь памятников древней культуры, несмотря на то, что продолжались геологические и другие изыскания, связанные с хозяйственным освоением района (строительство Турксиба, мелиорация Чуйской долины и поиск полезных ископаемых), в ходе которых происходили и археологические открытия [Яковлев, 1941, с. 446–458; Маргулан, Агеева, 1948, с. 131]. Вместе с тем, все более обозначалась зависимость географии, масштабов и содержания археологических исследований от направленности генеральных программ народно-хозяйственного развития страны и регионов в условиях централизованной плановой экономики.

Первым известием, прервавшим полувековое затишье в изучении Западного Семиречья, стала статья Л.Р. Кызласова о Сарыбулакской писанице, которая была открыта в 1948 г. в горах Жамбыл, на севере Чу-Илийских гор, «при транзитном переходе Центрально-Казахстанской археологической экспедиции через Бетпак-Дала» [Кызласов, 1950, с. 140]. Л.Р. Кызласов, тогда еще начинающий археолог-фронтвик, уже обладавший определенными навыками исследования [Кызласов, 2017, с. 73], сумел зафиксировать, детально охарактеризовать сложную композицию на скале «суреттас» и обоснованно предложить датировку петроглифов сакским периодом, что стало первым опытом научного анализа памятников наскального искусства Чу-Илийских гор. Так же впервые среди древних рисунков были опознаны тамгообразные знаки, по-видимому, относящиеся к средневековой эпохе [Кызласов, 1950, с. 142; рис. 47].

Целинная эпопея и многолетняя программа составления «Археологической карты Казахстана» оживили в 1950-е гг. поиски и раскопки памятников, расположенных в равнинных ланд-

шафтах Чу-Илийского междуречья, почти не затрагивая горную зону района [Археологическая карта Казахстана, 1960, с. 21–23].

В 1956 г. Семиреченской археологической экспедицией ИИАЭ АН Казахской ССР под руководством Е.И. Агеевой обследована предгорная область Алатау от р. Курты до Кордая, нанесены на карту десятки курганных могильников, а вблизи п. Актерек раскопаны две поминальные оградки и семь курганов с грунтовыми погребениями, отнесенные к усуньскому времени, III–I вв. до н. э. [Агеева, 1961, с. 26–28, 35, 37; рис. 5; Археологическая карта Казахстана, 1960, с. 283–296]. Тогда же Г.И. Пачевич обследовал и произвел шурфовку небольшого укрепленного поселения Керимбайтобе (X–XII вв. н. э.) на территории п. Актерек [Археологическая карта Казахстана, 1960, с. 289]. В следующем году А.Г. Максимовой продолжено обследование земель целинных совхозов к северу от ст. Копа; в районе п. Карабастау развернулись раскопки нескольких курганных могильников, а также могильника Каракудук II, ставшего первым полностью исследованным памятником эпохи бронзы в Семиречье. Наконец, 19 сентября 1957 г. состоялось открытие замечательных петроглифов в ущелье Тамгалы, первая публикация которых, подготовленная А.Г. Максимовой, содержала периодизацию всего изобразительного комплекса и фактически положила начало формированию в археологии Казахстана особой отрасли – петроглифики, специализирующейся на изучении наскальных рисунков [Максимова, 1958; Рогожинский, 2011 в, с. 32–44].

Впрочем, поиском и описанием петроглифов по-прежнему чаще занимались краеведы, представители других наук (геологи, биологи, филологи), находившие в произведениях древнего искусства близкие своему интересу темы [Аманжолов, 1959; Байтенов, Суворов, 1959]. Так, в 1956–1957 гг. филологами С. и А. Аманжоловыми были обнаружены и обследованы петроглифы вблизи горы Утеген, расположенной в 38 км к северо-востоку от Тамгалы. Помимо наскальных изображений, прорисовки которых для публикации довольно точно выполнены А.С. Аманжоловым по фотографиям, на вершине почитаемой местными жителями горы

Отеген шокасы найдены остатки караульного укрепления со сложенными из камня стенами. Ценным дополнением проведенного археолого-этнографического исследования явилась запись народных преданий, связанных с горой Утеген и окрестными достопримечательностями Чу-Илийских гор. Современное обследование комплекса в целом подтвердило полноту регистрации основных скоплений петроглифов и определение хронологических групп рисунков, включая изображения тамгообразных знаков, относящихся к тюркскому периоду. Находка А.С. Аманжоловым сторожевого укрепления на горе Утеген тогда не вызвала интереса у археологов, но наряду с открытием в Тамгалы молитвенных буддийских надписей ойратов открывала перспективу будущего изучения памятников Чу-Илийского междуречья времени джунгарского владычества и казахско-джунгарского противоборства в первой трети XVIII в.

Менее информативной оказалась статья зоолога и краеведа П.И. Мариковского о наскальных рисунках гор Кулжабасы [Мариковский, 1961]. В силу неточности географического описания местонахождения петроглифов, тенденциозности автора в оценке их возраста и смыслового содержания, а также низкого качества документации (произвольные схематичные зарисовки гравюр) данная публикация не привлекла внимания специалистов и не позволила тогда же разглядеть в Кулжабасы сколько-нибудь значительный объект для дальнейшего изучения. Именно поэтому действительное научное открытие в горах Кулжабасы одного из крупнейших и значимых скоплений петроглифов Чу-Илийских гор состоялось только в 2001 г. вне всякой зависимости от краеведческого вклада П.И. Мариковского.

С начала 1970-х годов изучение археологических памятников Семиречья преимущественно связано с исследовательской и организаторской деятельностью основателя казахстанской школы петроглифоведения Алексея Николаевича Марьяшева (1933–2018), а затем его учеников и последователей вплоть до настоящего времени. Первоначально главным объектом систематического изучения вновь стали петроглифы ущелья Тамгалы, на примере которых с привлечением материалов

других памятников региона ведется разработка вопросов типологии, датировки и семантической интерпретации наскального искусства Казахстана. Углубленное изучение петроглифов Тамгалы сочетается с разработкой паспортной документации отдельных скоплений для постановки их на учет и государственную охрану. Наряду с этим, в практику изучения петроглифов внедряются элементы комплексного подхода: выявление и планомерные раскопки могильников и поселений, территориально сопряженных с наскальными рисунками; привлечение для атрибуции разновременных рисунков широкого круга археологических и этнографических аналогий и др. Итоги проведенных в Тамгалы изысканий представлены в серии научных статей и коллективной монографии, вышедшей в 1985 г. [Марьяшев и др., 1979; Марьяшев, 1980; Марьяшев, Ермолаева, 1981; Максимова и др., 1985].

Примерно в те же годы в Тамгалы, в горах Хантау и Жамбыл на севере Чу-Илийского водораздела проводились геолого-археологические исследования под руководством А.Г. Медоева (1934–1980). Главным предметом исследований оставались памятники каменного века, но именно в работе с петроглифами А. Г. Медоев выступил как основатель геoarхеологической школы изучения наскального искусства Казахстана.

В его арсенале, помимо археологических методов документирования и исследования, присутствовали геологический, геоморфологический, палеогеографический, исторический и искусствоведческий приемы анализа: «Кроме археологии, исследователь наскальных изображений обязан ориентироваться в ряде других дисциплин: от геологии до мифологии. Ни одна область знаний не отличается столь широким диапазоном аспектов, далеко отстоящих друг от друга и нигде больше не вступающих в такую тесную взаимосвязь» [Медоев, 1979, с. 5]. Благодаря полевым изысканиям А.Г. Медоева выявлены и впервые обследованы петроглифы и другие памятники в ущельях Шолакжидели, Теректы и др. в горах Хантау и Жамбыл, а вся северная область Чу-Илийских гор впервые обозначилась как особый район сосредоточения памятников разных исторических эпох: от каменного века

до позднего средневековья включительно [Медоев, 1979, с. 10–11].

Значительный вклад внес также геолог В.И. Волобуев, в 1960–1980-е гг. как любитель-краевед, увлеченно занимавшийся поиском древних памятников культуры в ходе своих геологоразведочных маршрутов по Чу-Илийскому водоразделу. На южных склонах гор Аныракай им обнаружены крупные скопления петроглифов в урочищах Каракыр и Акдала, зафиксированы курганные могильники в предгорьях Кулжабасы; в горах Киндыктас выявлен ряд неизвестных ранее местонахождений наскальных рисунков в долине Теректы, проведено обследование древних выработок на медь в долине Шатырколь; петроглифы найдены В.И. Волобуевым также в Хантау [Свод памятников, 2002, № 296, 588–589, 822, 824–826 и др.]. Активную археологическую разведку и паспортизацию памятников восточных районов Жамбылской области, куда входят западные склоны Киндыктас и Айтау, горы Хантау и Жамбыл, в начале 1980-х гг. выполняла экспедиция областного историко-краеведческого музея под руководством К. Байбосынова. Сведения о выявленных в ходе разведок разновременных памятниках, в том числе могильнике эпохи бронзы Кожабала и древнетюркских мемориалах, вошли в первый и второй выпуски «Свода» памятников области [Свод памятников, 2002, с. 244–245]. К сожалению, без проведения квалифицированных раскопок каменные изваяния, «чтобы спасти их от разрушения, были переправлены в областной историко-краеведческий музей» [Байбосынов, 1996, с. 27]. Специализированное изучение стационарных казахских стоянок и поселений XVIII–XIX веков впервые проводилось в 1970–80-е гг. историком С. Жолдасбаевым в горах Хантау и Аныракай [Жолдасбаев, 1996, с. 123–139].

В целом, последнее десятилетие советского периода стало поворотным в истории изучения археологического наследия Чу-Илийского междуречья и Семиречья в целом. Благодаря реализации многолетних государственных программ, направленных на выявление, учет и постановку под охрану памятников истории и культуры, слабоизученный до того обширный историко-географический район

предстал перед специалистами как богатый разнообразными памятниками всех эпох и особенно перспективный для многостороннего изучения край. В сущности, уже тогда на базе систематических археологических изысканий, проводившихся в разных районах Чу-Илийского междуречья несколькими относительно самостоятельными исследовательскими коллективами, сформировались ведущие направления современной археологической науки юго-восточного региона Казахстана: 1) культурогенез и трансрегиональные связи в эпоху палеометалла; 2) феномен наскального изобразительного творчества от древности до наших дней; 4) памятники тюркской культуры на узловых участках Шелкового пути.

Одним из «полигонов», где со второй половины 1980-х гг. развернулись широкий поиск и исследование новых памятников, стали горы Киндыктас: здесь были обнаружены десятки ранее не известных могильников эпохи бронзы, мемориальных комплексов с изваяниями тюркского периода и скоплений петроглифов. Основным районом исследований, проводившихся экспедицией КазПИ им. Абая под руководством А.Н. Марьяшева (с участием А.А. Горячева, С.А. Потапова), на долгие годы стало урочище Ойжайляу в верховьях долины Узынсу, которое за сто лет до этого посетил А.Н. Краснов и описал некоторые петроглифы [Марьяшев, Горячев, 1992; 1993]. Со временем археологическими разведками были охвачены северные и западные склоны Киндыктас, где также были выявлены отдельные группы памятников эпохи бронзы в долинах Улгули (Унгури), Шокпар и др. [Свод памятников 2002, № 856]. Наряду с этим, в составе той же экспедиции Ю.А. Мотовым проводились систематические раскопки памятников тюркского периода, особенно сильно пострадавших в горах Киндыктас от грабительских раскопок конца XIX века.

В конце 1980-х гг. в долине Актерек возобновлены исследования Семиреченской археологической экспедиции ИИАЭ АН Казахской ССР под руководством К.А. и А.К. Акишевых. В предгорной части долины Ю.И. Трифоновым раскопаны курганы и ритуальные ограды средневековых кочевников, но результаты этих исследований остаются не опубликованными. Небольшая статья А.С. Мирза-

баева, участника экспедиции, посвящена ранее не известному скоплению петроглифов, обнаруженному и обследованному тогда же в ущелье Актерек [Мирзабаев, 1990].

В горах Хантау первые археологические раскопки проведены Р.Б. Исмагиловым в 1989 г. на могильнике Кожабала; в нескольких погребениях эпохи бронзы обнаружены остатки кремации и труположения в сопровождении орнаментированной посуды и украшений, по которым установлена датировка памятника [Ковтун, 1999].

Ведущим направлением археологических исследований в Чу-Илийском междуречье оставалось в 1980-е гг. изучение памятников наскального искусства. Регулярные разведочные маршруты в горах Айтау и Киндыктас, осуществлявшиеся экспедицией КазПИ им. Абая под руководством А.Н. Марьяшева (при участии А.Е. Рогожинского, А.А. Горячева, С.А. Потапова и др.), позволили существенно дополнить карту местонахождений петроглифов Семиречья и сформировать солидную источниковую базу для разработки вопросов типологии, датировки и историко-культурной интерпретации наскального искусства юга Казахстана. Первые обобщающие исследования по данной тематике увидели свет уже в последнем десятилетии XX в. [Марьяшев, Горячев, 1998].

Ранее не известное местонахождение разновременных петроглифов было обнаружено в 1989 г. в долине Шокпар на северо-западных склонах Киндыктас [Горячев и др., 2013]. С 1992 г. к изучению и документированию петроглифов в горах Каракыр и ряде других урочищ, расположенных к северу от Тамгалы, приступил С. А. Потапов [Потапов, 2007]. Найденные здесь крупные серии наскальных изображений дополнили представления о репертуаре и художественном разнообразии наскального искусства эпохи бронзы и тюркского времени.

Однако основным объектом исследований в этот период оставались наскальные рисунки и другие памятники археологического ландшафта Тамгалы. Под руководством А.Н. Марьяшева в 1982–1987 гг. здесь проводились раскопки трех выявленных могильников эпохи бронзы и раннего железа, продолжались поиск и документирование петроглифов. В 1988–

1994 гг. работы в Тамгалы осуществлялись А.Е. Рогожинским (в 1991–1994 гг. силами Тамгалинского отряда Петроглифической экспедиции Института археологии им. А.Х. Маргулана НАН РК, нач. эксп. З.С. Самашев) совместно с Институтом «Казпроектреставрация» (Е.Н. Рипинская, Л.Ф. Чарлина), которым в 1990–1994 гг. инициированы и реализованы комплексные археолого-геоморфологические исследования в Тамгалы и впервые в Казахстане проведены эксперименты по консервации петроглифов. Археологические исследования и консервационные работы выполнялись также при участии группы специалистов естественнонаучного профиля под руководством геолога-геоморфолога Б.Ж. Аубекерова.

Реализация программы комплексных исследований позволила в короткие сроки создать качественно новую документацию памятника (археолого-геоморфологическую и другие специальные карты), получить впервые для Семиречья абсолютные датировки исследованных могильников и поселений эпохи бронзы и раннего железа, дополнить данные по палеоклимату региона в интервале 3500 лет, и т.д. Большое внимание уделялось разработке унифицированных приемов документирования петроглифов (реестр, индексированные панорамы и др.). Целью проведенных исследований выдвигалась разработка научного обоснования и определение границ комплекса Тамгалы для создания историко-культурного заповедника. Однако работы были приостановлены в 1994 г. и возобновились только в начале 2000-х гг. в рамках международного проекта подготовки Тамгалы к номинации в Список всемирного наследия ЮНЕСКО [Рогожинский, 2011, с. 58–96].

По программе международного проекта «Корпус петроглифов Центральной Азии» в 1994 г. группа участников казахстанско-французской экспедиции под руководством А.-П. Франкфора (CNRS, Франция) и З.С. Самашева (Институт археологии НАН Казахстана) проводила исследования в Тамгалы, а также в Шолакжидели и ряде других пунктов в горах Хантау. Некоторые результаты этого кратковременного сотрудничества нашли отражение в отечественной и зарубежной печати [Francfort H.-P. et al., 1995; Видаль, 1998].

Современный этап (с 2000 г. по настоящее время). Переходный период второй половины 1990-х гг. характеризуется временным сокращением прежних масштабов поисковых работ и раскопок памятников Чу-Илийского междуречья, но уже с начала 2000-х гг. наблюдается новый рост археологических изысканий, финансируемых в рамках крупных национальных программ и международных проектов. Наиболее значимыми среди них стали международные проекты ЮНЕСКО по подготовке номинации петроглифов Тамгалы в Список всемирного наследия (2001–2006 гг.) и по созданию региональной сети научно-сотрудничества «CARAD – Central Asian Rock Art Database» (2003–2010 гг.), а также ряд тематических проектов, реализованных в рамках Государственной программы «Культурное наследие» (2004–2011 гг.).

В 1998 г. комплекс петроглифов Тамгалы был внесен в Предварительный список потенциальных объектов мирового наследия ЮНЕСКО от Казахстана и вошел в число приоритетных номинаций страны, рекомендованных Комитетом всемирного наследия. Подготовка объекта к номинации осуществлялась КазНИПИ памятников материальной культуры (бывш. Институт «Казпроектреставрация») в сотрудничестве с другими научными учреждениями республики; координатор работ и основной автор номинации архитектор-консерватор Е. Х. Хорош). В 2001 г. подготовлен паспорт комплекса Тамгалы, на основании которого объект вошел в Государственный список памятников Казахстана республиканского значения, утверждены его границы и охранная зона. Вслед за этим в 2003 г. создан Историко-культурный и природный заповедник «Тамгалы». В течение 2001–2006 гг. в рамках ЮНЕСКО-норвежско-казахстанского проекта «Менеджмент, консервация и презентация петроглифов Тамгалы» (координаторы А.-С. Хиген (Норвегия) и Е.Х. Хорош; научный руководитель проекта А.Е. Рогожинский) выполнена программа научных исследований и консервационных работ, направленных на устойчивое сохранение памятников и ландшафта Тамгалы (руководители проектных групп – Б.Ж. Аубекеров, Л.Ф. Чарлина). В рамках данного проекта подготовлены досье памятника и

план управления на 2004–2008 гг., на основании которых в 2004 г. состоялась номинация комплекса Тамгалы [Рогожинский, 2011 в, с. 59–140]. Таким образом, объект «Петроглифы археологического ландшафта Тамгалы» стал первым выдающимся памятником наскального искусства Центральной Азии, включенным в Список всемирного наследия ЮНЕСКО.

Опыт междисциплинарных исследований в Тамгалы, тесного сотрудничества археологов, геологов, консерваторов и менеджеров культурного наследия, обеспечившего позитивный результат в ходе подготовки номинации, легли в основу еще одного регионального проекта ЮНЕСКО, реализованного в 2003–2010 гг. Проект «Памятники наскального искусства Центральной Азии: общественное участие, менеджмент, документация и консервация» стартовал на базе Тамгалы и Кулжабасы в 2003 г., когда специалистами разных стран региона (Казахстан, Кыргызстан, Узбекистан, Россия и Азербайджан) был разработан «Стандарт документации памятников наскального искусства Центральной Азии» [Памятники наскального искусства, 2004]. В последующие годы проект ЮНЕСКО был нацелен на расширение регионального сотрудничества (CARAD) и разработку концепции серийной трансграничной номинации «Наскальное искусство Центральной Азии». В целом, данный проект сыграл положительную роль для модернизации методов комплексного изучения памятников наскального искусства Семиречья и Казахстана в целом, способствовал внедрению их в практику исследований разными коллективами специалистов, разработке унифицированных форм документации и др. Вместе с тем, реализация проекта стимулировала рост поисковой активности отечественных исследователей, способствовала быстрому введению в научный оборот новых памятников, создавая условия для глубокого обобщения накопленных материалов.

Так, с момента открытия в 2001 г. Р. Сала и Ж.-М. Деомом главных скоплений петроглифов в горах Кулжабасы этот крупнейший памятник наскального искусства Чу-Илийских гор стал объектом исследований уже нескольких групп специалистов [Байпаков, Марьяшев, 2004; Сала, Деом, 2005, с. 85–97; Рогожинский, 2012; Марьяшев, Железняков, 2013]. Богатый и раз-

нообразный изобразительный комплекс Кулжабасы позволил впервые поставить вопрос о выявлении памятников энеолита и ранней бронзы на западе Семиречья и юге Казахстана. Большую художественную и историческую ценность представляют обнаруженные здесь петроглифы, древнетюркские рунические надписи и тамги раннего средневековья. Наряду с выявленной в 2018 г. в долине Алмалы крупной серией наскальных рунических текстов с тамга-петроглифами, эти и другие находки существенно пополнили корпус древнетюркских эпиграфических памятников Казахстана, выделив Чу-Илийское междуречье как район их наибольшей концентрации [Рогожинский, Тишин, 2018].

Параллельно с активными разведками, проводившимися разными группами специалистов в горах Айтау, в начале 2000-х гг. развернулись впервые в Семиречье широкомасштабные исследования памятников тюркской эпохи на западных склонах Киндыктас, в Чуйской долине. Под руководством А.М. Досымбаевой (Институт археологии МОН РК) здесь были выявлены и зафиксированы многочисленные курганные могильники и ритуальные ограды с каменными изваяниями, относящиеся к VIII–IX вв. [Досымбаева, 2006].

Новым направлением исследований, опирающихся главным образом на материалы многих известных памятников Чу-Илийского междуречья, стало специализированное изучение знаков идентичности типа тамга – от поздней античности до Нового времени включительно [Рогожинский, 2019].

Наконец, в 2005–2007 гг. под руководством историка И.В. Ерофеевой осуществлено комплексное историко-археологическое, геолого-географическое и этнографическое изучение Чу-Илийского междуречья, посвященное Аныракайскому сражению – кульминационному событию казахско-джунгарской войны 1723–1730 гг. [Ерофеева и др., 2008]. В ходе анализа различных источников и проведения полевых исследований были выявлены и изучены ранее не известные памятники разных периодов в районе гор Аныракай, в том числе сторожевое укрепление Калмактобе, датированное первой половиной XVIII в. Одним из важных результатов проведенного исследования явилось первое обобщающее рассмотрение развития ландшафта, общества и культуры центральной части Чу-Илийского междуречья на основе данных археологии, истории, этнографии и естественных наук.

В заключение следует отметить, что на современном этапе изучения Западного Семиречья ведущее место традиционно занимает исследование памятников бронзового века и наскальных изображений. Именно по этим двум направлениям продолжают особенно активные поиски, проводятся планомерные раскопки могильников и поселений, совершаются новые замечательные открытия [Сараев, Горячев, 2011; Горячев, 2014]. Углубленное изучение памятников древнейших периодов подготавливает почву для новых научных обобщений, раскрывающих выдающееся значение Чу-Илийского междуречья как транс культурного «коридора» регионального масштаба.

ЛИТЕРАТУРА

- Агеева Е.И. К вопросу о типах древних погребений Алма-атинской области // Труды Института истории, археологии и этнографии АН КазССР. Алма-Ата, 1961. Т. 12. С. 21–40.
- Аманжолов А. С. Писаницы ущелья Утеген // Вестник АН КазССР. 1959. № 10 (175). С. 52–61;
- Аристов Н.А. Усуни и кыргызы или кара-кыргызы: Очерки истории и быта населения западного Тянь-Шаня и исследования по его исторической географии. Бишкек: Илим, 2001. 582 с.
- Археологическая карта Казахстана. Реестр / Сост.: Е.И. Агеева, К.А. Акишев, Г.А. Кушаев и др. Алма-Ата: Изд-во Акад. наук КазССР, 1960. 449 с.
- Археология Семиречья. 1857–1912 гг. Сборник документов и материалов. / Сост. И.М. Самигулин / Алматы: «Издательство LEM». 2011. 664 с.
- Байбосынов К. Каменные изваяния Жамбылской области. Алматы: «Онер», 1996. 176 с.
- Байпаков К.М., Марьяшев А.Н. Петроглифы в горах Кульжабасы. Алматы: Ин-т археологии МОН РК, 2004. 22 с.
- Байтенов М., Суворов Н.И. Зоологические и хозяйственно-бытовые наскальные рисунки из Чу-Илийских гор // Ученые записки КазПИ им. Абая. Сер. естественно-географическая. 1959. Т. XVII. С. 119–121.
- Берденов С.А. Казахстанские месторождения меди и олова и их разработка в позднем бронзовом веке // Известия НАН РК. Сер. обществ. наук. 2008. № 1. С. 42–55.
- Вести об экспедициях Общества. Письма г. Краснова // ИРГО. Т. 22. 1886. СПб., 1887. С. 346–351.
- Видаль П. Повреждения скальных плоскостей некоторых петроглифических памятников Центральной Азии (Южная Сибирь и Казахстан) // Труды международной конференции по первобытному искусству. Т. I. Кемерово, 1998. С. 60–65.
- [Городецкий Д.] Некоторые сведения о курганах юго-западной части Семиреченской области // Известия Томского университета. Вып. 1. Томск, 1889. С. 32–40.
- Горячев А.А. Некоторые итоги и перспективы изучения памятников эпохи бронзы на северных склонах Заилийского Алатау и в Шуилийских горах // Восхождение к вершинам археологии. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2014. С. 84–92.
- Горячев А.А., Сараев В.В., Егорова К.А. Петроглифы ущелья Шокпар // Археология Казахстана: итоги и перспективы. Алматы: РГП «Гылым ордасы», 2013. С. 109–119.
- Досымбаева А.М. Западный Тюркский каганат. Культурное наследие Казахской степи. Алматы: Тюркское наследие, 2006. 168 с.
- Ерофеева И.В., Аубекеров Б.Ж., Рогожинский А.Е. и др. Аныракайский треугольник: историко-географический ареал и хроника великого сражения. Алматы: Дайк-Пресс, 2008. 276 с.
- Жолдасбаев С.Ж. Жетісу тарихы XVI–XVIII гг. (Тарихи жэне палеоэтнологиялык зерттеу). Алматы: «Казак университеті», 1996. 300 б.
- Изразцов Н. М. Степные обычаи и законы. Записки и письма капитана Н. М. Изразцова о народных обычаях казахов Семиреченской области. 15 июня 1879 г. – 5 февраля 1881 г. (Б.Т. Жанаев и Н.П. Кропивницкий) // История Казахстана в документах и материалах: Альманах. Вып. 1. Алматы: LEM, 2011. С. 161–266.
- Историко-культурный атлас казахского народа / Ерофеева И. В. (отв. ред.) Алматы: Print-S, 2011. 300 с. + 54 с. карт + 24 с. вкл.
- История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков / Путевые дневники и служебные заметки о поездках по южным казахским степям. XVIII–XIX вв. / Сост. И.В. Ерофеева, Б.Т. Жанаев. Алматы: Дайк-Пресс, 2007. Т. VI. 524 с.
- Ковтун И.В. Андроновский могильник Кожа-Бала // Археология, этнография и музейное дело. Кемерово: Изд-во «Никалс», 1999. С. 27–31.
- Колесник В.И. Последнее великое кочевье. Переход калмыков из Центральной Азии в Восточную Европу и обратно в XVII и XVIII веках. М.: Восточная литература, 2003. 286 с.

- Краснов А. Н. Очерки быта семиреченских киргиз // ИРГО. Т. 23. 1887. СПб., 1888 б. С. 436–481.
- Краснов А.Н. Предварительный отчет о гео-ботанических исследованиях в восточном Тянь-Шане и его предгорьях, совершенных летом 1886 г. // ИРГО. Том 23. 1887. СПб., 1888 а. С. 136–170.
- Кызласов Л.Р. Сары-Булакская писаница в Бетпак-Дала // КСИИМК. 1950. Вып. 35. С. 139–143.
- Кызласов Л.Р. Слово об Алека Маргулане // Археологическое наследие Центрального Казахстана: изучение и сохранение. Сб-к науч. статей, посвященный 70-летию организации Центрально-Казахстанской археологической экспедиции Академии наук Казахстана. Алматы: Научно-исследовательский центр истории и археологии «Бегазы-Тасмола», 2017. Т. 1. С. 70–75.
- Максимова А. Г. Наскальные изображения ущелья Тамгалы // Вестник АН КазССР. 1958. № 9 (162). С. 108–110.
- Максимова А.Г., Ермолаева А.С., Марьяшев А.Н. Наскальные изображения урочища Тамгалы. Альбом. Алма-Ата: «Онер», 1985. 144 с.
- Маргулан А.Х., Агеева Е.И. Археологические работы и находки на территории Казахской ССР (с 1926 по 1946 гг.) // Известия АН Казахской ССР. № 46. Серия археологическая. Вып. 1. Алма-Ата, 1948. С. 124–134.
- Мариковский П.И. Наскальные рисунки гор Кульджабасы // Труды ИИАЭ. Т. 12. Алма-Ата. 1961. С. 78–86.
- Марьяшев А.Н. Петроглифы Семиречья // Звери в камне (Первобытное искусство). Новосибирск: СО РАН «Наука», 1980. С. 218–222.
- Марьяшев А.Н., Ермолаева А.С. Исследования в урочище Тамгалы // Проблемы западно-сибирской археологии. Эпоха железа. Новосибирск: СО РАН «Наука», 1981. С. 137–143.
- Марьяшев А.Н., Ермолаева А.С., Мотов Ю.А. Новые петроглифы урочища Тамгалы // Вестник АН КазССР. 1979. № 8. С. 50–54.
- Марьяшев А.Н., Горячев А.А. Археологические памятники эпохи бронзы урочища Ой-Джайляу (Семиречье) // Археологические исследования в Казахстане. Алма-Ата: тип. КазПИ им. Абая, 1992. С. 3–15.
- Марьяшев А.Н., Горячев А.А. Вопросы типологии и хронологии памятников эпохи бронзы Семиречья // РА. 1993. № 1. С. 5–19.
- Марьяшев А.Н., Горячев А.А. Наскальные изображения Семиречья. Алматы: Фонд «XXI век», 1998. 206 с.
- Марьяшев А.Н., Железняков Б.А. Древности Кулжабасы. Алматы: Ин-т археологии им. А.Х. Маргулана, 2013. 150 с.
- Материалы по обследованию туземного и русского старожильческого хозяйства, и земледользования в Семиреченской области, собранные и разработанные под руководством П.П. Румянцева. Т. IV. Верненский уезд. Киргизское хозяйство. СПб., 1913. 1002 с.
- Медоев А. Г. Гравюры на скалах. Сары-Арка, Мангышлак. Ч. 1. Алма-Ата: Жалын, 1979. 176 с.
- Мирзабаев А.С. Наскальные изображения Актерека (Семиречье) // Проблемы изучения наскальных изображений в СССР. М.: Изд-во «Наука», 1990. С. 137–140.
- Мушкетов И.В. Туркестан. Геологическое и орографическое описание по данным, собранным во время путешествий с 1874 г. по 1880 г. СПб.: тип. М. Стасюлевича, 1886. Т. 1. 742 с.
- Отчет Археологической комиссии за 1892 год. СПб.: Тип. главного управления уделов, 1894.
- Памятники наскального искусства Центральной Азии: общественное участие, менеджмент, консервация, документация / Отв. ред. А.Е. Рогожинский / Алматы: Изд-во «Искандер», 2004. 177 с.
- Пантусов Н.Н. Куртынын-Капчагай и Джалпак-тас (Куртинской волости Верненского уезда) // Протоколы заседаний и сообщения членов Туркестанского кружка любителей археологии. Год четвертый. Ташкент, 1899. С. 63–67.
- Потапов С.А. Древнее святилище Каракыр. Алматы: «Кітап», 2007. 176 с.

- Преображенский П.И. Породы Кандык-таса. Материалы для геологии Семиреченской области // Известия Геологического комитета. 1910. Т. XXIX. № 3. С. 263–336.
- Рогожинский А.Е. История одной полузабытой находки и опыт организации охраны археологических памятников Семиречья в конце XIX в. (по архивным источникам) // Известия НАН РК. Серия общественных и гуманитарных наук. Алматы. Вып. 3 (282). 2011 б. С. 184–195.
- Рогожинский А.Е. Образы и реалии древнеземледельческой цивилизации Средней Азии в наскальном искусстве эпохи бронзы Южного Казахстана и Семиречья // Наскальное искусство в современном обществе. К 290-летию научного открытия Томской писаницы. Материалы межд. науч. конф. Т. 2. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2011 а. Труды САИПИ. Вып. VIII. С. 87–99.
- Рогожинский А.Е. Петроглифы археологического ландшафта Тамгалы. Алматы: «Signet Print», 2011 в. 342 с.
- Рогожинский А.Е., Тишин В.В. Комплекс рунических надписей и тамга-петроглифов долины Алмалы в Семиречье // Учёные записки музея-заповедника «Томская писаница». Вып. 8. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2018. С. 77–91.
- Рогожинский А.Е. «Жетысу» и «Семиречье» // История и археология Семиречья. Вып. 6. Алматы, 2019. С. 14–30.
- Рогожинский А.Е. «Мы, нижеприложившие истинные тамги...» (опыт идентификации родоплеменных знаков казахов Старшего жуза) // Роль кочевников в формировании культурного наследия Казахстана. Научные чтения памяти Н. Э. Масанова. Сборник материалов межд. науч. конференции. Алматы, 2010. С. 101–127.
- Рогожинский А.Е. Знаки идентичности (тамга) и памятники тамгопользования в Казахстане: древность, Средневековье и Новое время // Казакстан археологиясы / Археология Казахстана. № 3 (5). 2019. С. 99–121.
- Рогожинский А.Е. Комплекс Кулжабасы: итоги первого десятилетия исследований (2001–2011 гг.) // Известия НАН РК. Серия общественных и гуманитарных наук. Алматы. № 3 (283). 2012. С. 35–53.
- Рогожинский А.Е. Незадолго до Чжан Цзя: след движения кочевников из центра Азии на Запад в последние века до нашей эры // Алтай в кругу евразийских древностей / отв. ред. А.П. Деревянко, В.И. Молодин / Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. С. 527–550.
- Романовский Г.Д. Материалы для геологии Туркестанского края. Вып. 1. СПб.: тип. Императорской Академии наук, 1878. 234 с.
- Сала Р., Деом Ж.М. Наскальные изображения Южного Казахстана. Алматы: «Лаборатория георхеологии», 2005. 150 с.
- Сараев В.В., Горячев А.А. Шамсунский клад эпохи бронзы у северных склонов Заилийского Алатау // Известия НАН РК. Сер. обществ. наук. 2011. № 3. С. 37–47.
- Свод памятников истории и культуры Республики Казахстан. Жамбылская область. Алматы: РГП «НИПИ ПМК», 2002. Т. 2. 350 с.
- Флоринский В.М. Топографические сведения о курганах Семиреченской и Семипалатинской области // Известия Томского университета. Вып. 1. Томск, 1889. С. 15–31.
- Яковлев Д.И. Голодная степь Казахстана. Чу-Балхаш-Илийский водораздел, Бетпак-дала и Муюн-кум. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1941. 500 с.
- Francfort H.-P., Soleilhavoup F., Bozellec J.-P., Vidal P., D'Errico F., Sacchi D., Samashev Z., Rogozhinskij A. Les petroglyphes de Tamgaly // Bulletin of the Asia Institute. Michigan, 1995. Vol. 9. P. 167–207.
- Rogozhinskii A.E., Yatsenko S.A. The Ancient Tamga-Signs of Southeast Kazakhstan and Their Owners: The Route from East to West in the 2nd Century BCE 2nd Century CE // The Silk Road. Editor: Daniel C. Waugh. Vol.13. 2015. P. 109–125.

Рогожинский А.Е.

Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты,
Алматы, Қазақстан

ШУ-ІЛЕ ӨЗЕНДЕРІНІҢ АРХЕОЛОГИЯЛЫҚ ЗЕРТТЕУ ТАРИХЫНАН

Түйін. Жетісудың батыс бөлігіндегі, Шу-Іле өзендері аралығындағы археологиялық ескерткіштерді зерттеу ХІХ ғасырдың соңғы ширегінде басталып, бүгінгі күнге дейін жалғасып келеді. Ең белсенді зерттеулердің кезеңдері бөлінеді: 1980 жылдары және ХХІ ғасырдың алғашқы онжылдықтары. Зерттеудің жетекші бағыттары-қола дәуірінің ескерткіштерін және Шу-Іле тауларының жартаc өнерін зерттеу болып табылады. Сонымен қатар, түркі кезеңі мен жаңа заман археологиясы дамуда. Археологиялық және басқа да деректер негізінде Шу-Іле өзенінің мәдениаралық өзара іс-қимыл аймағы және өңіраралық коммуникациялардың тораптық аймағы ретіндегі тарихи-мәдени маңызы айқындалады.

Rogozhinskiy A.E.

Institute of Archaeology named after A. Margulan,
Almaty, Kazakhstan

HISTORY OF ARCHAEOLOGICAL RESEARCH OF CHU-ILI INTERFLUVE

Annotation. Archaeology's monuments' research in West part of Semirechie, within the boundaries of Chu-Ili interfluve began in the last quarter of the XIX century and continues to the present time. The periods of the most active research are highlighted: in the 1980s and during the first decades of the XXI century. The main directions of researches are the exploration of Bronze Age monuments and rock art of the Chu-Ili mountains. Along with this, the archeology of the Turkic period and Modern times is developing. On the basis of archaeological and other sources, the historical and cultural significance of the Chu-Ili interfluve as a zone of transcultural interaction and a nodal section of inter-regional communications is revealed.

Артюхова О.А., Мамиров Т.Б.

Институт археологии им. А.Х. Маргулана,
Алматы, Казахстан

ПАМЯТНИКИ КАМЕННОГО ВЕКА ШУ-ИЛЕЙСКИХ ГОР (материалы работ 2016–2017 гг.)

Аннотация. В статье публикуются результаты исследований памятников каменного века Шу-Илейских гор. Были уточнены места расположения ранее открытых, но в большинстве не введенных в научный оборот А.Г. Медоевым палеолитических памятников, а также открыты новые объекты каменного века.

К югу и юго-западу от Балхаша располагаются отдельные горные массивы, образующие вытянутую с юго-востока на северо-запад горную цепь – Шу-Илейские горы. К таким небольшим горным массивам, ограниченным озером Балхаш с долиной реки Или с востока и долиной реки Шу – с запада, относятся Хантау, Койжарылган, Майжарылган, Джамбул и др. Горная цепь между озером и обширными речными долинами образует своеобразный природный коридор от песков Мойынкум до Бетпакдалы.

Впервые на наличие следов каменного века в регионе указывает случайная находка ножевидной пластины в урочище Тарлакат в горах Койжарылган, сделанная М.Н. Дублицкой в 1948 году [Археологическая карта..., 1951, с. 197].

Более детально и профессионально регион был обследован А.Г. Медоевым в 1965 году, который руководил Палеолитическим отрядом Чу-Илийской геолого-геоморфологической экспедиции Института геологических наук им. К.И. Сатпаева АН КазССР. Большую помощь в поисках и сборе материалов каменного века оказали ему геологи – сотрудники Сектора четвертичной геологии и геоморфологии ИГН им. К.И. Сатпаева АН КазССР: А.С. Сарсеков, Н.М. Владимиров, Г.М. Потапова, Д.П. Позднышева и др. А.Г. Медоевым были открыты стоянка Хантау и несколько местонахождений

палеолита в горах Майжарылган, Джамбул и др. Однако в научный оборот были введены лишь краткие сведения о стоянке-мастерской Хантау [Медоев, 1970, с. 213–214; он же, 1982, с. 12, 22], а также получили широкую известность наскальные рисунки в урочище Теректысай и др. [Медоев, 1979].

Горы Хантау сложены осадочными породами, гранитами и эффузивами. Абсолютная высота этого массива более 1000 м, длина около 75 км, ширина 45 км. Он обрывается уступом на север и на юго-запад и постепенно переходит в плоскогорье на северо-востоке. Юго-западный склон массива приподнят над равниной на 600 м, а северо-восточный – на 200 м. Главная вершина Хантау – гора Сункар, ее высота по разным источникам оценивается в 1052 м.

Юго-западный склон массива Хантау расчленен рядом логов с живым водотоком: Сункарсай, Улькенталдысай, Юнкольсай, Шолакжиделисай, Теректысай. Эти лога параллельны друг другу и приурочены к линиям молодых разломов меридионального направления. Они начинаются широкими водосборными воронками, ближе к краю массива сильно углублены и образуют глубокие и узкие скалистые ущелья. По выходе из гор русла их имеют слабый врез и незначительно выделяются среди равнины. Заканчиваются они обычно в такырных или солончаковых понижениях.

У юго-западного склона Хантау развит мощный пролювиальный шлейф, имеющий 10–15 км в длину. Как и все горные массивы пустыни Бетпакдала, горы Хантау почти лишены растительности (у подножий в местах выходов родников растет камыш, а в верховьях логов иногда встречаются небольшие куртины).

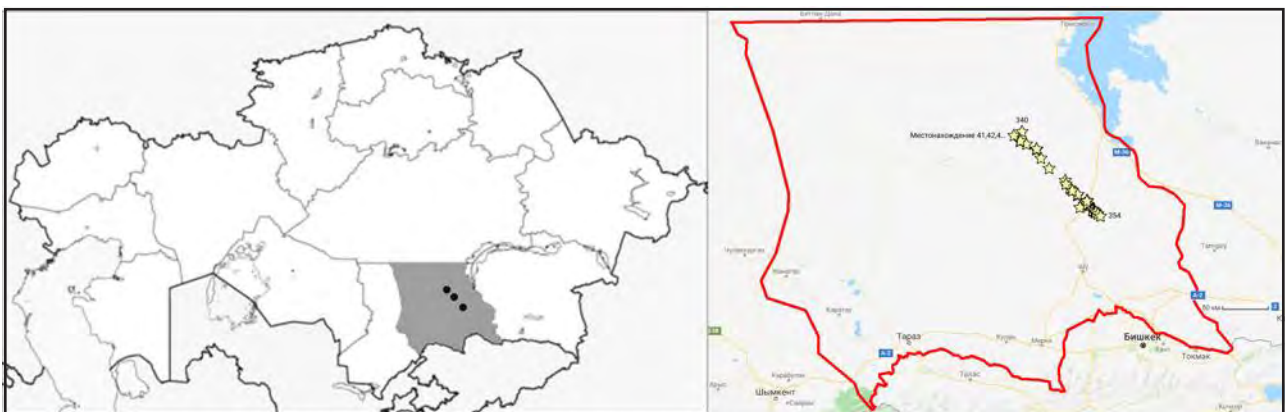
Из публикации А.Г. Медоева следует, что стоянка-мастерская Хантау была расположена у юго-западных склонов гор Хантау, на поверхности шлейфа конуса выноса. Артефакты залегали на дневной поверхности, образуя поверхностный культурный горизонт. Он определил ее как «комплекс мустье с ашельской

традицией фации леваллуа», причем отметил, что значительная часть сколов имеет следы более позднего (вторичного) использования [Медоев, 1970, с. 213–214].

Мустьерские комплексы, по А.Г. Медоеву, стали истоком развития местных позднелеолитических индустрий, современников саякской культуры [Медоев, 1982, с. 12].

В 2015–2017 гг. авторами статьи были проведены работы по локализации палеолитических памятников Шу-Илейских гор из сборов А.Г. Медоева 1965 года (рис. 1).

Основные работы были сосредоточены на западном подножье горы Хантау, где была обнаружена одноименная стоянка-мастерская.

Карта расположения памятников каменного века в Шу-Илейских горах

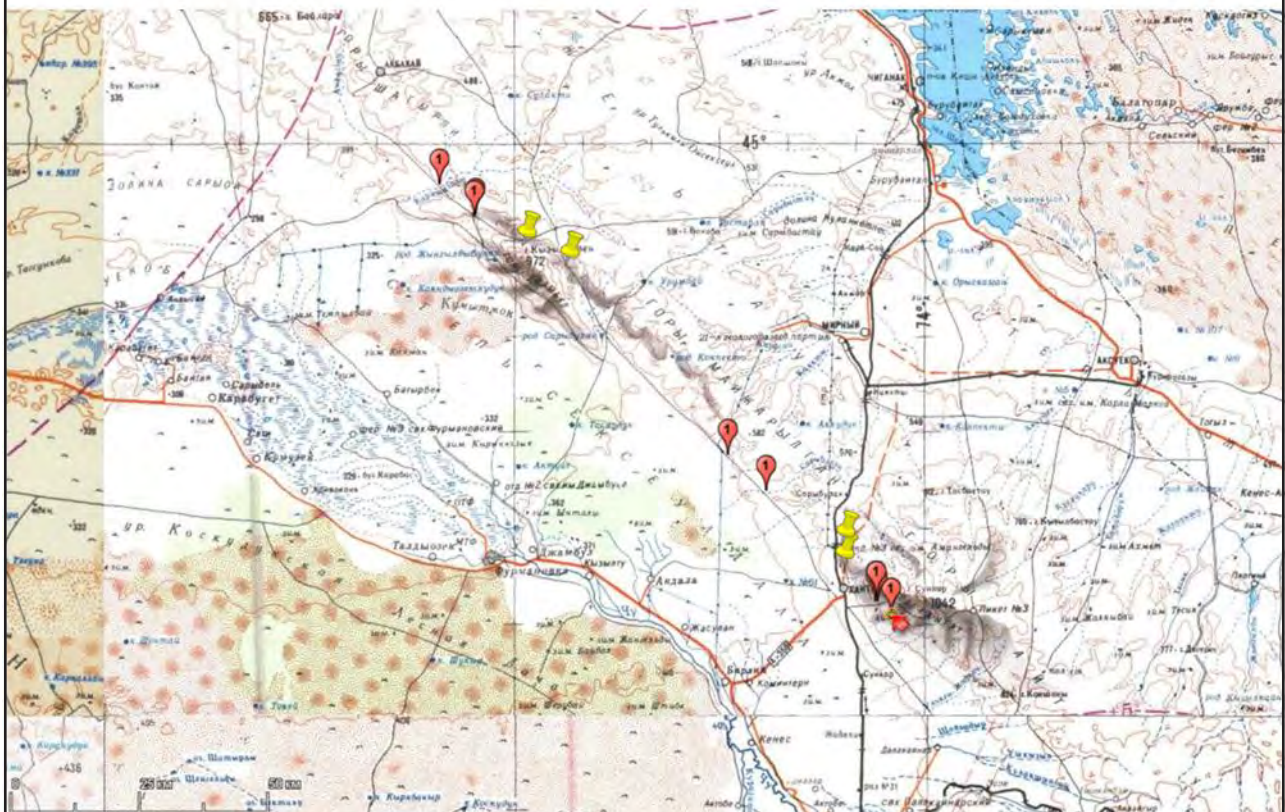

Рис. 1. Карта расположения памятников каменного века в Шу-Илейских горах.

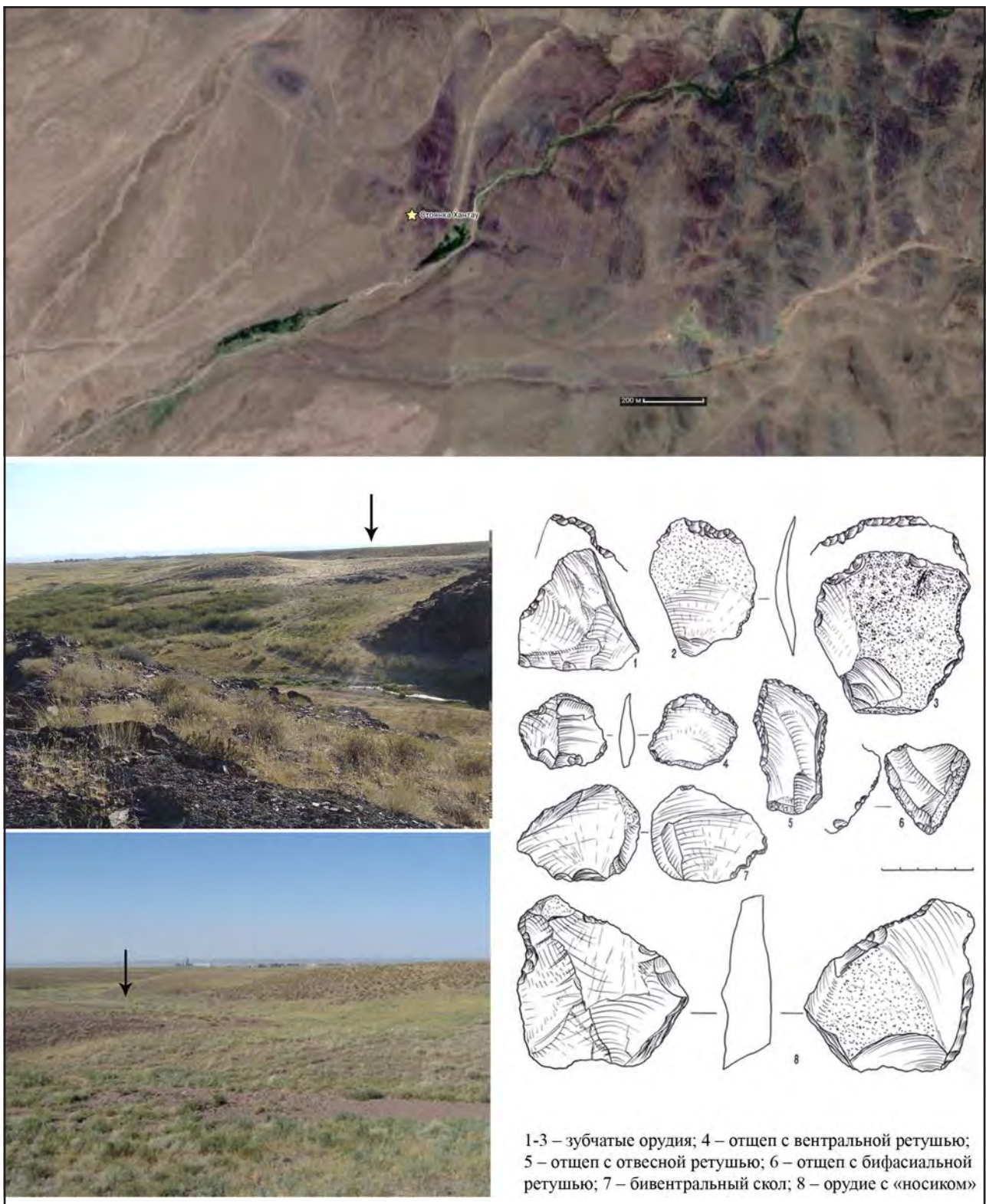

Рис. 2. Локализация стоянки-мастерской Хантау, каменные орудия.

Ни в литературе, ни в архиве А.Г. Медоева нет точной привязки стоянки-мастерской к местности и нет географических координат. Не осталось и живых свидетелей, которые могли бы показать ее местонахождение.

Судя по косвенным указаниям в рукописях А.Г. Медоева и фотографиям, памятник рас-

полагался на конусе выноса правого берега относительно широкой, хорошо выработанной долины, на выходе ее из мелко-сопочного массива на равнину. Над стоянкой возвышались скалы с петроглифами. Этим условиям удовлетворяет правый берег долины Шолакжиделисай, на выходе ее из

мелкосопочного массива на равнину. Конус выноса усеян обломками порфиритов бурого цвета, из которых изготовлены орудия из коллекции 1965 г. (рис. 2). Эти же породы слагают скальные уступы к востоку от стоянки-мастерской с многочисленными петроглифами. На поверхности идентифицированной стоянки артефактов не обнаружено, это является еще свидетельством полноты и тщательности сборов А.Г. Медоева. Об этом же говорит большое количество элювиальных и пролювиальных обломков в обработанной части коллекции Хантау.

Подробный технико-типологический анализ части коллекции каменных артефактов со стоянки-мастерской Хантау подтвердил принадлежность памятника к мустье ашельской традиции фации леваллуа. Выделение хронологических комплексов по характеру сохранности поверхности каменных артефактов не представлялось возможным [Артюхова, 2013, с. 52, 59].

Индустрия стоянки-мастерской Хантау непластинчатая, нефасетированная с высоким шарантским индексом, обогащенная зубчатыми орудиями. Технико-типологические индексы выявляют ее значительное сходство с леваллуа-мустьерскими индустриями стоянок-мастерских Семизбугу в Северном Прибалхашье и Актогай в горах Кунгей Алатау.

В ходе работ были осмотрены ущелья горы Хантау юго-восточнее стоянки-мастерской Хантау. Большой интерес представляла поверхность, образованная конусами выноса в месте слияния долин Юнкольсай и Жиландысай. Высокие берега этих долин сложены делювиально-пролювиальными грубообломочными и несортированными отложениями конусов выноса. Во время проведения работ долины имели постоянный, хотя и не очень обильный водоток. Здесь выявлено несколько местонахождений палеолитических артефактов (рис. 3, 4).

Местонахождение Юнкольсай 1 расположено на правом берегу одноименной долины на поверхности делювиально-пролювиального шлейфа. Были обнаружены 3 артефакта из эффузива черного цвета средней степени дефляции: целый отщеп подпрямоугольной формы, проксимальный фрагмент крупной

массивной пластины системы леваллуа с субпараллельной огранкой спинки, тонкофасетированной ударной площадкой и пластина целая, очень массивная для леваллуа, с частично корочной спинкой, тонкофасетированной ударной площадкой.

Местонахождение Юнкольсай 2 выявлено на том же берегу, ниже по течению, на небольшой площади размером 20x30 м. На дневной поверхности было найдено 10 артефактов, из которых 9 имеют сильно дефлированную поверхность, 1 – слабо дефлированную. В качестве сырья использованы эффузивы серо-коричневого, единично красновато-коричневого и черного цветов.

К орудиям относятся 6 артефактов: скребло выпуклое на конце полукраевого отщепавероидной формы; дистальный обломок конвергентного скребла; нож с обушком из фрагментированного отщепав; 3 фрагмента пластины системы леваллуа, из них два проксимальных с конвергентной огранкой спинки, третий фрагмент – дистальный, на котором оформлено выпуклое скребло и перфоратор.

Отходы производства также весьма информативны: скол оживления ударной площадки призматического нуклеуса, краевой отщеп подпрямоугольной формы с выпуклой грубофасетированной ударной площадкой, недефлированный полукраевой отщеп и очень сильно выветрелый отщеп округлой формы с субпараллельными негативами на спинке.

Еще 4 артефакта разной степени сохранности поверхности найдено между долинами Юнкольсай и Жиландысай, выше места их слияния. В качестве сырья использован в трех случаях туфопесчаник серо-коричневого цвета, и однажды черный эффузив.

Выделяется сильно окатанный острокопечник леваллуа треугольной формы, осложненный резцом. Остальные артефакты представлены отщепами: первый – овальной формы, сильно окатанный, с негативами конвергентных снятий на спинке, с гладкой ударной площадкой; второй – среднедефлированный с конвергентной огранкой спинки; третий – веероидной формы недефлированный, с субпараллельной огранкой спинки и грубофасетированной ударной площадкой.

Наибольшее количество артефактов собра-

Карта месторасположения памятников палеолита в долинах Юнкольсай и Жиландысай

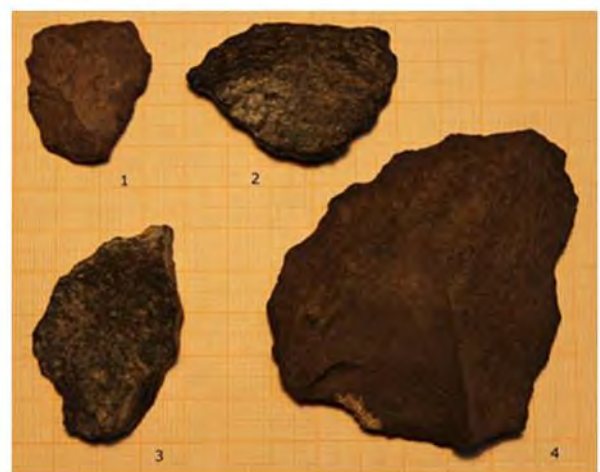
Местонахождение Юнкольсай 1

1 – отщеп, 2,3 – фрагмент и целая пластины системы леваллуа

Местонахождение Юнкольсай 2

1 – фрагмент пластины леваллуа, 2 – нож с обушком, 3,4 - скребла

Рис. 3. Местоположения памятников палеолита в ущельях Юнкольсай и Жиландысай (Хантау), каменные орудия.

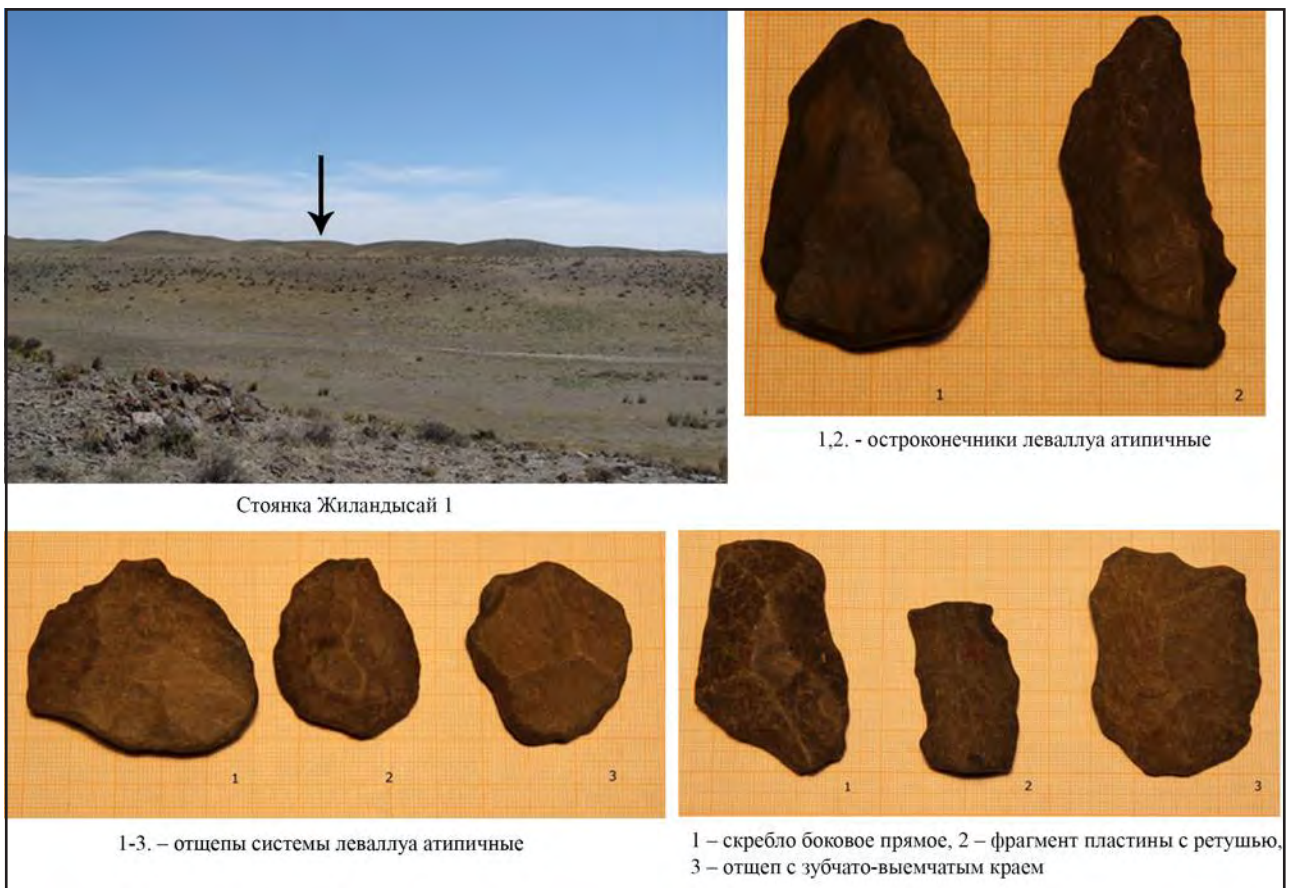

Рис. 4. Местоположение стоянки Жиландысай 1, каменные орудия.

но с поверхности конуса выноса на левом берегу долины Жиландысай, выше по течению зимовки Жиланды. Здесь на площади примерно 100x20 м собрано 39 сильнодефлированных артефактов и 15 средне- и слабодефлированных.

В коллекции представлены как орудия, так и продукты раскалывания без вторичной обработки. Орудия составляют более 40% коллекции. Это очень высокое содержание, характерное для стоянок. Они залегают на поверхности очень разреженно, не образуя скоплений.

Преобладают орудия леваллуазской группы – отщепы и остроконечники. Все они имеют высокую или очень высокую степень дефляции. Сырье: эффузивы серо-коричневого, красно-коричневого цвета, однажды применен кремнистый аргиллит темно-серого и серого цвета.

Отщепы леваллуа атипичные, недостаточно симметричные или неправильной формы (9 экз.): два отщепа сильно окатанные овальной формы: у первого огранка спинки конвергентная, ударная площадка не определима; у второго – огранка спинки субпараллельная,

ударная площадка гладкая, ось орудия и ось отщепа немного не совпадают. Остальные отщепы менее оглажены, огранка спинки в восьми случаях конвергентная, в одном – субпараллельная. Ударные площадки следующих типов: выпуклые грубофасетированные (2 экз.), прямые гладкие (2 экз.), по одному экземпляру: прямая грубофасетированная, тонкофасетированная срединно-выпуклая асимметричная и в форме «летающей птицы». На одном отщепе на боковых краях видна свежая противоложащая ретушь довольно крупных размеров – пример реутилизации.

Остроконечники леваллуа атипичные (2 экз.): листовидной формы массивные сильнодефлированные с субпараллельной огранкой спинки. У первого ударная площадка грубофасетированная выпуклая, вентральная поверхность подтесана; у второго ударная площадка разбита.

Другие типы орудий, сгруппированные по степени дефляции:

– сильнодефлированные орудия (6 экз.) из эффузива и кремнистого аргиллита темно-серого цвета: полукраевой отщеп с зубчато-

выемчатым дистальным краем; ретушированное леваллуазское острие или двойное скребло; комбинированное орудие – угловое скребло и анкош из атипичного отщепа леваллуа ромбовидной формы; комбинированное орудие – атипичная пластина леваллуа со скребковым лезвием; вогнутое скребло из треугольного отщепа с субпараллельной огранкой спинки, поврежденной ударной площадкой; проксимальный фрагмент протопризматической пластины с ретушированными краями;

– средне- и слабодефлированные (5 экз.) из кремнистого аргиллита темно-серого и розовато-черного цвета, эффузива серо-коричневого и черного цвета: остроконечники псевдолеваллуа (2 экз.). Первый с усеченным ретушью концом, лепестковидной формы. На левом краю едва различима противоположная мелкая краевая ретушь, на дистальном конце – обратная чешуйчатая мелкая крутая ретушь. Второй – грубоватый, треугольной формы; скребла (2 экз.). Первое простое прямое из отщепа ромбовидной формы, скребловое лезвие занимает верхнюю часть левого края и отделано мелкой лицевой отвесной чешуйчатой ретушью. Второе – простое выпуклое из проксимального обломка пластины с трехгранной асимметричной спинкой. Рабочее лезвие занимает правый край и отделано крутой лицевой чешуйчатой ретушью средних размеров; комбинированное орудие (1 экз.) – выпуклое скребло и анкош из вторичного отщепа ромбовидной формы. Скребловое лезвие занимает левый выпуклый край, отделано лицевой чешуйчатой крупной отвесной ретушью. Правый край массивный вогнутый, выемка длиной 23 мм и глубиной 4 мм отделана «свежей» лицевой глубокой чешуйчатой ретушью средних размеров. Дистальный конец представляет собой рыльце с бифасиальной подтеской.

Остальная часть коллекции – это различные сколы без вторичной обработки (32 экз.) преимущественно из эффузива серого, красно-коричневого, серо-коричневого, черно-коричневого и черного цветов, единично из кремнистого песчаника розовато-серого цвета, серо-коричневого кремнистого аргиллита, серого кремнистого аргиллита или песчаника и розовато-серого кремнистого алевролита.

По степени дефляции сколы подразделяются на следующие серии:

сильнодефлированная серия – 20 экз.: целый краевой скол (1 экз.) с грубофасетированной выпуклой ударной площадкой; полукраевые сколы целые (3 экз.) овальной формы, с грубофасетированной выпуклой, ровной и неопределимой ударными площадками; фрагмент полукраевого скола (1 экз.) трапециевидной формы; отщепы целые вторичные (12 экз.) с конвергентной огранкой спинок, лишь в одном случае огранка спинки бессистемная. У двух отщепов один из краев представляет собой естественный обушок, противоположный – острый с ретушью утилизации или полукрутой, возможно использовался в качестве ножа. Ударные площадки вторичных отщепов следующих типов: грубофасетированная срединновыпуклая симметричная (1 экз.), грубофасетированная срединновыпуклая асимметричная (1 экз.), двугранная двухфасеточная (2 экз.), ровная двухфасеточная (1 экз.), образована одним снятием (3 экз.), еще у четырех отщепов ударные площадки неопределимы и повреждены; фрагменты вторичных отщепов (3 экз.) проксимальные с бессистемной и конвергентной огранками спинок. Ударная площадка двухфасеточная двугранная и грубофасетированная выпуклая.

Среднедефлированная серия – 5 экз.: полукраевые сколы (2 экз.) трапециевидной и полукруглой форм, с ровной корочной и образованной одним снятием ударными площадками; вторичный отщеп (1 экз.) овальной формы, с обушком, с конвергентной огранкой спинки, ударная площадка образована одним снятием; фрагменты вторичных отщепов (2 экз.) с субпараллельной и бессистемной огранкой спинок, у первого фрагмента ударная площадка двухфасеточная двугранная, у второго ударная площадка удалена.

Слабодефлированная серия – 6 экз.: полукраевой скол (1 экз.) овальной формы с грубофасетированной ударной площадкой; фрагмент полукраевого скола (1 экз.) трапециевидной формы с корочной ударной площадкой; вторичные отщепы (4 экз.) с конвергентной, субпараллельной и бессистемной огранкой спинок. Ударные площадки: двухфасеточная ровная, выпуклая гру-

бофасетированная, корочная и тонкофасетированная дуговидная.

Недефлированную серию представляет краевой скол трапециевидной формы размерами 45x51x18 мм.

В целом, инвентарь стоянки Жиландысай 1 в технико-типологическом плане близок к инвентарю стоянки Хантау. Хотя коллекция сравнительно невелика и не позволяет применить технико-типологический статистический анализ, очевидно, что она входит в круг памятников хантауской мустьерской традиции.

Несколько невыразительных артефактов собрано на поверхности террасы безымянного ущелья в 3,5 км юго-восточнее стоянки Жиландысай 1, что свидетельствует о перспективах открытия новых памятников палеолита.

На северо-западных окраинах горного массива Хантау был обнаружен неолитический памятник у родника Теректысай, недалеко от «картинной галереи» Теректысай, которая занимает видное место в монографии А.Г. Медоева «Гравюры на скалах». К сожалению, в настоящее время композиции петроглифов

сильно обезображены современными «автографами» (рис. 5).

На поверхности аллювиальной террасы у родника Теректысай в 0,5 км выше по течению от «галереи» собрано 30 каменных артефактов. Стратиграфический шурф, заложенный на краю речной террасы, не выявил погребенного культурного слоя.

Техника раскалывания прослеживается по следующим артефактам: нуклеус двусторонний двуплощадочный для пластинок; нуклеус фронтальный одноплощадочный для получения микропластинок; скол оживления ударной площадки карандашевидного нуклеуса; обломок карандашевидного нуклеуса в форме тетраэдра; долотовидное орудие, изготовленное из обломка нуклеуса тетраэдральной формы, долотовидное орудие из четырехгранного обломка нуклеуса; резец атипичный из четырехгранного обломка нуклеуса.

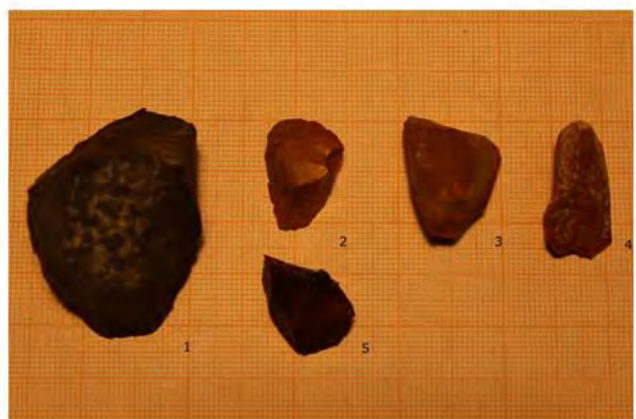
Среди орудий преобладают скребки разных типов: концевой скребок на пластинке с подправленной обратной микроретушью краем; боковой скребок на отщепе и скребок на отщепе

Теректысай, вид на галерею петроглифов

Уникальные петроглифы перекрыты современными автографами

Неолитическая родниковая стоянка Теректысай. Каменные орудия, артефакты, характеризующие технику раскалывания

Рис. 5. Местоположение стоянки Теректысай, каменные орудия.

со стрельчатым лезвием и подправленными противоположащей ретушью краями. Единичные орудия: вкладыш – медиальный фрагмент пластины с одним притупленным краем; обломок отщеп с ретушью.

Отходы производства представлены фрагментами пластин (2 экз.) и фрагментами отщепов (16 экз.).

Дальнейшие поиски вверх по течению в долине Теректысая и обследование обоих берегов оказались безрезультатными.

Разведочными маршрутами были также охвачены подножия гор Майжарылган, Койжарылган, Джамбул и Акжал. Горы Майжарылган (высота до 527 м), Койжарылган (до 489 м) – сильно разрушенные, выветрелые. Рассечены многочисленными логами с руслами временных водотоков. Пород, подходящих для изготовления орудий, не выявлено. Вдоль юго-западных подножий гор Майжарылган были локализованы два местонахождения из обнаруженных в 1965 году А.Г. Медоевым (рис. 6).

Местонахождение № 29 эпохи палеолита расположено, согласно дневниковым записям А.Г. Медоева, на юго-западных склонах горы Майжарылган в урочище Жаксыталды. В 2017 году на правом берегу реки Жаксыталды в 1 км у западного подножия гор был найден фрагмент отщеп.

Местонахождение № 31 (по А.Г. Медоеву), датированное как мустье фации леваллуа, было локализовано на правом борту реки Сарыбулак. Был произведен осмотр делювиально-пролювиального шлейфа восточнее и западнее полевой дороги. Западнее дороги на более низком участке, был обнаружен скребок из отщеп (поздний палеолит – неолит?).

Были осмотрены восточная и западные подножья горы Джамбул. Подробная геолого-геоморфологическая характеристика данного массива дана в дневниковых записях А.Г. Медоева. «Горы Джамбул состоят из целой системы островерхих гор, слившихся в один массив и значительно поднимающихся над соседними равнинами. Они вытянуты в северо-западном направлении на 35 км, при максимальной ширине 8 км. У юго-западного подножия массива развиты конусы выноса. Длина предгорного шлейфа около 6 км. Скло-

ны довольно интенсивно расчленены эрозией. Относительные колебания высот внутри массива достигают 100 м. Краевые части гор рассечены мелкими логами, которые на северном склоне имеют северо-восточное направление, на южном – юго-западное. Лога короткие, но крутосклонные, имеют обычно V-образный профиль.

Тектонические депрессии, занятые логами Каракудук и Сарыбулак, выполнены рыхлыми кайнозойскими отложениями. Поверхность их днищ удивительно ровная, срединную часть занимают сухие русла, заполняющиеся водой лишь весной и осенью. Ширина долин достигает 3–5 км, длина превышает 20 км. Ограничиваются депрессии ясно выраженными уступами.

Южным продолжением гор Джамбул являются горы Акжал. Они геоморфологически представляют единое целое с горами Джамбул, но высоты их снижаются до 560–580 м абсолютной высоты» (из личного архива А.Г. Медоева).

На восточном подножье горы Джамбул были выявлены два местонахождения неолита, приуроченные к родникам (рис. 7). На первом местонахождении, Каражартас, выявлены 5 микролитов: 2 осколка отщепов из яшмовидной породы желтовато-серого цвета; проксимальный фрагмент пластинки из кремнистого желтовато-белого аргиллита; дистальный фрагмент пластинки из красно-коричневой яшмовидной породы и медиальный фрагмент ребристой пластинки из белого кремнистого алевролита.

На втором местонахождении, у родника Каракудук, выявлен скребок из полукраевого отщеп желтого кремнистого алевролита.

На северо-западных оконечностях горного массива Джамбул были локализованы три местонахождения палеолита, открытых А.Г. Медоевым в 1965 году.

Местонахождение № 40 (по А.Г. Медоеву) эпохи палеолита располагалось на шлейфе конуса выноса на юго-западном склоне гор, являющихся северо-западным продолжением гор Джамбул, в 4 км к западу от горы Аймаханчохо. На этом местонахождении в 1965 г. был найден единичный отщеп. В 2017 году были осмотрены склоны горы и подножия, где,

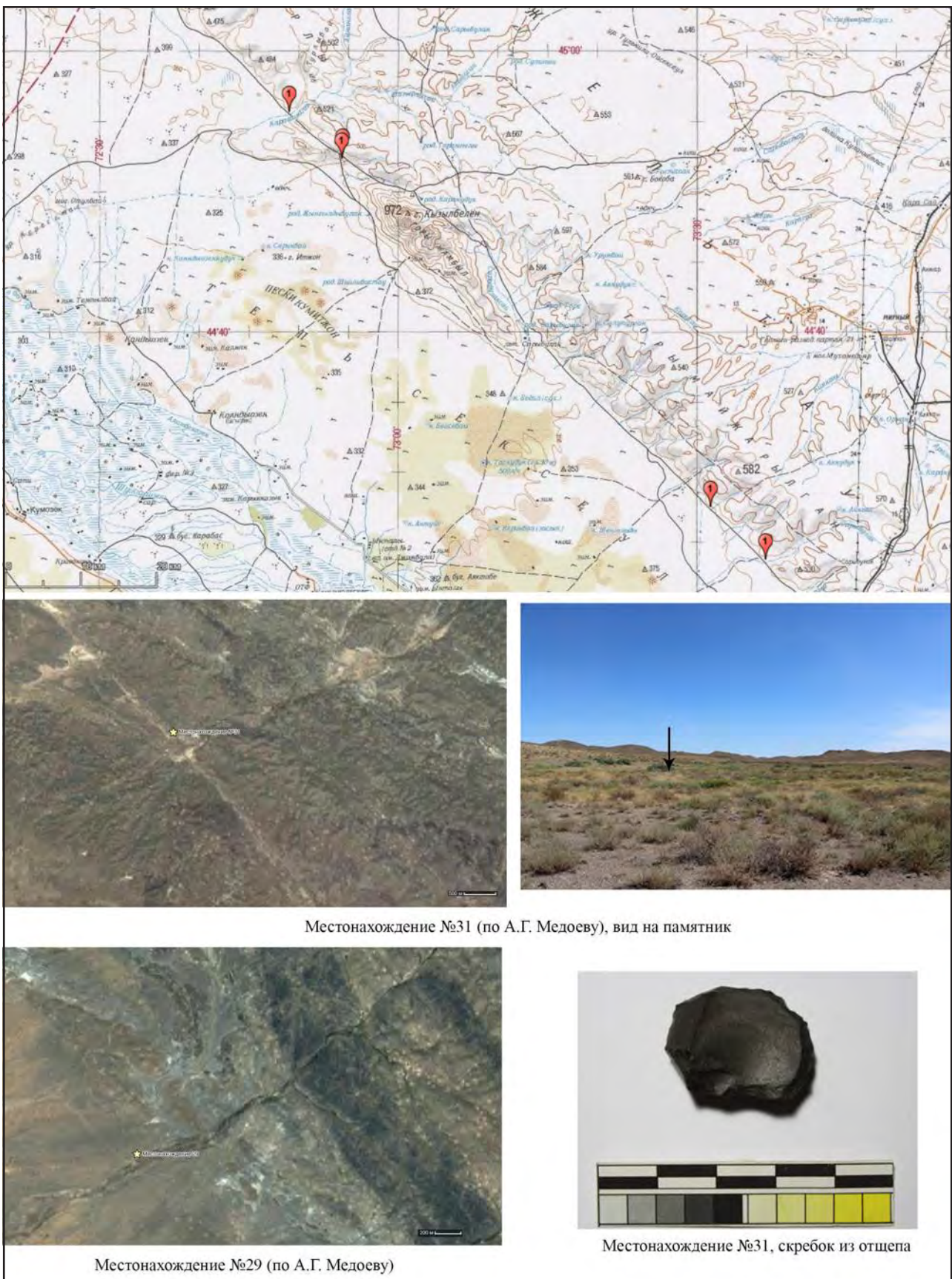

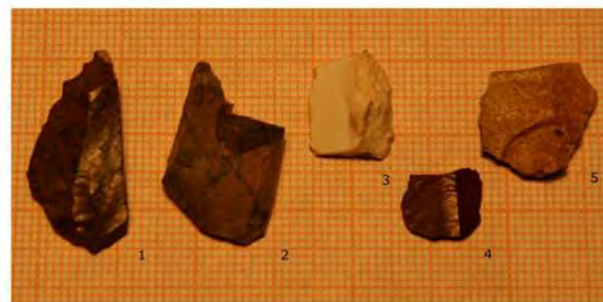
Рис. 6. Местоположение памятников каменного века в горах Майжарылган, Джамбул, каменные орудия.

судя по записям, был найден отщеп, уточнены координаты от горы Айманшоки (современная транскрипция топонима Аймаханчохо),

представляющего собой древний вулкан (рис. 8). Местонахождение № 46 (по А.Г. Медоеву), эпохи палеолита, где был найден

Неолитические родниковые памятники Каражартас и Каракудук

Местонахождение микролитов у родника Каражартас

Местонахождение микролитов у родника Каракудук

Рис. 7. Местоположение неолитических памятников в горах Джамбул, каменные орудия.

Рис. 8. Локализация местонахождений палеолита северо-западных оконечностей горы Джамбул, каменные орудия.

архаичный отщеп, располагалось согласно записям в сухой долине у северо-западной оконечности гор Джамбул и в 2,5 км на запад-северо-запад от горы Айманшоки (рис. 8). Местонахождение в 2017 году было локализовано. На склонах правого борта ущелья имеются выходы сырья – кремнистый алевролит и эффузивы. Склоны прорезает геологическая траншея, которая безрезультатно была обследована на предмет выявления погребенного культурного слоя.

Местонахождения № 41, 42, 44, 47 (по А.Г. Медоеву) эпохи палеолита расположены в долине реки Каршыгалы, на правом высоком берегу. Более точных привязок в записях А.Г. Медоева не указано. В 2017 году при обследовании долины реки Каршыгалы были обнаружены на правом берегу артефакты из кремнистого алевролита (рис. 8). Местонахождение является большой стоянкой-мастерской протяженностью более 200 м и шириной 40 метров. На поверхности, кроме

отходов производства, сохранились нуклеусы и орудия. Выходы сырья встречаются и далее к западу от стоянки.

Таким образом, в ходе полевых работ 2015–2017 гг. по грантовой теме «Палеолит Юго-Западного Прибалхашья» авторам удалось определить местонахождение всех палеолитических памятников, выявленных А.Г. Медоевым, и открыть новые палеолитические и неолитические объекты.

В нижнем, среднем и позднем антропогене в Шу-Илейских горах преобладали процессы денудации и формирования у поднимающихся горных хребтов обширных шлейфов конусов выноса, к которым приурочены все найденные палеолитические каменные изделия. Неолитические памятники, напротив, привязаны к родникам.

Исследования показали перспективность поисков памятников палеолита каменного века по многочисленным логам Шу-Илейских гор.

Коллекции каменных артефактов, собранные археологами и геологами во время проведения геологической съемки в 1964–1965 гг., являются наиболее полным, а в ряде случаев и единственным сохранившимся до сих пор источником по палеолиту Юго-

Западного Прибалхашья. Введение в научный оборот хранящихся в музеях коллекций каменного инвентаря становится все более актуальным, поскольку без этих данных нельзя решить проблему первоначального заселения территории Казахстана первобытными гоминидами, их биологической и культурной эволюции.

Промышленная и сельскохозяйственная деятельность последних десятилетий в районе исследований привела к разрушению и уничтожению значительного количества археологических памятников.

Индустрия стоянки-мастерской Хантау принадлежит мустье ашельской традиции фации леваллуа, которая, очевидно, создана *Homo neanderthalensis*. Она непластинчатая, нефасетированная с высоким шарантским индексом, обогащенная зубчатыми орудиями. Технично-типологические индексы выявляют ее значительное сходство с леваллуа-мустьерскими индустриями стоянок-мастерских Семизбугу в Северном Прибалхашье и Актогай в горах Кунгей Алатау, что позволяет очертить в Юго-Восточном Казахстане ареал развития древнепалеолитических индустрий начиная с раннего мустье и заканчивая концом этой эпохи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Артюхова О.А. Мустье Центрального Казахстана. Алматы: Ин-т археологии им. А.Х. Маргулана, 2013. 206 с.
2. Археологическая карта Казахстана. Реестр / Сост.: Е.И. Агеева, К.А. Акишев, Г.А. Кушаев и др. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1960. 449 с.
3. Медоев А.Г. Ареалы палеолитических культур Сары-Арка // По следам древних культур Казахстана / Сб. ст. Алма-Ата: Наука КазССР, 1970. С. 200–216.
4. Медоев А.Г. Гравюры на скалах. Сары-Арка, Мангышлак. Алма-Ата: «Жалын», 1979. Часть первая. 171 с.
5. Медоев А.Г. Геохронология палеолита Казахстана. Алма-Ата: Наука КазССР, 1982. 64 с.
6. Архив Института археологии МОН РК, фонд 3. Личный архив А.Г. Медоева, Полевой дневник за 1965 г. № 1.

Артюхова О.А., Мамиров Т.Б.
ҚР БҒМ ҒК Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты,
Алматы, Қазақстан

**ШУ-ІЛЕ ТАУЛАРЫНДАҒЫ ТАС ДӘУІРІНІҢ ЕСКЕРТКІШТЕРІ
(2016–2017 ЖЖ. ЖҮРГІЗІЛГЕН ЖҰМЫСТАРДЫҢ МАТЕРИАЛДАРЫ БОЙЫНША)**

Түйін. Мақалада Шу-Іле тауларының аумағындағы тас дәуірінің ескерткіштерінде жүргізілген жұмыстардың нәтижелері жарияланып отыр. Бұл уақытқа дейін А.Г. Медоев анықтаған, бірақ та көп бөлігі ғылыми айналымға енбеген палеолит ескерткіштерінің орналасқан жерлері нақтыланды. Сонымен қатар, тас дәуіріне жататын жаңа нысандар анықталды.

Artyukhova O.A., Mamirov T.B.
Institute archaeology after A.Kh. Margulan,
Almaty, K azakhstan

**STONE AGE MONUMENTS OF THE SHU-ILE MOUNTAINS
(MATERIALS FROM 2016–2017)**

Annotation. The article is provides the results of studies of the stone age monuments of the Shu-Ile mountains. There were specified the locations of previously discovered Paleolithic monuments, which not introduced into the scientific circulation by A.G. Medoev. As well as discovered new objects of the Stone Age.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ
ХАНТАУСКОГО
ТРАНЗИТНОГО
КОРИДОРА

Воякин Д.А., Горячев А.А., Потапов С.А., Ильин Р.В.

Институт археологии им. А. Х. Маргулана,
Алматы, Казахстан

МЕТОДИКА АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ И МАРКИРОВКА МАРШРУТОВ ДРЕВНИХ МИГРАЦИЙ НА ТЕРРИТОРИИ ХАНТАУСКОГО ТРАНЗИТНОГО КОРИДОРА

Аннотация. В работе представлены основные направления археологических исследований по проекту и общие результаты разведки древних памятников эпохи палеометалла Хантауского транзитного коридора. Анализ архивных материалов по природно-географическим и археологическим данным региона позволил определить наиболее перспективные районы исследований. Археологическая разведка по результатам анализа космоснимков многократно увеличивает базу данных по археологическим памятникам эпохи палеометалла. Систематизация ее результатов дала основание выделить основные маршруты транспортных коммуникаций между степной зоной Центрального Казахстана и предгорными районами Северного Притяньшанья через Хантауский регион.

В рамках проекта Комитета науки МОН РК «Хантауский транзитный коридор в эпоху палеометалла» было проведено широкомасштабное обследование территории региона для выявления древних археологических памятников. Под данной дефиницией мы понимаем узкое пространство между пустыней Бетпакдала и юго-западным побережьем озера Балхаш на севере и степными горами Жельтау – Хантау – Айтау на юго-западе и песками Таукум – на северо-востоке. На этом участке ширина коридора варьирует от 30 до 70 км. Узловой точкой здесь являются горы Хантау, где транспортные маршруты древности сходились и расходились в различных направлениях. От гор Хантау границы исследуемого региона в широтном направлении расширяются от долины реки Шу на западе до крайнего притока реки Или – Курты на востоке, занимая практически всю территорию Киндыктаско-Шу-Илейских возвышенностей. В меридиональном направлении Хантауский коридор протянулся от озера Балхаш на севере до северных склонов Заилийского Алатау на юге. Его археологическое обследование включало в себя несколько последовательных этапов ра-

бот: 1 этап – сбор и анализ имеющихся архивных и библиографических материалов по природно-географическим характеристикам и археологическим данным региона; 2 этап состоял из анализа топографических карт и дешифровки космических снимков региона; 3 этап – проведение натурного обследования объектов, их фотофиксацию, съемку координат, выявление границ памятников; 4 этап представлял собой камеральную обработку полученных результатов и их систематизацию.

Архивные материалы и анализ публикаций по исследованиям древних памятников региона

В результате анализа архивных источников и публикаций по природно-географическим характеристикам и археологическим данным региона в настоящем издании был выделен специальный раздел, посвященный результатам этих научных изысканий. В них подробно рассмотрены вопросы изучения природно-географической среды и биоразнообразия территории Хантауского транзитного коридора, а также история изучения археологических материалов от середины XIX века до современного

этапа. Особое внимание уделено работам А.Г. Медоева в 60–70-е гг. XX века, с которых фактически начался современный этап исследований природно-климатических условий и археологических памятников Южного Прибалхашья и Шу-Илейского междуречья. В ходе исследований А.Г. Медоева был выявлен значительный пласт наскального искусства, относящегося к бронзовому веку [Медоев, 1979].

В 1980–1990-е гг. по материалам Медоева изучались наскальные рисунки в долине р. Сарыбулак и вдоль юго-западных склонов гор Хантау (рук. Самашев З.). Результаты данных исследований опубликованы фрагментарно. Анализ горнорудной базы региона позволил С.А. Бердену предположить наличие в древности Хантауского горно-металлургического центра [Берден, 1998, с. 180–190]. В этот же период изучением археологических памятников Шу-Илейских гор и хребта Киндыктас занялись археологические экспедиции Института истории, археологии и этнографии им. Ч.Ч. Валиханова (рук. Акишев К.А.), КазПИ им. Абая (рук. Марьяшев А.Н.) и Джамбулского историко-краеведческого музея (рук. Байбосынов К.). Результатом этих работ стали первые археологические раскопки могильников эпохи бронзы урочищ Тамгалы в горах Анрахай, Ой-Джайляу хребта Киндыктас и Кожабала гор Хантау [Марьяшев, Горячев, 1992, с. 3–15; Марьяшев, Горячев, 1993, с. 5–15; Ковтун, 1999, с. 27–31].

Параллельно производилась археологическая разведка древних памятников хребта Киндыктас в рамках проекта по подготовке Свода памятников истории и культуры Жамбылской области [Свод памятников... Джамбульская область, 1982]. Открыты целые серии памятников эпохи палеометалла как у юго-западных, так и у северо-восточных склонов этой горной системы. Наиболее яркие из них обнаружены в долинах рек Какпатас, Унгирли, Шокпар, в урочищах Йирсу, Мадьярсай, Жайсан, Сартау и т. д. [Свод памятников... Жамбылская область, 2002].

Авторами в 2010-е гг. в составе специализированных научных групп в результате исследований по двум грантовым проектам МОН РК – «Культура племен эпохи бронзы Жетысу» и «Генезис древних поселений Север-

ного Притяньшанья» – были существенно расширены сведения о поселениях эпохи палеометалла Шу-Илейского междуречья [Горячев, 2014, с. 84–92]. Здесь же были обнаружены скопления петроглифов и могильники эпохи бронзы [Марьяшев, Горячев, 2008, с. 101–109; Горячев, 2013, с. 3–28]. Они сгруппированы рядом с многослойными поселениями, ранние периоды которых относятся к эпохе бронзы. Это позволило установить причины, характер устройства и функционирования древних комплексов в этом микрорайоне [Марьяшев, Горячев, 2002; Горячев и др., с. 3–15].

Систематизация сведений о древних памятниках археологии Южного Прибалхашья и Шу-Илейских гор и результаты археологических разведок и исследований сотрудников Института археологии им. А.Х. Маргулана и специалистов ТОО «Археологическая экспертиза» были обобщены в энциклопедических изданиях памятников истории и культуры Мойынкумского, Шуского и Кордайского районов Жамбылской области, а также Жамбылского района Алматинской области [Свод памятников... Кордайский район, 2010; Свод памятников... Чуйский район, 2012; Свод памятников... Мойынкумский район, 2012]. Обследовано свыше 200 археологических памятников эпохи бронзы и раннего железного века, однако большая часть из них представлена курганами раннего железного века и петроглифами древних периодов. Среди наиболее ярких памятников, зафиксированных в ходе исследований, – древние горные выработки в горах Хантау, в ущельях и долинах рек Шатырколь и Унгирли. Эти районы оказались наиболее насыщены древними погребальными комплексами. Однако памятники эпохи палеометалла представлены в этих изданиях незначительно и достаточно выборочно. Но даже эти данные показали, что данный историко-географический микрорайон играл одну из ключевых ролей в формировании облика древних культур от эпохи палеометалла до раннего средневековья, что легло в основу идеи проекта «Хантауский транзитный коридор в эпоху палеометалла».

Сформулированные в данном контексте цели и задачи проекта предопределили основные направления научных изысканий, прежде всего в

области разведки археологических памятников эпохи палеометалла. Поскольку Хантауский транзитный коридор связан географически с процессами культурного взаимодействия древнего населения таких обширных регионов, как южная часть Центрального Казахстана, долины крупнейших рек Казахстана Шу и Или, а также предгорная полоса Северного Притяньшанья, то выяснение основных направлений транспортных коммуникаций обычными методами натурной разведки чрезвычайно трудоемко и требует значительного количества времени. Решению данной задачи существенно помогли анализ топографических карт и дешифровка космических карт региона.

Космические снимки как источник для выявления археологических объектов Хантауского транзитного региона

Поскольку предварительные сведения показывают плотную насыщенность Киндыктаско-Шу-Илейской возвышенности древними памятниками, первым этапом практических исследований стало выявление наиболее перспективных районов разведки по топографическим картам. Анализ карт позволил выделить наиболее перспективные микрорайоны, насыщенные водными источниками и достаточно удобными для проживания участками. Территория обследования включала в себя горные районы Шу-Илейского междуречья с прилегающими к ним долинами общей площадью около 40000 км². Выделенные микрорайоны были тщательно проанализированы по космическим снимкам с целью последующей детальной натурной их разведки.

Впервые аэрофотосъемка как метод выявления археологических объектов на территории Казахстана была применена Хорезмской археолого-этнографической экспедицией в 1946 году [Толстов, 1962, с. 60; Игонин, 1965, с. 256–260]. Многолетние работы экспедиции позволили создать базу аэрофотоснимков Джетысарского урочища, памятников в районе Жанадарьи, «болотных» городищ Низовой Сырдарьи, а также могильников Уйгарак и Тагискен. Эти данные использовались и позднее для разработки вопросов, связанных с развитием ирригации и изучения культурно-

исторических ландшафтов [Галиева, 2010, с. 42–55]. В 1980-е гг. аэрофотосъемка была применена при изучении средневекового Актобе Степнинского, что позволило лучше изучить городскую застройку и фортификацию [Шишкин, 1986, с. 111–129].

Качество современных космических снимков, находящихся в открытом доступе, значительно улучшилось и уже не уступает аэрофотофиксации, использовавшейся в археологии до 1991 года, этот факт и обусловил применение данных дистанционного зондирования земли для выявления археологических объектов, визуализации планов и подготовки чертежей. Это обстоятельство позволило обратить внимание на потенциал использования космических снимков в процессе археологической разведки и обследований гор Хантау, Анрахай, Киндыктас, Айтау, Кулжабасы и других хребтов. Сложный рельеф этих гор и отсутствие постоянных водотоков затрудняет выявление археологических объектов, что было подтверждено в ходе натурного обследования. В настоящей работе для проведения археологического обследования Хантауского региона применена методика анализа и использования космических снимков.

В ходе предварительного изучения территории были использованы цифровые фотограмметрические технологии и проведен анализ имеющихся космических снимков региона, предоставляемые сервисами Google, Bing, Yandex, Here.com. Для основного выявления археологических объектов нами использовались данные сервиса Bing, как обладающие наиболее высоким разрешением для данного участка. Для выявления и проверки объектов, не фиксируемых в материалах Bing, были задействованы космические снимки Google с высоким разрешением, также охватывающие большую часть территории, и в отдельных местах позволяли выявить данные по объектам. Для проверки полученной информации также использовались остальные сервисы, т. к. данные сервиса Here.com и Yandex не дают необходимого разрешения для выявления объектов археологии. Несмотря на это, в отдельных местах их качество позволяло уточнить данные других ресурсов и выявить отдельные археологические объекты.

Перспективными для поиска археологических памятников оказались господствующие высоты и водораздельные плато, плоские участки на берегах рек, а также урочища. В отдельных случаях при фиксации древних поселений и горнорудных выработок детально просматривались и анализировались материалы горных ущелий. Определение возможных направлений древних транспортных маршрутов, как и информация об урочищах, были почерпнуты из советских топографических карт и перепроверены на основе комических снимков данных участков.

Обработка космических снимков проводилась с использованием ГИС-программы SAS.Planet, позволяющей сочетать и взаимно проверять различные космоснимки, карты, картографические легенды (гибриды). Главный принцип определения археологических памятников основывался на известных из казахстанской археологической практики типов форм и размеров объектов историко-культурного наследия и их пространственной организации. Их форма явилась определяющей при выявлении в ходе проведения визуального и дистанционного обследования.

Объекты типа мавзолеев и зимовок, датируемых этнографическим временем, легко опознаются на космических снимках в силу хорошей их сохранности. Сохранность и, следовательно, возможность распознавания археологических комплексов более раннего времени гораздо хуже. Тем не менее, большинство из них определены нами на местности, т. к. каждый тип памятников обладает своими морфологическими признаками. Основные типы археологических памятников представлены тремя группами: поселенческими (городища, поселения, стоянки), погребально-культурные комплексы (курганы, могильники и т. п.), технологические объекты (например, горные выработки).

Поселенческие комплексы расположены в удобных экологических нишах пригодных для ведения соответствующего эпохе вида хозяйства, другими факторами их расположения являются соображения безопасности, наличия водных источников, выходов руд или камня. Также нужно понимать, что в состав поселенческих комплексов входят связанные с ними ирригационные и технологические

сооружения, соответствующие специфике хозяйственно-культурного типа населения данного района. Обязательно наличие возле крупных поселенческих комплексов погребально-культурных комплексов. Небольшие по размерам стоянки, поселения и мастерские могут быть не распознаны на местности, поэтому нами выделяются участки, перспективность которых обусловлена наличием удобных для них экологических ниш.

Погребально-культурные комплексы не подчинены логике хозяйственно-экологического освоения территории, хотя зачастую и привязаны к поселенческим структурам. Место расположения таких комплексов, как правило, отделено территориально от поселений, хотя в редких случаях и составляют с ними единое целое. Они могут располагаться, например, на не осваиваемом противоположном берегу реки или занимать выделяющуюся высоту на данной территории. Могильники состоят из группы погребальных памятников – курганов, оград, могил и т. п., как правило, имеющих внутреннюю организацию. Надо отметить, что крупные и средние курганы и ограды хорошо опознаются на космических снимках и легко читаются на топографических картах. Выявление мелких курганов, оград и могил требует опыта работы с памятниками региона. Тем не менее, небольшие по размерам курганы, ограды и могилы могут быть не выявлены в ходе дешифровки космических снимков. Но на основании знания закономерностей расположения таких объектов на местности мы можем предварительно говорить о перспективности тех или иных участков. Как правило, погребально-культурные комплексы устроены на незатопаемых участках, какими могут быть господствующие на местности возвышенности (обозначенные триангуляционными знаками) на некотором расстоянии от источников воды.

Помимо вышеперечисленных географических объектов, перспективными являются также урочища. Вероятность нахождения в них памятников археологии очень высока, т. к. урочища зачастую являются удобными экологическими нишами, в которых люди могли селиться в разные периоды времени. Такая ситуация подтверждается практическими ис-

следованиями – значительное количество археологических памятников располагается группами, которые в археологии принято называть археологическими микрорайонами. Анализ и дешифровка космических снимков региона позволили выявить рядом с ними древние горные выработки в виде групп крупных западин различных форм. Современные геологические траншеи также являются важным маркером перспективных участков для поиска древних горных выработок.

Изучение космических снимков и топографических карт позволило приблизительно обозначить границы памятников, т. к. некоторые объекты могут быть неразличимы. Выявлялась и обратная ситуация, когда границы памятников на космоснимке значительно больше выявленных в ходе визуального осмотра местности, что обусловлено частичным разрушением объектов, и космические снимки представляют более объективную картину истинных размеров. Данная методика позволила дешифрировать крупные археологические комплексы (например, могильники, состоящие из курганов крупных и средних размеров, организованные в «цепочки», определить их направления), при этом учитывалось, что обнаружение таких памятников, к которым относятся, как правило, предполагаемые одиночные курганы, поселения, могильники эпохи палеометалла, на современном уровне маловероятно. Часть потенциальных объектов были выделены с большей долей вероятности (в этой группе представлены курганные могильники). Дешифрирование космических и аэрофотоснимков в проведении археологических научно-исследовательских работ было вызвано необходимостью для конкретных, наиболее актуальных задач археологического картографирования объектов для данного региона в условиях труднодоступности мест их локации.

Использование данных дистанционного зондирования и космических снимков явились ценными источниками по выявлению и изучению археологических объектов, учитывая огромные пространства региона и недостаточную археологическую изученность его районов. Важно отметить, что выявление потенциальных археологических объектов на

космических снимках не только «облегчает» задачу археолога по открытию новых памятников, но и позволяет обнаружить некоторые, находящиеся «вне поля зрения», при натурном обследовании. В первую очередь это касается древних поселений и петроглифов. Как правило, они расположены вблизи погребальных памятников, составляя с ними единые археологические комплексы. В частности, на данном участке могильники на выходе из небольших саев и ущелий фактически маркировали и древние поселения, расположенные, как правило, в 300–500 метрах вглубь ущелий у скал, защищавших их от ветра. В некоторых случаях на скалах близ поселений фиксируются петроглифы. В частности, при натурном обследовании 67 археологических памятника в долинах рек Согинды и Какпатас было зафиксировано 136 поселений, могильников и скоплений петроглифов. При этом обозначенные на снимках курганы раннего железного века позволили выявить рядом с ними поселения с комплексами наскальных рисунков и могильники эпохи бронзы, которые изначально не обнаруживались.

Дешифрирование космических снимков только по горным хребтам Хантау–Айтау–Кулжабасы–Киндыктас позволило выявить свыше 650 потенциальных археологических объектов, большая часть из которых предположительно являются курганами (рис. 1). В восточной части региона на основе косморазведки и архивных данных выделены микрорайоны наиболее интенсивного скопления археологических памятников древности в районе урочищ Алмалы, Тырнакты и в горах Серектас северных склонов Шу-Илейских гор, где отмечено 12 древних поселений и свыше 40 могильников эпохи бронзы и раннего железного века. На восточной оконечности Шуилийского хребта обследовано побережье Куртинского водохранилища, где обнаружен интересный тюркский комплекс захоронений с двумя изваяниями и серия могильников раннего железного века. По левобережью реки Или выделены три микрорайона, где отмечены курганы и курганные группы. У северных склонов Илейского Алатау выделены около 20 поселений и могильников эпохи палеометалла, большей частью датируемые различными

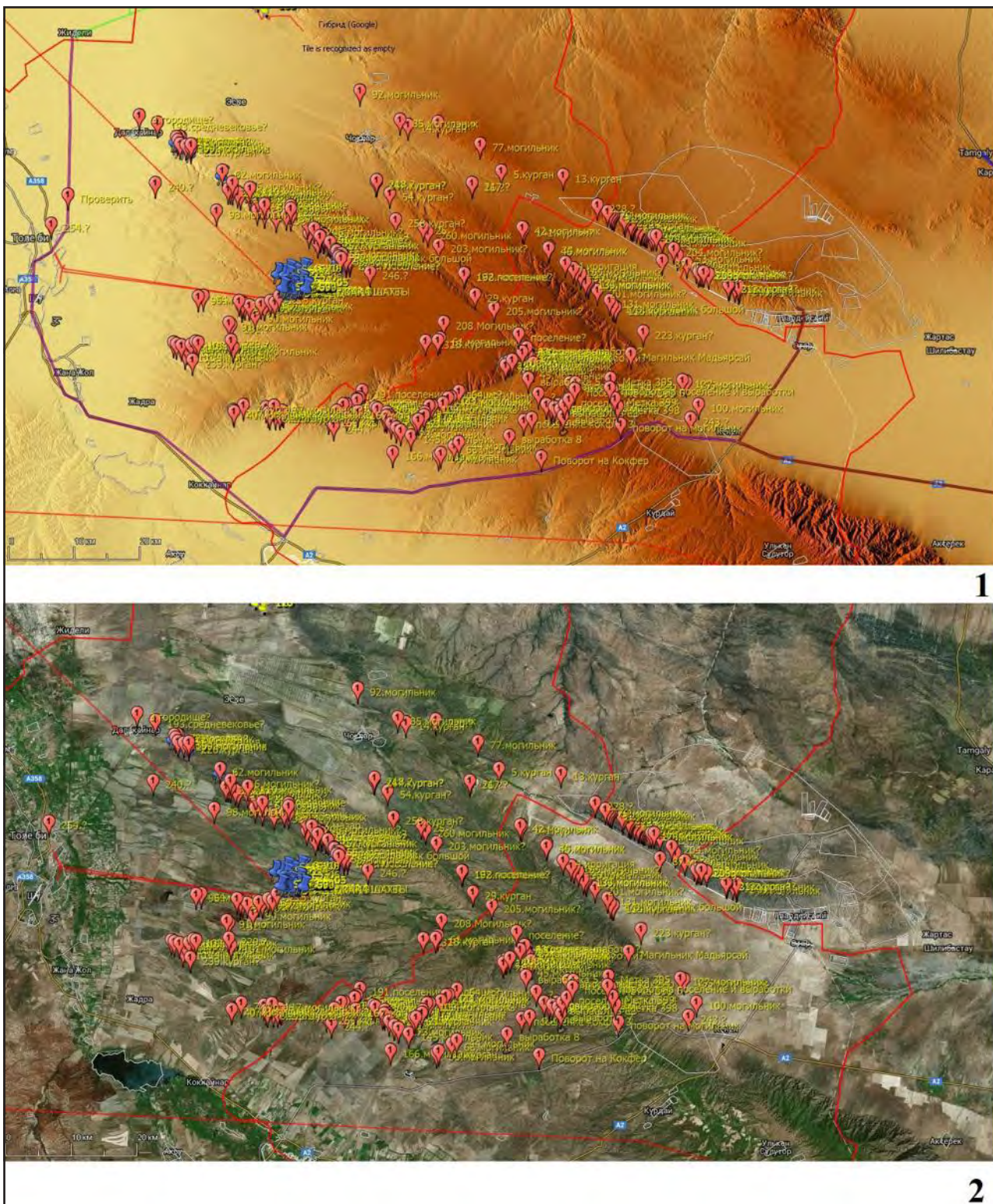

Рис. 1. Карты-схемы определения перспективных объектов для археологической разведки в районе гор Киндыктас и Кулжабасы.

этапами бронзового века. Выявлены комплексы поселений, могильников и святилищ с чашечными камнями в районе аулов Кастек, Когамшил, Бесмойнак, Дегерес и Актерек. Такие же комплексы отмечены в ущельях Ыр-гайты и Талдыбулак к западу от крайних населенных пунктов данного микрорайона.

Корректировка космоснимков результатами натурного обследования позволила улучшить методику выявления объектов в полевых условиях. Если при первичном применении данного алгоритма археологической разведки в 2018 году в горах Хантау при выделенных 104 потенциальных объекта около 70% наш-

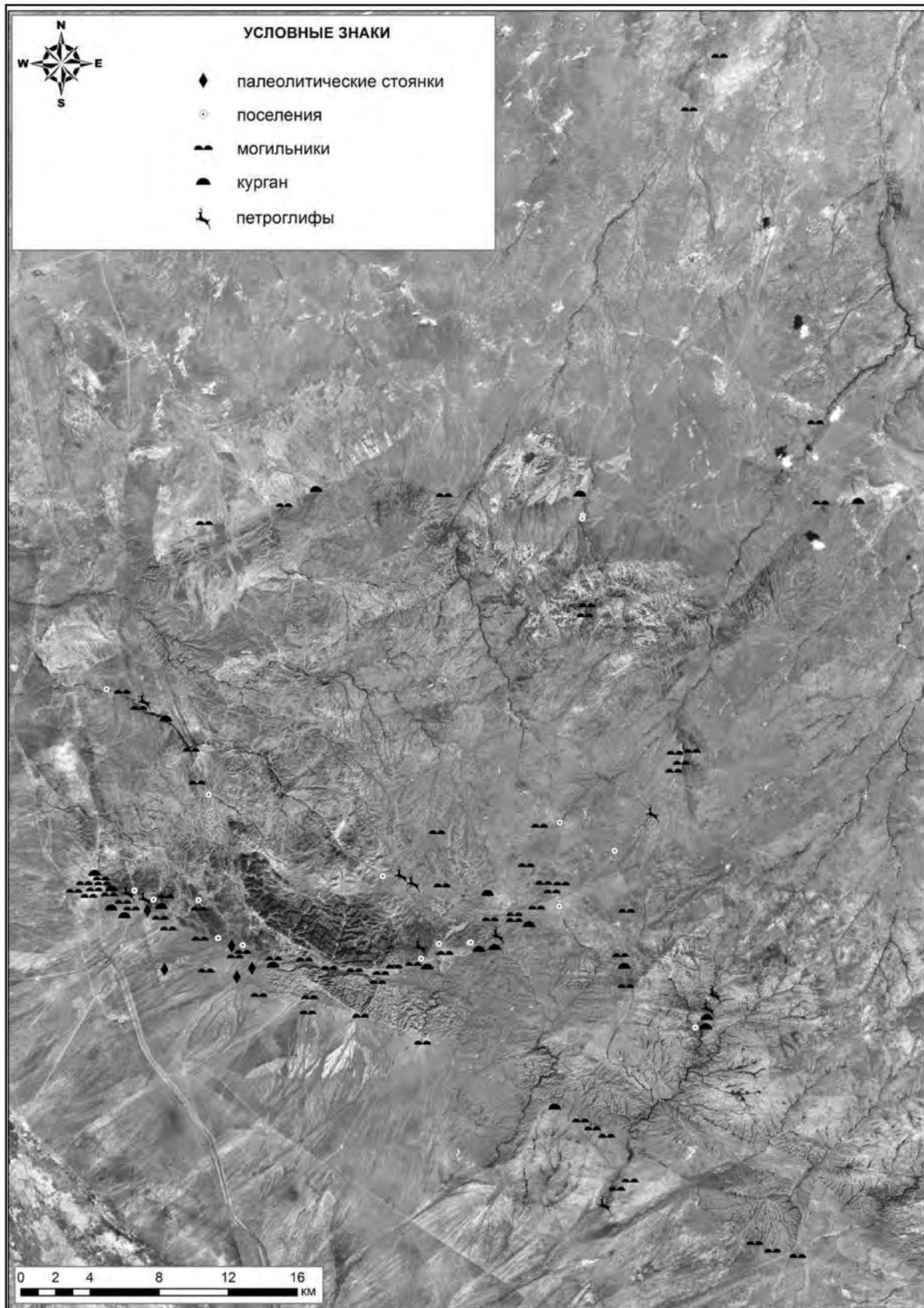

Рис. 2. Карта расположения археологических памятников в горах Хантау на космоснимке.

ли подтверждение на местности, то уже в 2019 году при обследовании хребта Киндыктас (436 выделенных объекта) только 2 памятника не нашли подтверждения при натурном

обследовании. Натурное обследование гор Кулжабасы и Анрахай подтвердили полностью все выявленные по космоснимкам объекты (рис. 2). По мере совершенствования методики

в 2020 году в восточных районах Шу-Илейского междуречья в качестве потенциальных объектов на предварительную карту наносились помимо курганов и поселения предполагаемые места горных выработок и перспективные участки скальных групп, где было возможно обнаружение древних наскальных рисунков. Результаты натурной разведки подтвердили данные космоснимков в более чем 90% случаев, что дает основание считать данный метод результативным.

С помощью интернет ресурса компании «СКАНЭКС» Космоснимки.ру, технологии Геомиксер были сделаны точки размещений поселений и поминальных объектов древнего населения (археологическая карта), предположения и расчеты затраченного времени на преодоление расстояний возможных путей миграции.

Итоги археологической разведки древних памятников Хантауского транзитного коридора

Узловой точкой Хантауского транзитного коридора является одноименная горная гряда, географически расположенная таким образом, что все транспортные маршруты из Центрального Казахстана в Жетысу и обратно сходились именно здесь. Поэтому приоритетным направлением археологической разведки являлся данный микрорайон. Всего здесь было обнаружено свыше 130 археологических памятников, из них 5 стоянок каменного века, 15 поселений, 12 скоплений петроглифов, свыше 100 могильников эпохи бронзы и раннего железного века, а также 1 древний койтас (рис. 2). Выявлена система расположения стоянок каменного века, поселений, могильников и петроглифов бронзового и раннего железного века в предгорной и горной зоне региона.

Наибольшее количество древних памятников сосредоточено у юго-западных склонов гор Кызылкайнар, Костобе и устьях горных ущелий Шолак-Жиделисай, Юнкольсай и Жиделисай, а также в долине Жыландысай южной части гор Хантау (свыше 60). Именно здесь сосредоточены наиболее ранние комплексы эпохи палеометалла (Жиделисай-I, Костобе-II, Сункар-I, Кожаболо-I). В этой же части гор Хантау раннее были зафиксированы 5 стоянок камен-

ного века, что свидетельствует о приоритетном направлении данного микрорайона в развитии древних коммуникаций Юго-Западного Прибалхашья.

Поселения в горах Хантау представляли семейно-родовые стоянки от двух до десяти подворий (рис. 3: 1, 2). Они располагались как внутри, так и на выходе ущелий по долинам рек и ручьев в пределах 1–2 км. Жилища представляли собой полуземлянки и землянки с каменными основаниями фундамента. Размеры жилых одно- или двухкомнатных конструкций прямоугольной формы варьируют от 6x4 м до 10x6 м. Загоны для скота, обнесенные изгородями, имели размеры от 13x8 м до 18x10 м. На вершинах бортов ущелий близ поселений устроены могильники (рис. 3: 3, 4). На ближайших от поселения скалах фиксируются наскальные рисунки, обычно до 150 изображений (рис. 3: 5, 6). Судя по их характеру, большинство археологических комплексов здесь датируются эпохой бронзы и ранним железным веком.

Могильники устраивались на выходе из небольших горных саев или на возвышенностях по берегам крупных ручьев и рек и представляли собой цепочки курганов. Из них выделяются два «царских» кургана близ станции Хантау на предгорной подошве, вытянутых в цепочку, ориентированную по оси юго-запад – северо-восток. Насыпи курганов каменно-земляные с уплощенными вершинами и широкими рвами (5 м) по периметру, диаметрами насыпей 30–32 м, высота 3–3,5 м (рис. 3: 7). Наиболее крупным памятником является могильник Сункар 1 в долине Жыландысай, который расположен у подножия южного склона одноименной горы на предгорной равнине на выходе из ущелья и состоит из серии цепочек курганов раннего железного века, ориентированных по оси север-восток – юг-запад. Всего зафиксировано 70 курганов и оград раннего железного века, около 10 оград и погребальных конструкций эпохи бронзы в западной части погребального комплекса (рис. 3: 8). Насыпи курганов каменно-земляные как сферической, так и уплощенной формы, диаметрами от 3 до 15 м, высотой от 0,1 м до 1,2 м. Ограды эпохи бронзы округлой формы, диаметром 3–4 м, сложены из камней. Внутри

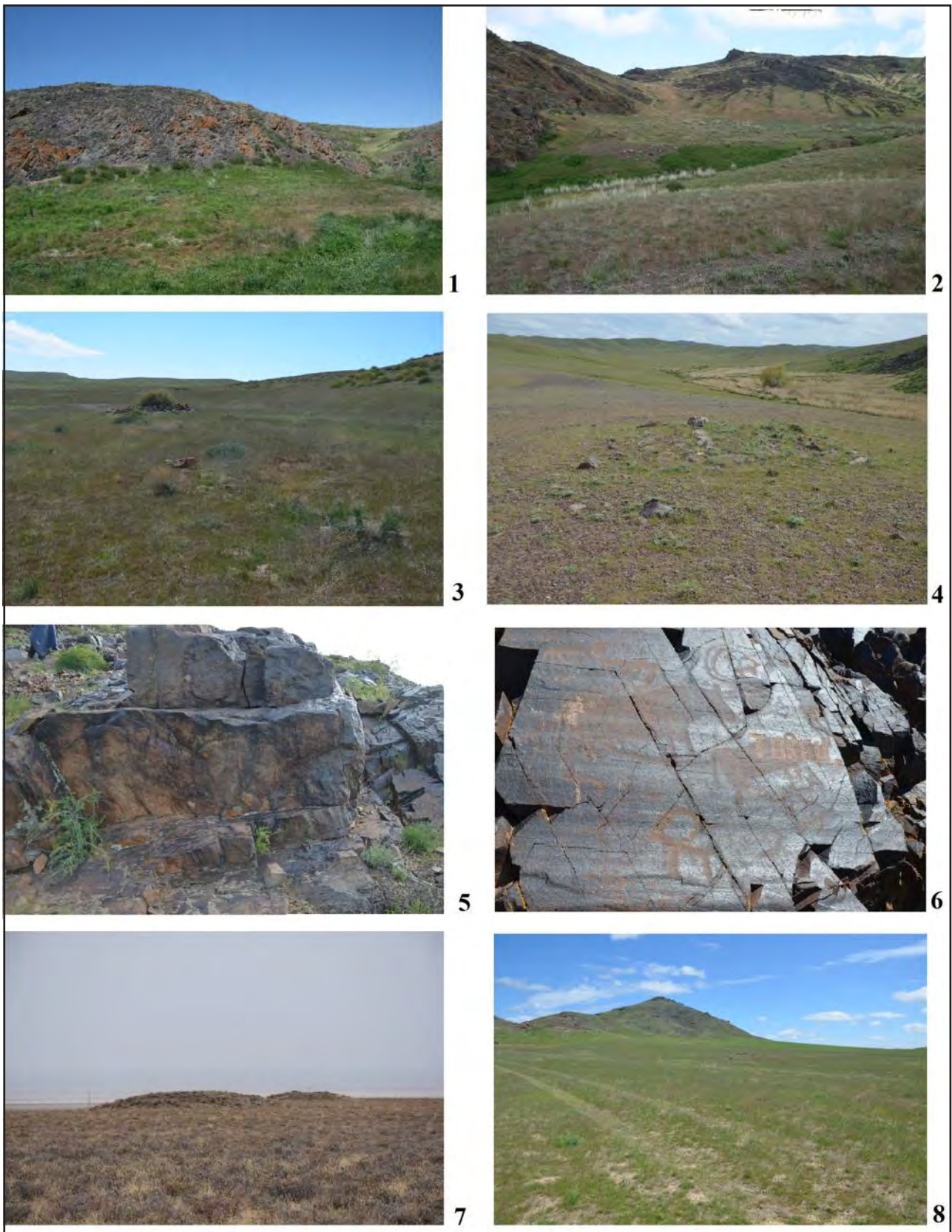

Рис. 3. Древние памятники гор Хантау: 1 – поселение Бекетаймак-1; 2 – поселение Костобе-2; 3 – могильник раннего железного века Карасу-1; 4 – могильник раннего железного века в верховьях ущелья Котыр; 5 – древние петроглифы у поселения Костобе-1; 6 – петроглифы эпохи бронзы Бекетаймак-1; 7 – «царские» курганы в районе станции Хантау; 8 – могильник эпохи бронзы и раннего железного века Сункар-1.

оград прослеживаются каменные цисты размерами до 1,5x1 м. В урочище Кожабала и в ущельях Сункар в южной части гор Хантау были систематизированы материалы ранее произведенных исследований, составлена полная археологическая карта микрорайона (рис. 4) и произведены археологические раскопки могильника эпохи бронзы Кожабала-1 [Горячев, 2020, с. 342–351].

Характер расположения памятников в исследуемом районе позволил предположить, что ключевую роль в системе древних коммуникаций населения Центрального Казахстана и Жетысу через Хантауский транзитный коридор играли юго-западные склоны и южная часть горной системы, наиболее насыщенные памятниками всех исторических периодов. Ведущей транспортной артерией в эпоху палеометалла северных склонов хребта являлись ущелья Карасу, Куйеликара и Ботаборум с долинами одноименных рек.

К югу от гор Хантау расположена другая горная система – Айтау с группой хребтов Тесик, Жынгылды, Кызылсок, Саксайрен, Жельдыбель и др. Древние поселения в этих горах располагались в относительно широких долинах ущелий близ родников. Около 20 древних поселений отмечены в многочисленных урочищах верховьев рек Тесик и Жынгылды и в долине Анкелды (рис. 5: 1, 2). Поселения расположены на выровненных площадках близ ручьев под скалистым крутым склоном с петроглифами. В их структуре отмечаются несколько жилых площадок и загоны для скота. На поверхности прослеживаются каменные конструкции жилищ квадратной и прямоугольной форм, размерами от 6x5 м на 9x7 м. Поселения представляют традиционные для региона зимовки древних скотоводов.

Основную часть древних памятников составляют курганы раннего железного века сакского и гунно-сарматского периодов, располо-

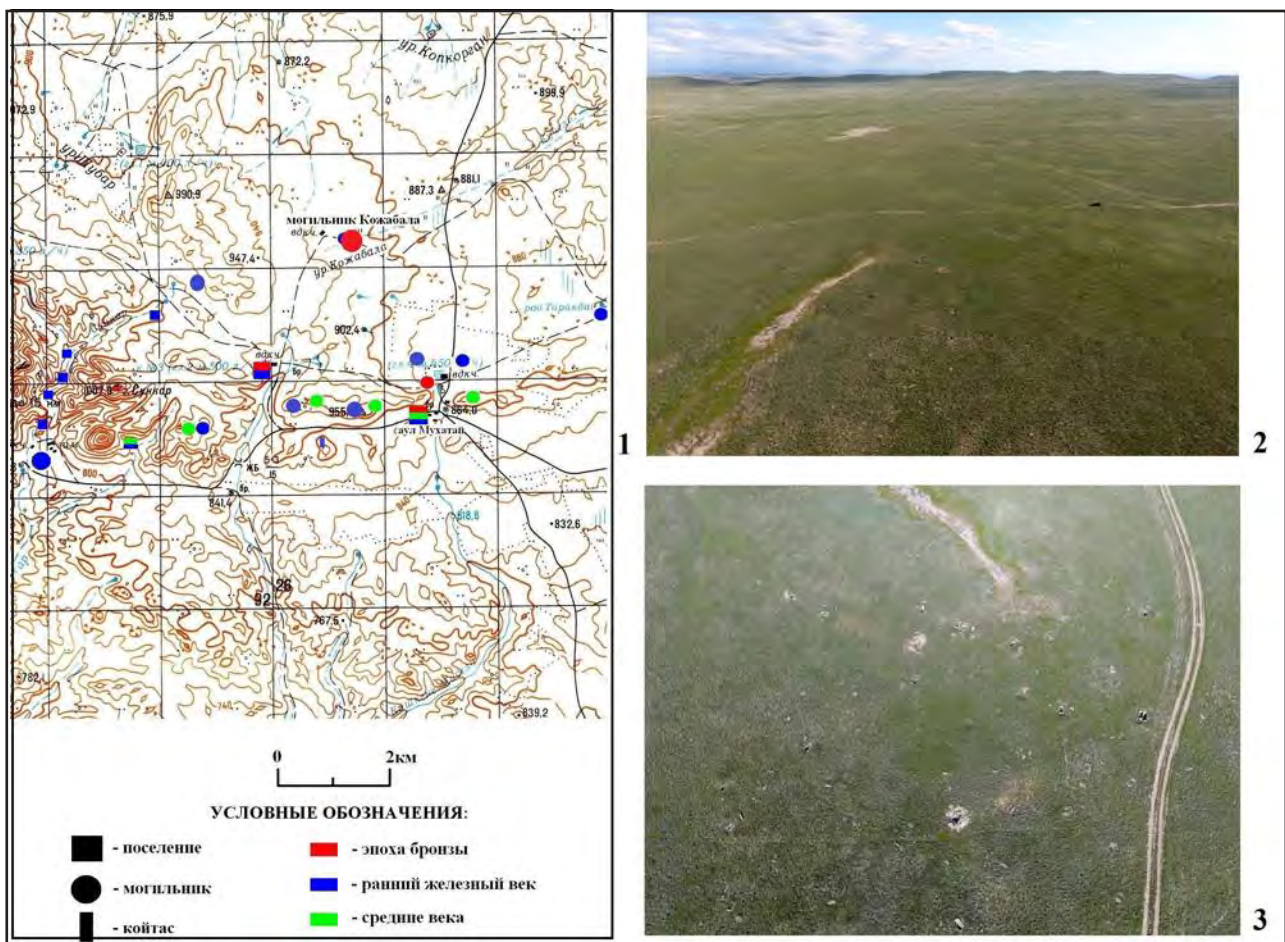

Рис. 4. Археологические памятники на территории урочища Кожабала и в ущелье Сункар: 1 – карта расположения древних памятников; 2 – могильник эпохи бронзы Кожабала-1, аэрофото; 3 – каменные конструкции погребений эпохи бронзы могильника Кожабала-1.

Рис. 5. Древние памятники эпохи бронзы и раннего железного века в горах Айтау: 1, 2 – площадки древних поселений; 3, 4 – курганы раннего железного века; 5 – могильник эпохи бронзы Тесик-I; 6 – погребение 6 конструкции 1 могильника Тесик-I; 7 – скалы с петроглифами в урочище Тесик; 8 – изображения верблюдов эпохи бронзы в петроглифах урочища Тесик.

женные на вершинах сопок или небольших возвышенностях сухих долин (рис. 5: 3, 4). Их насыпи имели сферическую или уплощенную формы (для гуннского времени по периметру прослеживаются квадратные каменные ограды), сложены из земли и камней, размерами от 3–4 до 10–12 м. «Царские» курганы диаметром от 20 до 30 м в этой части Шу-Илейских гор обнаружены в районе станции Бель, ближе к выходу из горных плато в долину Кулыкбайсай.

Могильники эпохи бронзы обнаружены в урочище Тесик, долине Анкелды и по берегам реки Жынгылды. Они расположены на возвышенностях относительно ровных сухих долин. Погребальные конструкции эпохи бронзы насчитывают несколько десятков каменных оград округлой, квадратной и прямоугольной форм в каждом могильнике, размерами от 3х3 м до 12х8 м или диаметром 3–4 м. К оградкам сделаны пристройки с детскими захоронениями. Внутри оград прослеживаются конструкции захоронений, обычно в каменных ящиках прямоугольной формы, размерами от 0,6х0,4 м до 2х1,2 м. Могила ориентированы по оси запад (юго-запад) – восток (северо-восток). Раскопки на могильнике Тесик-I позволили датировать данные конструкции как раннеандроновским, так и позднеандроновским этапами бронзового века (рис. 5: 5, 6).

В тех же районах близ поселений и могильников отмечено около 25 скоплений петроглифов эпохи палеометалла. В каждой группе прослеживается от 5–6 плит до нескольких десятков плоскостей с древними рисунками. Основная их часть представляют собой невыразительные рисунки с изображением животных – козлов, архаров, быков, лошадей, верблюдов и достаточно примитивные антропоморфные фигуры. Среди композиций преобладают сцены охоты, выпаса скота, отмечены несколько сцен с изображением людей в ритуальных позах. Крупное скопление древнейших петроглифов обнаружено на сопке близ могильника Тесик-I (рис. 5: 7, 8).

Но наиболее плотное заселение этого микро-района, по результатам прежних исследований, было отмечено в горах Кулжабасы, примыкающих к горам Айтау с юго-восточной стороны (рис. 6: 1). Здесь зафиксировано около 10 по-

селений и могильников эпохи палеометалла (рис. 6: 2–4). Этот факт способствовал созданию одного из наиболее крупных скоплений древних наскальных изображений на территории Южного Казахстана и Жетысу (рис. 6: 5, 6). Датировка древнейших рисунков периодами энеолита и ранней бронзы позволяет считать, что горы Кулжабасы играли важную роль в развитии древних коммуникаций Хантауского транзитного коридора [Байпаков, Марьяшев, 2004; Сала, 2004, с. 60–74; Марьяшев, Железняков, 2013, с. 18–20; Сала, Деом, 2019, с. 55–72; Садуакасулы, Железняков, Херманн, 2017].

Другим районом исследований Хантауского региона стал хребет Киндыктас, расположенный в 60–70 км к югу от гор Хантау. Плотность скопления древних памятников здесь, согласно дешифровке космических снимков, была достаточно высокой (около 500 потенциальных археологических объектов) [Горячев, Ильин, 2019, с. 150–164]. Натурные обследования производились на юго-западных и северо-восточных склонах гор, а также по внутригорным ущельям (Йирсу, Мадьярсай, Согинды, Какпатас, Шокпар и др.) и плато (Ой-Джайляу, Ат-Джайляу, Жайсан и т. д.). Выборочная разведка указанных районов показала плотное заселение этой горной системы, а соотношение реально фиксируемых памятников на 25–30% выше потенциальных. Это позволяет считать, что древними периодами датируются около 700 археологических памятников (более 500 из них курганные могильники раннего железного века), а к эпохе палеометалла могут относиться порядка 100 поселений, могильников, скоплений петроглифов и чашечных камней-алтарей.

Древние поселения в горах Киндыктас представляли собой семейно-родовые поселки от двух до двенадцати подворий. Они располагались как внутри ущелий от 500 м до 2–3 км вглубь, так и на выходе из них, а также по глубоким долинам рек Какпатас, Согинды, Унгирли, Шатырколь, Шокпар и т. д. – притоков Шу. Контрольные сборы на трех объектах показали, что их хронологический диапазон в эпоху палеометалла от бронзового до раннего железного века. Контрольный шурф на поселении Узынсу в урочище Ой-Джайляу

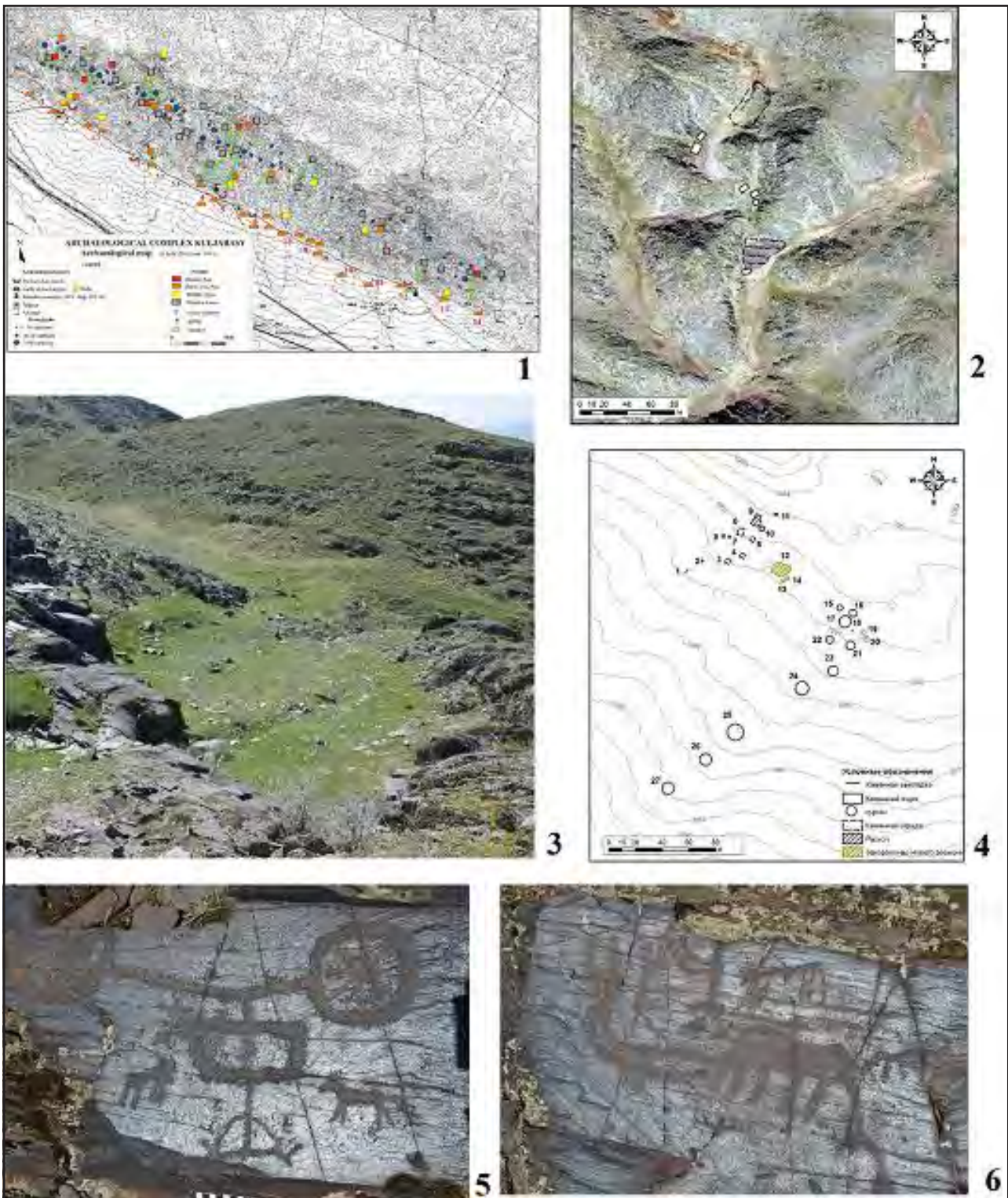

Рис. 6. Древние памятники эпохи бронзы в горах Кулжабасы: 1 – карта расположения археологических памятников в западной части гор Кулжабасы [по Сала Р., Деом Ж.-М., 2016]; 2 – план-схема древнего поселения в ущелье № 3; 3 – поселение эпохи бронзы и раннего железного века в ущелье № 1; 4 – топографический план могильника Анрахай; 5, 6 – древнейшие петроглифы в горах Кулжабасы.

выявил, что подобные поселения функционировали с эпохи бронзы до позднего средневековья, что свидетельствует о традиционности хозяйственного освоения данной территории.

Хозяйственное назначение древних поселков определяется их структурой. В горных ущельях отмечены преимущественно небольшие стоянки скотоводов от 2 до 5 подворий (рис. 7: 1–3). Рельеф местности позволял попасть к ним

Рис. 7. Древние поселения скотоводов эпохи бронзы и раннего железного века в горах Киндыктас: 1–3 – стоянки скотоводов в ущельях Согинды, Йирсу и долине реки Какпатас; 4–6 – стоянки поселения скотоводов при горных выработках; 7, 8 – древние горные выработки в ущельях Согинды и Долине реки Какпатас; 9 – древнее поселение земледельцев на выходе из ущелья в долину реки Какпатас; 10 – древние поля-чеки в долине реки Согинды.

свободно по невысоким вершинам и широким долинам Киндыктаской возвышенности, которые служили основными районами выпаса скота. Часть поселений в горной местности была привязана к зафиксированным здесь (ущелья Согинды, Какпатас, Унгирли, Жайсан, Шатырколь, плато Ой-Джайляу) горным выработкам (рис. 7: 4–6). Они представляют собой небольшие шурфы разных форм на склонах и у подножия горных хребтов и отдельных сопков (рис. 7: 7, 8). При визуальном осмотре в них и рядом были зафиксированы медно- и железосодержащие куски пород. Как правило, вблизи таких выработок фиксируются не только поселения, но и могильники.

К примеру, в долине рек Согинды и Какпатас зафиксировано 8 выработок, рядом с которыми отмечено свыше 10 поселений и 5 крупных могильников бронзового века. На этом основании можно предположить, что освоение древними металлургами этих рек началось с более доступной Согиндинской долины, а затем продолжилось в ущелье Какпатас с более сложным рельефом местности. С учетом раннее известных древних месторождений юго-западных склонов хребта Киндыктас (Шатырколь, Унгурли, Жайсан) можно отметить, что данный микрорайон являлся крупным металлургическим центром эпохи палеометалла на территории Жетысу помимо известного Хантауского горно-металлургического округа.

В горах Киндыктас на выходе из ущелий отмечены поселения, привязанные к древним ирригационным системам (каналам и арыкам), что дает основание считать их поселками земледельцев. Как правило, это крупные поселки, насчитывающие 10–12 подворий, близ которых фиксируются водоотводы из ближайших ручьев и рек на поля, устроенные по предгорным подошвам равнинам (рис. 7: 9, 10). Часть таких поселков фиксируется внутри крупных горных плато, где из русел родников и рек вода выводилась на ровные береговые террасы. Участки полей в таких случаях огораживались земляными валами с каменными выкладками. Такие поля отмечены преимущественно на север-восточных склонах хребта (Ой-Джайляу, Мадьярсай, Йирсу), предгорные подошвы которых осваивались древ-

ними скотоводами (ущелья Узынсу, Карасу, Киндыктас и другие).

Крупные погребальные комплексы эпохи палеометалла и раннего железного века отмечены в горах Киндыктас в долинах рек (Какпатас, Согинды, Унгирли, Шатырколь, Шокпар), внутри и на выходе из горных ущелий (Мадьярсай, Карасай, Кызылнора, Керегетас, Киндыктас), на горных плато (Ой-Джайляу, Ат-Джайляу) и на предгорных равнинах. Могильники бронзового века устраивались на выходе из небольших горных саев или на возвышенностях по берегам крупных ручьев и рек и представляли собой цепочки каменных оград или курганов-оград (рис. 8: 1–6). Ограды квадратной или прямоугольной формы, реже округлой, сложены из крупных каменных плит, вкопанных на ребро или уложенных плашмя. Размеры оград от 3х3 м до 7х4 м, диаметр 3–4 м. Некоторые ограды вытянуты в цепочки, ориентированные по оси север–юг. Внутри оград фиксируется обычно одно и два захоронения в каменных ящиках или цистах прямоугольной формы, размерами от 1х0,5 м до 2,2х1,2 м. Погребальные сооружения ориентированы по оси запад–восток с небольшими отклонениями к югу. Такие сооружения зафиксированы в 12 могильниках обследованного микрорайона. Раскопки могильников эпохи палеометалла производились в урочище Ой-Джайляу и ущелье Мадьярсай (4 могильника), которые позволяют определить освоение этой территории в андроновский период бронзового века.

Как правило, продолжением этих могильников являлись курганы раннего железного века, также выстроенные в серии цепочек. Однако, наиболее значительную массу погребальных памятников составляют курганы раннего железного века (рис. 8: 7, 8). Количество насыпей в таких могильниках варьируется от 3–4 до нескольких десятков в зависимости от количества поселений, обнаруженных внутри ущелья, где они находятся, либо характера местности, где устроен могильник. Наиболее многочисленные объекты сосредоточены по берегам крупных рек микрорайона (рис. 8: 9, 10). Насыпи курганов раннего железного века сферической или уплощенной формы сложены из земли и камней, обычно с кольцевой каменной оградой по периметру. Параметры

Рис. 8. Древние погребальные памятники эпохи бронзы и раннего железного века хребта Киндыктас: 1–6 – могильники эпохи бронзы; 7, 8 – курганные могильники раннего железного века; 9, 10 – «царские» курганы в долинах Шокпар и Какпатас.

насыпей в диаметре от 3 до 20 м, высотой от 0,1 до 2 м. Крупные «царские» курганы диаметрами 50–110 м фиксировались в центральной части предгорных равнин как юго-западных, так и северо-восточных склонов хребта, и являлись основой для создания вокруг них могильников, общей численностью свыше 100–200 погребальных объектов.

Скопления петроглифов располагались обычно близ древних поселений и представляли собой небольшие группы рисунков эпохи бронзы и раннего железного века с изображением животных. Такие сюжеты распространены в горах Киндыктас повсеместно. Однако среди них встречаются устойчивые более крупные скопления, количество рисунков в которых достигает от 50 до 300 изображений. Они зафиксированы в урочище Ой-Джайляу, в ущельях Мадьярсай, Шокпар, Кызылнора и других. Их характеристика будет представлена в настоящем издании в специальной публикации. Следует отметить, что рядом с петроглифами фиксируется такой вид сакральных объектов, как чашечные камни – алтари. Наиболее крупный из них известен в урочище Ой-Джайляу под названием «Уйтас» (рис. 9: 1–4).

Это массивный валун из гранита, диаметром ~ 6 м, юртообразной формы, частично отколот с западной стороны. По боковой западной части камня насчитываются около 20 чашевидных углублений диаметром 4–6 см, а по периметру основания валуна отмечена каменная выкладка шириной 30–40 см. Отмеченные ранее в районе него площадки квадратной и прямоугольной форм, ограниченные по периметру неглубокими ровиками, за которыми устроены каменные ограды, схожие по форме на погребальные сооружения эпохи бронзы, позволяют предполагать, что данный камень использовался в древности в ритуальных целях как своеобразное святилище. На скалах с наскальными рисунками в урочище Ой-Джайляу и ущелье Мадьярсай, обычно в верхней части скоплений, на крупных каменных блоках имеются также чашевидные углубления (рис. 9: 5, 6). Этот факт дает основание считать, что скалы с петроглифами также использовались как небольшие святилища.

Основными направлениями восточных районов Хантауского транзитного коридора

стали южные и северные склоны Шуилийского хребта, здесь по данным архивных источников зафиксированы серии крупных скоплений археологических памятников в районе ущелий Анрахай, Тырнакты, Аккайнар, Танбалытас и т. д., где отмечено 12 древних поселений и свыше 40 могильников эпохи бронзы и раннего железного века (рис. 10). На восточной оконечности Шуилийского хребта обследовано побережье Куртинского водохранилища, где обнаружен интересный тюркский комплекс захоронений с двумя изваяниями и серия могильников раннего железного века.

В Шуилийских горах выявлены особенности устройства памятников эпохи бронзы. Практически все поселения здесь отмечены на донных участках ущелий меридионального направления (рис. 10: 1–4). В местах извилистой конфигурации выбраны те их отрезки, которые имели выход скального массива, обращенного в южном направлении. Как показали исследования, подобное место обеспечивает защиту от пронизывающих степных ветров. На этих локальных площадках благодаря естественному прогреву даже в зимнее время температуры всегда были значительно выше, чем в окружающей среде. Селения, устраиваемые на них, не превышали 4–5 хозяйственных дворов, расположенных, как правило, у родников и вдоль русел маловодных речек. Вблизи скалы складывали загон для скота, а неподалеку строили жилище для себя. При таких поселках на ближайших скальных грядах обязательно фиксируются скопления петроглифов эпохи бронзы (рис. 10: 7, 8). Могильники вынесены за пределы жилых комплексов на расстояние до 1–1,5 км к востоку, обычно внутри пространства, замкнутого в круговую холмами и сопками (рис. 10: 5, 6).

Другим направлением маршрутов археологических разведок явился практически неизвестный в археологическом отношении район левобережья реки Или, который являлся наиболее удобным при миграции древнего населения от Южного Прибалхашья в степную зону Жетысу. Третьим направлением археологических изысканий предварительно избраны северные склоны отрогов Илейского (Зайилийского) Алатау от Кордайского перевала (южная оконечность гор Киндыктас) до Кас-

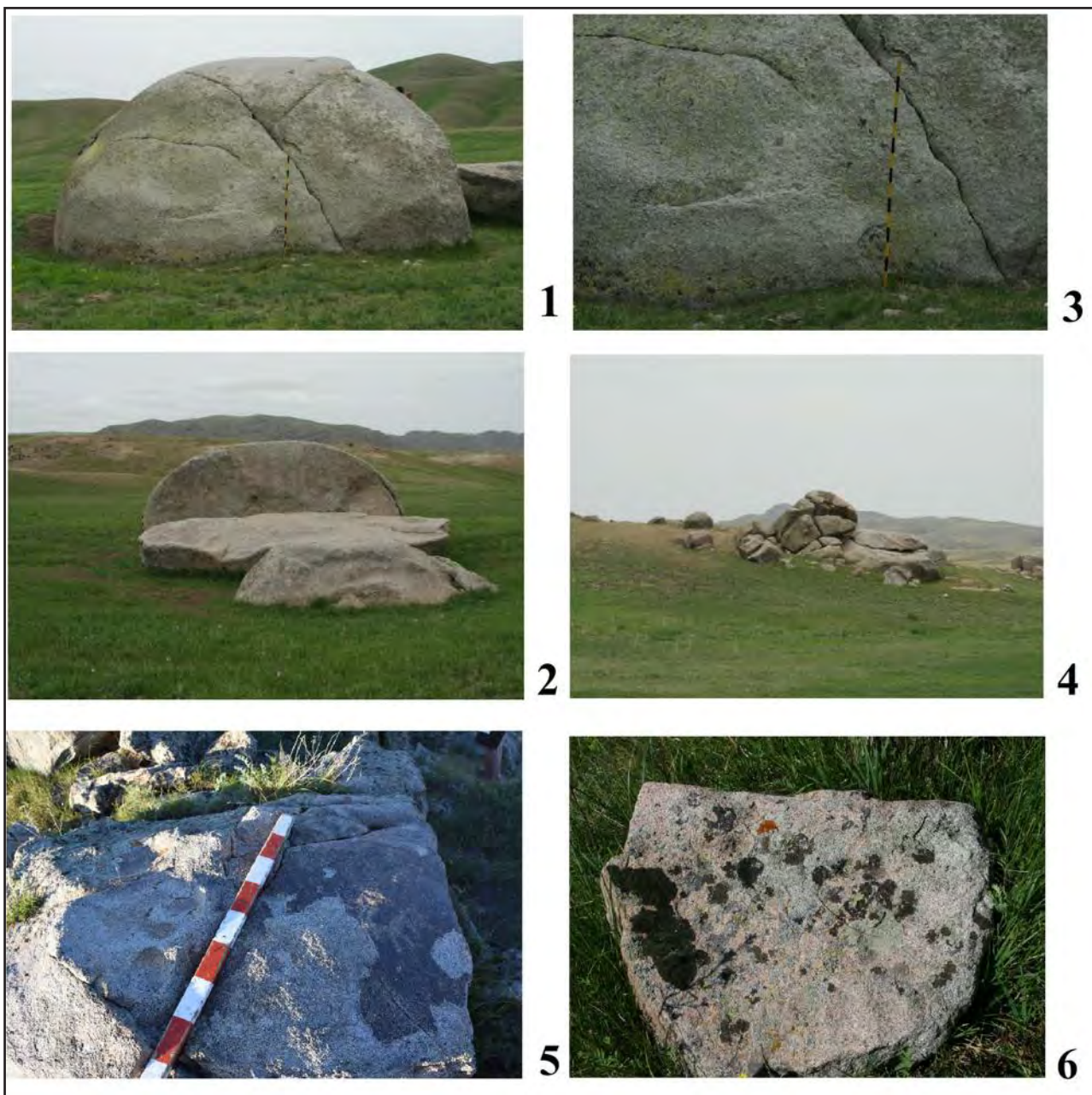

Рис. 9. Камень с чашевидными лунками «Уйтас» в центральной части урочища Ой-Джайляу:
 1 – вид на восток; 2 – вид на север; 3 – чашевидные лунки на западной грани камня;
 4 – площадка с ритуальными каменными конструкциями к северо-востоку от камня;
 5, 6 – камни с чашевидными углублениями среди петроглифов ущелья Мадьярсай.

текского ущелья (западная оконечность основного хребта Илейского Алатау). У северных склонов Илейского Алатау обследованы и выделены около 20 поселений и могильников эпохи палеометалла, большей частью датируемые различными этапами бронзового века. Выявлены комплексы поселений, могильников и святилищ с чашечными камнями в районе аулов Кастек, Когамшил, Бесмойнак, Дегерес и Актерек. Такие же комплексы отмечены в ущельях Ыргайты и Талдыбулак восточнее крайних населенных пунктов данного микро-

района (рис. 11). У северных склонов западных отрогов Илейского Алатау в это время наиболее активно осваивалась предгорная полоса – на всем её протяжении в каждом ущелье, имеющем даже небольшой водный источник, найдены поселения бронзового века (рис. 11: 1–5). Древнее население осваивало территорию равнин на расстояние в 20–30 км от гор. В устьях горных ущелий и на выходе из них поселения эпохи бронзы состояли из нескольких (до 10–12) усадеб, которые вытянуты в линию по берегу речки, либо концентрируются во-

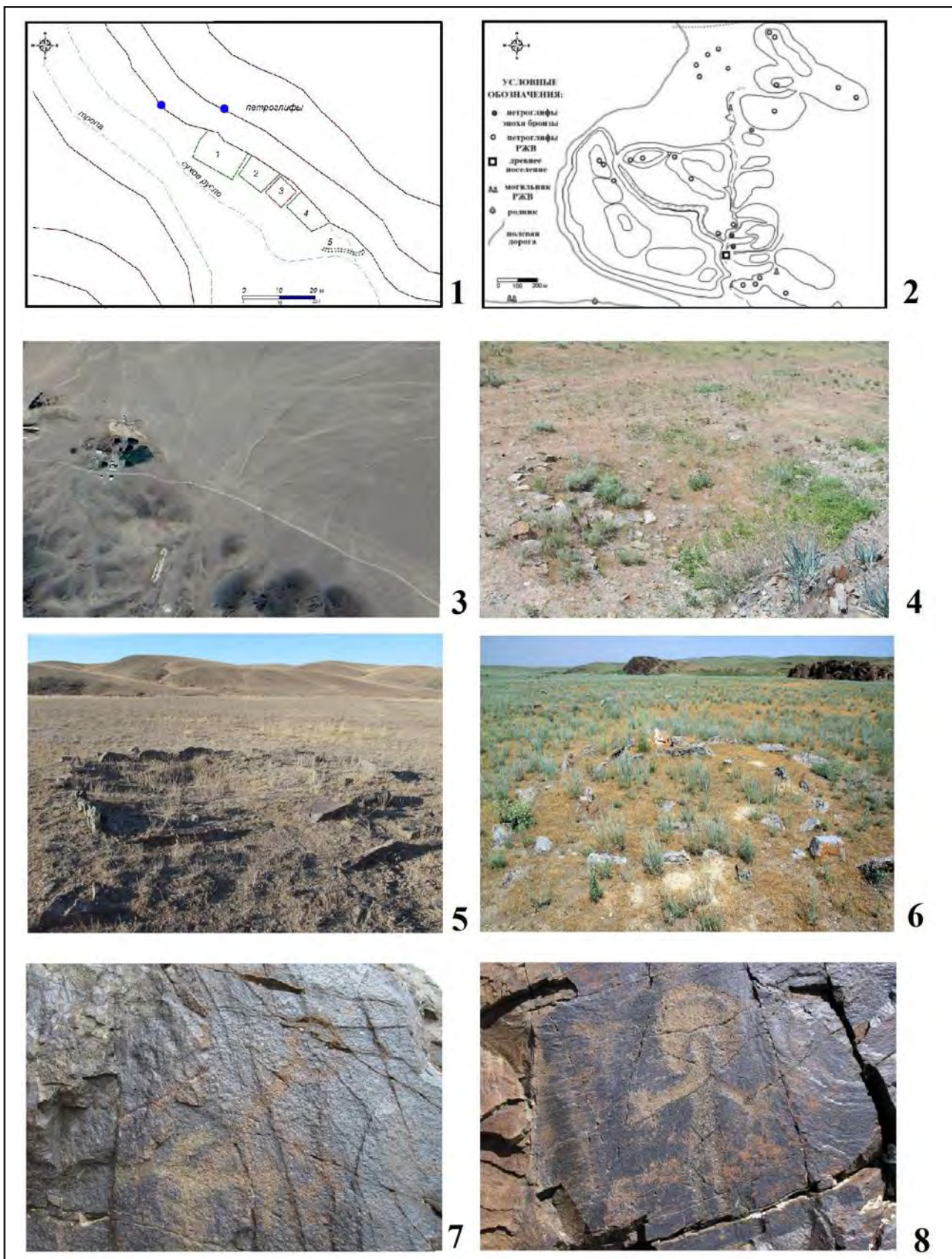

Рис. 10. Древние памятники восточной части Шу-Илейских гор: 1 – план поселения эпохи бронзы и раннего железного века Тырнакты-I; 2 – план поселения эпохи бронзы и раннего железного века Кагалы-Бастау; 3 – поселение и могильник в урочище Алмалы хребта Анрахай на космоснимке; 4 – поселение Тырнакты-I, фото; 5 – могильник эпохи бронзы Тырнакты-I; 6 – могильник эпохи бронзы комплекса Танбалытас на южных склонах хребта Анрахай; 7, 8 – петроглифы эпохи бронзы из долины реки Ащису и комплекса Танбалытас.

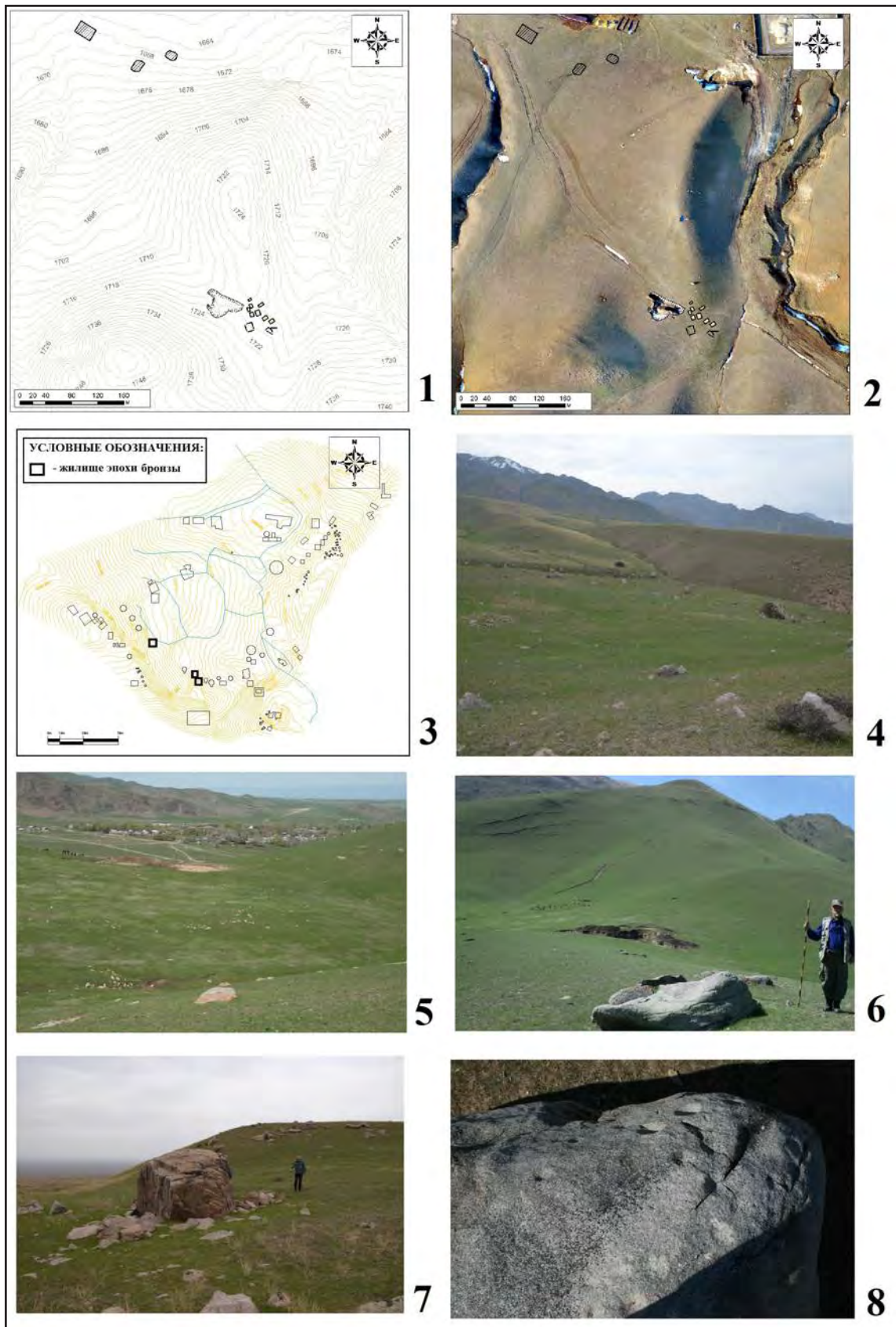

Рис. 11. Древние памятники северных склонов западных отрогов Заилийского Алатау: 1, 2 – план и аэрофото поселения и могильника эпохи бронзы Бесмойнак-I; 3 – план многослойного комплекса поселений Когамшил; 4 – поселение эпохи бронзы и раннего железного века Талдыбулак-I; 5 – поселение эпохи бронзы Бесмойнак-I; 6 – алтарь из чашечных камней на сопке над поселением эпохи бронзы Бесмойнак-I; 7 – каменный чашечный алтарь на поселении Талдыбулак-I; 8 – камень с чашевидными лунками из комплекса чашечных камней в долине реки Шиен.

круг естественных водоемов. Жилища в устьях горных ущелий и на речных прилавках предгорных равнин представляли собой полуземлянки квадратной или прямоугольной форм площадью от 40 до 120 м². Материалы археологических разведок отмечают отдельные конструкции на поселениях с параметрами от 30 до 180 м². Хозяйственные помещения фиксируются в виде примыкающих к жилищам строений, размерами от 4х3 м до 5х4 м. В этом микрорайоне практически на территории каждого крупного поселения имеются каменные алтари с чашевидными углублениями (рис. 11: 6–8).

На предгорных равнинах жилищные комплексы устраивались у подножия гор либо в долинах рек и ручьев на ровных площадках с южной экспозицией. Размеры строений не превышали обычно 60 м². В таких поселках насчитывалось не более 5–6 дворов. К домам из близлежащих родников подводилась питьевая вода по арыкам, которые обычно проводились по краю верхней надпойменной террасы. Поселения представляли собой место проживания одной семейно-родовой группы, где жилища были предназначены для отдельных малых семей. Могильники в этом регионе располагались к западу или к северу от поселений в пределах 1–2 км на возвышенных участках. В некоторых случаях на выходе из ущелий они могли быть сооружены в пределах 300–400 м в зоне прямой видимости от поселка. Территории поселения и могильника обычно разделяет русло реки, ручья или невысокая горная сопка.

Подводя итоги археологических разведок, следует отметить, что археологические карты микрорайонов данного региона позволяют говорить о значительно более плотном заселении данной территории, чем в настоящее время. В частности, в районе гор Хантау отмечено около 140 археологических памятников, в горах Айтау – свыше 50, хребет Кулжабасы насчитывает более 70 объектов, а в районе хребта Киндыктас их насчитывается более 700. Общая численность памятников эпохи палеометалла в данном реестре составляет около 150 поселений, могильников, скоплений петроглифов и святилищ с чашечными камнями.

Определение основных маршрутов древних миграций на территории Хантауского транзитного коридора

На основе картографии были выделены западные и восточные направления транзитных маршрутов древних коммуникаций Хантауского коридора. Анализ данных физико-географических карт региона определил два основных направления транзитных маршрутов через горы Хантау из Центрального Казахстана в Северное Приитыньшанье – юго-восточный коридор, ведущий вдоль северных склонов Шу-Илейских гор и через хребты Анрахай, Серектас и др. к северным склонам Илейского Алатау и его отрогам; юго-западный коридор, идущий вдоль хребта Айтау и долины реки Шу к хребтам Кулжабасы, Костобе, Киндыктас и далее вплоть до северных склонов Киргизского Алатау.

Натурные обследования различных направлений западных маршрутов показали, что миграции древнего населения по правобережью долины реки Шу маловероятны. Прежде всего, из-за разницы процессов хозяйственного развития этого микрорайона и степных районов Центрального Казахстана. Население долины реки Шу с эпохи палеометалла занималось ирригационным земледелием, а степное население Сары-Арки были скотоводами. Перекочевки со скотом среди полей земледельцев могло создавать конфликтные ситуации. Кроме того, основные источники воды (колодцы) также находились под контролем земледельцев. Похожая ситуация при инфильтрации части населения из одного региона в другой заставляла выбирать маршруты, где это было возможно при наличии открытых источников воды и отсутствии возможных конфликтов с местным населением.

Подобные транспортные пути здесь имелись в горной и предгорной зоне хребтов Жайтау – Хантау – Айтау – Кулжабасы и Киндыктас. Если от хребта Жайтау маршрут пролегал до гор Хантау, где имелась целая система родников в пустынной местности, то отсюда возможности для относительно свободного и безопасного прохода к северным склонам Тянь-Шаня было в нескольких направлениях. Одним из транзитных маршрутов являлась предгорная полоса гор Айтау от гор Хантау до хребта

Киндыктас в районе урочища Шокпар (54 км) и далее в долине реки Шу. Данный маршрут имеет несколько ответвлений маркированных серий известных археологических памятников древности и средневековья.

Характер расположения памятников в исследуемом районе предполагает, что этот путь был наиболее удобным для скотоводческого населения степных районов Казахстана. Ситуация в южных районах гор Хантау и прилегающего к нему хребта Айтау такова, что наиболее южным насыщенным поселениями, могильниками и петроглифами было ущелье Актас, от которого до Шуйской долины в районе хребта Киндыктас было менее 30 км. Маловодные юго-западные склоны хребта Айтау в тот период и позднее были заселены слабо. Между ущельями с водными источниками было необходимо пройти 7–10 км. Даже пешком – это незначительные расстояния для дневного перехода и с отягощениями в виде скарба и необходимостью выпаса скота.

Южная оконечность хребта Айтау насыщена серией ущелий с водными источниками – притоками речки Шокпар (Шольдадыр, Далакайнар, Дерменсай, Куланшысай и т. д.), долина которой предваряла западные склоны хребта Киндыктас. Через долину реки Шокпар по разным его притокам маршруты расходились к северо-восточным и юго-западным склонам и межгорным долинам хребта Киндыктас. Северная ветка маршрута выводила в долину между горами Костобе и Кулжабасы с севера и Киндыктас с юга, где практически каждое ущелье было насыщено древними поселениями и могильниками, составлявшими единые древние хозяйственно-жилые и сакральные комплексы, в том числе и эпохи палеометалла.

Хребет Киндыктас обладает целой серией легко проходимых горных ущелий и плато, через которые было возможно продвижение и расселение в регионе древних скотоводов [Свод памятников ... Кордайский район, 2010; Свод памятников ... Чуйский район, 2012]. К таковым относятся долины Унгирли, Шатырколь, Какпатас, Коккайнар и другие, плато Жайсан, Ат-Джайляу, Ой-Джайляу и т. д. Данные территории на своих археологических картах фиксируют систему их массового заселения, наиболее ранние этапы которого отно-

сятся к эпохе палеометалла (около 70 поселений, могильников и скопления петроглифов).

Другим направлением древних маршрутов является путь через горные и межгорные долины до хребтов Костобе и Кулжабасы. Они начинались от северных склонов гор Хантау, где расположены основные выработки цветных металлов Хантауского горно-металлургического центра эпохи палеометалла [Берденов, 1998, с. 188–189]. Ущелья Куйеликара, Ботаборум и Тесик северо-восточной и восточной части гор Хантау были практически непроходимы из-за узких каньонов горных ручьев, которыми они образовывались. Ближайшим за пределами гор Хантау транзитным потенциалом по северной оконечности Шу-Илейских гор обладали урочища Жынгылды и Копалы. По руслам одноименных ручьев через относительно широкие долины древние маршруты выводили на горные плато, структурно схожие с традиционными местами кочевков на территории Казахского мелкосопочника. Древние археологические комплексы эпохи бронзы, обнаруженные в долинах ручьев Тесик, Шолак, Жынгылды и Копалы, отличаются значительным количеством захоронений, которые тянутся на несколько сот метров, что свидетельствует о длительном использовании этой территории. Могильники раннего железного века представляют небольшие группы курганов, которые, скорее, отмечают отдельные микрорайоны обитания скотоводов того времени.

При анализе археологической ситуации по данному маршруту древних миграций прослеживается закономерность следующего порядка. Серия ущелий или крупное горное урочище содержат до десятка древних археологических памятников. Однако при последующем передвижении на юг их количество значительно сокращается как на вершинах водоразделов, так и в горных ущельях, и так до следующей группы ущелий. Подобный алгоритм сохраняется вплоть до гор Костобе и Кулжабасы (80–90 км), которые в древности были достаточно плотно заселены. Хребет Кулжабасы расположен на пересечении Копинской и Анрахайской долин, которые своими южными сторонами ограничивались северными склонами гор Киндыктас и отрогов Илейского Алатау.

Ключевую роль в системе древних коммуникаций населения Центрального Казахстана и Жетысу через западную часть Хантауского транзитного коридора играли северо-восточные и юго-западные склоны горной системы Киндыктаса, наиболее насыщенные памятниками всех исторических периодов. Ведущей транспортной артерией в эпоху палеометалла для данного микрорайона являлась, так называемая среди местного населения, «Ханская дорога» по маршруту вдоль юго-западных склонов хребтов Жайтау – Хантау – Айтау – Киндыктас.

Анализ данных физико-географических карт региона определил восточные направления транзитных маршрутов Хантауского коридора древних коммуникаций по двум основным ответвлениям – восточный коридор по левобережью реки Или и юго-восточный коридор, ведущий вдоль северных склонов Шу-Илейских гор и через хребты Анрахай, Серектас и долины степных рек Алмалы, Ащису, Копа и Курты к северным склонам Илейского Алатау и его отрогам.

Предварительные обследования различных направлений восточных маршрутов показали, что миграции древнего населения по левобережью долины реки Или затруднительны, но возможны. Прежде всего, из-за значительных расстояний между родниками в районе Жусандалы. Переход был более вероятен в среднем течении реки Или, приблизительно в районе Баканаса. Возможно, там же в древности находилась одна из переправ через достаточно широкую речную долину.

Более удобные маршруты имелись в предгорной зоне северных склонов Шу-Илейских гор с достаточно стабильными водными источниками. К тому же разветвленная система степных речек инициировала целую систему родников в данной местности. Здесь также имелись возможности для относительно свободного и безопасного прохода в южном направлении, причем в нескольких вариантах. На основе картографии и данных археологических исследований региона выявлены миграционные маршруты в восточной части Шу-Илейских гор. Оба маршрута связаны с предгорной полосой северных склонов хребта и проходили от гор Хантау через ущелья Куйе-

ликара и Жынгылды до урочища Алмалы, где пути расходились.

Первое направление было освоено вдоль северных склонов Шу-Илейских гор через долину реки Ащису на выходе из гор до долины реки Курты, вдоль которой располагался удобный маршрут к северным склонам Илейского Алатау в районе долины Узынагаш и ущелья Каргалы. Второй маршрут, вероятней всего, пролегал от урочища Алмалы через долину Тырнакты меридионального направления во внутригорной системе Шу-Илейского хребта, выведившую в верховья реки Ащису. Судя по концентрации археологических комплексов эпохи палеометалла и раннего железного века, здесь маршрут раздваивался. Одно направление вело через хребет Анрахай (урочища Танбалытас и Аккайнар) в Копинскую долину (долина реки Копа) до гор Дегерес и Актерек. Другое проходило вдоль склонов гор Серектас до долины реки Самсы, через которую маршрут пролегал к Кастекскому ущелью и горам Суйыктобе.

Разведка отдельных микрорайонов на северных склонах Заилийского Алатау и в Шу-Илейских горах показала высокую плотность заселения этой территории в эпоху бронзы. В отдельных районах она превышает даже современную, что позволяет предположить, что природно-климатические условия того времени были более благоприятными. Практически в каждом ущелье, где функционировал в древности родник, обнаруживается домостроение с хозяйственными постройками возле скальных массивов с петроглифами, древнейшие из которых относятся к эпохе бронзы. Интересно, что более высокую степень концентрации населения в эпоху бронзы (выше, чем современная) демонстрируют северные склоны западных отрогов Заилийского Алатау, где хозяйственно-жилые комплексы распределялись зонально – от предгорной полосы до высокогорных плато. Этот фактор прямым образом указывает, что данная территория была плотно обжита и сформировала внутри себя необходимые условия для активных коммуникаций с соседними регионами.

В силу природно-климатической близости степных районов Жетысу и Центрального Казахстана характер и структура скотоводческих поселений имели значительные общие

черты в характере историко-культурного развития. В частности, анализ и систематизация собранных материалов с данными известных жилых комплексов показывают схожие традиции в выборе мест поселений, технике домостроительства и структуре семейно-родовых поселков. Анализ ландшафтов и местоположения комплексов археологических памятников в равнинных, степных, полупустынных и предгорных районах Жетысу и Центрального Казахстана доказывает их традиционное на протяжении многих столетий расположение в узловых пунктах местных коммуникаций. Оно связано с переправами через реки, скотопрогонами и пастбищами вдоль долин рек или проходимыми горными перевалами, на стратегически господствующих высотах окружающего рельефа, связанных с источниками воды и богатыми травой и живностью угодьями.

Все эти данные позволяют достоверно реконструировать пути древних, традиционных коммуникаций, маршрутов миграции и кочевий древнего населения, поскольку учитывает географический фактор – удобство территориального передвижения, проходимость маршрута, наличие воды и мест для отдыха. Независимо от этнического происхождения кочевого населения, использующего эти маршруты, данные условия традиционно были определяющими и универсальными в течении многих столетий. Хантауский транзитный коридор, расположенный на границе скотоводческой зоны центрально-казахстанских степей и зоны земледельческих культур Средней Азии, являлся составной частью Туранского коммуникационного канала, через который происходило взаимодействие и взаимовлияние древних культур Центральной и Передней Азии.

ЛИТЕРАТУРА

- Байпаков К.М., Марьяшев А.Н. Петроглифы в горах Кульжабасы. Алматы: Ин-т археологии МОН РК, 2004. 27, [1] с., [43] л. ил., цв. ил., карт; 29 см.
- Берденов С.А. Казахстанская горно-металлургическая область // Вопросы археологии Казахстана. Алматы, Москва: «Ғылым», 1998. Вып. 2. С. 180–190.
- Галиева З.С. Исторический ландшафт в центральной части Джетысарского урочища в низовьях Сырдарьи // Материальная культура Востока. Выпуск 5. М., 2010. С. 42–55.
- Горячев А.А. О погребальных традициях племен эпохи бронзы Шуилийских гор // Известия НАН РК. Серия обществ. и гум. наук. 2013. № 3. С. 3–28.
- Горячев А.А. Некоторые итоги и перспективы изучения памятников эпохи бронзы на северных склонах Заилийского Алатау и в Шуилийских горах // Восхождение к вершинам археологии: сб. научн. тр. Алматы, 2014. С. 84–92.
- Горячев А.А. Новые материалы могильника эпохи бронзы Кожабала-I // Вестник КазНПУ им. Абая. № 1 (64). Алматы, 2020. С. 342–351.
- Горячев А.А., Ильин Р.В. Итоги археологической разведки памятников эпохи палеометалла и раннего железного века в горах Киндыктас // Материалы междунар. науч.-практ. конф. «Методы и методология естественных наук в полевых археологических исследованиях» (19 сентября 2019 г.). Алматы: «Қазақ университеті», 2019. С. 150–164.
- Горячев А.А., Сараев В.В., Егорова Т.А., Егорова К.А. Петроглифы северо-западных склонов хребта Киндыктас // Известия НАН РК. Серия общественных и гуманитарных наук. 2014. № 5 (297). С. 3–15.
- Игонин Н.И. Применение аэрофотосъемки при изучении археологических памятников // Археология и естественные науки. МИА. № 129. М., 1965. С. 256–260.

Ковтун И.В. Андроновский могильник Кожа-Бала // Археология, этнография и музейное дело. Кемерово: Никалс, 1999. С. 27–31.

Марьяшев А.Н., Горячев А.А. Археологические памятники эпохи бронзы урочища Ой-Джайляу (Семиречье) // Археологические исследования в Казахстане. Алма-Ата: КазПИ им. Абая, 1992. С. 3–15.

Марьяшев А.Н., Горячев А.А. Вопросы периодизации и хронологии памятников эпохи бронзы Семиречья // РА. 1993. № 1. С. 5–19.

Марьяшев А.Н., Горячев А.А. Наскальные изображения Семиречья. Издание второе. Алматы: Фонд «XXI век», 2002. 264 с.

Марьяшев А.Н., Горячев А.А. Петроглифы поздней бронзы и раннего железного века в урочище Ой-Джайляу // Известия НАН РК / Сер. обществ. наук. № 1 (254). 2008. С. 101–109.

Медоев А.Г. Гравюры на скалах. Сары-Арка, Мангышлак. Ч. 1. Алма-Ата: «Жалын», 1979. 175 с.

Садуакасулы А., Железняков Б.А., Херманн Л. Наскальное искусство хребта Кулжабасы. Алматы: Жамбыл, 2017. 240 с.

Сала Р. Памятники Казахстана: Кулжабасы // Памятники наскального искусства Центральной Азии. Алматы: ТОО «Археологическая экспертиза», 2004. С. 60–74.

Сала Р., Деом Ж.-М. Пространственный анализ археологического комплекса Кулжабасы // Материалы междунар. науч.-практ. конф. «Новые методы исследования в археологии» в рамках гос. программы «Народ в потоке истории», приуроченной к 25-летию Независимости Республики Казахстан. Алматы: «Қазақ университеті», 2016. С. 55–72.

Свод памятников истории и культуры Джамбулской области. Джамбул: Облтипография, 1982. 208 с.

Свод памятников истории и культуры Республики Казахстан. Жамбылская область. Алматы: «Дайк-Пресс», 2002. Т. 2. 350 с.

Свод памятников истории и культуры Жамбылской области. Кордайский район. Алматы: ТОО «Археологическая экспертиза», 2010. 396 с.

Свод памятников истории и культуры Жамбылской области. Чуйский район. Алматы: ТОО «Археологическая экспертиза», 2012. 368 с.

Свод памятников истории и культуры Жамбылской области. Мойынкумский район. Алматы–Тараз, 2012. 216 с.

Толстов С.П. По древним дельтам Окса и Яксарта. М.: Издательство Восточной литературы, 1962. 324 с.

Шишкин К.Б. Камеральное обследование городища Актобе с помощью аэрометода // Средневековые города Южного Казахстана. Алма-Ата: КазГУ, 1986. С. 111–129.

Воякин Д.А., Горячев А.А., Потапов С.А., Ильин Р.В.
Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты,
Алматы, Қазақстан

ХАНТАУ ТРАНЗИТТІК ДӘЛІЗІНІҢ АУМАҒЫНДАҒЫ ЕЖЕЛГІ КӨШІ-ҚОН МАРШРУТТАРЫН ТАҢБАЛАУ ЖӘНЕ АРХЕОЛОГИЯЛЫҚ ЗЕРТТЕУЛЕР ӘДІСТЕМЕСІ

Түйін. Жұмыста жоба бойынша археологиялық зерттеулердің негізгі бағыттары және Хантау транзиттік дәлізінің палеометалл дәуіріндегі ежелгі ескерткіштерді барлаудың жалпы нәтижелері берілген. Аймақтың табиғи-географиялық және археологиялық деректері бойынша мұрағаттық материалдарды талдау зерттеудің неғұрлым маңызды аудандарын анықтауға мүмкіндік берді. Археологиялық барлау ғарыш түсірілімдерін талдау негізінде палеометалл дәуірінің

археологиялық ескерткіштері бойынша деректер базасын бірнеше рет ұлғайтуға мүмкіндік берді. Оның нәтижелерін жүйелеу Хантау өңірі арқылы Орталық Қазақстанның дала аймағы мен Солтүстік Тяньшанның тау бөктері аудандары арасындағы көлік коммуникацияларының негізгі бағыттарын бөліп көрсетуге негіз болды.

Voyakin D.A., Goriachev A.A., Potapov S.A., Ilyin R.V.
Institute of Archaeology named after A. Margulan,
Almaty, Kazakhstan

**METHODOLOGY OF ARCHAEOLOGICAL RESEARCHES AND MARK
OF DIRECTION OF ANCIENT MIGRATIONS ON THE TERRITORY
OF KHANTAU TRANSIT CORRIDOR**

Annotation. The main directions of archaeological researches of the project and total results of exploration of Ancient monuments of paleometal epoch of Khantau transit corridor are presented in the article. The analysis of archival materials on natural-geographical and archaeological data of the region allowed to determine the most perspective research areas. Archaeological investigation based on the analysis of space image led to a tremendous increase database of archaeological monuments of the epoch of paleometal. Systematization of its results have given reason to identify the main routes of transport communications between steppe zone of Central Kazakhstan and foothill areas of Northern Tien-Shan through Khantau transit corridor.

Горячев А.А., Сараев В.В.

Институт археологии им. А.Х. Маргулана,
Алматы, Казахстан

ДРЕВНИЕ ПОСЕЛЕНИЯ ХАНТАУСКОГО РЕГИОНА И ВОПРОСЫ ХОЗЯЙСТВЕННО-КУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ НАСЕЛЕНИЯ ЭПОХИ ПАЛЕОМЕТАЛЛА

Аннотация. В статье обобщается материал по результатам изучения древних поселений Шу-Илейских гор и западных отрогов Илейского Алатау, систематизируются характеристики мест расположения и структура поселений эпохи бронзы. Рассматриваются вопросы хозяйственно-культурного развития населения региона в разных экологических нишах. Поселения древних земледельцев фиксируются на выходе из горных ущелий и в долинах крупных рек, а скотоводы бронзового века осваивают полупустыни, степные районы, горные ущелья и плато. Устанавливаются хозяйственно-культурные взаимосвязи населения эпохи палеометалла Хантауского транзитного коридора с жителями сопредельных районов Центрального Казахстана.

Древние поселения эпохи палеометалла на территории Хантауского транзитного коридора – одни из наименее изученных археологических памятников региона. Между тем, именно они являются важным источником сведений о хозяйственно-культурном развитии населения этого исторического периода. Большинство поселений эпохи бронзы здесь находятся в составе разнотипных разновременных археологических комплексов, перекрыты множеством культурных слоев древности и средневековья и значительными аллювиальными и делювиальными отложениями, что затрудняет их изучение. Раскопки чаще всего ограничивались контрольными шурфами отдельных домостроений, лишь частично позволявшими характеризовать их конструктивные особенности.

Изучение поселений началось недавно с рубежа XX–XXI вв. в урочище Танбалытас в горах Анрахай, в ущелье Майбулак предгорной зоны Заилийского Алатау, в урочище Ой-Джайляу хребта Киндыктас [Рогожинский, 2011, с. 167–175; Сараев, 2017, с. 78–82]. Поселения рассматривались как часть археологических комплексов, состоящих помимо жилых из погребальных (могильники) и сакраль-

ных (петроглифы, храмы, чашечные камни) объектов [Марьяшев, Горячев, 2002; Горячев, 2016: 8–21; Сараев, 2016, с. 116–124; Сараев, 2017а, с. 69–90]. Полномасштабные археологические раскопки древних поселений проводились А.Н. Марьяшевым в 1999–2000 гг. в урочище Серектас, однако эти материалы до сих пор не опубликованы. У северных склонов Заилийского Алатау и в Шуилийских горах Хантауского региона выявлено около 50 поселений эпохи бронзы, 70 могильников и 50 скоплений петроглифов с рисунками этого периода [Горячев, 2014, с. 84–92].

Вопросы хозяйственно-культурного развития древнего населения стали более подробно рассматриваться авторами после обнаружения новых видов археологических объектов при древних поселениях – следов ирригационных систем, горных выработок, камней с чашевидными углублениями. Их анализ совместно с материалами древних поселений и могильников эпохи бронзы региона позволяет более детально рассмотреть как хозяйственную структуру и характер домостроительства, так и культурно-бытовые традиции древних жителей Хантауского региона. Результатам

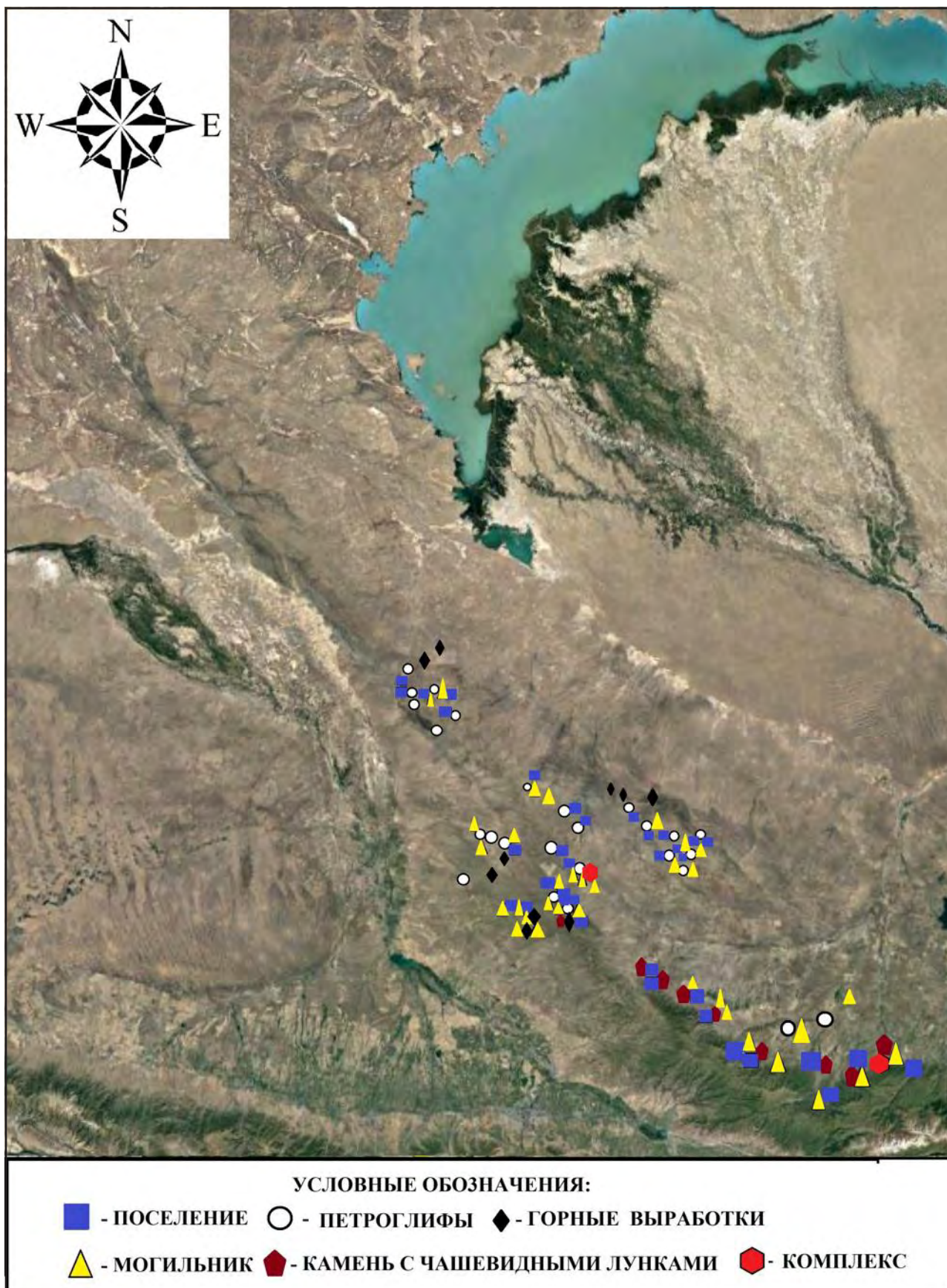

Рис. 1. Предварительная карта расположения памятников эпохи бронзы на территории Хантауского транзитного коридора.

этих исследований по проекту посвящена настоящая работа.

В ходе археологических разведок удалось картировать комплексы эпохи бронзы на территории Хантауского транзитного коридора, определить их структуру и отличия в степной, предгорной и горной природно-географических зонах региона (рис. 1). У северных склонов западных отрогов Заилийского Алатау наиболее активно осваивалась предгорная полоса. На участке между Каргалинским ущельем и Курдайским перевалом в каждом ущелье, имеющем ручей или родник, найдены поселения бронзового века. Внутри ущелий их памятники фиксируются вглубь на 5–6 км, а на выходе из них обнаруживаются наиболее крупные в том числе и укрепленные поселения (Майбулак-II). В срединной части горных ущелий, где имеются удобные площадки конусов выноса из боковых саев и в их верховьях близ многочисленных родников и ручьев, отмечены древние стоянки-зимовки скотоводов. Как выяснилось в ходе исследований, население разных экологических ниш горной зоны и предгорной полосы в пределах каждого водного источника (реки и ее притоков) имело тесные взаимосвязи друг с другом.

В устьях горных ущелий и на выходе из них поселения эпохи бронзы состояли из нескольких (до 10–12) усадеб, которые вытянуты в линию по берегу речки, либо концентрируются вокруг естественных водоемов (рис. 2). Жилища в устьях горных ущелий и на речных прилавках предгорных равнин представляли собой полуземлянки квадратной или прямоугольной формы площадью от 30 до 180 м². Хозяйственные помещения прослеживаются в виде примыкающих к жилищам строений размерами от 4х3 м до 5х4 м. Близ жилых и хозяйственных строений фиксируются обнесенные каменными выкладками загоны для скота размерами до 20х15 м.

На предгорных равнинах Заилийского Алатау жилищные комплексы древнее население осваивало территорию равнин на расстоянии в 20–30 км от гор. Поселения устраивались у подножия гор либо в долинах рек и ручьев на ровных площадках с южной экспозицией (рис. 3). В равнинных поймах рек ниже уровня террас на 2–3 м обустривались небольшие

выступы, которые использовались как тропы для спуска в поймы рек и дворики при жилищах. Размеры строений не превышали обычно 60 м². В таких поселках насчитывалось не более 5–6 дворов. К домам из близлежащих родников подводилась питьевая вода по арыкам, которые обычно прокладывались по краю верхней надпойменной террасы. Поселения представляли собой место проживания одной семейно-родовой группы, где жилища были предназначены для отдельных малых семей.

Примечательно, что зафиксированные комплексы эпохи бронзы предгорной полосы – поселения и могильники, привязаны на местности к системе ирригационных сооружений (каналов, арыков, водозаборов и акведуков), обнаруживаемых повсеместно от каньона реки Шарын до Кордайского перевала. К таковым среди памятников эпохи бронзы относятся поселения Кайнар I, Майбулак II, Ынтымак I и II, Кызылауыз I, Когамшил, Сункар и Бесмойнак I.

Особенностью поселений у северных склонов Заилийского Алатау как в эпоху бронзы, так и в раннем железном веке, является наличие близ поселка камней с чашевидными углублениями (рис. 3: 2, 3). Древние насельники использовали крупные валуны, вынесенные паводковыми или селевыми потоками, или камни, отколовшиеся от скальных блоков и оказавшиеся вблизи древнего селения. По периметру подобных камней выравнивалась площадка, пристраивались ограды, в некоторых случаях фиксируются поваленные стелы. На камнях отмечены от 3–5 до нескольких десятков и даже более сотни лунок. Подобные камни обнаружены близ комплексов поселений Шиен, Сункар, Бесмойнак, Ыргайты и Талдыбулак.

В ряде случаев в устьях горных ущелий встречаются целые «поля» камней с чашевидными углублениями. Чаще всего они отмечены в районе водораспределительных систем на выходе из ущелий Каргалы, Кастек, Актерек. В этой части северных склонов Заилийского Алатау наиболее распространенной формой ритуальной практики становится почитание камней с чашевидными лунками. Условия и обстоятельства, при которых они обнаруживаются вблизи древних поселений, позволяют нам считать подобные сооружения вокруг природных камней своеобразными капищами,

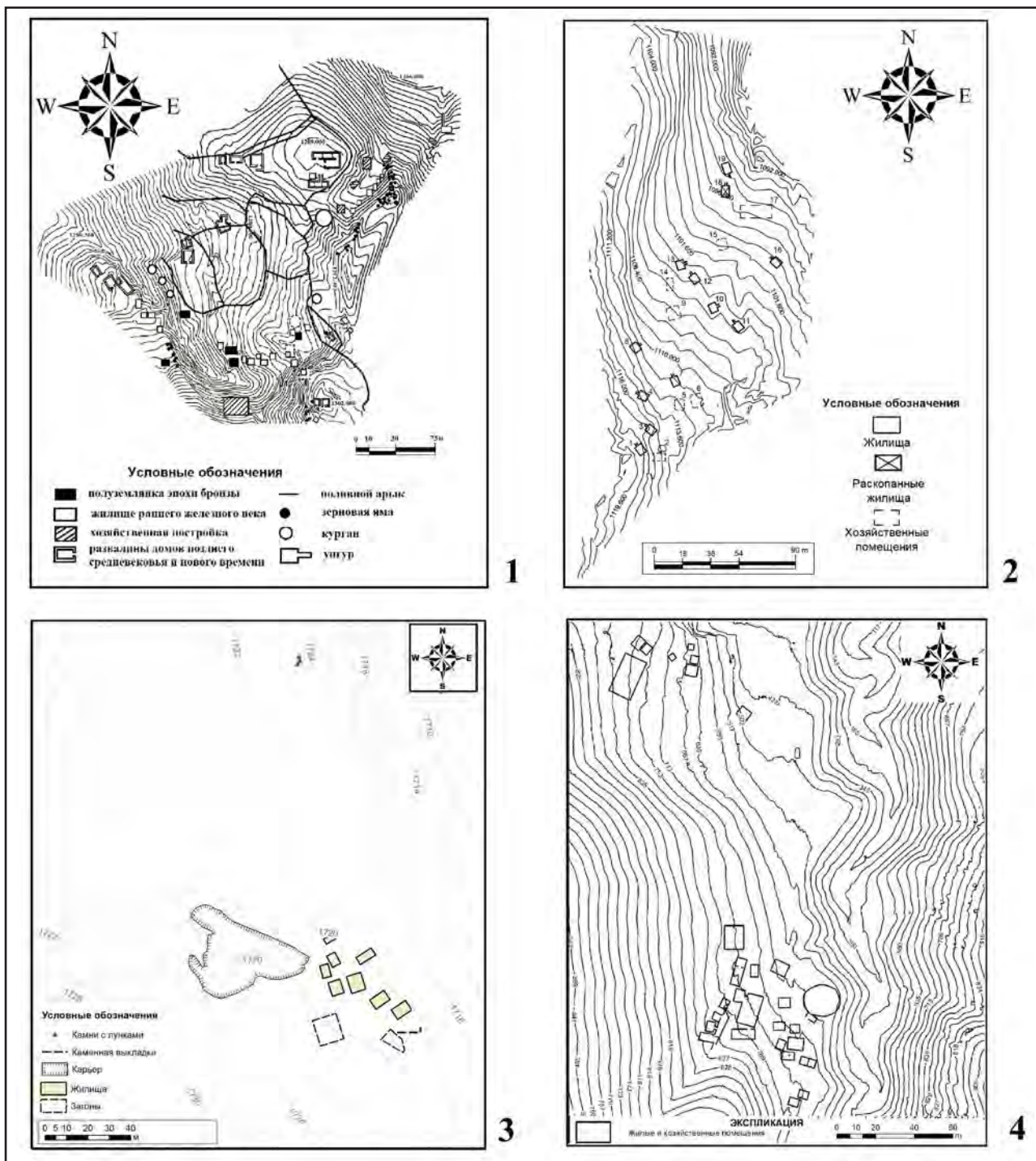

Рис. 2. Топографические планы поселений эпохи бронзы в предгорной зоне и устьях горных ущелий северных склонов Заилийского Алатау: 1 – Когамшил; 2 – Кайнар-I; 3 – Бесмойак-I; 4 – Ынтымак-I.

призванными способствовать проведению обрядов и ритуалов, связанных с годовым хозяйственным циклом местного населения.

В Шуилийских горах, расположенных в степной зоне Жетысу в междуречье крупных рек Шу и Или, через которые проходили основные транзитные пути в древнюю Сары-Арку, хозяйственно-культурное развитие древних племен происходило значительно иначе. По своим природно-климатическим особенностям эта

область ближе к центрально-казахстанскому региону, чем к предгорной зоне Заилийского Алатау. В настоящее время в хозяйственном отношении здесь наиболее благоприятны условия для ведения скотоводческого хозяйства. Выборочная разведка отдельных микрорайонов в Шуилийских горах показала высокую плотность заселения этой территории в эпоху бронзы. В отдельных районах она превышает даже современную, что позволяет предположить,

что природно-климатические условия того времени были более благоприятными. Практически в каждом ущелье, где функционировал в древности родник, обнаруживается домостроение с хозяйственными постройками возле скальных массивов с петроглифами, древнейшие из которых относятся к эпохе бронзы.

В частности, в горах Хантау и на прилегающих к ним территориях обнаружено 5 стоянок каменного века и 13 древних поселений. Внутри горных ущелий поселения обычно располагались по берегам рек в районе выхода родников (рис. 4: 1). Как правило, это семейно-родовые стоянки, состоящие из 2–3 жилых строений, серии хозяйственных построек и загонов для скота. Жилища представляли собой полуземлянки и землянки с каменными основаниями фундамента. Размеры жилых одно или двухкомнатных конструкций прямоугольной формы варьируют от 6х4 м до 10х6 м. Загоны для скота, обнесенные изгородями, имели размеры от 13х8 м до 18х10 м.

Выделяется поселение Карасу, расположенное на третьей широкой надпойменной террасе по правому берегу одноименного ручья. Место поселения выбрано у скального обнажения на берегу ручья и хорошо укрыто от ветров. Живописные скалы тремя группами создавали площадку размером 40х30 м. С северо-западной и юго-западной сторон прослеживаются двойные ряды оснований каменных изгородей жилища-полуземлянки. Около 10 жилых конструкций устроены в три яруса в 20 м к юго-западу от скал. Размеры жилищ варьируются от 6х4 м до 8х6 м. С территории поселения берет начало крупная древняя ирригационная система арыков, орошавших близлежащие участки полей протяженностью до 2–3 км, что дает основание считать его поселением древних земледельцев.

Однако наибольшее количество древних поселений сосредоточено у юго-западных склонов и в долине Жыландысай южной части гор Хантау. В их структуре присутствует от 1–2 до 6–7 жилых конструкций с хозяйственными постройками, устроенных в 3–4 яруса. Общая площадь подобных поселений в ущельях Шолак Жиделисай, Юнокольсай, Багыл, Сункарсай и в безымянных саях юго-западных склонов горы Костобе от 200 до 500 м² (рис. 4: 2–5).

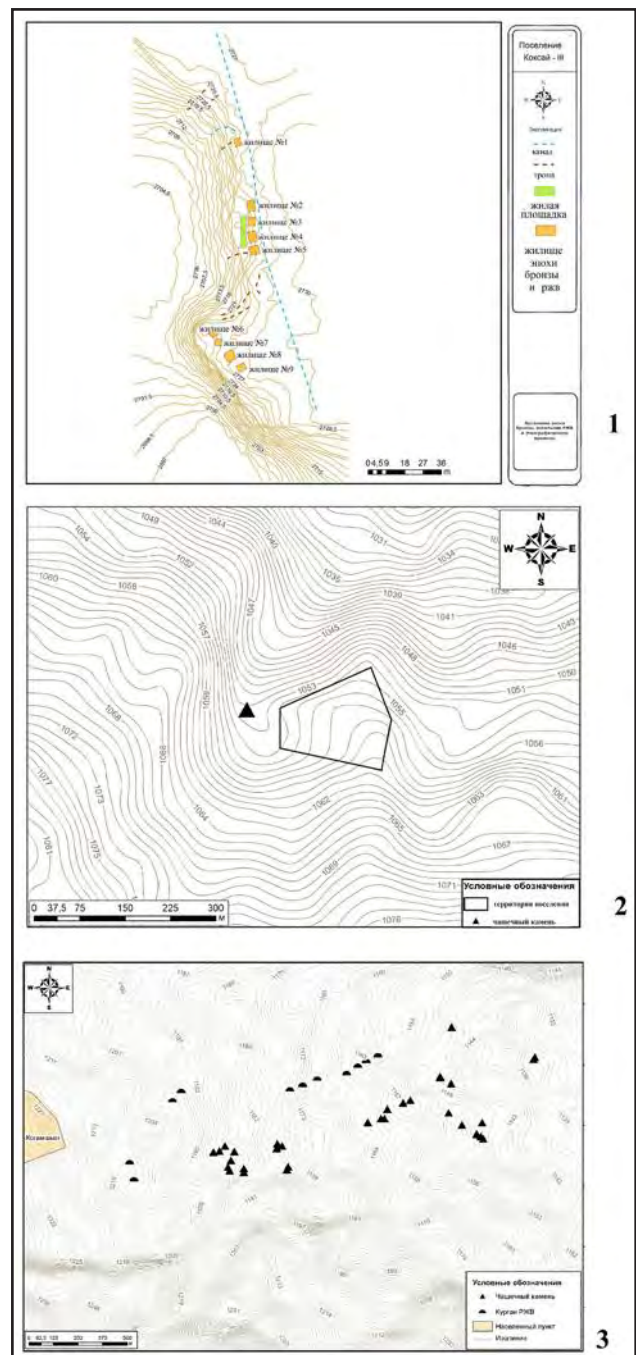

Рис. 3. Топографические планы поселений эпохи бронзы на предгорных равнинах северных склонов Заилийского Алатау: 1 – Коксай-III; 2 – Талдыбулак-I; 3 – поле чашечных камней в долине реки Шиен.

На территории поселения Костобе 2 найден нуклеус неолитического времени. В районе жилищ и хозяйственных построек найдена керамика эпохи бронзы и раннего железного века. Древние поселения в этой части гор Хантау представляли собой стоянки-зимовки скотоводов.

В горах Айтау древние поселения обнаружены на северных его склонах в ущельях близ

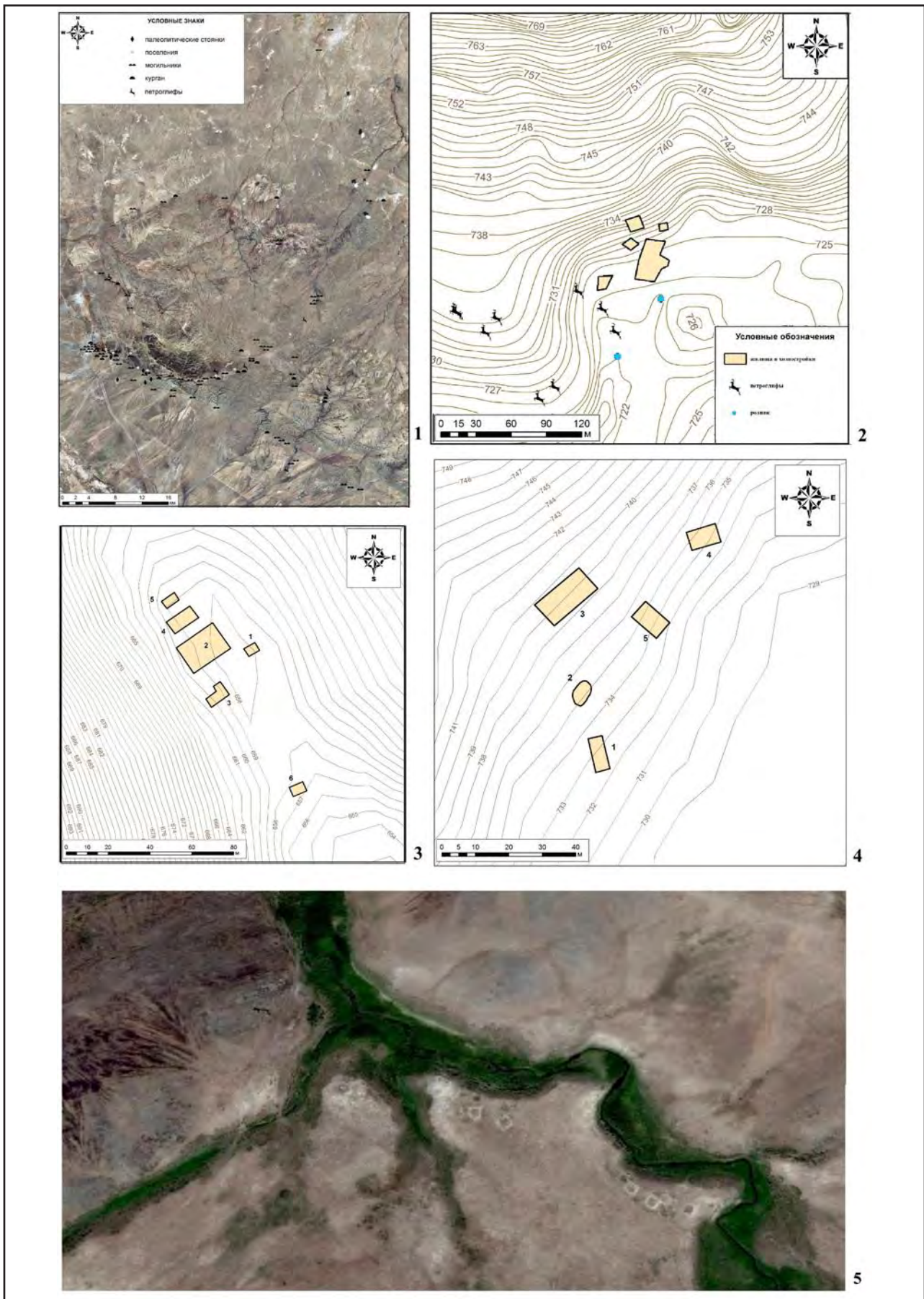

Рис. 4. Топографические планы поселений эпохи бронзы в горах Хантау: 1 – план расположения археологических памятников в горах Хантау на космоснимке; 2 – Костобе-II; 3 – Костобе-I; 4 – Шолак-Жиделисай-I; 5 – Багыл (на космоснимке).

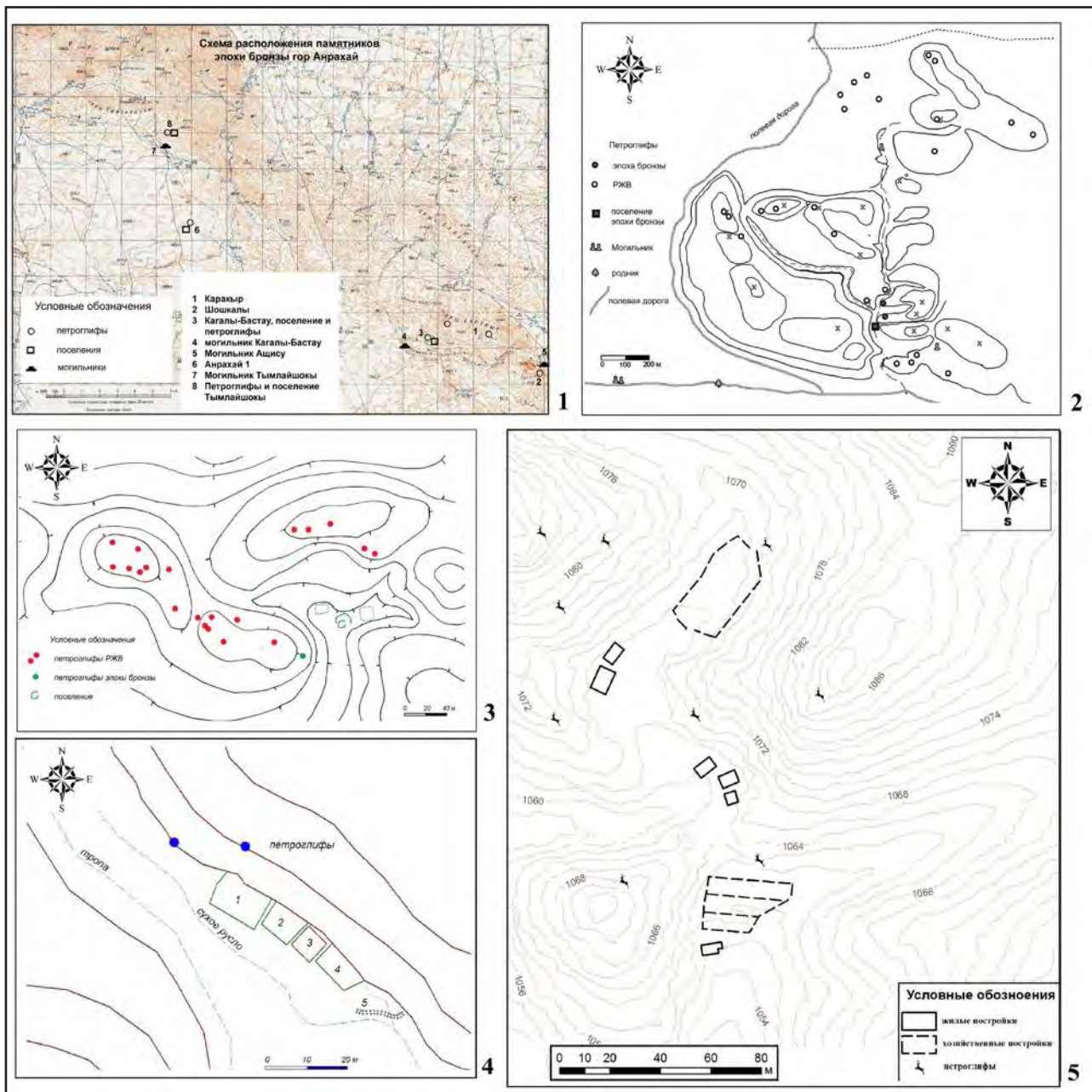

Рис. 5. Топографические планы археологических комплексов со слоями эпохи бронзы на поселениях в Шуилийских горах: 1 – карта расположения древних поселений в горах Анрахай; 2 – Кагалы-Бастау; 3 – Ащису-II; 4 – Тынракты; 5 – Кулжабасы-III.

родников, многие из которых функционируют до сих пор. Около 10 древних поселений отмечены в верховьях рек Тесик и Жынгылды и в долине Анкелды. Поселения расположены на выровненных площадках близ ручьев под скалистым крутым склоном с петроглифами. На поверхности прослеживаются контуры жилищ прямоугольной формы, размерами от 6х5 м на 9х7 м. В структуре поселений отмечаются 2–3 жилые площадки и каменные конструкции загонов для скота, что позволяет определить их как зимовки древних скотоводов.

Многочисленные исследования комплекса

археологических памятников эпохи бронзы гор Кулжабасы, Анрахай, Серектас, Доланкара и других, входящих в систему Шуилийских гор, показали необычайно плотное заселение региона в древние исторические периоды (рис. 5). Детальное изучение этой горной системы показало наличие археологических памятников эпохи бронзы практически в каждом крупном ущелье от гор Хантау до Куртинского хранилища (в урочищах Тесик, Копалы, Алмалы, Каракыр, Тымлайшоки, Шошканы, Когалыбастау и др.), в том числе и в межгорных долинах Тынракты, Ащису и Карой. Этот

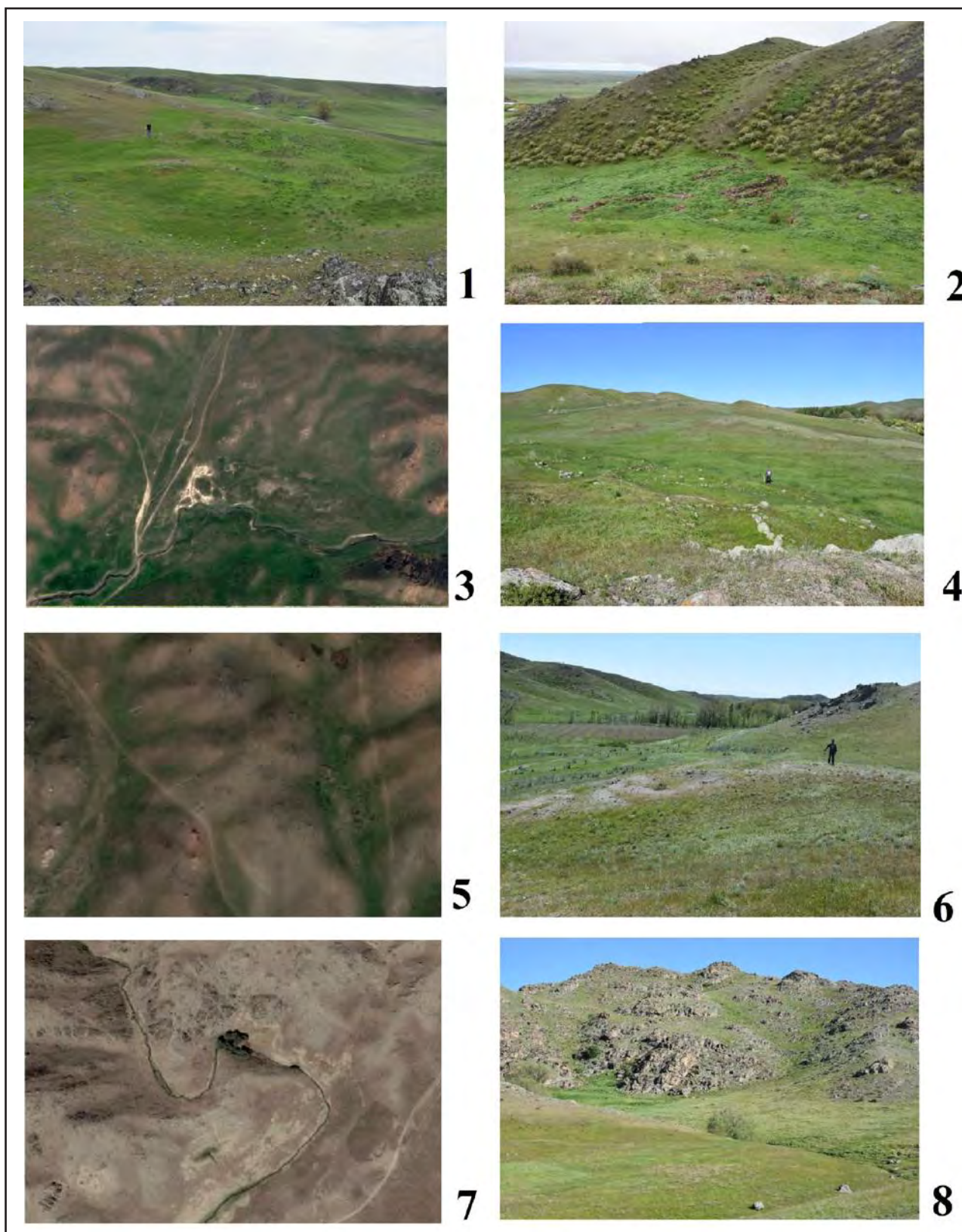

Рис. 6. Древние памятники эпохи палеометалла у юго-западных склонов хребта Киндыктас:
1, 2 – поселения древних скотоводов; 3, 4 – поселения близ горных выработок;
5, 6 – горные выработки в долине реки Какпатас; 7, 8 – поселение земледельцев
у юго-западных склонов гор.

факт способствовал созданию серии наиболее крупных скоплений древних наскальных изображений на территории Южного Казахстана и Жетысу (Тамгалы, Ак-Кайнар, Кулжабасы и т. д.). Датировка наиболее древних из них периодами энеолита и ранней бронзы [Сала, Деом, 2004, с. 63; Марьяшев, Железняков, 2013, с. 18–20] позволяет считать, что горы Кулжабасы и Анрахай на данном этапе играли ключевую роль в хозяйственно-культурном развитии региона.

Расположение поселений и могильников в Шуилийских горах типично именно для традиций обустройства древних племен эпохи бронзы данного региона. Поселение устраивается возле действующего родника, хозяйственные постройки выносятся в сухие лога или отщелки в зоне прямой видимости, а могильники сооружаются на выходе из ущелий, вероятно, обозначая принадлежность территории тому или иному семейному клану. Подобные традиции были обусловлены как природно-климатическими особенностями региона, так и развитием социально-экономической системы древнего населения в эпоху бронзы.

К югу от этих горных систем расположены Киндыктасские возвышенности, являющиеся северо-западным отрогом хребта Заилийский Алатау, именно здесь было зафиксировано наиболее плотное скопление древних археологических памятников (свыше 500), среди которых отмечено более 30 поселений с материалами эпохи палеометалла. Памятники обнаружены как у юго-западных (Согынды, Какпатас, Унгирли, Жайсан и т. д.) и у северо-восточных (Йирсу, Мадьярсай, Карасай, Киндыктас) склонов гор, так и во внутригорных урочищах (Ой-Джайляу, Ат-Джайляу) и на предгорных равнинах их северо-западной оконечности (Шокпар, Кызылнора, Кызылсай).

Основная группа поселений в данном микрорайоне представляла собой семейно-родовые поселки от двух до десяти подворий. Поселения располагались внутри ущелий от 500 м вглубь до 2–3 км. Контрольные сборы на объектах показали их хронологический диапазон от эпохи бронзы и раннего железного века до Нового времени. По характеру найденных в округе артефактов в горах Киндыктас они под-

разделяются на поселки скотоводов, рудокопов и земледельцев.

Поселения древних скотоводов располагались внутри горных ущелий, по боковым отщелкам близ скальных групп с южной экспозицией и представляли семейно-родовые стоянки от 2 до 6 подворий. Жилища представляют собой полуземлянки округлой или прямоугольной форм размерами от 8х6 м до 5х4 м (диаметры округлых строений 5–6 м). Близ жилых помещений фиксируются крупные загоны для скота размерами от 10х8 м до 20х16 м. Стены жилых и хозяйственных конструкций состоят из двух рядов камней. Рельеф местности позволял попасть к ним свободно по невысоким вершинам и широким долинам Киндыктасской возвышенности (рис. 6: 1, 2).

Серия поселений обнаружена в верховьях рек Какпатас и Согынды и в урочище Ой-Джайляу близ горнорудных выработок, что дает основания считать их поселками древних рудокопов. (рис. 6: 3, 4). Они представляют собой небольшие шурфы разных форм на склонах и у подножия горных хребтов и отдельных сопков (рис. 6: 5, 6). При визуальном осмотре в них и рядом были зафиксированы медно- и железосодержащие куски пород. С учетом раннее известных древних месторождений юго-западных склонов хребта Киндыктас (Шатырколь, Унгирли, Жайсан) можно отметить, что данный район являлся крупным металлургическим центром эпохи палеометалла на территории Жетысу помимо известного Хантауского горно-металлургического округа [Берденов, 1998, с. 180–190].

Поселения древних земледельцев фиксируются на выходе их горных ущелий. Их отличительной чертой является привязка к древним ирригационным системам, как это ранее отмечалось в горах Хантау и у северных склонов Заилийского Алатау (рис. 6: 7, 8). Такие поселения отличаются и структурно. Они насчитывают до 10–12 жилых помещений, устроенных по берегу ручья в 2–3 яруса. Жилища-полуземлянки фиксируются в виде площадок и западин квадратной и прямоугольной форм размерами от 5х5 м до 8х6 м. На противоположном берегу или вплотную к жилищам примыкали хозяйственные постройки (кладовые, сарай) размерами от 3х3 м

до 5x4 м. От родника прокладывался арык, выводивший воду на поля. В горной местности это обычно небольшие чеки, ограниченные невысоким валом до 1 м – защита от потравы посевов скотом.

Физико-географические особенности северо-восточных склонов и северо-западной оконечности хребта Киндыктас отразились и в структуре древних памятников. Поселения и могильники, как правило, устроены внутри нешироких ущелий и на горных плато. В ущелье Йирсу обнаружено три древних жилых комплекса, в ущельях Кызылнора, Киндыктас и Шокпар по два, в узких горных саях Карасай и Кызылсай по одному (рис. 7: 1–4). В урочище Ой-Джайляу в долине реки Узынсу в районе скал с петроглифами отмечена серия небольших поселков, где в результате контрольных шурфов установлено, что наиболее древние их слои относятся к эпохе бронзы и раннему железному веку (рис. 7: 5). Серия таких поселений (13) зафиксирована на широких площадках ручьев – притоков реки Узынсу. В соседнем ущелье Мадьярсай по итогам разведки обнаружено еще 4 поселения (рис. 7: 6), которые состоят из серии древних жилищ и хозяйственных комплексов. Их общая площадь составляла от 500 до 4000 м².

На поверхности отмечаются выровненные площадки под жилые и хозяйственные конструкции размерами от 5x4 м до 10x8 м, расположенные в несколько ярусов относительно берега ближайшего ручья. Контуры строений фиксируются по фрагментам проступающих каменных оснований фундаментов стен. В каждом поселении просматриваются от 4–5 до 12 древних жилых конструкций. Конструкции эпохи бронзы отличаются традицией устройства оснований фундаментов в один ряд камней. В раннем железном веке кладки оснований фундаментов жилищ состояли из двойного ряда камней, сами жилые помещения врезались в склоны ущелья. Близ поселений отмечены рисунки на скалах.

У северо-западной оконечности хребта древние поселения обнаружены на донных участках ущелий меридианного направления. На данной территории встречаются равнинные плато, расположенные ниже среднего уровня степи, отдельные возвышенности и ущелья.

На участках скальных выходов на поверхность четко просматривается слоистость скальных пород, «поставленных на ребро». Они представляют собой тектонический разлом. Фрагменты пластов литосферных плит в почве, под поверхностью, становятся непреодолимым препятствием для течения подпочвенных вод, что создает условия для выхода подземных вод на поверхность. В результате тектонические разломы являются фактором, инициирующим образование родников. В ущельях, имеющих извилистую конфигурацию, выбраны те их отрезки, которые одним бортом обращены в южном направлении. Борт ущелья, имеющий экспозицию южного сектора ориентации, неизменно выбирался с выходом скального массива. Обязательным условием на выбранном отрезке ущелья было наличие водного источника. Чаще всего это небольшой ручей, протекающий по дну ущелья либо выбивающийся на поверхность родник. Таким образом, опорные точки для мест, выбираемые для устройства поселений, обязательно имели водный источник, были заглублены относительно усредненной горизонтали рельефа, имели экспозицию южного сектора ориентации и массив скального обнажения.

На широких степных просторах отдельные участки с водными источниками не могут не привлекать людей как в настоящее время, так и в прошлом. Наличие же рисунков на скальных плоскостях свидетельствуют о долговременном присутствии людей в этих местах. Подобное место обеспечивает защиту от пронизывающих степных ветров, что особенно важно в зимнее время. Борты ущелий, образующие складки земной поверхности на степной равнине, местами имеют значительный угол склонения от средней горизонтальной степной линии. В рассматриваемом случае борт ущелья южной экспозиции поселения Кызылнора имеет уклон 37° к горизонтали. Зимой, во время зимнего солнцестояния, солнце поднимается над южным горизонтом до 23°. В таких условиях в полдень солнечные лучи (тепловое излучение) будут освещать склон под углом 120°. Из чего следует, что солнце дважды проходит точку, при которой его лучи будут максимально интенсивно прогревать склон. Таким образом, пиковые точки прогрева борта ущелья будут

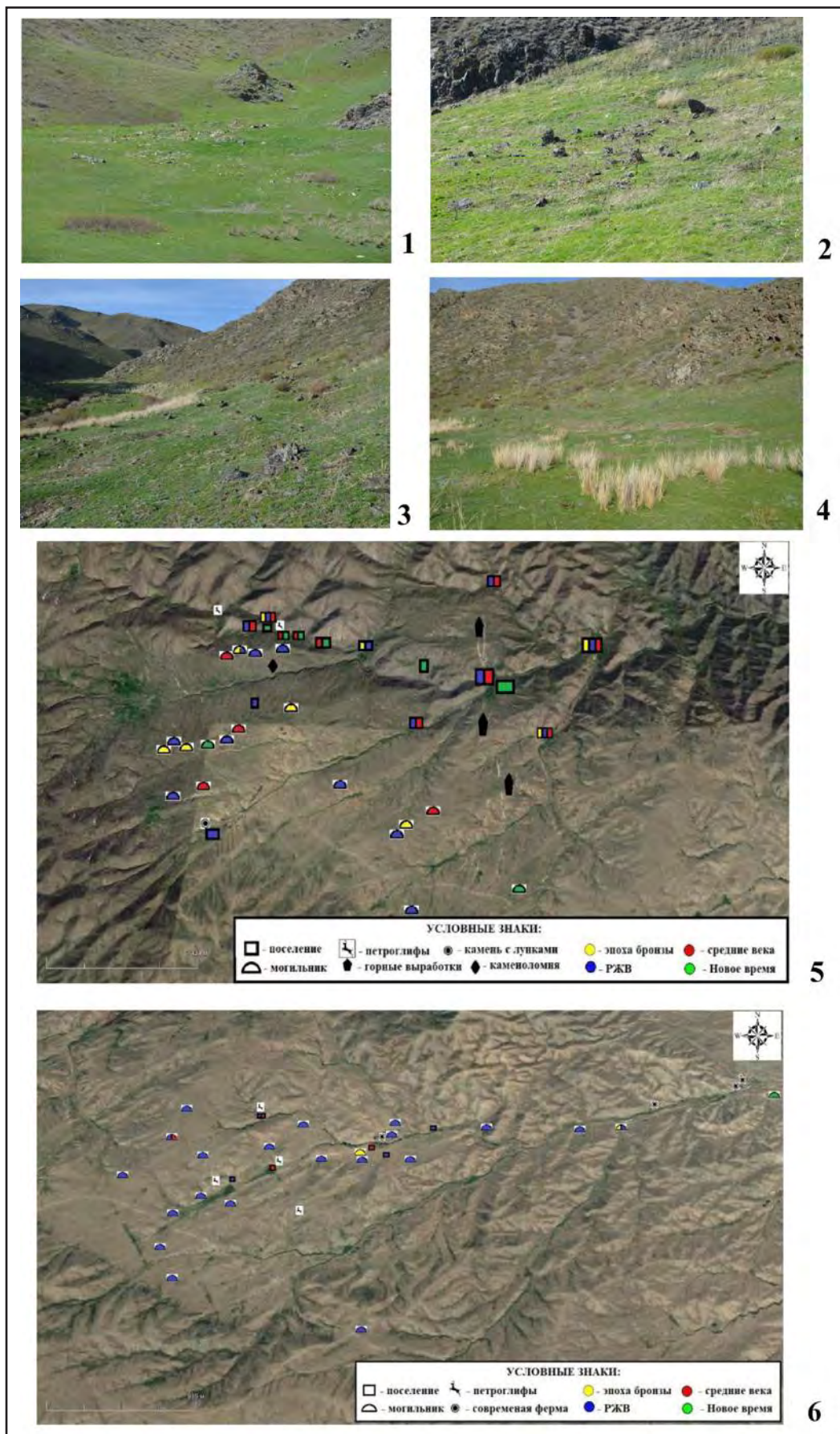

Рис. 7. Древние памятники эпохи бронзы северо-восточных склонов и северо-западной оконечности хребта Киндыктас: 1–4 – древние поселения в ущельях Киндыктас (1, 2) Карасай (3) и Йирсу (4); 5 – карта археологических памятников урочища Ой-Джайляу; 6 – карта археологических памятников ущелья Мадьярсай.

соответствовать наиболее суровому времени года – «конец осени – зима – начало весны».

Наличие массы скальных нагромождений позволяет аккумулировать солнечное тепло, что и создает локальный микроклимат с положительными температурами для проживания и содержания скота в отличие от открытой всем ветрам окружающей степи. Каменный массив за счет темной поверхности прогревается более интенсивно, чем почва. В зимнее время, при отрицательной температуре окружающего воздуха, в безветрие, поверхность скал нагревается до 38°–40°C (замеры произведены в полдень зимнего солнцестояния при температуре окружающего воздуха минус 6,5°C). В результате чего в дневное время разнонаправленные скальные плоскости будут частично отражать тепловые лучи в окружающее пространство, обогревая его, а также будет происходить обогрев воздуха, окружающего камень, конвекционными потоками от его поверхности. Скальный массив играет иницирующую роль в обогреве участка ущелья и провоцирует оттаивание, освобождение от снежного покрова весь склон.

Подобная ситуация на южных склонах наблюдается в горных, предгорных и степных районах. Естественно, что в прошлом именно такие участки и были выбраны человеком для проживания. Вблизи скалы складывали загон для скота, а неподалеку строили жилище для себя. Близость к скальному выходу была удобна для использования каменных осыпей как источника строительного материала. Жилища и загоны для скота «глухой» стеной строили обращенной к скальному массиву, а выходом направлены в сторону южного сектора. В целом такая схема расположения подворья древних обитателей мест, на скалах которых обнаруживаются наскальные изображения, практически одинакова в основной массе случаев.

В местах, обладающих вышеперечисленными факторами по всей территории Хантауского транзитного коридора, обнаруживаются следы разрушенных различных построек, в некоторых случаях и искусственные водоемы при малом количестве воды и удачной рельефной ситуации, захоронения, а также и наскальные изображения. Рассмотрение условий в подобных местах региона можно с большой долей

уверенности говорить о том, что их создатели занимались разведением скота и они представляют собой постоянные подворья скотоводов.

В культурных традициях жителей эпохи палеометалла различных регионов Жетысу наиболее привычным видом жилья представлялись полужемлянки каркасно-столбовой конструкции. Однако характер традиций домостроительства в значительной степени зависел от природных ресурсов и климатических условий отдельных микрорайонов. На северных склонах западных отрогов Заилийского Алатау и в степной зоне Шуилийских гор их возводили из каменных плит, а верхнюю надземную часть строили на основе деревянных каркасов. Крыши жилых помещений изнутри опирались на деревянные столбовые конструкции, а в качестве покрытия применялись ветви, солома (камыш), глина или шкуры животных. На материалах поселения Ынтымак-I у северных склонов Заилийского Алатау была предпринята попытка реконструкции жилища эпохи бронзы, характерного для Хантауского региона (рис. 8).

На поселении Ынтымак-I параметры домостроений составляли от 30 до 50 м², например, жилище 1 было размерами 8х6 м. Вход, устроенный с восточной стороны, выводил в центральное помещение с очагом. С западной стороны обустраивались две жилые комнаты, разделенные внутренней перегородкой. Подобные помещения предназначались для проживания одной малосемейной группы (от 5 до 8 человек). Подворье данного жилища располагалось в 5 м к северо-востоку и состояло из небольшого хозяйственного помещения (4х3 м) и загона для скота (15х12 м), обозначенного на поверхности каменной кладкой укрепления изгороди. Таким образом устраивались хозяйственно-жилые комплексы в горной зоне региона в позднюю бронзу.

Подобный тип жилищ каркасно-столбовой конструкции характерен для древних андроновцев Казахстана [Кузьмина, 1994, с. 74–78]. Строения поселения Ынтымак аналогичны по типу устройства домам на поселении Бугулы II [Маргулан, 1979, рис. 110–114]. Наиболее близкие типологические параллели в их устройстве обнаруживаются в материалах поселений Центрального Казахстана, где они дати-

Рис. 8. Графические реконструкции устройства жилищ эпохи бронзы поселения Ынтымак-І (художник Потапов К.С.): 1 – общий внешний вид; 2 – устройство стен; 3, 4 – устройство кровельного перекрытия; 5 – внутреннее устройство жилого помещения; 6 – устройство очага, вид со входа.

ровались ранее в пределах позднеандроновского периода [Кадырбаев, Курманкулов, 1992, с. 230–232].

Вещевой материал из жилищ андроновского и позднебронзового времени в Хантауском регионе представлен фрагментами керамической посуды и серией каменных, костяных изделий и инструментов. На аварийном по-

селении андроновского времени из ущелья Кайнар зафиксирована серия каменного инвентаря из жилищ, разрушенных оврагом – песты, зернотерка с курантом, ступка с чашевидным углублением (рис. 9). Интересен фрагмент каменной чаши из халькопирита (рис. 9: 5), дно которой украшены спиралевидным резным орнаментом, а стенки – «сеточным». Вторич-

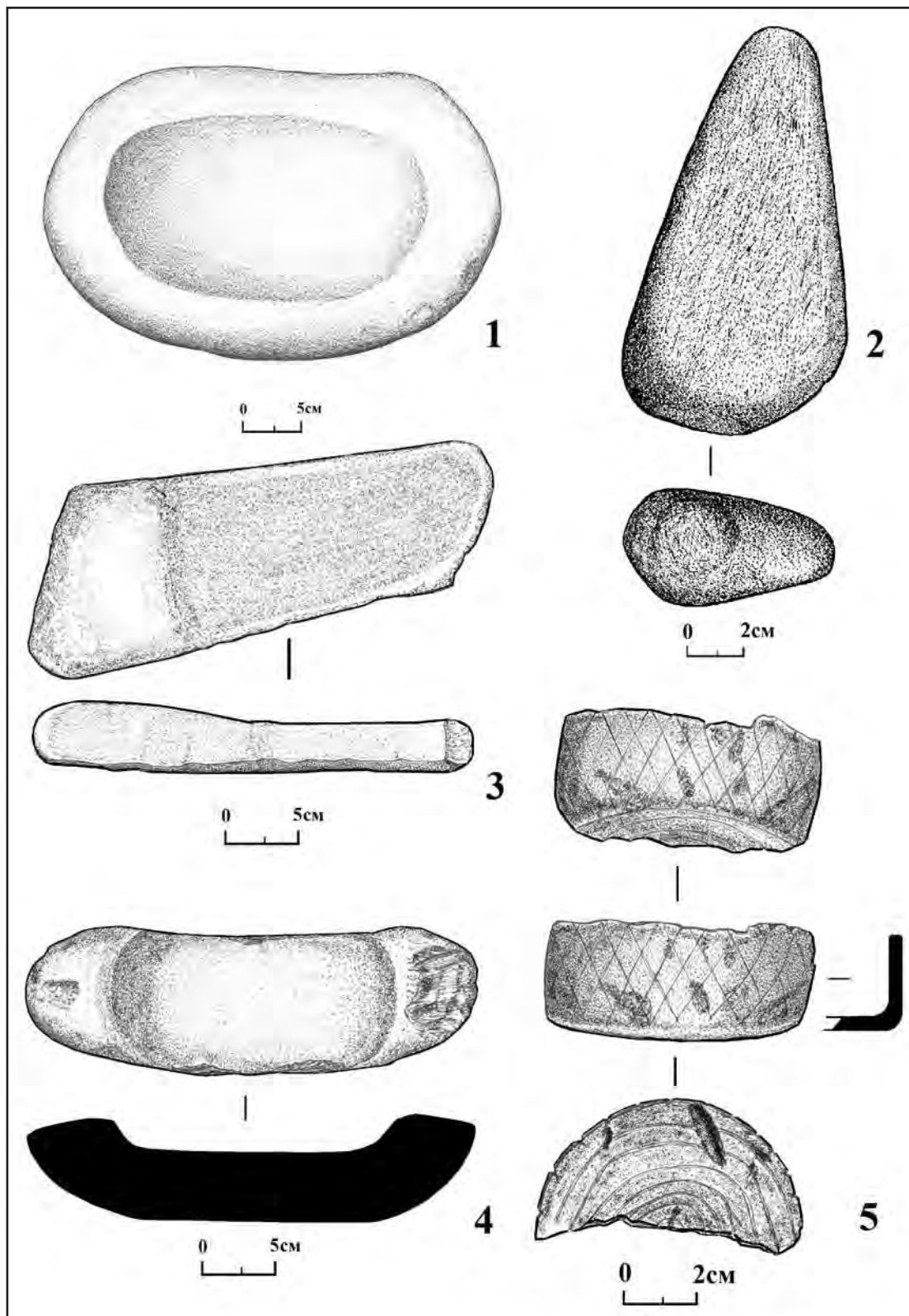

Рис. 9. Каменные орудия труда и предметы быта андроновского периода эпохи бронзы из поселения Кайнар I.

ное применение обломка данного изделия как светильника определено в результате трассологического анализа (И. Горожук).

Среди бытовой глиняной посуды в поселениях бронзового века Семиречья чаще встречаются горшковидные с раздутым туловом и

баночные с прямыми стенками сосуды (рис. 10). Орнамент выполнен мелкогребенчатым штампом или резными линиями и отмечен примерно на 5% всех видов керамики. Он размещен в верхней части тулова в виде прямых треугольников вершиной вниз, косых и вер-

тикальных насечек, каннелюров, ямок, ногтевых вдавлений, зигзагообразных линий из косых насечек. Керамика андроновских поселений близка смешанным алакульско-фedorовским погребальным керамическим комплексам эпохи бронзы Жетысу [Марьяшев, Горячев, 1993, с. 5–19; Карабаспакова, 2011; Горячев, 2013, с. 3–28]. Значительную часть материала составляют неорнаментированные керамические сосуды баночной и горшковидной форм. Согласно современной хронологии семиреченских памятников эпохи бронзы подобные формы посуды, ранее определявшиеся XV–XIII вв. [Кузьмина, 1986, с. 161; Кузьмина, 1994, с. 407, рис 11], могут быть датированы рубежом XVI–XIV вв. до н. э.

В материалах контрольных шурфов из поселений в урочище Ой-Джайляу и в горах Хантау фиксируются фрагменты керамики эпохи поздней бронзы, отличительной чертой которой является наличие валиков и округлых вдавлений по шейке или под венчиком сосудов. Она имеет аналогии в центрально-казахстанских поселениях бегазы-саргаринского типа, определенные формы посуды и орнаментации сближают ее с материалами донгальской керамики финальной бронзы [Маргулан и др., 1966, с. 204–257; Маргулан, 1979, рис. 140; Варфоломеев, 1987, с. 60; Ломан, 1987, с. 115–123]. По совокупности признаков керамика позднебронзового этапа данного региона относится к бегазы-саргаринской группе общности культур валиковой керамики степной Евразии [Черных, 1983, с. 89–90, рис. 6, 7].

Основными занятиями древнего населения Хантауского транзитного коридора были скотоводство и земледелие. Слабая изученность района пока не позволяет с высокой степенью вероятности определить их форму. Исследования отдельных жилищ и артефактов показали, что часть населения специализировалась на ремесленном производстве. Наборы инструментов из камня, металла, кости и глины разных видов и функционального назначения позволяют сделать первичные выводы о развитии кузнечного, кожевенного, гончарного ремесел и ткачества. Добыча и переработка руды в Шуилийских горах в эпоху бронзы была достаточно развита [Берденов, 1998, с. 180–190]. Хотя изучение данной проблематики находится

в начальной стадии, но уже сегодня известны (в том числе и недавно открытые) Хантауский, Киндыктаский горнорудные центры. Для мастеров других специализаций основное сырье в виде шерсти производилось их ближайшими соседями по поселкам в горной зоне. Кроме того, долины рек Шу и Или богаты исходным материалом для керамического производства.

Циклические изменения климата в бронзовом веке на территории Жетысу в сторону его аридизации определяли основные направления хозяйственного развития древнего населения [Аубекеров и др., 2009, с. 48–58]. Динамика климатических условий привела к миграции части населения степной зоны Центрального Казахстана через Хантауский транзитный коридор в предгорную и горную зоны Северного Притяньшанья, где условия проживания и жизнеобеспечения в тот период были стабильнее.

На андроновском этапе в период поздней бронзы складывается хозяйственная система с разделением территории на зоны преимущественного развития скотоводства и земледелия. Археологические исследования пока-

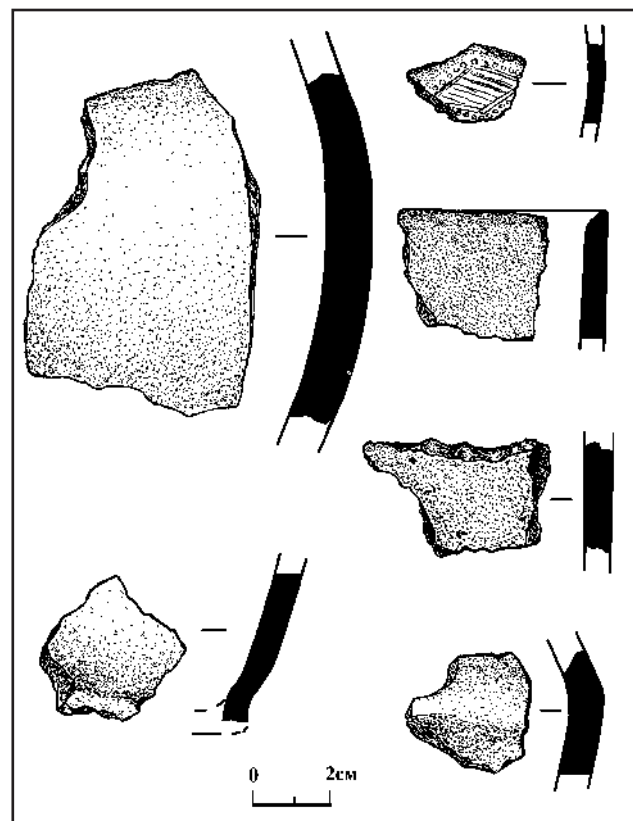

Рис. 10. Фрагменты керамики андроновского периода эпохи бронзы из поселения Кайнар I.

зывают, что поселения и хозяйственные дворы древних скотоводов устраиваются в степных Шуилийских горах и прилегающих полупустынях, а также в горных ущельях Заилийского Алатау. В степной зоне большинство ущелий с родниками были заняты зимовками древних скотоводов. Летом они перегоняли скот на верхние джайлау, расположенные по вершинам невысоких хребтов Анрахай, Киндыктас, Хантау, Айтау и т.д. Часть их могла перекочевывать к северным склонам Заилийского Алатау и его отрогов. Тесные взаимосвязи древнего населения этих районов установлены на материалах погребальных комплексов эпохи бронзы [Горячев, 2013, с. 3–28].

Земледельцы активно осваивают предгорную зону, где природно-климатические условия той эпохи способствовали развитию ирригационного земледелия. Исследования хозяйственно-жилых комплексов показали, что водозаборы оросительных систем в этот период располагались, как правило, в устьях горных ущелий. Воду от реки отводили на пологие хребты водоразделов либо широкие донья ущелий, расположенные ниже водозабора, где возделывались поля [Сараев, 2007, с. 120–128; Сараев, 2010, с. 252–264]. Водоснабжение поселков производилось из ручьев или родников. В Шуилийских горах выявлена система небольших полей близ поселений, воду к которым доставляли из ручьев и речек. На выходе из ущелий их русла перегораживали и создавали водонакопители – тоғаны – для полива в засушливое время года (июль-август).

Крупные поселения жителей предгорной полосы Заилийского Алатау становятся ремесленно-земледельческими центрами для ближайшей округи. Древние скотоводы переходят к более мобильным способам хозяйствования в виде яйлажной формы скотоводства при вертикальном способе кочевания. Общая тенденция хозяйственно-культурного развития населения эпохи бронзы способствовала становлению устойчивой экономической модели с широким использованием природных ресурсов и освоением всех экологических ниш региона. При этом население отдельных районов производило всю необходимую для жизни и хозяйственной деятельности продукцию.

Эпоха бронзы региона характеризуется широкими контактами с древними жителями сопредельных территорий Казахстана, Средней и Центральной Азии. Характер этого взаимодействия определялся возросшей мобильностью населения и миграциями отдельных родоплеменных групп в Жетысу из Центрального Казахстана через Хантауский транзитный коридор. Данные контакты значительным образом влияли на хозяйственно-культурное развитие региона в бронзовом веке. Производственная специализация и взаимовыгодный товарообмен земледельцев, ремесленников и скотоводов способствовали росту благосостояния и численности населения в этот период, что нашло отражение в количестве и структуре древних поселений на этой территории.

ЛИТЕРАТУРА

- Аубекеров Б., Сала Р., Нигматова С., Деом Ж.М. Климат, ландшафты и исторические события эпохи кочевников на территории Казахстана (зарождение, расцвет и затухание кочевничества) // Научные чтения памяти Н.Э. Масанова / Сбор. матер. науч.-практ. конф. Алматы, 2009. С. 48–58.
- Берденов С.А. Казахская горно-металлургическая область // Вопросы археологии Казахстана. Вып. 2. Алматы, Москва: «Гылым», 1998. С. 180–191.
- Варфоломеев В. В. Относительная хронология керамических комплексов поселения Кент // Вопросы периодизации археологических памятников Центрального и Северного Казахстана. Сбор. науч. трудов (межведомственный). Караганда: Изд-во КарГУ, 1987. С. 56–68.
- Горячев А.А. О погребальных традициях племен эпохи бронзы Шуилийских гор // Известия НАН РК / Серия обществ. и гум. наук. № 3 (289). 2013. С. 3–28.
- Горячев А.А. Некоторые итоги и перспективы изучения памятников эпохи бронзы на северных склонах Заилийского Алатау и в Шуилийских горах // Восхождение к вершинам археологии. Сб. мат. междунар. науч. конф. «Древние и средневековые государства на территории Казахстана». Алматы, 2014. С. 84–92.
- Горячев А.А. Храмовый комплекс эпохи бронзы и раннего железного века в верховьях ущелья Тургень // Религия и система мировоззрений древних и средневековых кочевников Евразии. Алматы: [б.и.], 2016. С. 8–21.
- Кадырбаев М. К., Курманкулов Ж. К. Культура древних скотоводов и металлургов Сары-Арки (по материалам Северной Бетпак-Далы). Алма-Ата: «Гылым», 1992. 244 с.
- Карабаспакова К.М. Жетысу и Южный Казахстан в эпоху бронзы. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2011. 220 с.
- Кузьмина Е.Е. Гончарное производство у племен андроновской культурной общности // Восточный Туркестан и Средняя Азия в системе культур древнего и средневекового Востока. М.: «Наука», 1986. С. 152–182.
- Кузьмина Е.Е. Откуда пришли индоарии. Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев. М.: МГП «Калина» ВИНТИ РАН, 1994. 464 с.
- Ломан В. Г. Донгальский тип керамики // Вопросы периодизации археологических памятников Центрального и Северного Казахстана. Сб. науч. трудов (межведомственный). Караганда: Изд-во КарГУ, 1987. С. 115–129.
- Маргулан А.Х., Акишев А.К., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата: «Наука», 1966. 436 с.
- Маргулан А.Х. Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана. Алма-Ата: «Атамура», 1979. 398 с.
- Маргулан А.Х. Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана. Алма-Ата: Наука КазССР, 1979. 360 с.
- Марьяшев А.Н., Горячев А.А. Вопросы типологии и хронологии памятников эпохи бронзы Семиречья // РА. № 1. М., 1993. С. 5–20.
- Марьяшев А.Н., Горячев А.А. Наскальные изображения Семиречья. Издание второе. Алматы: «Фонд XXI век», 2002. 264 с.
- Марьяшев А.Н., Железняков Б.А. Древности Кулжабасы. Алматы: «Хикари», 2013. 150 с.
- Рогожинский А.Е. Петроглифы археологического ландшафта Тамгалы. Алматы: [б.и.], 2011.
- Сала Р. Памятники Казахстана: Кулжабасы // Памятники наскального искусства Центральной Азии. Алматы: ТОО «Археологическая экспертиза», 2004. С. 60–74.
- Сараев В.В. Принцип построения оросительных систем в предгорьях древнего Семиречья (к вопросу о земледелии на территории Семиречья в древности) // История и археология Семиречья. Вып. 3. Алматы: ОФ «Родничок», 2007. С. 120–128.

Сараев В.В. Перспектива выявления фактов развитого оросительного земледелия в предгорьях Семиречья // Роль кочевников в формировании культурного наследия Казахстана. Алматы, 2010. С. 252–264.

Сараев В.В. К вопросу о функциональном назначении чашечных камней Жетысу // Религия и система мировоззрений древних и средневековых кочевников Евразии. Алматы: [б.и.], 2016. С. 116–124.

Сараев В.В. Древние поселения урочища Майбулак // Материалы междунар. науч.-метод. конф. «IX Оразбаевские чтения» по теме «Современные методы и подходы в изучении историко-культурного наследия Казахстана и сопредельных стран». Том. 1. Алматы, 2017. С. 78–82.

Сараев В.В. Кургалинский древний историко-географический микрорайон // История и археология Семиречья. Вып. 5. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2017а. С. 69–90.

Черных Е.Н. Проблема общности культур валиковой керамики в степях Евразии // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. Челябинск: Изд. Башкир. гос. ун-та, 1983. С. 81–99.

Горячев А.А., Сараев В.В.

Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты,
Алматы, Қазақстан

ХАНТАУ Өңірінің ежелгі қоныстары және палеометалл дәуіріндегі халықтың шаруашылық-мәдени даму мәселелері

Түйін. Мақалада Шу-Іле тауларының ежелгі қоныстары мен Іле Алатауының батыс жоталарын зерттеу нәтижелері бойынша материалдар қортындыланады, қола дәуірі қоныстарының құрылымы мен орналасу орнының сипаттамалары жүйеленеді. Әр түрлі экологиялық сатыларда аймақ тұрғындарының шаруашылық-мәдени дамуы мәселелері қарастырылады. Ежелгі жер игерушілердің қоныстары тау шатқалдарынан шығар аузында және ірі өзендердің аңғарларында кездеседі, ал қола дәуірінің малшылары жартылай шөлдерді, дала аудандарын, тау шатқалдары мен үстірттерді игереді. Хантау транзиттік дәлізінің палеометалл дәуірі тұрғындары мен Орталық Қазақстанның шектес аудандарының тұрғындарымен шаруашылық-мәдени өзара байланысы орнатылған.

Goriachev A.A., Saraev V.V.

Institute of Archaeology named after A. Margulan,
Almaty, Kazakhstan

ANCIENT SETTLEMENTS OF KHANTAU REGION AND SUBJECTS OF HOUSEKEEPING AND CULTURAL DEVELOPMENT OF POPULATION OF PALEOMETALS EPOCH

Annotation. The material, based on the results of researches of the Ancient settlements from the Shu-Ili mountains and the Western spurs of the Zailiyskyi Alatau is summarized in the article, the characteristics of the location and structure of settlements of the Bronze Age are systematized. The issues of economic and cultural development of the population of the region depending on their arrangement in different ecological niches are considered. Settlements of Ancient farmers are recorded in the valleys of major rivers and at the exit of mountain gorges, and Bronze Age herders develop semi-deserts, as well as steppe mountain gorges and plateaus. Economic and cultural interrelations of the population of the paleometal epoch of the Khantau transit corridor with the residents of neighboring regions of Central Kazakhstan are established.

Горячев А.А.

Институт археологии им. А.Х. Маргулана,
Алматы, Казахстан

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ КОМПЛЕКСЫ БРОНЗОВОГО ВЕКА ХАНТАУСКОГО ТРАНЗИТНОГО КОРИДОРА

Аннотация. В статье представлены материалы погребальных памятников эпохи бронзы на территории Хантауского транзитного коридора. Данный регион является ключевым в системе древних коммуникаций населения предгорной зоны Жетысу и степей Центрального Казахстана. На материалах исследованных могильников региона выявляются закономерности их расположения в структуре археологических комплексов бронзового века, рассматриваются особенности погребальных традиций и дается культурно-хронологическая атрибуция вещевого материала. Развитие культуры древнего населения Хантауского транзитного коридора связывается с процессом переселения из Центрального Казахстана в начале II тысячелетия до н. э. групп алакульских племен и смешение их с местным населением, в культурной традиции которых преобладали федоровские черты андроновской общности. Анализ материалов погребальных комплексов выявляет активные хозяйственно-экономические и этнокультурные связи населения Жетысу и Центрального Казахстана в эпоху бронзы.

Археологические исследования погребальных памятников Хантауского транзитного коридора составляли одно из ведущих направлений по настоящему проекту. В данном регионе эта категория памятников вместе с петроглифами являются основными источниками для историко-культурных реконструкций. Их изучение производилось как по результатам археологических разведок и раскопок, так и на основе анализа архивных материалов, поскольку здесь впервые на территории Жетысу были обнаружены археологические памятники бронзового века [Максимова, 1961, с. 62–71; Максимова, Ермолаева, Марьяшев, 1985]. В 80-90-е годы в результате работы археологических экспедиций Института археологии им. А.Х. Маргулана, КазПИ им. Абая, ЦГМК и Джамбульского историко-краеведческого музея было открыто значительное количество могильников этого времени на территории Шу-Илейского междуречья от озера Балхаш до северных склонов Киргизского и Заилийского Алатау [Свод памятников... Жамбылская область, 2002]. Археологические исследования

проводились в районе урочищ Ой-Джайляу и Тамгалы, в ущельях Мадьярсай, Шокпар и Алаайгыр, на Кордайском перевале, в долине рек Какпатас и Унгирли, в районе гор Хантау, Анрахай и Кулжабасы. Однако не все материалы исследований были опубликованы [Марьяшев, Горячев, 1992, с. 3–15; 1993, с. 5–15; Ковтун, 1999, с. 27–31; Рогожинский, 1999, с. 7–43; Горячев, 2010, с. 191–202].

Полученный материал позволил в свое время произвести первичные культурно-хронологические определения и выяснить особенности погребальных традиций в регионе. Было выявлено, что погребальные комплексы эпохи бронзы Шу-Илейских гор имеют некоторые типологические и хронологические отличия. Для выяснения особенностей этих традиций синтезировались данные по топографии могильников, определялось их место в структуре комплексов бронзового века, выявлялись планиграфические и конструктивные детали погребальных сооружений и реконструировались погребально-поминальные действия на основе установленных артефактов [Го-

рячев, 2013, с. 3–28; 2014, с. 84–92; Goriachev, 2004, p. 110–118]. Возникновение и существование комплексов эпохи бронзы связывалось с процессом переселения из Центрального и Восточного Казахстана в середине II тысячелетия до н. э. групп племен, усвоивших как алакульские, так и федоровские культурные традиции. Анализ погребальных традиций показал, что могильники эпохи бронзы региона имеют целый ряд общих черт, что позволяет объединить их в общую культурную традицию, которая имеет свои региональные отличия в структуре комплексов в целом, в организации могильников и обряде захоронения. Эти особенности отличают могильники Шу-Илейских гор от памятников других регионов Жетысу и Северного Приитальянья как в андроновское время, так и в период общности культур валликовской керамики.

В рамках настоящего проекта была произведена полномасштабная археологическая разведка комплексов эпохи палеометалла (поселения, могильники и петроглифы) по всему региону Хантауского транзитного коридора от Юго-Западного Прибалхашья до северных склонов Заилийского Алатау [Воякин и др., 2019, с. 126–132; Горячев, Потапов, Ильин, 2020, с. 25–48]. Это позволило систематизировать материалы могильников бронзового века региона и составить карту их расположения (рис. 1). В настоящее время здесь насчитывается свыше 50 погребальных комплексов.

Новые памятники открыты у северо-восточных и юго-западных склонов хребта Киндыктас (в долинах рек Согинды и Какпатас, в ущельях Киндыктас, Карасай, Кызылгора и др.), у южных склонов хребтов Анрахай и Кулжабасы (могильники Костобе, Кулжабасы, Танбалытас и в ущелье Ак-Кайнар), а также во внутренних долинах северных склонов Шу-Илейских гор (Тесик, Жынгылды, Анкелды, Тырнакты, Ащису и т.д.). Значительная серия могильников бронзового века зафиксирована вдоль северных склонов Заилийского Алатау и его отрогов в ущельях Кайнар, Каргалы, Майбулак, Ынтымак, Кызылауыз, Кастек, Дегерес, Сункар, Бесмойнак, Актерек, Ыргайты, Талдыбулак и в долине реки Шиен (комплекс Когамшил). Эти данные позволяют систематизировать характер расположения могильников

как внутри разных географических ландшафтов, так и в структуре археологических комплексов эпохи палеометалла.

Во внутригорных долинах Киндыктасо-Шу-Илейских возвышенностей (могильники урочищ Кожабала, Тесик, Ой-Джайляу, ущелий Мадьярсай, Сункар, Анкелды, Жынгылды, Тырнакты, в верховьях рек Согинды, Какпатас, Ащису) они занимают территории небольших увалов внутри сухих саев либо гребни водоразделов (рис. 2: 1, 3–5). Погребальные комплексы концентрируются близ выделяющейся на местности возвышенности (холма, сопки) либо устроены внутри седловин между гребнями увалов. Их территория представляет собой некое замкнутое вкруговую пространство, ограниченное невысокими сопками и увалами. В частности, место расположения могильников урочища Ой-Джайляу примечательно тем, что представляет собой вершины крупных увалов, с которых просматривается вся долина вплоть до хребтов Кулжабасы и Анрахай (рис. 2: 4, 5). По периметру горизонта обзор с территории могильников ограничен невысокими сопками, что создает впечатление их расположения внутри чашевидного углубления. Они расположены к востоку от поселений и святилища с петроглифами и отделены друг от друга невысоким увалом и ручьем. Однако все погребальные объекты группируются в зоне прямой видимости от сопки с петроглифами.

Как правило, могильники здесь удалены от поселений на значительные расстояния от 1,5–2 до 4 км. Численность погребальных конструкций установить на них достаточно сложно, так как захоронения бронзового века в данном регионе часто сокрыты значительным почвенным слоем. Но даже обычный визуальный осмотр позволяет насчитывать в каждом комплексе от нескольких десятков до 150–200 захоронений. Представляется, что подобные могильники являлись семейно-родовыми кладбищами всей ближайшей округи, за некоторыми исключениями (Ой-Джайляу-I, IX). Исключение составляет также погребальный комплекс известного урочища Тамгалы (рис. 2: 7). Принципы его организации напрямую связаны с функционированием здесь наиболее древнего и крупного в регионе святилища с петроглифами [Рогожинский, 2011],

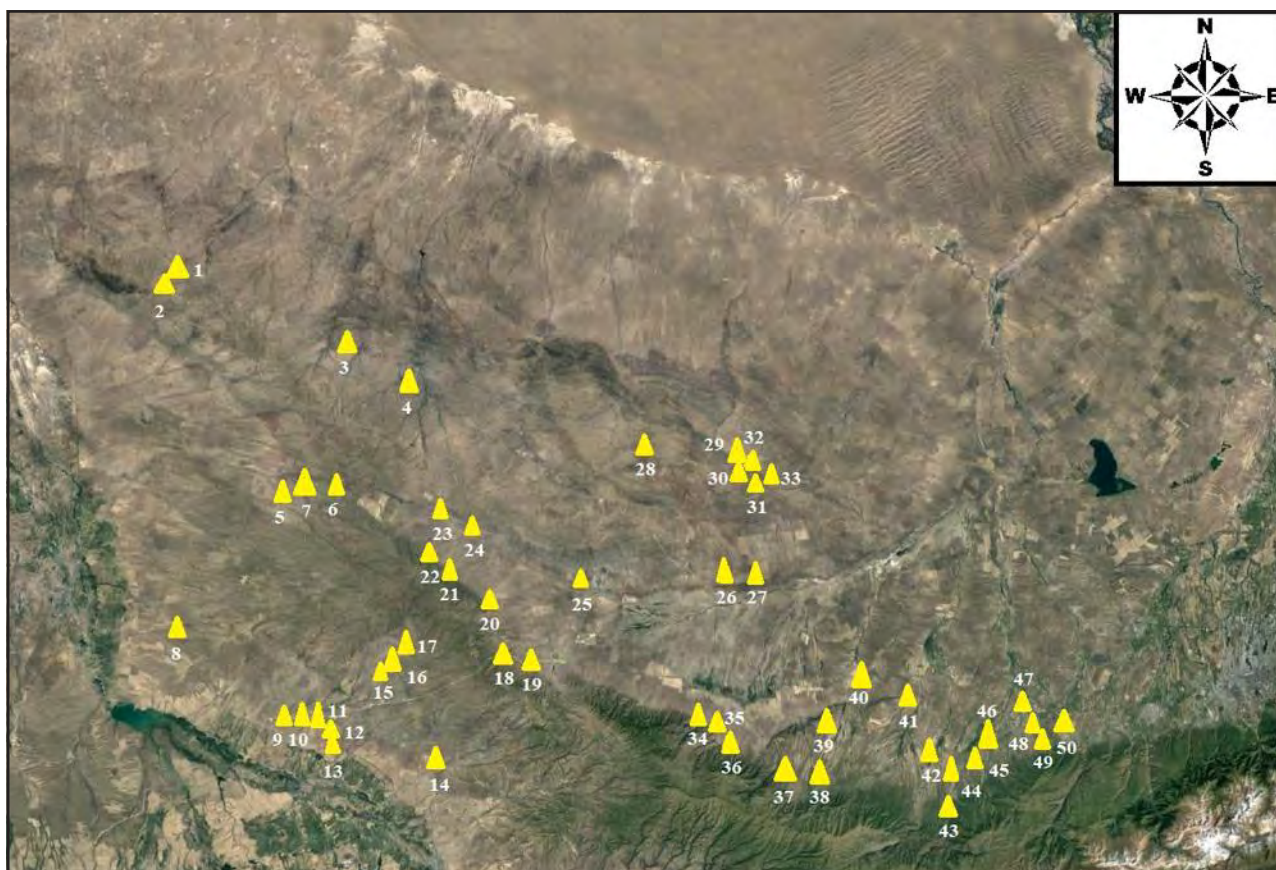

Рис. 1. Google-карта расположения погребальных комплексов эпохи бронзы на территории Хантауского транзитного коридора: 1 – Кожабала-I; 2 – Сункарсай-I; 3 – Тесик-I; 4 – Анкелды; 5 – Керегетас; 6 – Алаайгыр; 7 – Шокпар; 8 – Унгирли; 9–13 – Согинды I-V; 14 – Курдай; 15 – Ой-Джайляу-IX; 16 – Ой-Джайляу-III; 17 – Ой-Джайляу-VII; 18 – Мадьярсай-I; 19 – Мадьярсай-IV; 20 – Узынсу; 21 – Киндыктас; 22 – Карасай; 23 – Костобе; 24 – Анрахай-I; 25 – Кулжабасы; 26 – Аккайнар; 27 – Танбалытас; 28 – Каракыр; 29–32 – Тамгалы-I, II, IV, VI; 33 – Каракудук; 34 – Талдыбулак-I, II; 35 – Ыргайты-I, II; 36 – Актерек; 37 – Бесмойнак-I; 38 – Сункар-I; 39 – Дегерес; 40 – Самсы; 41 – Когамшил-I; 42 – Кастек-II; 43 – Сарыжазык-I, II, III; 44 – Кастек-I; 45 – Ынтымак-I; 46 – Ынтымак-II; 47 – Каргалы-I; 48, 49 – Майбулак-III, V; 50 – Кайнар-I, II.

хотя и в данных условиях места захоронений соответствуют описанной ранее модели.

Другую группу составляют погребальные комплексы на выходе из горных ущелий северных склонов Заилийского Алатау и его отрогов, а также южных склонов хребтов Кулжабасы, Киндыктас и Анрахай. Они представляют достаточно значительную серию могильников, устроенных по берегам горных рек и ручьев (рис. 2: 2, 6). Обычно в пределах от 400 м до 1,5 км внутри таких ущелий обнаруживаются древние поселения на площадках у скал с петроглифами бронзового века. В основном количество погребальных сооружений на таких могильниках не превышает 10–20 конструкций. Вероятно, они представляют небольшие семейные кладбища, принадлежавшие древним жителям этих

микрорайонов. Однако на выходе из достаточно крупных горных рек либо широких проходных ущелий отмечены могильники, количество погребений в которых более значительно (от нескольких десятков до 100 видимых погребальных конструкций). К ним относятся могильники Каргалы-I, Майбулак-III, Актерек, Ыргайты у северных склонов Заилийского Алатау и Керегетас, Унгирли, Кордай, Танбалытас в долинах крупных рек – притоков Шу и южных склонов хребтов Кулжабасы и Анрахай.

Исследования могильников на рубеже XX–XXI вв. позволили провести их культурно-хронологическую атрибуцию и выяснить особенности погребального обряда [Горячев, 2013, с. 3–28]. Результаты последних исследований материалов из около 240 захоронений эпохи

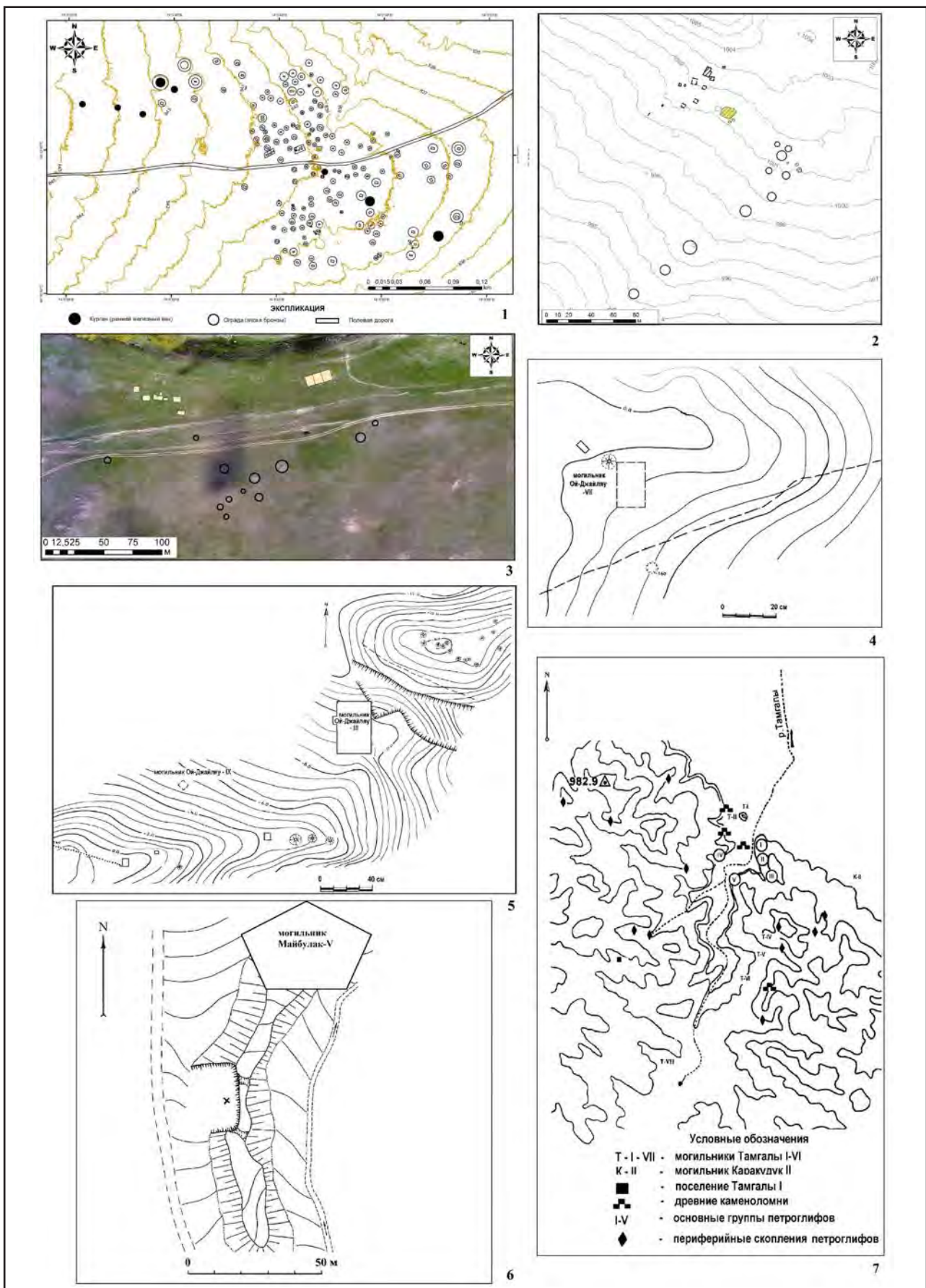

Рис. 2. Топографические планы могильников эпохи бронзы Хантауского транзитного коридора: 1 – Кожабала-I; 2 – Анрахай-I; 3 – Мадьярсай-I; 4 – могильник Ой-Джайляу-VII; 5 – могильники Ой-Джайляу-III и Ой-Джайляу-IX; 6 – Майбулак-V; карта археологических памятников урочища Тамгалы [по Рогожинскому, 1999].

бронзы (50 могил раскопано в рамках проекта) значительно увеличили объем данных, что позволяет пересмотреть вопросы хронологии памятников и заново систематизировать сведения о погребальных традициях древнего населения.

В рамках проекта в ходе естественнонауч-

ных исследований материалов из поселений и могильников эпохи бронзы Жетысу получены результаты радиоуглеродных анализов по костям и древесному углю, в том числе и могильника Кожабала-I Хантауского транзитного коридора.

Таблица 1

Результаты радиоуглеродного анализа материалов могильника Кожабала-I

Код	Конвенционный возраст	±	F14C	±	Календарный возраст (до н. э. – н. э.) (калиброванный)	Памятник и адрес	Материал
JKaz-04	3657	30	0.6343	0.0023	2136-1946 cal BC (95.4%)	Могильник Кожабала-1 Ограда 19. Погр. 1. Фр. длинных костей скелета.	Кость
JKaz-07	3577	30	0.6407	0.0024	2026-1877 cal BC (91.9%) 1841-1824 cal BC (2.3%) 1794-1783 cal BC (1.2%) 1812-1803 (1.4%) cal BC 1777-1663 (86.6%) cal BC	Могильник Кожабала-1 Ограда 21. Погр. 5. Фр. длинных костей скелета	Кость

Эти данные совместно с материалами ранее известных памятников урочищ Тамгалы и Ой-Джайляу [Рогожинский, 2011, с. 174, рис. 140] позволяют частично удревнить материалы прежних исследований памятников эпохи бронзы Хантауского региона. Мы можем утверждать, что развитие древних культур андроновского этапа бронзового века на территории Жетысу начинается с рубежа XX–XIX вв. до н. э., что подтверждается материалами поселений и могильников северных склонов Заилийского Алатау [Гаас, Горячев, 2016, табл. 1, 2]. Полученные данные позволяют определить функционирование могильников бронзового века в регионе в пределах XX/XIX–XIV вв. до н.э. с вероятным выделением двух этапов. Ранний – XIX–XVI вв. до н. э. – связан с традициями устройства цепочек каменных оград и сооружением отдельных семейных погребальных комплексов в виде двух крупных

оград с пристройками небольших конструкций детских подзахоронений. На позднем этапе – XV–XIV вв. до н. э. – семейные погребальные комплексы продолжают функционировать, трансформируясь к рубежу XIV–XIII вв. до н. э. в конструкции курганного типа, в том числе и с индивидуальными захоронениями. В позднем бронзовом веке (XIII–X вв. до н. э.) в регионе погребальные надмогильные сооружения представляли собой курганы-ограды и курганы.

Внутренняя структура могильников эпохи бронзы Хантауского транзитного коридора имеет также определенные отличия. Здесь отмечены надмогильные погребальные сооружения в виде крупных цепочек каменных оград, вытянутых как по оси север-юг, так и запад-восток, реже северо-запад – юго-восток (рис. 3). Они встречаются в наиболее крупных по численности погребальных памятниках Шу-

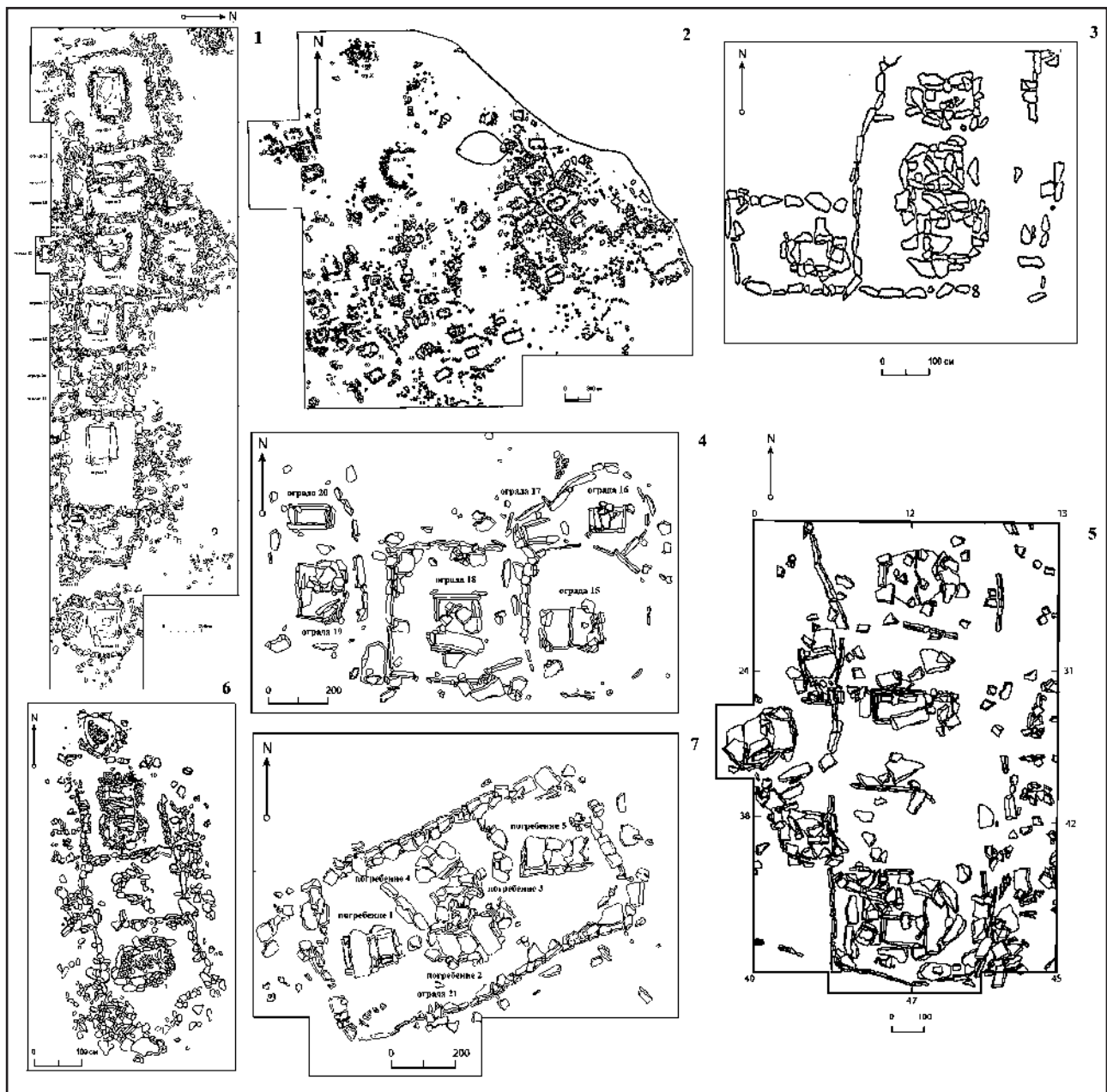

Рис. 3. Надмогильные конструкции раннеандроновских погребальных комплексов: 1 – Мадьярсай-I; 2 – Ой-Джайляу-III; 3 – Тамгалы-IIIб [по Рогожинскому, 1999]; 4, 7 – Кожабала-I, 7; 5 – Тесик-I; 6 – Ой-Джайляу-VII.

Илейских гор – Кожабала-I (Хантау), Тесик-I (Айтау), Согинды-I-III, Ой-Джайляу-III, VII и Мадьярсай-I (Киндыктас), Тамгалы-II, IV, VI (Анрахай).

На могильниках Ой-Джайляу-III и Тамгалы VI исследована серия сдвоенных цепочек каменных оград (84 и 25 погребальных конструкций). Особенностью последнего является устройство погребальных сооружений на коренной скальной породе, где часть могильных ям вырубалась прямо в скале. Внутри каждой цепочки ограда плотно сгруппированы и имеют общие стенки друг с другом. Размеры

оград от 1,5x1,2 м для детских захоронений до 6x4,5 м при погребении взрослых индивидуумов. Конструкции сооружены из крупных каменных плит, уложенных плашмя в 2–4 слоя и вкопанных на ребро. В отдельных случаях плиты, установленные на ребро внутри или снаружи оград подпирались плоскими плитами, уложенными плашмя (Кожабала-I). Высота оград достигает от 40–50 до 70–80 см (Мадьярсай-I). Внутри крупных оград по центру фиксируются одно или два захоронения в каменных могилах прямоугольной формы. С внешних сторон оград пристраивались ящи-

ки с захоронениями детей под каменными выкладками полукруглой формы, диаметром до 1,5 м.

Остальные представляют одиночные цепочки с пристроенными по краям детскими подзахоронениями. Размеры их варьируются от 8 (12)х4 (6,5) м до 30х7,5 м. Встречаются цельные конструкции оград, разделенных на 3–5 секций, внутри которых устроены 1–2 погребальных камеры, ориентированные по странам света или оси запад – восток, размеры отдельных оград могут достигать от 3,2х2,7 м до 5,4х4 м для прямоугольных и от 3,2х3,2 м до 3,7х3,7 м для квадратных. Ограды детских погребений представляли собой полукруглые конструкции максимальным диаметром около 1 м. В таких сооружениях устраивалось обычно от 4–6 до 28–30 могил. В некоторых случаях близ цепочек и групп оград располагались жертвенники. В комплексе Ой-Джайляу-VII жертвенник овальной формы, размерами 2,2х2 м, сложенный из крупных валунов, уложенных плашмя, располагался к северу от цепочки оград. В жертвеннике обнаружены кальцинированные кости мелкого рогатого скота мощностью слоя 20–25 см.

Группы каменных оград прямоугольной или квадратной (реже овальной или округлой) форм отмечены на тех же самых памятниках, что и предыдущие, в некоторых случаях они образуют отдельные кладбища (Ой-Джайляу-IX, Унгирли-I, Анрахай-I, Сункар-I, Тамгалы-I). В этом случае основу погребальной конструкции составляют одна или две могилы крупных размеров, заключенных в ограду (рис. 4: 1, 2, 6). Внутри ограды и за ее пределами организуются подзахоронения в погребениях меньших размеров. Параметры и устройство этих конструкций принципиально не отличаются от приведенных выше. В некоторых случаях по периметру центральной ограды пристраиваются еще несколько оград, которые используются стенки основной ограды как часть собственной конструкции. Таких оград может пристраиваться от 2–3 до 6, а число могильных сооружений достигает от 5–6 до 10–12. Большинство крупных могильников эпохи бронзы у северных склонов Заилийского Алатау организовано по тому же принципу.

Подобное устройство надмогильных конст-

рукций в других районах Жетысу отмечено в горной зоне Заилийского и Джунгарского Алатау [Марьяшев, Горячев, 1993, с. 5–19; Гасс, Горячев, 2016, с. 88]. Близкие аналогии этим погребальным конструкциям прослеживаются в материалах центрально-казахстанских могильников Айшрак, Былкылдык I и Шет I [Маргулан и др., 1966, с. 91, 95, 105, 107; Кадырбаев, Курманкулов, 1992, с. 86–89], которые относятся к алакульско-атасускому этапу развития культур эпохи бронзы Казахстана. Погребальные комплексы Заилийского Алатау в большей степени содержат материалы федоровско-нуринской культурной традиции.

Еще одним видом надмогильных сооружений эпохи бронзы региона являются курганы-ограды. Они представляют собой земляные насыпи округлой формы диаметром от 3 до 15–20 м, высотой от 20–30 см до 1–1,2 м. Встречаются и овальные курганные насыпи, размерами 8,5х5,5 м (Ой-Джайляу-VII). Однако основу таких насыпей составляют округлые ограды из плит, вкопанных на ребро и укрепленных плоскими камнями (рис. 4: 3–5, 7–9). При сооружении стенок ограды первоначально по ее контуру выкладывались камни мелких и средних размеров в 3–4 слоя, шириной от 20–30 см до 40–80 см. Крупные каменные плиты вкапывались перед каменной выкладкой, создавая крепиду кургана. Курганы-ограды содержат сооружения как с коллективными (Каракудук), так и с отдельными захоронениями (Кожабала-I). На могильниках Тесик-I и Ой-Джайляу-VII отмечены курганы-ограды обоих вариантов.

Устройство курганов-оград с округлой кольцевой выкладкой известны в материалах Жетысу среди могильников северных склонов Заилийского Алатау (Кызылбулак-I) и долины реки Коксу (Куйган-II и Талапты-II). Данные памятники содержат материалы преимущественно федоровской культурной традиции региона [Горячев, 2013, с. 6, рис. 3: 6; Рогожинский, 1999, с. 11, 13, 15, 29, 30; Марьяшев, Горячев, 1993, с. 15–17]. Аналогии надмогильным конструкциям подобных курганов-оград имеются в погребальных комплексах федоровско-нуринского этапа эпохи бронзы Центрального Казахстана – Карасай, Ботакара, Былкылдык II, Айшрак, Койшоқы II [Маргулан

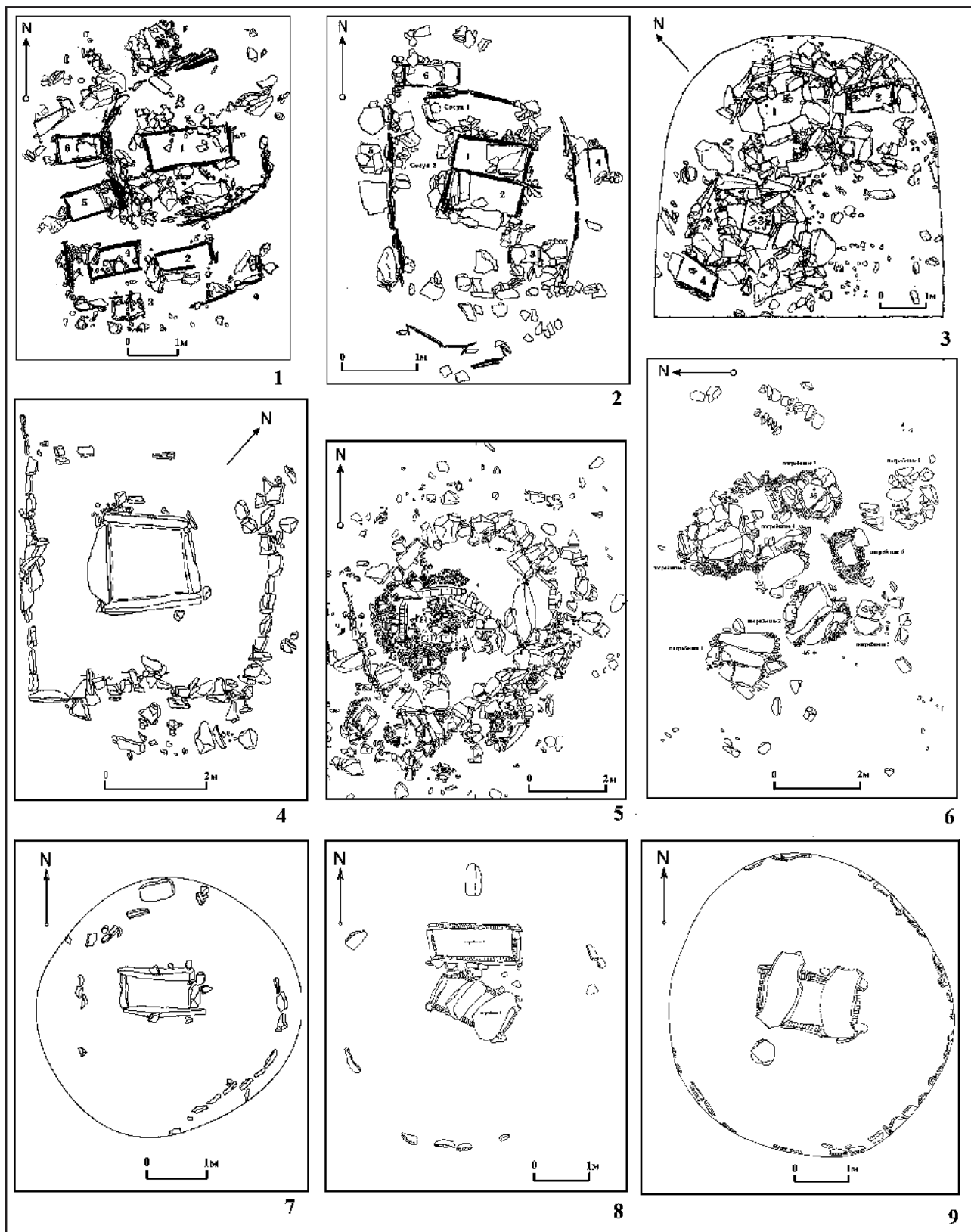

Рис. 4. Надмогильные конструкции позднеандроновских погребальных комплексов: 1–3 – Тамгалы-I и Тамгалы-IV [по Рогожинскому, 1999]; 4 – Ой-Джайляу-IX; 5, 6 – Ой-Джайляу-VII; 7–9 – Кожабала-I.

и др., 1966, с. 90, 98, 117; Кадырбаев, Курманкулов, 1992, с. 78, 82].

Основная группа погребальных камер на могильниках бронзового века Хантауского

транзитного коридора представлена прямоугольными каменными ящиками, цистами, реже грунтовыми ямами и их вариациями (рис. 5). Приоритет в данном регионе сохраняется за

конструкциями в виде каменного ящика – более 50% могил. Примерно четвертую часть исследованных погребений составляют цисты. Грунтовые могилы встречаются редко и в основном при детских или символических захоронениях. Значительную часть порядка 20 % представляют собой комбинированные варианты погребальных камер: ящик – циста, ящик – грунтовая яма и циста – грунтовая яма.

Ящики сложены из крупных каменных плит, вкопанных на ребро, перекрывались сверху 2–3 каменными плитами поперек погребения. Сверху дополнительно нередко фиксируется наброска из камней и плит мелких размеров. По периметру наиболее крупных ящиков фиксируется обкладка из камней мелких и средних размеров – «мантия» (рис. 5: 1, 8). Стенки каменных цист отличались сооружением из плит, уложенных плашмя (рис. 5: 2, 3). Другие конструктивные детали совпадают с ящиками, за исключением выкладок из мелких камней по периметру.

Практически все погребальные камеры в регионе ориентированы продольной стороной по оси запад-восток или юго-запад – северо-восток (рис. 5: 1–8). Размеры каменных ящиков и цист внутри оград от 100x80 см до 1,7x1,2 м, глубина захоронений варьируется от 50 до 70 см. Встречаются и более крупные могилы, размерами 200x150 см и глубиной захоронения 100 см. В могильнике Ой-Джайляу-III зафиксированы две овальные грунтовые ямы глубиной до 1,2 м, в которых отмечены захоронения взрослого и ребенка. Ограды вокруг таких погребений отличались тщательностью и высотой сооружения. Данные конструкции более характерны для погребений раннего железного века, а положение умерших для эпохи бронзы.

Интересные «трансформации» производились с погребальными камерами в результате ритуального «ограбления». В конструкции 2 могильника Ой-Джайляу-VII был выбран грунт на ширину каменной мантии до основания восточной стенки ящика. Ввиду этого восточная стенка могилы была повернута под углом 30°, в результате могила приобрела пентаугольную форму, размерами 1,4x1x 0,6x1,4x1,2м. Через образовавшийся проход в могилу с восточной стороны, шириной 60 см, вероятно, было

совершено ритуальное ограбление погребения (рис. 5: 1).

Захоронения детей производились в каменных ящиках и грунтовых ямах (рис. 5: 9–13). В детских захоронениях обычно одна плита накрывала могилу продольно, а поверх сооружалась наброска из более мелких камней. Размеры таких погребальных конструкций варьируют от 30x25 см с глубиной захоронения 20–30 см до 80x50 см с глубиной 50 до см. Ориентировка могил соблюдалась менее строго и зависела с какой стороны от крупной ограды сооружалась подобная конструкция.

Практически во всех крупных могильниках бронзового века помимо двух-трех погребений внутри одной ограды (Тамгалы-II, Кожабала-I, Тесик-I, Ой-Джайляу-VII) встречаются парные каменные ящики (Тамгалы-I, Ой-Джайляу-III, Тесик-I, Кожабала-I) или цисты со смежными стенками (Ой-Джайляу-VII), а в могильнике Кожабала-I отмечено тройной каменный ящик в ограде 19 (рис. 3–5). Судя по данным радиоуглеродного анализа данная группа захоронений относится к наиболее раннему этапу андроновских захоронений в регионе.

Определенной хронологической разницы между отдельными видами погребальных конструкций не наблюдается. Каменные ящики (Кожабала-I, ограда 19) и цисты (Ой-Джайляу-VII, конструкция 3) в наиболее ранних андроновских комплексах встречаются регулярно. Следует отметить, что цисты больше получают распространение в южной части Шу-Илейских гор, а ящики – в северных районах. Однако ближе к середине II тысячелетия до н. э. оба вида погребальных сооружений отмечены как внутри одних и тех же памятников, так и внутри отдельных оград (Ой-Джайляу-III и VII, Тамгалы II, IV, VI, Кожабала-I, Мадьярсай-I и Тесик-I). Грунтовые ямы отмечены либо в детских и символических захоронениях, либо на периферии погребальных комплексов андроновских могильников. Это косвенным образом может указывать на их более позднее появление в погребальных традициях местного древнего населения.

Общей особенностью некоторых каменных ящиков крупных погребальных комплексов региона является тот факт, что на могильниках Кожабала-I, Тесик-I, Мадьярсай-I и Ой-Джай-

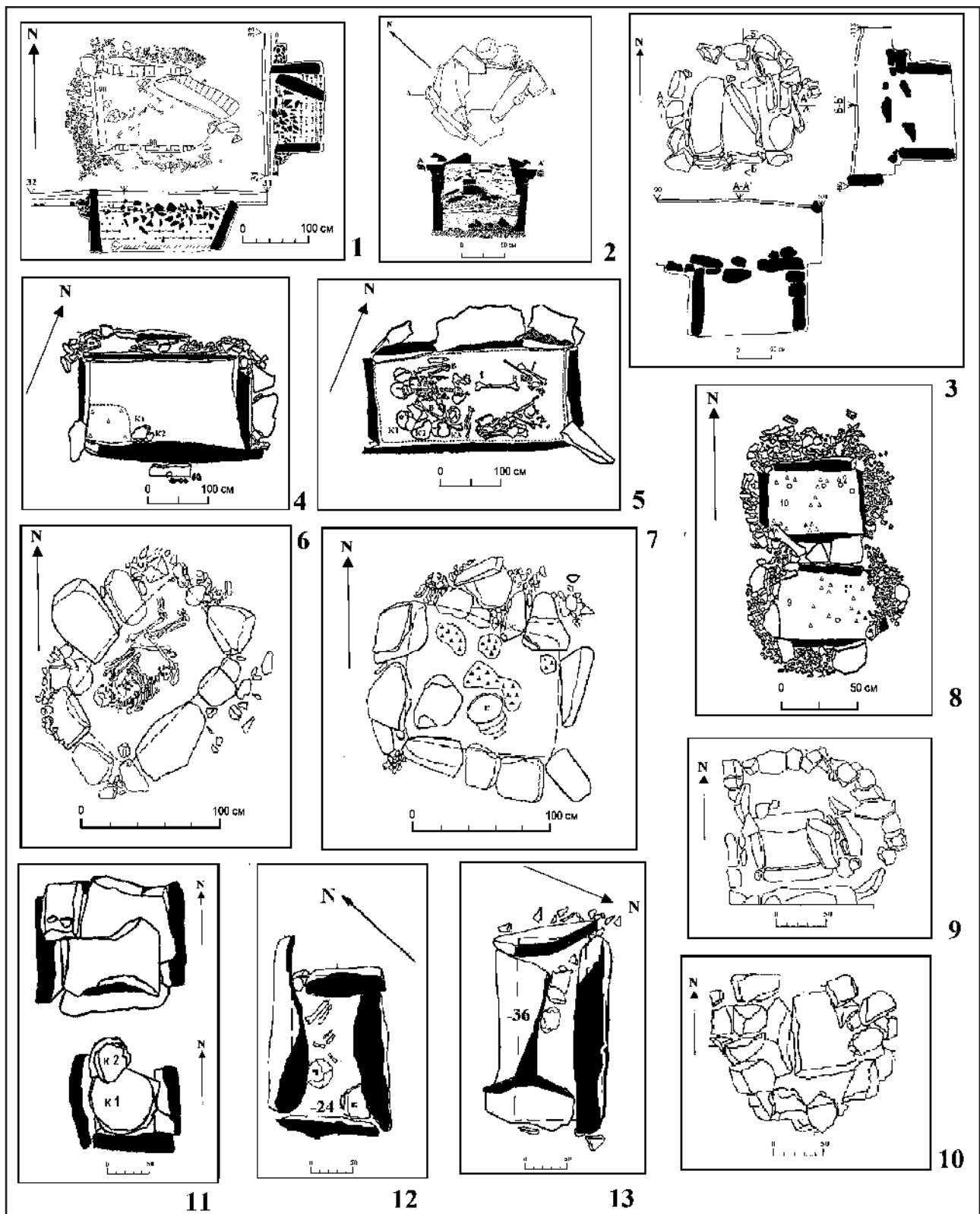

Рис. 5. Погребальные конструкции эпохи бронзы Хантауского транзитного коридора: 1, 8 – Ой-Джайляу-VII; 2 – Тамгалы-IV [по Рогожинскому, 1999]; 3, 9, 10 – Мадьярсай-I; 4–7, 12, 13 – Ой-Джайляу-III; 11 – Ой-Джайляу-IX.

ляу-III западные и восточные стенки могил явно возвышались над другими и были закопаны глубже северных и южных на 20–40 см. Это дает возможность предполагать, что погребения умышленно повторяли конструк-

цию детской колыбели – «бейсика». Эта традиция получила распространение среди могильников эпохи бронзы Шу-Илейских гор и связана, вероятно, с религиозными представлениями о перерождении души после смерти.

В погребальных конструкциях эпохи бронзы Хантауского транзитного коридора встречаются три обряда захоронения: труположения, трупосожжения и кенотафы (рис. 5: 1, 4–8). Здесь же отмечена традиция меловой посыпкой дна могил перед захоронением. В некоторых случаях поверх меловой посыпки фиксируется плотная забутовка из мелкого щебня. Заполнение могильных ям представляет собой рыхлая гуммированная супесь или просеянный суглинок. Иногда при захоронении могила засыпалась песком (Тесик-I, конструкция 1, погребение 6).

В большей части могил (70–80 % случаев) погребенные были захоронены по обряду труположения в скорченном виде, головой на запад (юго-запад). Вариации положения крайне редки. В могильнике Ой-Джайляу-III в могиле 46 один костяк найден в положении на спине, ноги согнуты в коленях. При захоронении взрослых обряд труположения встречается как в каменных ящиках или цистах, так и в грунтовых ямах (рис. 5: 5, 6), однако для каждого могильника их соотношение индивидуально. Сопутствующий материал в могилах взрослых более разнообразен и представлен керамической посудой (от одного до трех) и бронзовыми изделиями, инструментами и украшениями. В большинстве детских могил на дне также обнаруживаются истлевшие кости погребенных младенческого и раннего возраста. Перед лицом или за головой у них устанавливались керамические сосуды, накрытые каменной или керамической крышкой. В некоторых случаях вещевой материал отсутствовал (рис. 5: 12, 13).

Могилы с трупосожжениями также встречаются во всех видах погребальных камер (рис. 5: 4, 7, 8). Кремированные останки помещались обычно в западной и центральной части могилы кучно. В некоторых случаях форма скопления кремированных останков напоминает перевернутый керамический сосуд (Тамгалы-II, Ой-Джайляу-III). В погребении 2 могильника Ой-Джайляу-IX кремированные останки погребенного найдены в керамическом сосуде внутри погребальной камеры с параметрами для детских могил (рис. 5: 11). Захоронения кремированных останков детей единичны и пока известны только в материалах

могильников урочища Ой-Джайляу. Кремация умерших проходила при достаточно низких температурах за пределами могил. После чего кремированные и (или) обугленные останки скелетов помещались кучно в центральной части погребальной камеры. Чаще всего это были захоронения женщин. В погребальных комплексах хребтов Хантау, Анрахай и Киндыктас достаточно часто останки умерших хоронились после неполной кремации, где сохранялись длинные кости скелетов.

Погребальная традиция захоронения кремированных останков умерших в урнах внутри каменных ящиков отмечен в могильнике Тамгалы VI [Рогожинский 1999, с. 33, 37–38], где известно три таких случая. Подобный вариант захоронения в глиняной посуде на территории Жетысу известен в материалах могильника Кызылбулак I (2 случая) в ущелье Тургенъ Заилийского Алатау [Гаас, Горячев, 2016, рис. 13: 3, 4]. Среди комплексов сопредельных территорий известно одно захоронение в могильнике Шет-I из Сары-Арки [Кадырбаев, Курманкулов 1992, с. 90]. Среди других комплексов есть аналогии в группе погребений с трупосожжением раннего Тулхарского могильника в Южном Таджикистане [Мандельштам 1968, с. 96–108]. Обращает внимание размещение в могилах с кремацией керамики солярного обжига. Данные комплексы датируются позднеандроновским этапом и периодом общности культур валиковой керамики эпохи бронзы.

Кенотафы по своим параметрам и месту расположения в системе могильника соотносятся с детскими захоронениями. Всего было выявлено около 30 таких могил в каменных ящиках и грунтовых ямах. Вещевой материал либо отсутствовал, либо ставился один керамический сосуд в разных частях погребальной камеры. Наиболее значительное количество таких символических захоронений отмечено в могильниках урочища Тамгалы близ известного сакрального комплекса с петроглифами.

Детали погребального обряда в погребениях эпохи бронзы существенно разнятся в зависимости от пола, возраста и социального статуса погребенного (определение пола, возраста и принадлежность к Большой Европеидной расе погребенных произведено О.И. Ис-

магуловым и А.О. Исмагуловой в антропологической лаборатории НАН РК). Так, захоронения грудных детей и мальчиков детского возраста производились практически без сопровождающего инвентаря, за исключением керамических сосудов. Сосуды по своим параметрам разнообразны, как невыразительные и маленькие по размерам банки и горшки, так и хорошо проработанные по форме и украшенные геометрическим орнаментом горшковидные сосуды. Среди детских погребальных камер выделяются захоронения девочек детского и раннего подросткового возраста в могильнике Ой-Джайляу-III с набором бронзовых и пастовых бус и серьгой с раструбом. В обоих случаях сосуды представлены горшками, украшенные геометрическим орнаментом.

В могилах взрослых мужчин обычно встречаются бронзовые бусы в районе щиколоток ног, предметы оружия и инструменты. Однако на могильнике Ой-Джайляу-III было обнаружено захоронение мужчины в возрасте 25 лет с набором типично женских украшений: браслеты и бронзовые бусы на руках (могила 46). Керамическая посуда, устанавливаемая в изголовье, по форме банки и горшки, иногда проработана даже хуже, чем в погребениях детей, изредка орнаментирована по венчику и шейке. Размеры ее значительно крупнее, чем во всех других захоронениях.

Наиболее разнообразный вещевой материал встречается в могилах с захоронением взрослых женщин. В основном это украшения в виде бронзовых браслетов, височных колец, наконечников, нашивных бляшек, серег с раструбом, бронзовых и пастовых бус. Керамические сосуды – горшки, обнаруживаются в изголовье, чаще всего богато орнаментированы.

Распространенным явлением в погребальных традициях региона были парные захоронения, не только в смежных каменных конструкциях, но и в одной могиле как по обряду труположения, так и после кремации (рис. 5: 5, 7, 8). Чаще всего совместно хоронили мужчину и женщину в возрасте от 17–18 до 40–50 лет. Такие погребения найдены во всех крупных могильниках региона от северных склонов Заилийского Алатау до гор Хантау. В могильнике Ой-Джайляу-III отмечены два

случая захоронения мужчин в одной могиле (могилы 25 и 46), причем в одном варианте мужчина 20-ти лет имел типичный набор женских украшений и был погребен рядом со стариком 50–55 лет.

Отмечены случаи совместного захоронения по обрядам трупосожжения и труположения в могильниках Кожабала-I и Мадьярсай-I. На территории Жетысу она более известна в памятниках северных склонов Заилийского Алатау в памятниках кульсайского типа федоровско-нуринской культурной традиции андроновской общности [Гаас, Горячев, 2016, рис. 13]. Сочетание обряда трупосожжения и труположения в Хантауском регионе чаще встречается в разных могилах одной погребальной конструкции. Подобные традиции известны в памятниках эпохи бронзы в памятниках степной зоны Центральной Азии [Кадырбаев, 1974, с.21, табл. 1; Зданович, 1970, с. 155, 156; Молодин, 1985, с. 109; Вадецкая, 1986, с. 49].

Следует отметить, что большинство захоронений как с трупосожжениями, так и труположения на могильнике «ограблены» в древности. Почти во всех погребениях были разрушены верхние части скелетов. При этом они были собраны кучно в центральных частях погребений. Обряд захоронения чаще всего улавливается по не потревоженным костям ног. В большинстве случаев полностью отсутствуют черепа скелетов, либо они фиксируются во фрагментарном состоянии. По нашим данным часть этих ограблений носили преднамеренный характер и, вероятно, являлись элементом погребально-поминального ритуала, так как следы «ограбления» зафиксированы внутри некоторых полностью закрытых погребальных камерах. У большинства каменных ящиков полностью или частично отсутствуют плиты перекрытия, но заполнения погребальной камеры представляет собой цементированную массу суглинка с песком, что исключало доступ к погребению без явных следов разграбления могилы.

Среди всех погребальных памятников Хантауского транзитного коридора особо отличаются могильники Тамгалы-I и II, расположенные у входа в урочище с известным петроглифическим комплексом. Разнообразие тра-

диций погребальной обрядности, значительное количество кенотафов позволяют считать данные захоронения принадлежавшими разным родоплеменным группам, для которых святилище Тамгалы было своеобразным религиозно-культурным центром. Анализ материалов из близлежащих микрорайонов, позволяет предположить, что захоронения на этих памятниках умерших или их мощей могли перемещать из округи в пределах 100–120 км практически со всей территории региона.

По результатам предыдущих исследований, данные могильники напрямую связаны с комплексом петроглифов [Марьяшев, Горячев, 1993; 2002; Рогожинский, 1999, 2011]. Это существенно определило их топографическую ситуацию. Оба могильника расположены к северу от центра святилища. Подобная позиция определяется отношением к северу как «стране мертвых», что фиксируется как в фольклоре евроазиатских народов, так и их топонимике [Сембин, 1999, с. 97–102]. Расположение у подножия одиночной сопки вполне могло определять вертикальную позицию «мира мертвых», если допустить, что сопка была прообразом «Мировой горы».

Символизм был присущ древним строителям этих кладбищ не только в выборе места, но и в сооружении погребальных конструкций, и в традициях захоронения. Именно здесь символические захоронения (кенотафы) составляют до 50% погребальных сооружений. Вариативность обряда захоронения в рамках одного погребального сооружения (труположение, трупосожжение, кенотафы и свидетельства о возможном вторичном захоронении отдельных неполных костных останков) только усиливают впечатление об их особом статусе. Так, ограда 2 на могильнике Тамгалы-I своими контурами напоминает знак колесницы, запечатленный в петроглифах этого же урочища. Подобная усложненная знаковость погребальных конструкций также существенно отличает эти могильники от обычных рядовых кладбищ эпохи бронзы региона.

Погребальный инвентарь могильников эпохи бронзы Хантауского транзитного коридора представлен керамической посудой и бронзовыми инструментами, изделиями и украшениями, а также пастовыми бусами. Кера-

мический материал представлен коллекцией из свыше 200 сосудов горшковидной и баночной форм, а также в виде миски (рис. 6, 7). Посуда изготовлена ленточным способом на твердой основе. Тесто хорошей отмучки с примесью мелкого речного песка, органики, дресвы и реже шамота. Поверхности фрагментов имели пятнистую окраску, а также различную степень прокаленности стенок, и обожжены в восстановительной атмосфере. Общие формы посуды демонстрируют приземистые сосуды с высокой или короткой шейкой с открытым устьем с четко или слабо выраженным уступчиком и плавно профилированным либо ребристым плечиком (рис. 6: 1–40). В материалах погребальных комплексов урочищ Кожабала и Ой-Джайляу отмечена ребристая горшковидная посуда с низкими и высокими поддонами (рис. 6: 29–34). Среди керамики баночных форм встречаются приземистые сосуды со слегка раздутым туловом и более высокими прямыми стенками (рис. 6: 41–52). Миски представлены только в материалах могильников урочища Тамгалы (рис. 6: 53).

Орнаментированная посуда составляет менее 10% от общего числа погребальной керамики (рис. 7). Среди элементов орнамента на ней встречаются зигзагообразные линии, меандры, ряды треугольников с косой штриховкой вершинами вверх, горизонтальные «ромбики», горизонтальные «елочки», «уточка», каннелюры, ногтевые вдавления и насечки. Зональное деление орнамента по шейке, по плечу и в придонной части четко прослеживается лишь в сосудах, орнаментированных геометрическим штампом. У остальных сосудов орнамент наносился только по плечу. Наиболее характерная техника нанесения орнамента – гребенчатый штамп, реже – заостренной палочкой или ногтевыми вдавлениями.

Производство керамической посуды на территории Жетысу было достаточно стандартизировано. Подобные формы были широко распространены и в Шу-Илейском регионе, и в предгорной и горной зоне Заилийского и Джунгарского Алатау [Марьяшев, Горячев, 1993, с. 5–19; Гаас, Горячев, 2016, с. 85–123]. Керамика с подобными признаками достаточно широко распространена в материалах алакульско-атасуских и федоровско-нуринских

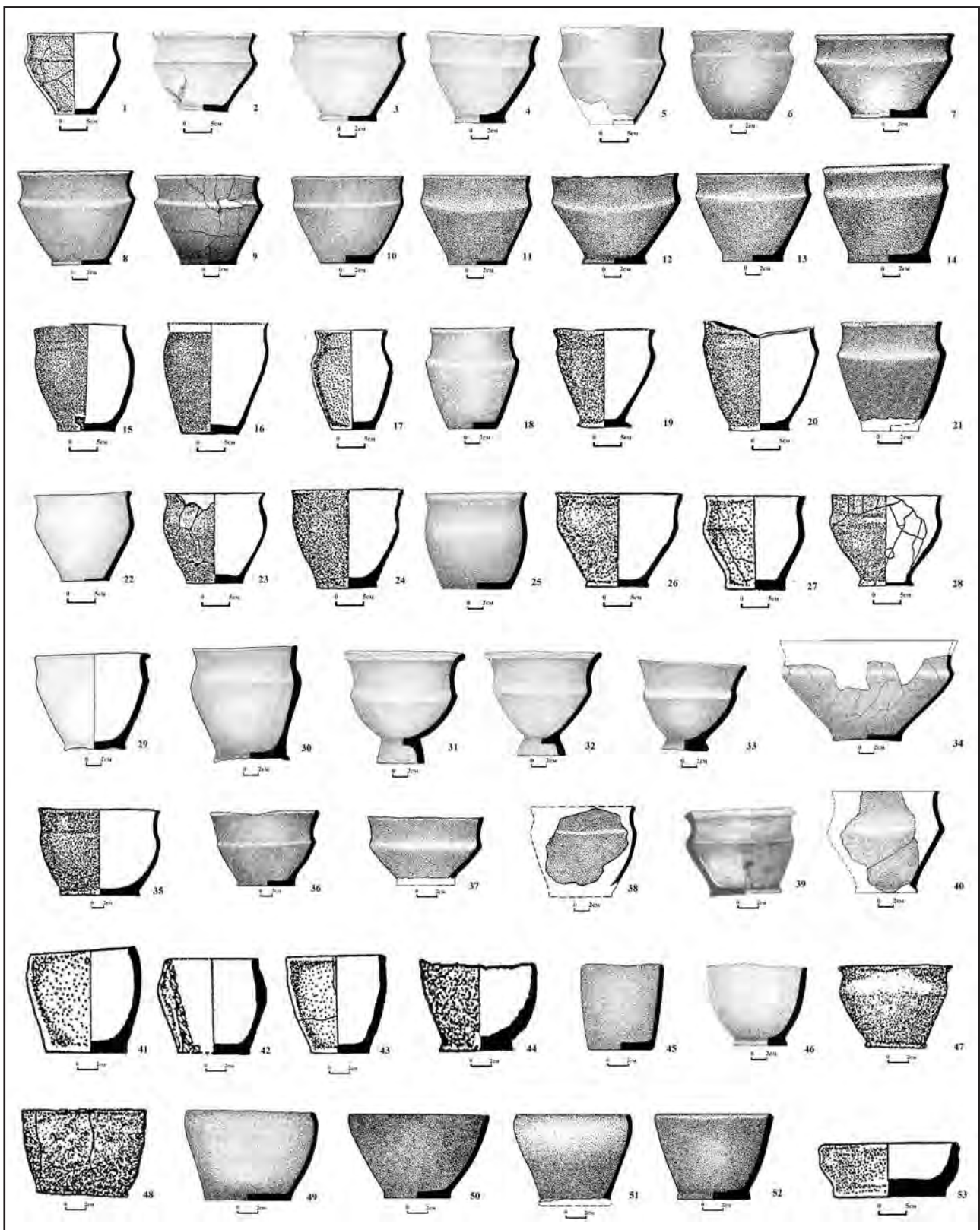

Рис. 6. Неорнаментированная керамика из погребальных комплексов Хантауского транзитного коридора: 1, 15–17, 19, 20, 22–24, 26–29, 35, 39, 41–44 – Ой-Джайляу-III; 2–4, 30–33, 47, 48 – Ой-Джайляу-VII; 7–14, 21, 36–38, 40, 50–52 – Мадьярсай-I; 5, 6, 18, 25, 34, 45, 49 – Кожабала-I; 53 – Тамгалы-I [по Рогожинскому, 1999].

комплексах Центрального и Восточного Казахстана [Маргулан и др., с. 11, 115; Кадырбаев, Курманкулов, 1992, рис. 37, 66, 84; Черников,

1960, с. 88]. В своей работе по типологии форм сосудов Е.Е. Кузьмина соотносит их с алакульскими и федоровскими традициями

центрально-казахстанского керамического производства андроновского этапа эпохи бронзы [Кузьмина, 1986, с. 152–182].

Естественные научные исследования почв из керамической посуды в захоронениях бронзового века региона, проведенные в лаборатории ИГН им. К.И. Сатпаева (д.г.н. С.А. Нигматова), показали отсутствие в ней растительной пищи. Палинологическое изучение почв позволило предположить, что в них находились вода, молоко или бульон. Некоторые сосуды могли заполняться грунтом уже в процессе захоронения.

В коллекцию вещевого материала входят бронзовые браслеты, серьги с раструбом, серия подвесок различных форм, обоймы, накладки, нашивные бляшки различной конфигурации, изделия хозяйственного и военного назначения, серии ниток бронзовых и пастовых бус (рис. 8, 9). Результаты эмиссионного спектрального анализа металлических изделий показали, что они относятся к категории оловянных бронз с разным процентным содержанием меди, олова и примесей. Подобные различия отражают состояние местной горнорудной базы и разнообразие технических приемов и технологий производства бронзы в регионе. Это дает нам основание предполагать, что некоторые из них, вероятно, могут свидетельствовать о заимствовании традиций производства металла у мастеров кузнечного ремесла Центрального Казахстана, где технологии производства оловянных бронз были развиты несколько ранее [Берденов, 1998, с. 180–190; Маргулан и др., 1966, с. 269; Кадырбаев, Курманкулов, 1992]. Анализ этих вещей позволяет существенно уточнить датировку могильника в системе относительной хронологии памятников подобного круга.

Интерес вызывают серьги с раструбом, обнаруженные в материалах могильников урочища Тамгалы, Ой-Джайляу-III и Мадьярсай-I в горах Киндыктас и Каргалы-I у северных склонов Заилийского Алатау (рис. 8: 1–7). Технологически они подразделяются на литые и кованные из металлического прута. Один конец изделия заострялся, другой расковывался и сворачивался в раструб или «розочкой» как в могильнике Мадьярсай-I. Такие серьги известны по всему андроновскому ареалу от

Рис. 7. Орнаментированная керамика из погребальных комплексов Хантауского транзитного коридора: 1, 2, 5, 8, 11, 15, 17 – Ой-Джайляу-III; 3, 6, 9, 14, 16 – Кожабала-I; 4, 7, 10, 13 – Тамгалы-I, II, VI [по Рогожинскому, 1999]; 12 – Каргалы-I.

урало-казахстанских степей до Алтая и Южной Сибири и являются особенностью женских украшений федоровских племен андроновской культурно-исторической общности [Усманова, 2010, с. 161; Аванесова, 1991, с. 53, рис. 1: 5–12; Зданович, 1988, с. 170]. На территории Хантауского транзитного коридора они являлись обязательным атрибутом погребального костюма и маркером половозрастного статуса погребенной [Горячев, Чернов, 2017, с. 9–11].

Бронзовые браслеты со спиралевидными окончаниями, которые являлись атрибутом инвентаря при захоронении женщин, зафиксированы в могильниках Кожабала-I гор Хантау, Ой-Джайляу-III и Мадьярсай-I хребта Киндыктас (рис. 8: 8–11). Они изготовлены из

Рис. 8. Металлические украшения эпохи бронзы из погребальных комплексов Хантауского транзитного коридора: 1, 6, 14–18, 39, 40, 54, 55, 58–60 – Каргалы-I; 2, 3, 12, 13, 21, 22, 56 – Тамгалы-I, II, VI [по Рогожинскому, 1999]; 4, 5, 8, 9, 19, 20, 41, 57 – могильник Ой-Джайлю-III; 7, 11, 23–38, 42–44 – могильник Мадьярсай-I; 10, 71–80 – Кожабала-I; 45–52 – Тесик-I; 61–70 – Ой-Джайлю-VII.

желобовидных пластин, свернутых в неполное кольцо. Концы украшений увенчаны спиралью плоской или высокой конической формы с обеих сторон, из которых первые относятся к алакульской традиции, вторые – к федоровской [Аванесова, 1991, с. 68, 69]. Подобные браслеты известны в материалах различных могильников Центрального Казахстана [Маргулан и др., 1966, с. 84, 86; Маргулан, 1979, с. 316, рис. 229], Урала и Притоболья [Потемкина, 1985, рис. 88: 10, 11; Зданович, 1988, с. 169, 170].

Другую серию украшений представляют серьги со спиралевидными окончаниями, колец и кольцевидных подвесок (рис. 8: 12–18, 21, 22). Серьги со спиралевидными завитками соответствуют по формам волют на браслетах, известных в федоровских комплексах Средней Азии, Центрального Казахстана и Западной Сибири [Усманова, 2010, с. 144, рис. 133: 1; Аванесова, 1991, с. 57, 58]. Кольца и кольцевидные подвески изготавливались простым сгибанием бронзовой проволоки, что известно еще в материалах ранней бронзы Центральной Азии. Аналоги хантауским изделиям встречаются в погребениях эпохи бронзы Южного Зауралья, Казахстана и Сибири [Аванесова, 1991, с. 56; Маргулан и др. 1966, с. 138; Потемкина, 1985, с. 211; Максименков, 1978, рис. 46–57].

Распространенную категорию бронзовых украшений составляют желобчатые сердцевидные подвески и серьги-подвески в 1,5–2 оборота. Именно эти изделия чаще всего в регионе плакированы золотой фольгой (рис. 8: 19, 20, 26–38, 50–53). Подобные подвески являются частью головных украшений в материалах бронзового века по всей степной Евразии. Они встречаются как в алакульских, так и федоровских погребениях андроновского ареала, где в каждом регионе имели свои несущественные отличия [Аванесова, 1991, с. 53, 54, рис. 43; Куприянова, 2008, с. 24–26, рис. 13; Усманова, 2010, с. 64]. На территории Хантауского региона они могли применяться еще и как клипсы [Горячев, Чернов, 2017, с. 5–24].

Также украшением головного убора женщин являлись, обнаруженные на могильнике Мадьярсай-I, конические декоративные подвески, две из которых плакированы золотой фольгой (рис. 8: 23–25). Похожей формы подвеска известна из могильника Алыпкаш в Северном

Казахстане [Куприянова, 2008, с. 199, рис. 10: 10]. В эпоху бронзы рубчатый рельефный декор применялся в пронизях, использовавшихся в качестве декора одежды в памятниках андроновского круга, но точные аналогии не встречаются, что предполагает местную традицию подлобных украшений [Куприянова, 2008, с. 30, рис. 19; Усманова, 2010, с. 159, рис. 166].

Существенным элементом головных и наконечных украшений в регионе являлись бронзовые обоймы (рис. 8: 39–42). Они хорошо известны в материалах могильников синташтинско-петровской и алакульской культур бронзового века Казахстана [Усманова, с. 159, рис. 165]. Однако в Хантауском регионе зафиксированы три декоративные обоймы (Мадьярсай-I – две, Тесик-I – одна), плакированные золотой фольгой и украшенные геометрическим рельефным орнаментом (рис. 8: 43, 44, 49). Такие обоймы с геометрическим орнаментом не известны пока в материалах бронзового века Средней и Центральной Азии. Характер орнаментации на данных изделиях близок декору нашивных бляшек женского головного убора [Усманова, 2010, с. 91–93] и бронзовых обойм на территории Южного Зауралья и Северного Казахстана [Куприянова, 2008, с. 29, рис. 18: 1–3]. Но наиболее близкие аналогии этим узорам прослеживаются в лапчатых подвесках федоровской культурной традиции [Аванесова, 1991, рис. 48]. На наш взгляд, эти декоративные изделия демонстрируют художественные традиции ювелирного искусства эпохи бронзы Хантауского региона.

Яркую группу металлических изделий в погребениях Хантауского транзитного коридора представляют нашивные плоские и выпуклые бляшки и накладки (рис. 8: 45–48, 54–80). Среди них выделяется группа крупных бляшек овальной формы из могильника Тесик-I (рис. 8: 45–48). Изделия изготовлены из тонкого бронзового листа, размерами от 3,2x2,3 см до 4,3x3,4 см и имеют пуансонный орнамент по периметру. Они близки серии округлых плоских и выпуклых бляшек из разных могильников региона, которые минимум в 1,5–2 раза меньше этих. В памятниках андроновского ареала подобные изделия (все соразмерные бляшки имеют обязательно округлую форму) нам не известны и, вероятно, могут являться местной

вариацией распространенного вида украшения одежды (рис. 8: 54–57).

Другая серия нашивных выпуклых бляшек с петелькой вместо отверстий, которая предполагает их использование в качестве пуговиц или деталей наконечников украшений, известна по аналогиям в материалах Центрального и Северного Казахстана [Усманова, Логвин, 1998, рис. 17: 7, 13]. Расположение перемычек в сферических пуговицах предполагает привязывание их к одежде кожаным шнурком-ремешком, что было характерно для нагрудных украшений федоровской традиции [Аванесова, 1991, рис. 49]. Подобные бляшки известны и в карасукской культуре и синхронных ей культурах позднебронзового века Центральной и Средней Азии [Кузьмина, 1966, с. 69]. Однако на могильнике Ой-Джайляу-VII эти бляшки найдены в одном комплексе со шпилькой-булавкой со спиралевидными завитками, которую специалисты относят к андроновскому периоду и считают принадлежностью к категории нагрудных украшений [Аванесова, 1991, с. 64].

Следующую группу составляют плоские фигурные бляшки из погребений могильника Кожабала-I в горах Хантау (рис. 8: 71–80). Их именуют лапчатыми подвесками, которые были составной частью шейных, наконечников, нагрудных украшений и обуви [Усманова 2010, рис. 48]. Они хорошо известны в разных культурных традициях бронзового века, а их происхождение связывается с развитием украшения одежды и обуви культур энеолита и ранней бронзы Передней и Средней Азии [Кузьмина, 1966, с. 76].

Предметы вооружения и бытовые инструменты в захоронениях эпохи бронзы Хантауского транзитного коридора встречаются редко и представлены фрагментом наконечника стрелы, бритвой, наконечником копья и иглой. Бронзовый наконечник стрелы из могильника Кожабала-I (рис. 9: 1) литой, втульчатый листовидной формы по способу изготовления и форме наиболее распространен в центрально-азиатских памятниках позднеандроновского периода (XV–XIII вв. до н. э.) с доминирующими федоровскими культурными традициями производства оружия [Аванесова, 1991, табл. 39]. Пластинчатая бронзовая бритва из могильника

Тамгалы VI (рис. 9: 2) известна в материалах Южного Зауралья и Северного Казахстана, где также датируется серединой II тыс. до н. э. [Аванесова, 1991, с. 30, рис. 35: 1–7; Рогожинский, 1999, с. 40].

В погребении 6 могильника Мадьярсай-I (рис. 9: 9) найден литой черешковый лаврово-листной формы наконечник копья с перекрестием. Такие изделия по форме относятся к варианту кинжалов и встречаются как в комплексах андроновской общности (ближе алакульский вариант), так и в период поздней бронзы [Аванесова, с. 23–25, рис. 22: 16, рис. 23: 26, 27; Кузьмина, 1994, с. 428]. Однако высокие выпуклые ребра жесткости с округлой кромкой более характерны для колющих предметов вооружения – наконечников копий и дротиков. Но подобные формы копий не отмечены в памятниках андроновского круга Казахстана. Можно предположить, что местный мастер искусно симитировал распространенную в регионе форму ножей, распространенных как в раннеандроновский период, так в середине II тысячелетия до н. э. В этом же комплексе была найдена большая бронзовая швейная игла (рис. 9: 10). Ближайшие аналогии ей известны в материалах поселения Бутақты-I у северных склонов Заилийского Алатау, датируемых в пределах XVII–XIV вв. до н. э. [Горячев, Мотов, с. 38, 44].

Наиболее массовым металлическим инвентарем погребений эпохи бронзы в регионе являются бронзовые бусы биконической и прямоугольной форм (рис. 9: 5–8, 11–14). Они изготавливались из бронзовой проволоки и являлись важным элементом декора одежды племен эпохи бронзы Центральной и Средней Азии [Аванесова, 1991, рис. 61]. В материалах захоронений вместе с бронзовыми встречаются пастовые (глиняные, фаянсовые) бусы продолговатой формы ребристого типа (рис. 9: 15–17). Пастовые бусы отличаются друг от друга цветовой гаммой: белый, голубой и зеленоватый оттенки. Ими обшивались по периметру обшлага рукавов, края платьев и наружная поверхность обуви. Чаще всего оба вида инвентаря представляли собой нитки до нескольких десятков однотипных бусин, что характерно как для федоровских захоронений на территории Жетысу [Гаас, Горячев, 2016, рис. 5, 10], так и

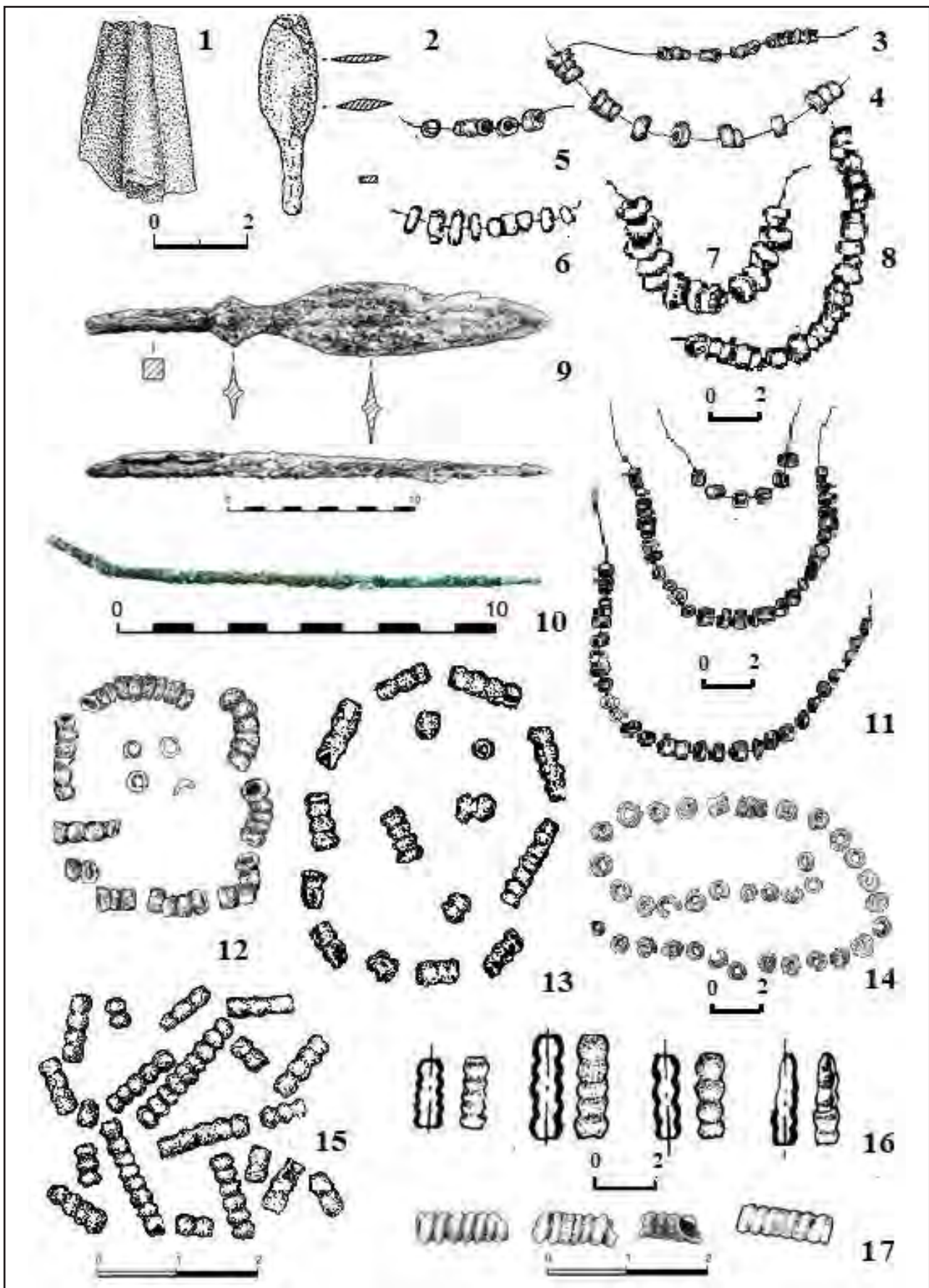

Рис. 9. Бронзовые и пастовые бусы, предметы вооружения и бытовые изделия эпохи бронзы из погребальных комплексов Хантауского транзитного коридора: 1, 12 – Кожабала-I; 2, 6–8 – Тамгалы-I, II, IV, VI [по Рогожинскому, 1999]; 3, 5, 11, 13–15 – Ой-Джайляу-III; 4 – Каргалы-I; 9, 10, 17 – Мадьярсай-I; 16 – Ой-Джайляу-VII.

для алакульских могильников Центрального Казахстана и Южного Зауралья [Усманова, 2010, с. 147–148]. В реконструкциях костюма андроновского времени на территории Казахстана бусинами обшивались обшлага рукавов, края платьев и наружная поверхность обуви.

Вещевой и керамический материал всех могильников Хантауского транзитного коридора достаточно разнообразен по формам и технологиям изготовления, однако вполне традиционен для различных комплексов эпохи бронзы Жетысу. Сочетание признаков алакульской и федоровской культурных традиций андроновской культурно-исторической общности является не только хорошим хронологическим репером, но с учетом структурной организации могильников может помочь в реконструкции процесса заселения племенами бронзового века территории Жетысу.

Ранее проведенные исследования погребальных традиций показали, что погребальные памятники Хантауского транзитного коридора имеют целый ряд общих черт, это позволяет объединить их в общую культурную традицию, которая имеет свои региональные отличия в структуре комплексов в целом, в организации могильников и обряде захоронения. Эти особенности отличают могильники региона от памятников эпохи бронзы Джунгарского Алатау и Северного При Тяньшанья [Горячев, 2013, с. 3–28]. Характер погребальных традиций бронзового века населения двух соседних регионов свидетельствует о значительной степени социально-экономических и этнокультурных взаимосвязей между ними, что делает дальнейшие исследования перспективными.

В эпоху бронзы интенсивные контакты древнего населения Центрального Казахстана и Жетысу способствовали формированию

у населения смешанных алакульско-федоровских культурных традиций. Они характеризуются наличием в материалах смешанных признаков двух культурных доминант – пришлой алакульской-атасуской и местной федоровско-нуринской, составлявших основу андроновской культурно-исторической общности на территории Казахстана.

Материалы археологических раскопок показали, что памятники региона относятся как к раннему этапу освоения данного микрорайона племенами андроновской культурно-исторической общности (XIX–XVI вв. до н. э.), так и к позднеандоновскому времени (XV–XIV вв. до н. э.). Начальный этап андроновских могильников в Шу-Илейских горах связан с устройством длинных цепочек каменных оград и сооружением отдельных семейных погребальных комплексов в виде двух крупных оград с пристройками небольших конструкций детских подзахоронений. На позднем этапе он трансформируется в создание коллективных и индивидуальных курганов и оград. Однако существенным образом погребальные традиции изменений не претерпели.

Дальнейшее развитие хозяйственных и социокультурных процессов в регионе привели к формированию бегазы-саргаринских культурных традиций древнего населения в условиях, когда Хантауско–Шу-Илейский регион становится одним из центров металлургического производства Северного При Тяньшанья. Нарботанные тысячелетиями совместного хозяйственно-культурного освоения степной зоны Казахстана миграционные маршруты Хантауского транзитного коридора продолжают активно функционировать и в раннем железном веке, что подтверждается археологическим материалом регионов.

ЛИТЕРАТУРА

- Аванесова Н.А. Культура пастушеских племен эпохи бронзы азиатской части СССР (по металлическим изделиям). Ташкент: Изд-во «ФАН», 1991. 200 с.
- Берденов С.А. Казахстанская горно-металлургическая область // Вопросы археологии Казахстана. Алматы, Москва: «Гылым», 1998. Вып. 2. С. 180–190.
- Вадецкая Э.Б. Археологические памятники в степях Среднего Енисея. Л.: Наука, 1986. 180 с.
- Воякин Д.А., Горячев А.А., Ильин Р.В., Дуйсебаева Т.Н. Археологические комплексы эпохи палеометалла в горах Хантау // Материалы международной научно-методической конференции «XI Оразбаевские чтения» по теме «Семь граней Великой Степи и актуальные вопросы археологии и этнологии Евразии». Алматы: «Қазақ университеті», 2019. С. 126–132.
- Гасс А., Горячев А.А. К вопросу о типологии и хронологии могильников эпохи бронзы в высокогорной зоне Заилийского Алатау // Вестник НГУ. Серия история, филология. 2016. Т. 15, № 5. С. 85–123.
- Генинг В.Ф., Журавлева Г.Н. Классификация вещевого комплекса могильника Нырғында II: застежки и съемные украшения // Поволжская археология. 2019. № 1 (27). С. 150–163.
- Горячев А.А. Новые материалы по погребальной обрядности эпохи бронзы из могильника Ой-Джайляу-VII в горах Киндыктас // Вестник КазНУ им. Аль-Фараби. Серия историческая. Алматы, 2010. С. 191–202.
- Горячев А.А. О погребальных традициях племен эпохи бронзы Шуилийских гор // Известия НАН РК. Серия обществ. и гум. наук. 2013. № 3. С. 3–28.
- Горячев А.А. Некоторые итоги и перспективы изучения памятников эпохи бронзы на северных склонах Заилийского Алатау и в Шуилийских горах // Восхождение к вершинам археологии / Сборник материалов международной научной конференции «Древние и средневековые государства на территории Казахстана», посвященной 90-летию со дня рождения К.А. Акишева, 22–24 мая 2014 года. Алматы: «Хикари», 2014. С. 84–92.
- Горячев А.А., Мотов Ю.А. Археологический комплекс Бутакты-I. Алматы: KazBookTrade, 2018. 264 с.
- Горячев А.А., Потапов С.А., Ильин Р.В. Результаты археологической разведки древних памятников в горах Хантау, Айтау и Киндыктас // Археология Казахстана. № 1 (7). 2020. С. 25–48.
- Горячев А.А., Чернов М.А. Металлический инвентарь из погребальных комплексов эпохи бронзы Жетысу // Известия НАН РК / Серия общественных и гуманитарных наук. Алматы, 2017. № 1 (311). С. 5–24.
- Зданович Г.Б. Бронзовый век Урало-Казахстанских степей. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1988. 184 с.
- Зданович С.Я. Могильник эпохи бронзы Бурлук I // По следам древних культур Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1970. С. 154–163.
- Кадырбаев М.К. Могильник Жыланды на реке Нуре // В глубь веков. Алма-Ата: Наука, 1974. С. 24–45.
- Кадырбаев М.К., Курманкулов Ж. Культура древних скотоводов и металлургов Сары-Арки. Алма-Ата: Гылым, 1992. 250 с.
- Карабаспакова К.М. Жетысу и Южный Казахстан в эпоху бронзы. Алматы: «Бегазы-Тасмола», 2011. 220 с.
- Ковтун И.В. Андроновский могильник Кожа-Бала // Археология, этнография и музейное дело. Кемерово: Никалс, 1999. С. 27–31.
- Кузьмина Е.Е. Металлические изделия энеолита и бронзового века в Средней Азии. // Археология СССР. САИ, выпуск В4-9. М: Наука, 1966. 150 с.
- Кузьмина Е.Е. Гончарное производство у племен андроновской культурной общности // Восточный Туркестан и Средняя Азия в системе культур древнего и средневекового Востока. М.: Наука, 1986. С. 152–182.

- Кузьмина Е.Е. Откуда пришли индоарии? Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев. М.: Наука, Вост. лит., 1994. 464 с.
- Куприянова Е.В. Тень женщины: Женский костюм эпохи бронзы как «текст»: (по материалам некрополей Южного Зауралья и Казахстана). Челябинск: АвтоГраф, 2008. 244 с.
- Максименков Г.А. Андроновская культура на Енисее. Л.: Наука, 1978. 190 с.
- Максимова А.Г. Могильник эпохи бронзы в урочище Каракудук // Новые материалы по археологии и этнографии Казахстана. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1961. Т. 12. С. 62-71.
- Маргулан А.Х. Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана. Алма-Ата: Наука КазССР, 1979. 360 с.
- Маргулан А.Х., Акишев А.К., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1966. 436 с.
- Марьяшев А.Н., Горячев А.А. Археологические памятники эпохи бронзы урочища Ой-Джайляу (Семиречье) // Археологические исследования в Казахстане. Алма-Ата: КазПИ им. Абая, 1992. С. 3–15.
- Марьяшев А.Н., Горячев А.А. Вопросы периодизации и хронологии памятников эпохи бронзы Семиречья // РА. 1993. № 1. С. 5–19.
- Медоев А.Г. Гравюры на скалах. Сары-Арка, Мангышлак. Ч. 1. Алма-Ата: Жалын, 1979. 175 с.
- Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. Новосибирск: Наука, 1985. 200 с.
- Потемкина Т.М. Бронзовый век лесостепного Притоболья. М: Наука, 1985. 376 с.
- Рогожинский А.Е. Могильники эпохи бронзы урочища Тамгалы // История и археология Семиречья. Алматы: Фонд «XXI век», 1999. С. 7–43.
- Рогожинский А.Е. Петроглифы археологического ландшафта Тамгалы. Алматы: [б.и.], 2011. 346 с.
- Свод памятников истории и культуры Республики Казахстан. Жамбылская область. Т. 2. Алматы: Дайк-пресс, 2002. 350 с.
- Сембин М.К. «Мир мертвых» в фольклоре тюркских народов и его отражение в топонимике // История и археология Семиречья. Алматы: Фонд «XXI век», 1999. С. 97–102.
- Усманова Э.Р. Костюм женщины эпохи бронзы Казахстана. Караганда-Лисаковск: [б.и.], 2010. 176 с.
- Усманова Э.Р., Логвин В.Н. Женские наконечники украшений Казахстана: (эпоха бронзы). Лисаковск: [б.и.], 1998. 64 с.
- Черников С.С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы. Серия: Материалы и исследования по археологии СССР, № 88. М.-Л.: АН СССР, 1960. 285 с.
- Goryachev A.A. CHARTER IV. The Bronze Age Archaeological Memorials in Semirechye // Metallurgy in Ancient Eastern Eurasia from the Urals to the Yellow River/Edited by Katheryn M. Linduff. The Edwin Mellen Press. Lewiston, New York, USA. 2004. P. 109–138.

Горячев А.А.

Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты,
Алматы, Қазақстан

ХАНТАУ ТРАНЗИТТІК ДӘЛІЗІНІҢ ҚОЛА ДӘУІРІ ЖЕРЛЕУ КЕШЕНДЕРІ

Түйін. Мақалада Хантау транзиттік дәлізі территориясындағы қола дәуірінің жерлеу ескерткіштерінің материалдары берілген. Бұл аймақ Орталық Қазақстан жазығы мен Жетісудың таулы аймағы тұрғындарының ежелгі коммуникация жүйесінде негізгі болып табылады. Аймақтың зерттелген қорымдарының материалдарында олардың қола дәуіріндегі археологиялық кешендер құрылымында орналасу заңдылықтары анықталды, жерлеу дәстүрлерінің ерекшеліктері қарастырылады және заттай материалдың мәдени-хронологиялық атрибуциясы

беріледі. Хантау транзиттік дәлізінің ежелгі халқы мәдениетінің дамуы б.з. д. II мыңжылдықтың басында Орталық Қазақстаннан Алакөл тайпалары топтарының қоныс аудару процесімен және олардың мәдени дәстүрінде Андронов қауымдастығының Федоров ерекшеліктері басым болған жергілікті халықпен араласуымен байланысты. Жерлеу кешендерінің материалдарын талдау қола дәуіріндегі Жетісу мен Орталық Қазақстан халқының белсенді шаруашылық-экономикалық және этномәдени байланыстарын анықтайды.

Goriachev A.A.

Institute of Archaeology named after A. Margulan,
Almaty, Kazakhstan

FUNERAL COMPLEXES OF BRONZE AGE OF KHANTAU TRANSIT CORRIDOR

Annotation. The article contains materials of funerary monuments of the Bronze age on the territory of the Khantau transit corridor. This region is the key in the system of Ancient communications of the population of the foothills of Zhetysu and the steppes of Central Kazakhstan. The regularities of their location in the structure of the archaeological complexes of the Bronze age, the features of the burial tradition and provides a cultural and chronological attribution are revealed of the glove material on materials of researched burials of the region. The development of the culture of the Ancient population of the Khantau transit corridor is associated with the process of migration from Central Kazakhstan at the beginning of the II Millennium BC of groups of Alakul tribes and their mixing with the local population, whose cultural tradition was dominated by Fedorovo features of the Andronovo community. Analysis of materials of burial complexes reveals active economic, economic and ethno-cultural relations of the population of Zhetysu and Central Kazakhstan in the Bronze age.

Горячев А.А., Егорова Т.А., Егорова К.А.
Институт археологии им. А.Х. Маргулана,
Алматы, Казахстан

ПЕТРОГЛИФЫ ЭПОХИ ПАЛЕОМЕТАЛЛА В ГОРАХ ХАНТАУ

Аннотация. В публикации представлены новые материалы археологических исследований древних наскальных изображений в горах Хантау. По итогам археологической разведки в регионе было документировано 15 скоплений петроглифов от 30 до 300 рисунков в каждом. Выяснено их преимущественное расположение на скалах близ древних поселений. Среди наскальных рисунков преобладают отдельные изображения животных (верблюдов, козлов, лошадей, быков, оленей, хищников) и многофигурные композиции эпохи бронзы и раннего железного века. В работе рассматриваются основные традиции нанесения рисунков на скалы и художественные образы эпохи палеометалла в петроглифах гор Хантау. Выясняются вопросы функционального назначения и семантики наиболее ярких сюжетов древнего наскального искусства региона. Материалы исследований предполагают тесные культурные связи местного населения как с жителями Северного Притяньшанья, так и Центрального Казахстана в эпоху бронзы и раннем железном веке.

Горы Хантау являются узловой точкой древнейшего транзитного коридора между Центральным Казахстаном и Северным Притяньшаньем. Благодаря их географическому положению на территории Шу-Илейского эрозийно-тектонического низкогорья именно здесь транспортные маршруты населения эпохи палеометалла пересекались в различных направлениях. Археологические исследования в горах Хантау начались в 60–70-е гг. XX века с обнаружения и обследования А.Г. Медоевым серии палеолитических стоянок и скоплений петроглифов [Медоев, 1970, с. 211–216; Медоев, 1979, с. 8–10]. В 1980–1990-е гг. по материалам Медоева исследования региона проводились комплексной археологической экспедицией Института археологии им. А.Х. Маргулана (рук. Самашев З.С.). В результате С.А. Берденовым был выделен древний Хантауский горно-металлургический центр [Берденов, 1998, с. 180–190], что свидетельствовало о значительном хозяйственно-культурном развитии региона в бронзовом веке. В 90-е гг. экспедицией Жамбылского областного историко-краеведческого музея изучались древние памятники и наскальные рисунки юго-западных

склонов и южной части гор Хантау. В 2016–2017 гг. петроглифы долины рек Сарыбулак и Котыр были обследованы А.Н. Марьяшевым.

В рамках проекта Хантауским научным отрядом была произведена разведка комплекса археологических памятников всей горной системы, обнаружено и документировано 15 скоплений петроглифов в урочищах Таракбай, Бекетаймак, Шолак-Жиделисай и Сункарсай, в ущельях северных и южных склонов гор Костобе, в долинах рек Сарыбулак, Котыр, Багыл и др. [Воякин и др., 2019; Горячев и др., 2019]. В результате исследований документированы материалы свыше 120 археологических памятников (рис. 1). Петроглифы в горах Хантау встречаются группами везде, где фиксируются древние памятники. Поселения устраивались близ скальных выходов у родников на площадках с южной экспозицией. Наличие рисунков разных эпох на этих же скалах свидетельствует о традиционности проживания древних скотоводов на зимовках подобного типа на территории всего Шу-Илейского низкогорья.

Петроглифы в горах Хантау устроены на скальных грядках на плитах с южной, юго-вос-

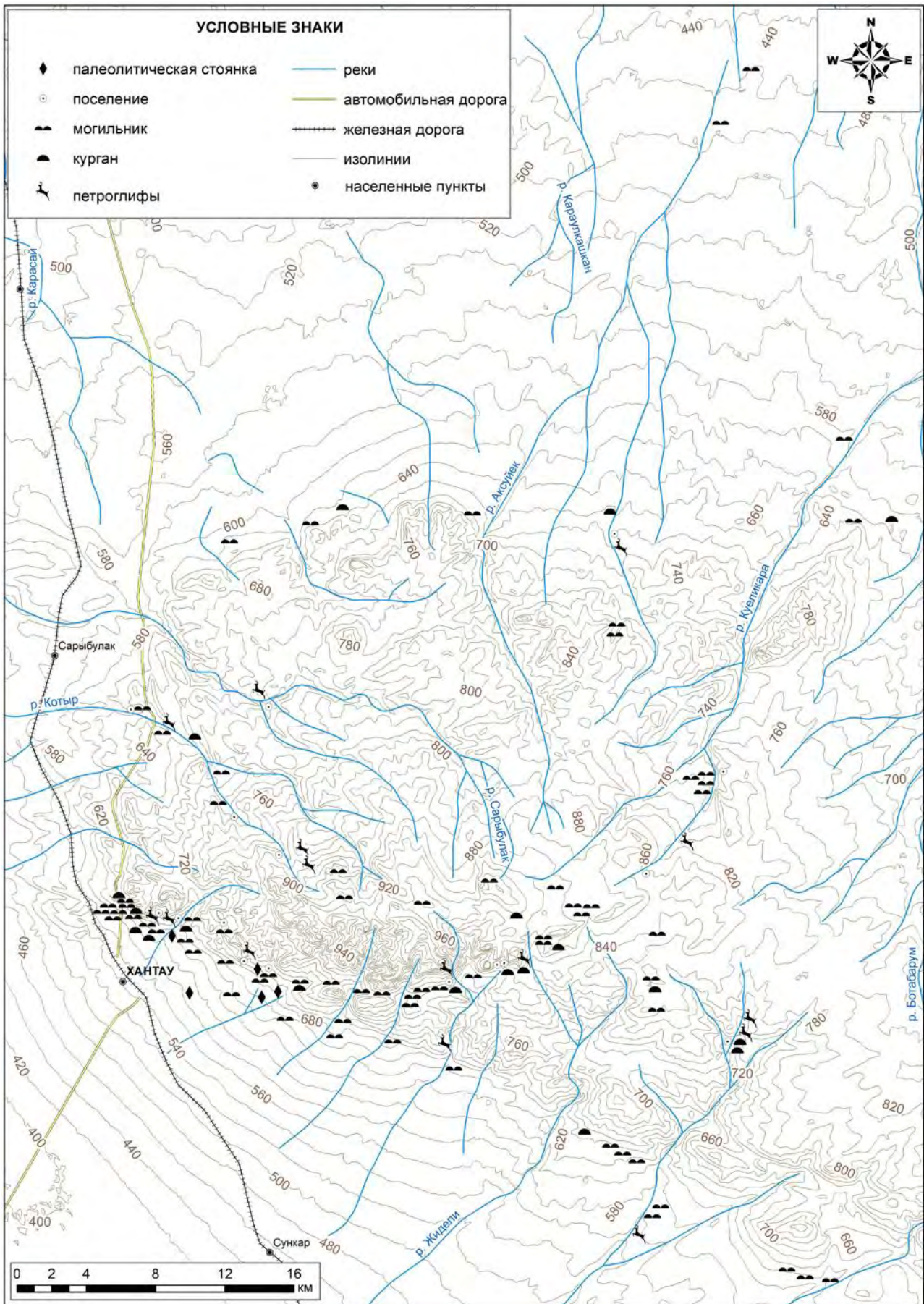

Рис. 1. Топографическая карта расположения древних памятников гор Хантау.

точной и юго-западной экспозицией. Группы изображений отличаются количественно от 30–40 изображений до 300. Среди древних наскальных рисунков чаще встречаются отдельные изображения животных. В крупных скоплениях отмечены многофигурные композиции эпохи бронзы и раннего железного века.

В северной и западной частях гор Хантау они обнаружены в долинах рек Котыр, Сарыбулак и Карасу. В ущельях Сарыбулак и Карасу рисунки находились при древних поселениях. На скалах над жилищами найдены в основном петроглифы раннего железного века. Рисунками занято по 12–15 скальных плоскостей, где размещено 30–50 петроглифов (рис. 2: 1). Отмечены фигуры животных – козлов, архаров, верблюдов и лошадей, выполненные в характерных традициях звериного стиля. Имеются композиции с изображением всадника и животных, а также тамгообразные знаки.

Петроглифы в ущелье Котыр зафиксированы в 14 км к северо-востоку от станции Хантау близ крупного могильника раннего железного века. Скопление древних наскальных рисунков устроено по северному борту ущелья на 3 скальных грядках на скальных блоках с южной экспозицией в среднем течении речки. Всего отмечено около 30 плит, на которых обнаружено свыше 150 петроглифов (рис. 2: 2, 3). Основную их часть представляют изображения в прямоугольном и битреугольном стиле ранней бронзы. Выделяются композиции со сценами выпаса скота и охоты. Петроглифы раннего железного века представлены фигурами животных – верблюдов, козлов, архаров и т. д. Среди ритуальных композиций выделяется сцена с «личиною» и фигурой козла.

В верховьях реки Котыр, в 10,5–10,8 км к северо-востоку от станции Хантау, по правому берегу ее левого притока ручья Багыл по северному борту долины обнаружено скопление наскальных рисунков на 6 скальных выходах двух сопков (рис. 2: 4–6). Свыше 200 наскальных рисунков расположены на 65 плитах с юго-западной и южной экспозицией. Наскальные рисунки бронзового века в верховьях ручья Багыл гор Хантау демонстрируют разнообразие сюжетов с изображениями животных, антропоморфных фигур, знаков колесниц. Петроглифы раннего железного века, как правило, показаны на отдельных плоскостях скал и пред-

ставлены изображениями конных и пеших лучников. Основную группу этих рисунков представляют фигуры животных в скифо-сакском зверином стиле – верблюдов, оленей, козлов, архаров и т. д.

В восточной части и у южных склонов гор Хантау выявлено 4 скопления петроглифов эпохи бронзы и раннего железного века. Рисунки в урочище Таракбай расположены в средней части ущелья на группе живописных гранитов (рис. 3: 1, 2). К скалам выложена кладка из двойного ряда каменных плит, установленных вертикально. Найдено свыше 20 рисунков козлов, лошадей, верблюдов в скифо-сакском зверином стиле. Центральная композиция группы представляет фигуру человека, держащего в поводу двух верблюдов, перекрыта серией современных надписей.

Петроглифы ущелья Бекетаймак расположены на двух скальных грядках по правому берегу ручья. Первая группа рисунков эпохи бронзы и раннего железного века сосредоточена на двух скальных массивах, нависающих непосредственно над поймой ручья. Всего найдено около 200 изображений (рис. 3: 3, 4). Рисунки эпохи бронзы расположены на западном массиве и представляют серию сюжетов и отдельных изображений животных: козлов, быков, оленей, собак, архаров и т. д. Среди композиций выделяется сцена ранней бронзы с быком, оплодотворяющим корову, рядом изображен бык, поддевающий рогами хищника. Петроглифы раннего железного века найдены на труднодоступных плитах, расположенных восточнее. В основном, это рисунки животных. Имеется сцена охоты лучника на козла.

Второе скопление наскальных рисунков зафиксировано на скальной грядке в 300 м к западу от первого (рис. 3: 5, 6). Внизу, под скалой, вероятно, было древнее поселение, застроенное современной казахской стоянкой. Петроглифы компактно размещены в восточной части выхода скал с южной экспозицией. Центральная композиция эпохи бронзы соединяет изображения человека с собакой и фигуры быков, козлов, архаров, лошадей. Выразительна древняя композиция, где показаны олени с головой, повернутой назад. К раннему железному веку относится сцена с изображением оленухи в аржано-маемирском стиле. Всего насчитывается около 50–60 рисунков.

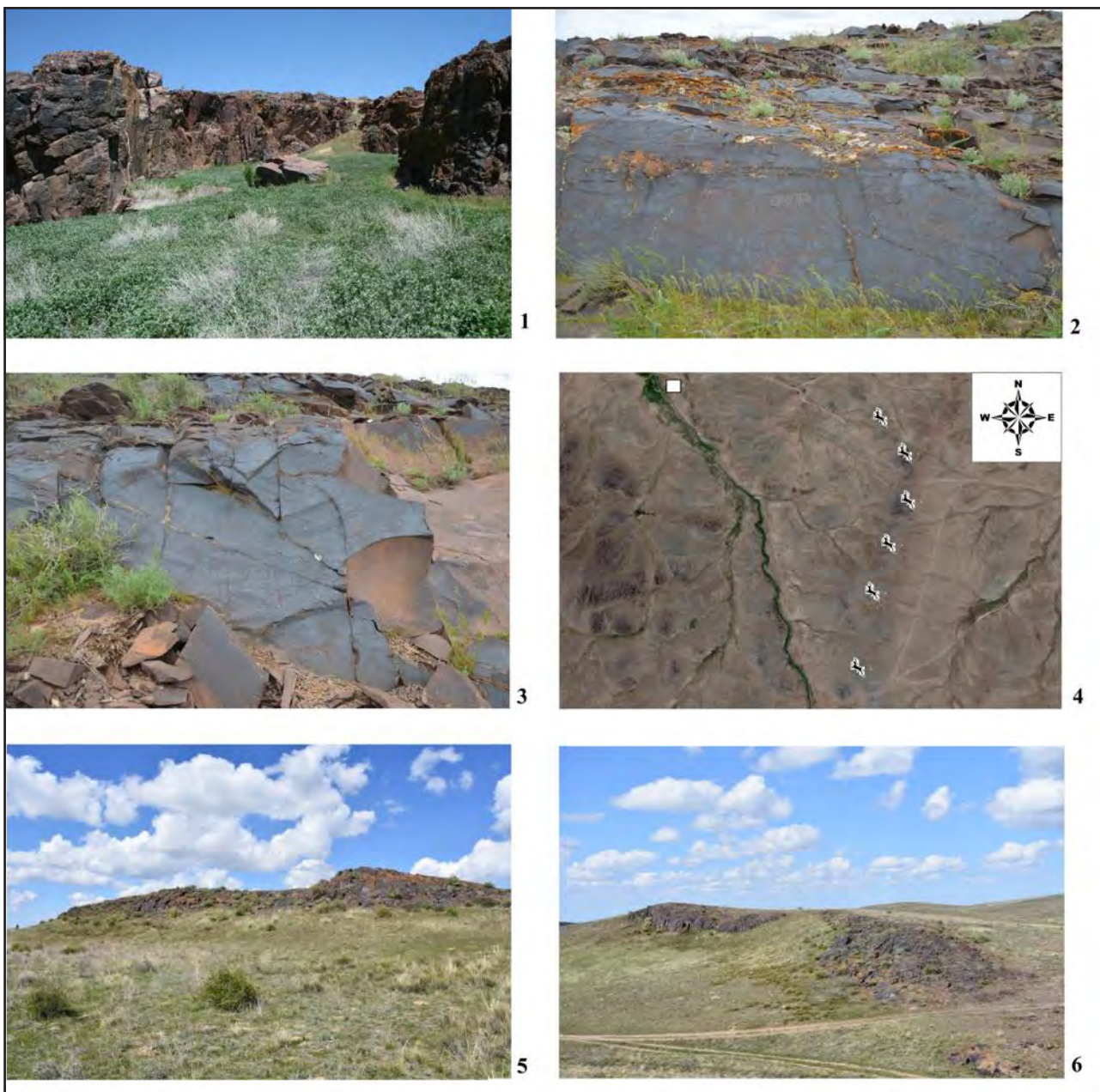

Рис. 2. Скалы с петроглифами в северной и западной частях гор Хантау. Фото: 1 – Карасу; 2, 3 – Котыр; 4 – комплекс поселения с петроглифами в долине ручья Багыл на космоснимке; 5, 6 – Багыл.

В среднем течении реки Улькен Жидели рисунки сосредоточены в нижней части скальной гряды, расположенной в устье бокового сая, на трех ярусах размещены на 7–8 плитах общим количеством около 30. Основная их группа представляет фигуры животных: козлов, архаров и т. д. Встречаются две крупные композиции с изображением людей и животных. По сюжетам и стилистике основная масса рисунков относится к раннему железному веку.

Наибольшее количество древних памятников, включая петроглифы, сосредоточено у юго-западных склонов и в долине Жыландысай

южной части гор Хантау, где зафиксировано 6 скоплений древних рисунков. В ущелье Шолак Жиделисай в 3,5 км к северо-востоку от станции Хантау отмечены две стоянки – на выходе из ущелья и в 1 км вглубь его. На скалах западного борта устья ущелья отмечено около 100 петроглифов на 20 скальных плитах (рис. 4: 1, 2). В основном это изображения животных, сцены охоты, знаки, показаны отдельно антропоморфные фигуры. По набору сюжетов и стилистическим особенностям большинство рисунков относятся к эпохе бронзы. Часть композиций с изображениями изящных козлов и архаров выполнены в скифо-сакском зве-

Рис. 3. Скалы с петроглифами в восточной и южной частях гор Хантау. Фото: 1, 2 – Таракбай; 3, 4 – Бекетаймак 1; 5, 6 – Бекетаймак 2.

рином стиле. Возле второго подворья на скале высечены лошади, стада оленей и козлов раннего железного века.

На выходе из бокового сухого сая ущелья Шолак-Жиделисай в 3,3 км к северо-востоку от станции Хантау отмечено скопление петроглифов на скальном блоке, обращенном в юго-западном направлении (рис. 4: 3). Найдено 20 плит, на которых зафиксированы около 50 фигур животных: козлов, верблюдов, оленей и собак. К бронзовому веку относится солярный знак – крест в круге. Остальные датируются ранним железным веком.

Два скопления наскальных изображений

зафиксированы при поселениях в районе горы Костобе. Петроглифы у поселения Костобе-1 в 5,5 км к востоку от станции Хантау расположены на двух грядах восточного борта бокового сая. Рисунки обнаружены на трех ярусах скал в средней части сопки (рис. 4: 4–6). Всего найдено около 300 изображений эпохи бронзы и раннего железного века. Большинство рисунков представляют изображения животных, антропоморфы и знаки. Отмечены многофигурные композиции с изображением людей, в том числе и всадники на конях. На скалах над западной частью поселения Костобе-2 фиксируются невыразительные изо-

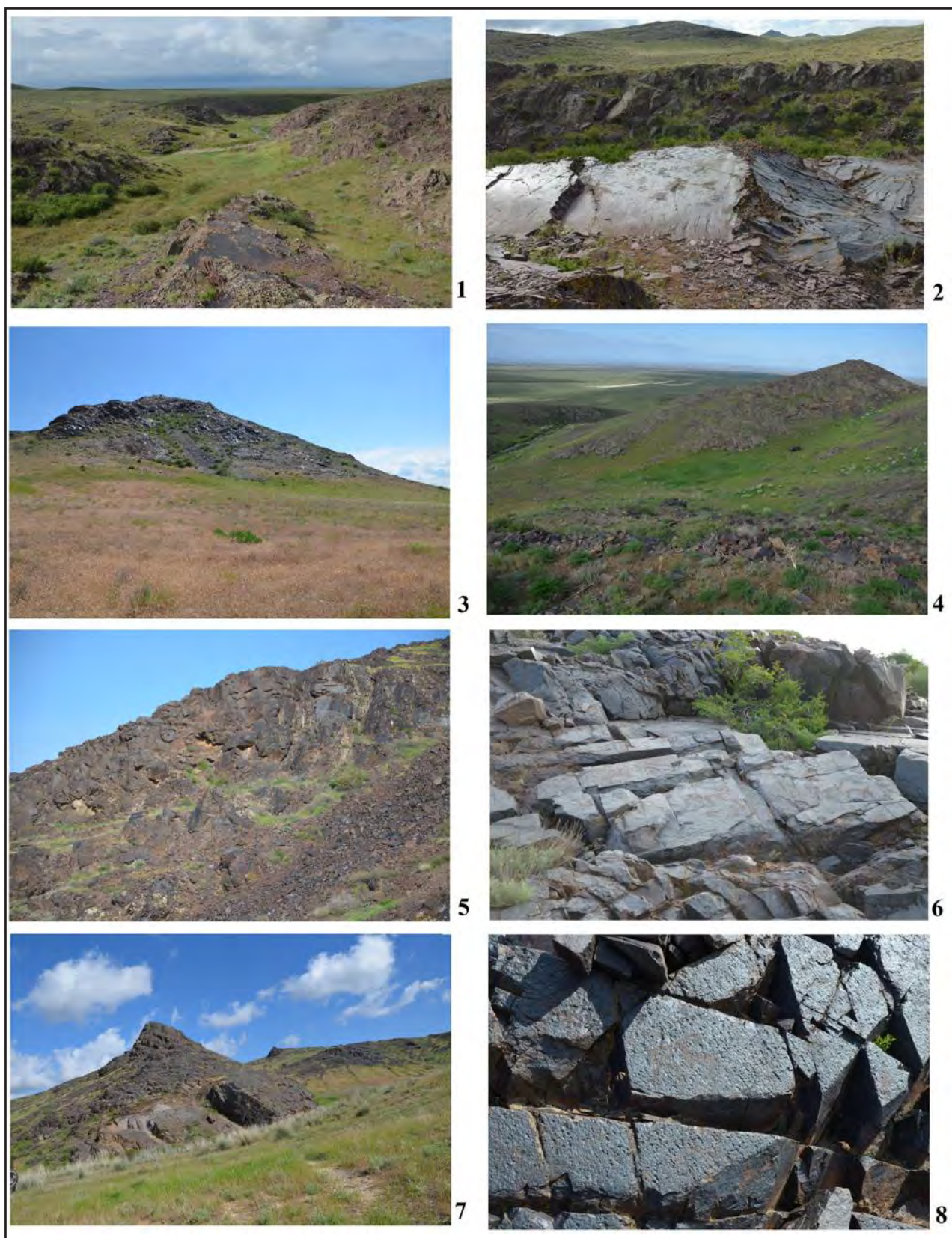

Рис. 4. Скалы с петроглифами юго-западных склонов гор Хантау. Фото.

бражения животных, преимущественно козлов и верблюдов эпохи бронзы и раннего железного века, поверх которых обычно выбиты современные рисунки и надписи (рис. 4: 7, 8). В данной группе насчитывается около 30

петроглифов. Наскальные изображения близ поселения Сункарсай Восточный расположены в верховьях реки Жидели по правому берегу и сосредоточены в верхней части скальной гряды. Всего около 50 рисунков, среди кото-

рых представлены схематические изображения козлов, лошадей, и, возможно, лося (?). Большинство петроглифов группы датируется ранним железным веком по характерным признакам. Среди технических приемов изготовления наскальных рисунков в горах Хантау преобладают мелкоточечная и крупноточечная выбивка. Некоторые изображения после выбивки дополнительно зашлифовывались. Встречаются петроглифы, при создании которых основная часть изображения выбита, а детали прочерчены острым инструментом.

Образы наскального искусства бронзового века в петроглифах Хантау представлены антропоморфными фигурами, изображениями животных и знаков. Выделяются многофигурные композиции стада животных, сцен охоты, выпаса скота и группы людей. Антропоморфные фигуры представляют лучников, всадников. Фигуры лучников выполнены достаточно стандартно – человек в профиль с широко разведенными руками и ногами, иногда с подчеркнуто выделенным фаллосом, оттягивает тетиву отведенной назад полусогнутой рукой (рис. 5: 1–3). Простые луки имеют большие размеры, фигуры лучников чаще всего показаны в сценах охоты, иногда как самостоятельный рисунок. Большинство сюжетов с изображением людей в эпоху бронзы показывают их в фас с широко разведенными руками и ногами, отмечены как отдельные, так и многофигурные рисунки (рис. 5: 4–6). В композициях с изображением лучников и скотоводов нередко изображения «людей» отмечены в эротических сценах, в боевых поединках с чеканами (рис. 5: 7, 8). Статичность отдельных таких фигур позволяет предполагать демонстрацию ими значимых боевых возможностей, силы, мужества как образов вне контекста.

В скоплении Багыл на скале с многофигурной композицией со стадами животных и лучниками обращает на себя внимание изображение человека с широко распахнутыми руками (рис. 5, 9). Его размещение на скале акцентировано отдельно от сюжетных сцен верхней и нижней ее части: вверху – лучника, целящегося в козла, фигур быков, козлов в тамгалинском стиле, хищников; внизу – козла и лучника. Он прорисован в большом «пустом» пространстве посередине скалы. Прорисовка его пропорциональной фигуры дана как бы

в фас, голова довольно крупная, соразмерна туловищу, не видны пальцы рук, которые даны кучной массой сколов, но направление стоп ног в легком повороте в три четверти в одну сторону отражают канон изображения антропоморфных фигур в древнее время [Флиттнер, Блэк, 1981, с. 35], такой подход соблюден в урочище Тамгалы в образах солнцеголовых [Горячев, Егорова, 2011, с. 36]. Похожий отдельный образ человека в фас-профильном изображении эпохи бронзы есть в урочище Койбагар хребта Каратау [Кадырбаев, Марьяшев, 2007, фото 11]. Фигура на рисунке массивная, четко очерчена шея, голова, выделены коленные суставы, стопы ног повернуты влево. Подобные рисунки найдены в горах Баянжурек, где в одном случае дан человек, раскинувший руки в обе стороны без проработанности кистей рук и ног, другое изображение имеет детальную прорисовку пальцев рук, разнонаправленных стоп, обе фигуры с субтильными телами, оканчивающиеся небольшой головой, длинными тонкими конечностями [Байпаков, Марьяшев, 2008, рис. 1; фото 83]. В урочище Аккайнар горах Кулжабасы такой же антропоморфный персонаж включен в сюжет с солнцеголовым [Марьяшев, Железняков, 2013, фото 36]. Распространенность антропоморфного образа конкретной позиции позволяет предположить, что отдельная фигура вне сюжета предполагает демонстрацию некоего значимого символического контекста. В композиции с солнцеголовым, надо полагать, роль персонажа в определенной степени обусловлена значением образа божества.

Среди изображений животных быков, лошадей, верблюдов, оленей, ослов (?), хищников, змей преобладают рисунки козлов и архаров (рис. 6). Основная группа этих изображений нанесена на скалы техникой сплошной выбивки. Однако в горах Хантау встречается следующий технический прием, когда изображение представляет собой выбитые, сколотые, прочерченные мелкие отрезки, составляющие рисунок козлов (рис. 6: 1–4). Фигуры этих животных, как правило, показаны в профиль.

Необычна выбивка двух козлов в один перспективный ряд боковой проекцией к зрителю (рис. 6: 8). Контур животных, исполненный тонкой линией, «вкладывается» один в дру-

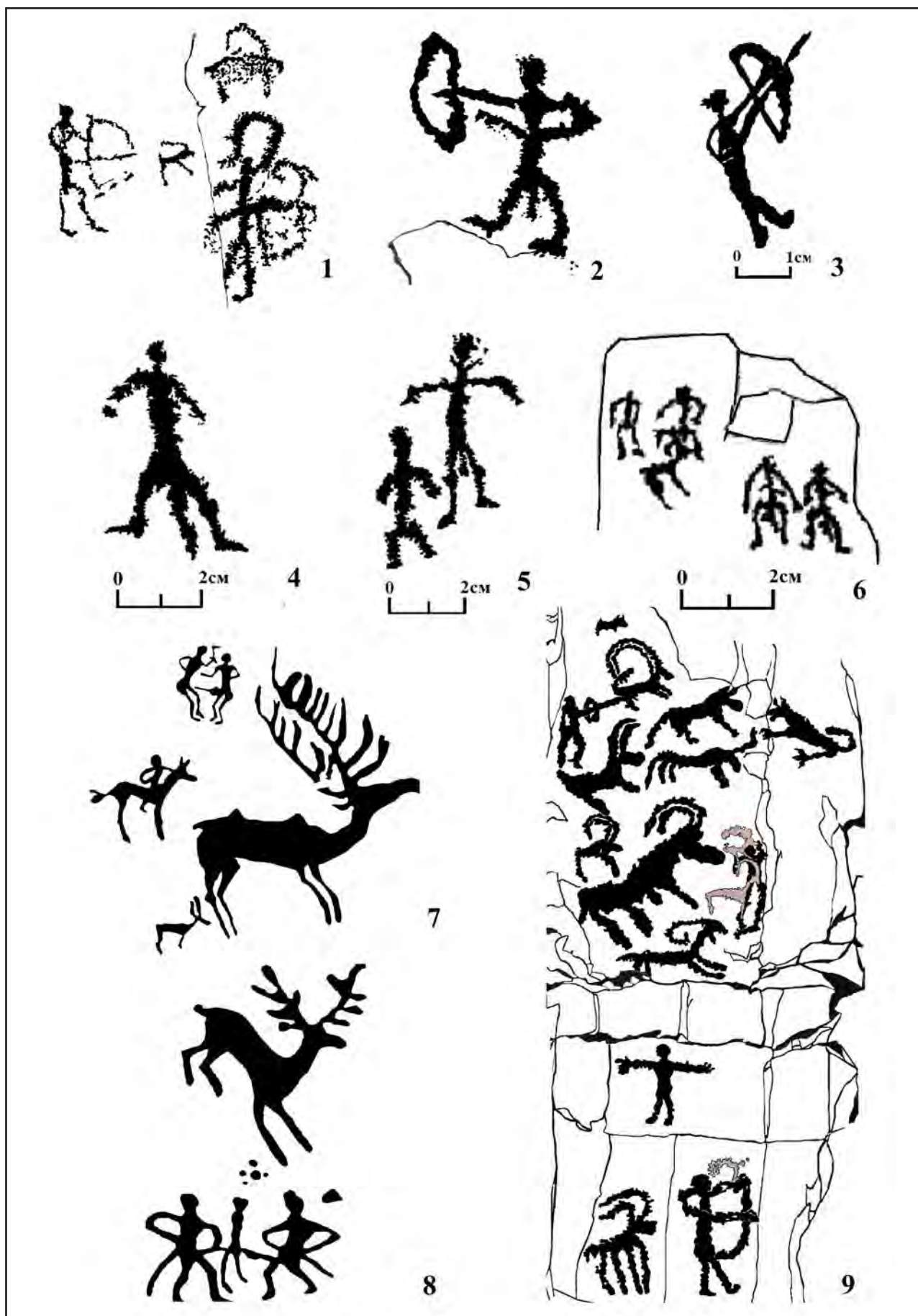

Рис. 5. Антропоморфные изображения в петроглифах эпохи бронзы гор Хантау. Прорисовка: 1, 2, 9 – Багыл; 3 – Котыр; 4, 5, 6 – Сункар; 7, 8 – долина Теректы (по Медоеву, 1979).

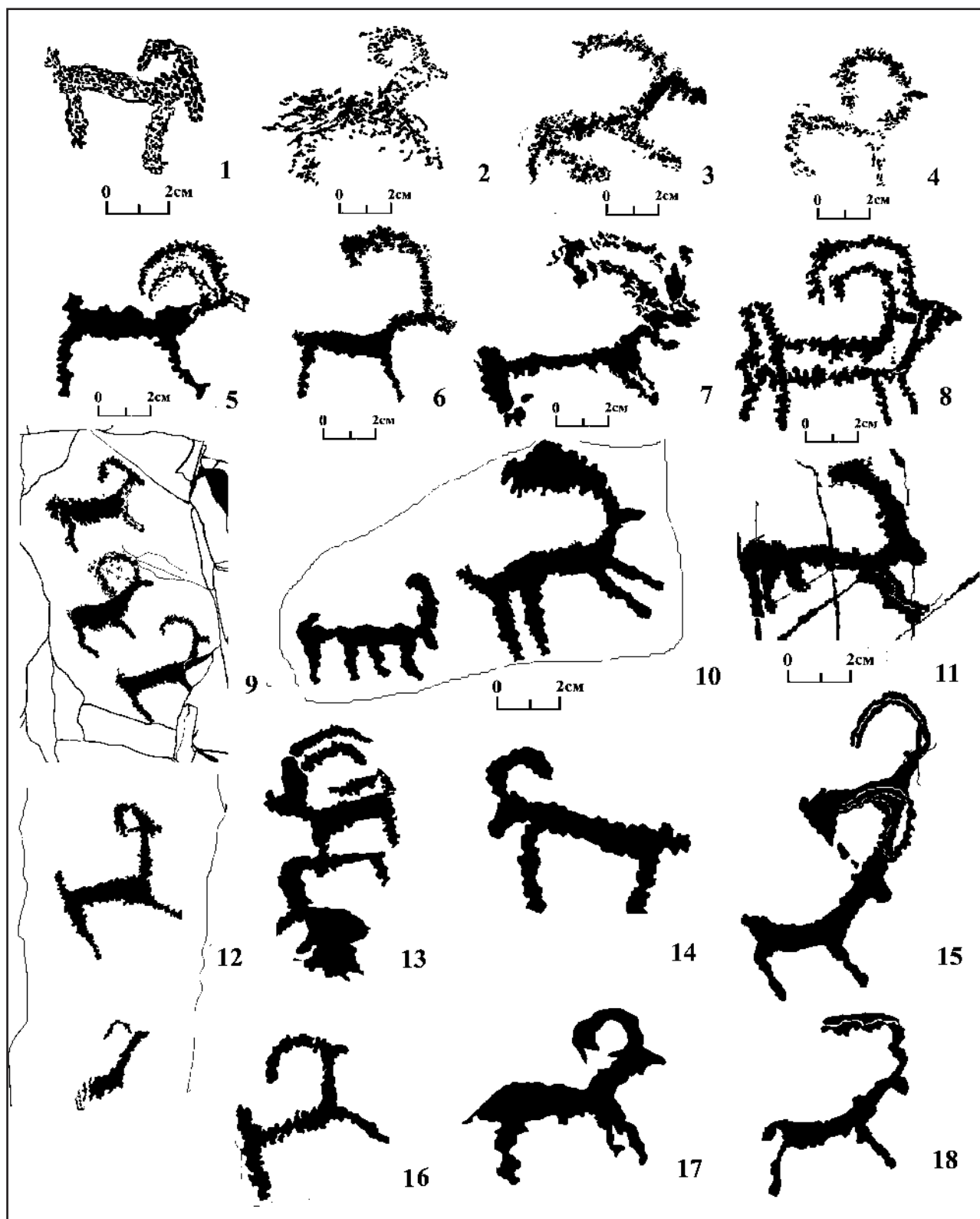

Рис. 6. Изображения козлов и архаров в петроглифах эпохи бронзы гор Хантау.
Прорисовка: 1, 11 – Костобе; 2-10, 12-18 – Багыл.

гой – «два в одном». Такое самобытное исполнение встречается впервые для Шуилийских гор только на этом комплексе. При беглом взгляде видится одно животное с двумя рогами и четырьмя конечностями. При внимательном рассмотрении выявляется изящный технический прием мастера-гравера: в контур большего козла входят контурные линии меньшего животного, одновременным кажется и чередование их деталей – рогов и ног. Исходным моментом видения образа козла, организованного таким образом, получается, что оба тела животных оказываются смежными, а при более быстром взгляде – почти тождественными. Такая композиция встречена дважды: отдельно на скальной плоскости и в многофигурном панно (рис. 6: 8; 7: 3).

Образ козла – наиболее распространенный сюжет наскальных рисунков бронзового века в регионе. Известны композиции на территории Хантауского транзитного коридора, выполненные в битреугольном и прямоугольном стиле, характерные для наскального искусства энеолита и ранней бронзы. Это свидетельствует о том, что в религиозном мировоззрении древнего человека культ козла занимал достаточно прочное место, по крайней мере с момента возникновения производящего хозяйства. Специалисты связывают образ козла с культом плодородия. Этим объясняется его столь широкое распространение в наскальном искусстве древних исторических периодов разных народов.

В символической связи эстетических критериев наиболее распространенных образов животных, наполняющих пространство скалы, мира древнего человека, есть некий изобразительный канон мировоззрения человека в эпоху бронзы. Так, на одной скале по вертикали даны образы козлов прямой проекции – «два в одном», быка и запряженного верблюда. В другой – в горизонтальную линию следуют друг за другом олень, стреноженный верблюд и козел.

Наряду с изображениями одиночных композиций, фигуры мелкого, крупного рогатого скота, верблюдов и лошадей встречаются и в многофигурных сценах вместе, что, вероятно, характеризует структуру скотоводческого хозяйства населения эпохи бронзы региона. Часть петроглифов этого времени выполнены в манере стилистически близкой тамгалинской

традиции [Марьяшев, Горячев, 2002, с. 35]. Такие многофигурные композиции насчитывают до 15 персонажей, некоторые из них выстраиваются в определенные сюжеты. Так, в верхней части одной из них лучник, охотящийся на козла, представляет самостоятельную тему, тогда как ниже расположенные хищники, преследующие травоядных, – другое событие. Эти сюжеты призваны, на наш взгляд, воспроизвести сцены как целостную картину мира.

Помимо одиночных, фигуры мелкого, крупного рогатого скота и лошадей достаточно часто встречаются в сценах вместе, как бы подчеркивая моменты окружающей жизни скотоводов эпохи бронзы данной местности. Хищные животные, как правило, показаны в составе многофигурных сцен, преследующими травоядных (рис. 7: 1–6, 8). Наиболее масштабные многофигурные сцены эпохи бронзы в горах Хантау зафиксированы в верховьях и срединной части ущелья Бекетаймак.

Ярким по сюжету является одно большое панно, имеющее двухчастную структуру: верхняя плита отделена от нижнего ее участка линией глубокого разлома (рис. 7: 1). На нижней части скалы видны две антропоморфные фигуры, один из которых лучник, другой – с широко расставленными ногами и фаллосом, что характерно для антропоморфных изображений этих мест, над ними показана собака, рядом козел. На другой грани – выбивка двух верблюдов и козла. Рисунки козлов выделяются более сочно и явно нанесены позднее. Верхний участок плиты содержит крупномасштабную сцену с изображением быка, оплодотворяющего корову. Фигуры быка и коровы занимают центральное место в пространстве скалы. Левее и ниже под этой сценой виден лучник. У него округлая голова, пропорционально удлинённое тело, ноги с выделенными суставами оканчиваются стопами с выдающейся пяткой; обе руки держат впереди дугу небольшого лука. Такая позиция удержания лука характерна для лучников раннего периода эпохи бронзы. Эта сцена и все пространство вокруг испещрено хаотично мелкими и средними размерами рисунков животных – быка, верблюда, козлов и хищников. Общим правилом изображения животных здесь является воспроизведение их в основном в профиль: по одной передней и задней лапе или ноге, рогу.

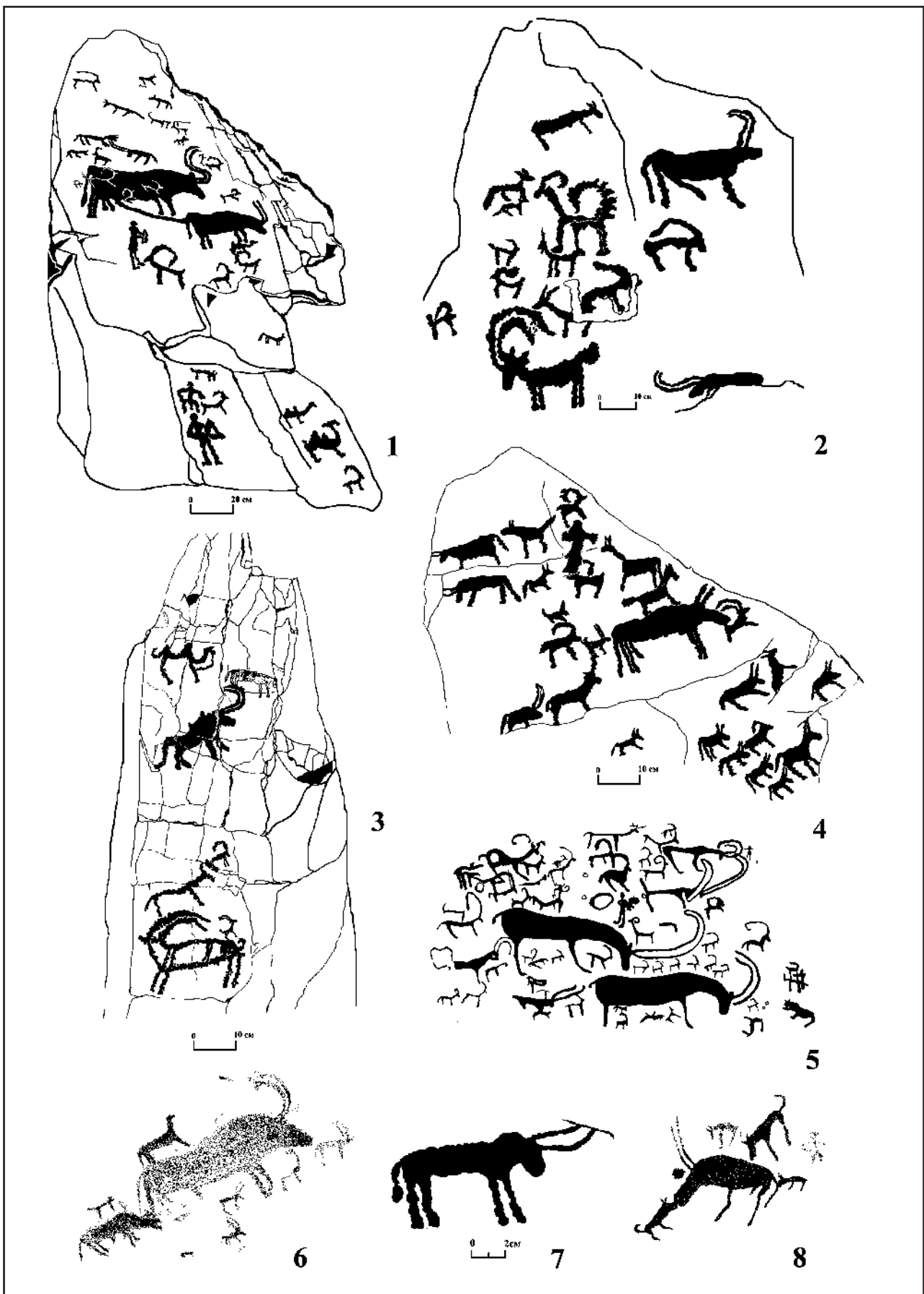

Рис. 7. Многофигурные композиции бронзового века с фигурами быков в горах Хантау. Прорисовка: 1, 2 – Бекетаймак 1; 3 – Багыл; 4 – Бекетаймак 2; 5 – Теректы, 6 – гора Джамбул, 7 – Шолак-Жиделисай; 8 – Улькенталды (5, 6, 8 – по Медоеву, 1979).

В период производящего хозяйства благополучие древнего человека зависело от состояния и количества крупного рогатого скота, что способствовало зарождению и формированию культа быка. Связанные с ним ритуалы и обрядовые действия отражали прежде всего идею плодородия, увеличения поголовья скота. Идея обожествления быка на обширной территории северо-восточной Евразии формировалась уже в эпоху энеолита. На связь с культом плодородия, идеей продолжения рода, как считают исследователи, указывают изображения вместе с быками женщин [Хлобыстина, 1971, с. 170–171]. Здесь идея плодородия выражена прямолинейной связью быка и коровы. Подобные сцены встречаются нечасто в древних петроглифах региона. Похожая композиция с быком и коровой известна авторам в горах Кулжабасы. Образ быка в петроглифах Шу-Илейского междуречья необычайно распространен [Марьяшев, Горячев, 2002, с. 33; Марьяшев, Горячев, 2008, с. 101–109].

Этот персонаж ярко представлен в мифологии древних иранских племен. Согласно мифу о сотворении мира, после гибели первого человека и первого быка из семени последнего произошли бык и корова и 272 вида полезных растений [Толстов, 1948, с. 304–307]. По мнению исследователей, его образ в древности был связан с культом плодородия. Так, наиболее полные композиции и сюжеты петроглифов бронзового века гор Хантау представляют сцены с идеей почитания сил природы, жертвоприношения или плодородия.

В скоплении Бекетаймак 1 на небольшом останце скального выхода с патиной выбито свыше 20 фигур животных, в основном архары, козлы (рис. 7: 2). Нанесены они на скалу в разное время, в разном масштабе, некоторые перекрывают прежние изображения. По цвету патины и стилистике большинство из них относится к эпохе раннего железного века.

К эпохе бронзы можно отнести двух быков, верхнего козлорогого и изображенного внизу скалы – тамгалинского стиля. Первый бык имеет прямо вверх и загнутые рога, вытянутое массивное тело, длинный хвост, по одной от пары ног, эрегированный длинный фаллос. Бык тамгалинского стиля имеет характерные горбик и вытянутые вперед и поднятые вверх окончания рогов. В той же манере перед рисунком быка показан козел с очень

массивной фигурой. Чуть выше в противовес животным изображен человек, вооруженный чеканом. По набору персонажей и характеру их расположения эта сцена эпохи бронзы относится к сюжетам с жертвоприношением, хорошо известных не только на ближайших памятниках тамгалинской округи [Марьяшев, Горячев, 2002, фото 12–14], но и других районов Жетысу [Марьяшев, Горячев, 2002, рис. 132].

Выделяются две композиции-палимпсесты, базовые сюжеты которых формировались в бронзовом веке (рис. 7: 3, 4). Плита с большим количеством изображенных на ней животных (рис. 7: 4) передает идею о преследовании хищниками копытных животных. Вверху плоскости собака преследует двух быков, которые наклонили низко головы с рогами; они обращены влево. Антропоморфная фигура рядом с ними в верхней части плиты не выразительна. В срединной части и внизу хищники гонят архаров, козлов, джейранов. Все животные компактно сгруппированы, бегут вправо.

Рисунки двугорбых верблюдов в горах Хантау встречаются достаточно регулярно в разнообразном исполнении. Отмечен шагающий верблюд (рис. 8: 1), стоящие (рис. 8: 2, 3, 14), с высокими горбами (рис. 8: 4), стреноженный (рис. 8: 14). Характерно, что данный образ в эпоху бронзы распространен на территории Казахстана в тех регионах, где верблюд широко применялся в хозяйстве в горах Каратау, Бетпадале и Шуилийских горах. Фигуры этих животных часто используются в культовых сюжетах [Кадырбаев, Марьяшев, 1977, с. 213]. Его столь частое изображение в различной ипостаси позволяет предполагать, что среди образов священных животных в эпоху бронзы культ двугорбого верблюда-бактриана был широко распространен в регионе.

Изображения лошадей различны по своей стилистике и разительно отличаются друг от друга. Выделяются детали, возможно, передающие характеристики экстерьера. Так, один рисунок подчеркивает длинное тело коня, ног, переданы удлиненная голова и изогнутая шея (рис. 8: 5). Два следующих рисунка отображают породу лошадей с высокими длинными ногами, небольшой головой и тонкой длинной шеей (рис. 8: 8, 9). Другие изображения лошадей с челкой (рис. 8: 6, 7) не только подчеркивают иную породу, но и стилистически принадлежат

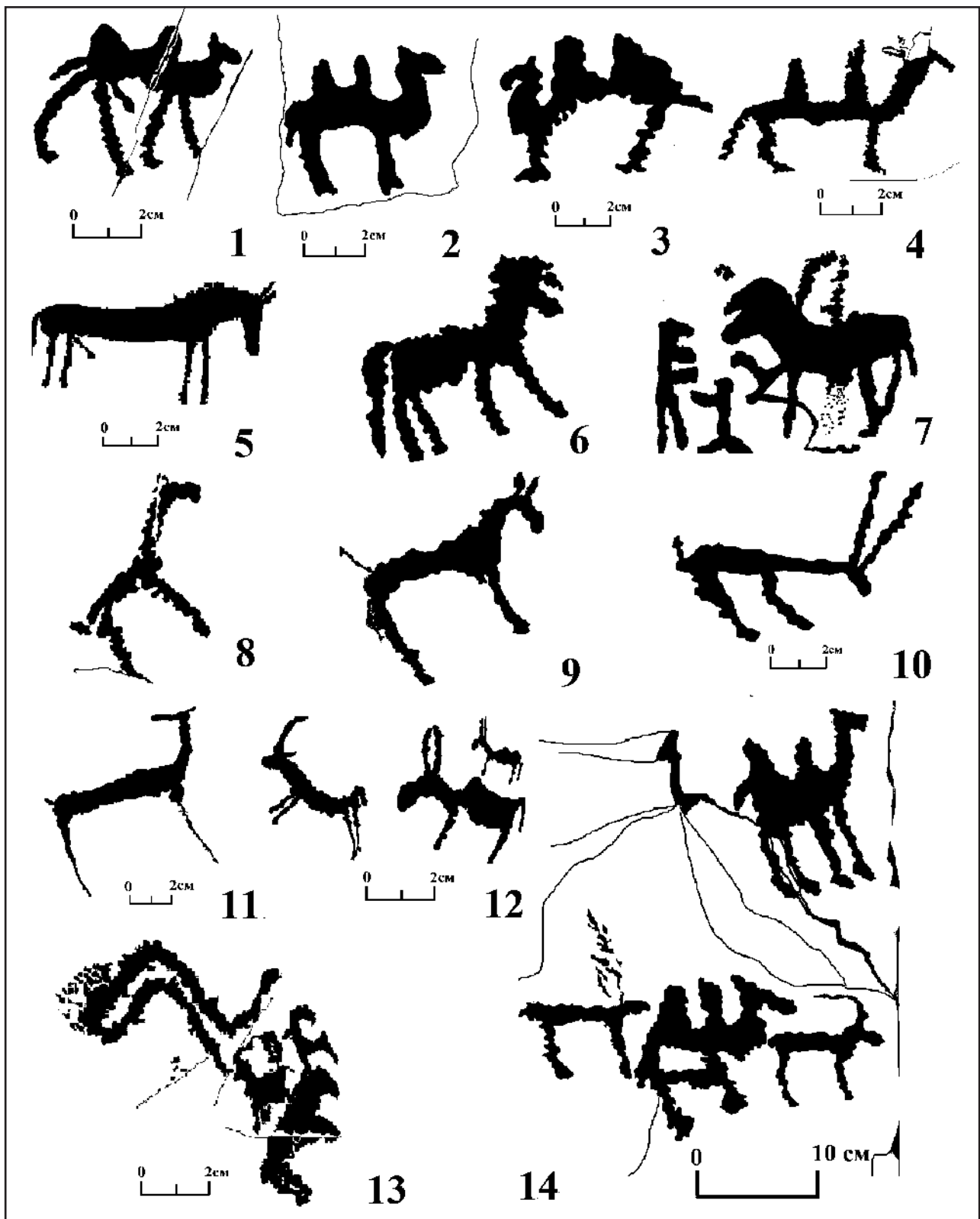

Рис. 8. Изображения животных в петроглифах эпохи бронзы гор Хантау. Прорисовка: 1, 2, 4, 6, 8, 10 – Багыл; 3, 5, 9 – Шолак-Жиделисай; 7 – Теректы (по Медоеву, 1979); 11–14 – Бекетаймак 1 и 2.

к иной традиции, широко распространенной в горах Каратау и Центральном Казахстане. Кони с челками отмечены в позднебронзовых композициях со сценами боя всадников из урочища Ой-Джайляу [Горячев, Егорова, 2019,

с. 222, рис. 2]. Подобные изображения лошадей с челками датируются периодами поздней и финальной бронзы [Кадырбаев, Марьяшев, 1977, с. 213; Марьяшев, Горячев, 2002, с. 54, табл. IX, XXI; Новоженков, 2002, табл. 30–34].

Нечасто встречающимися персонажами на скалах здесь зафиксирован рисунок косули и двух сайгаков (рис. 8: 11, 12). Художником передан удивительный образ косули с помощью тонкого, изящного абриса с длинными ногами и повернутой головой назад, как бы встревоженного животного. Два сайгака рядом с изображением козлика на двух парах приподнятых ножек, всем выгнутому тельцем, подчеркивающего его в движении, смотрятся более массивно. Удлиненные вверх стоящие рожки, горбоносые, с горбиком на спине передают характерные черты этих копытных. Изображения змей непропорционально большими в сюжетах с другими животными предполагает определенное символическое значение подобных композиций (рис. 8: 13).

Среди знаков встречаются солярные символы в виде выбитых кругов или дисков, но особый интерес представляют два достаточно редких изображения в петроглифах Жетысу – парные полукруглые линии концами вверх и вниз (рис. 9: 1) и знак «колеса», влекомый лошастью (рис. 9: 2). Иконография парных линий известна в современной символике как китайские «Инь» и «Ян», которые относятся к древнейшим знакам дуализма мужского и женского начала, в основе своей связанного с представлениями о плодородии, размножении и фаллическом культе [Рифтин, 1991, с. 547]. Знак «колеса» также один из древнейших символов солярного культа – «небесная колесница», на которой Солнце освещает мир. Образ лошади, влекущей «диск-колесо», представляющий движение солнца по небосводу, известен в культовой практике населения эпохи бронзы Северной Европы [Kaul, 1998, p. 24]. В петроглифах Жетысу сюжеты подобной иконографии не встречались, схожие с ним мотивы известны в композиции «небесного Колеса» из хребта Ешкиольмес [Марьяшев, Горячев, 2002, с. 55–57]. К этому ряду знаковых символов относят колесницу (рис. 9: 3). В одном из скоплений петроглифов найден антропоморфный знак – в сцене с волком, преследующим животных, он размещен между козлами (рис. 9: 4). Знак нанесен неглубокой выбивкой, шлифован, цвет патины и техника исполнения отлична от фигур, выполненных в сцене, что свидетельствует о более позднем включении его в сюжет.

Петроглифы раннего железного века при-

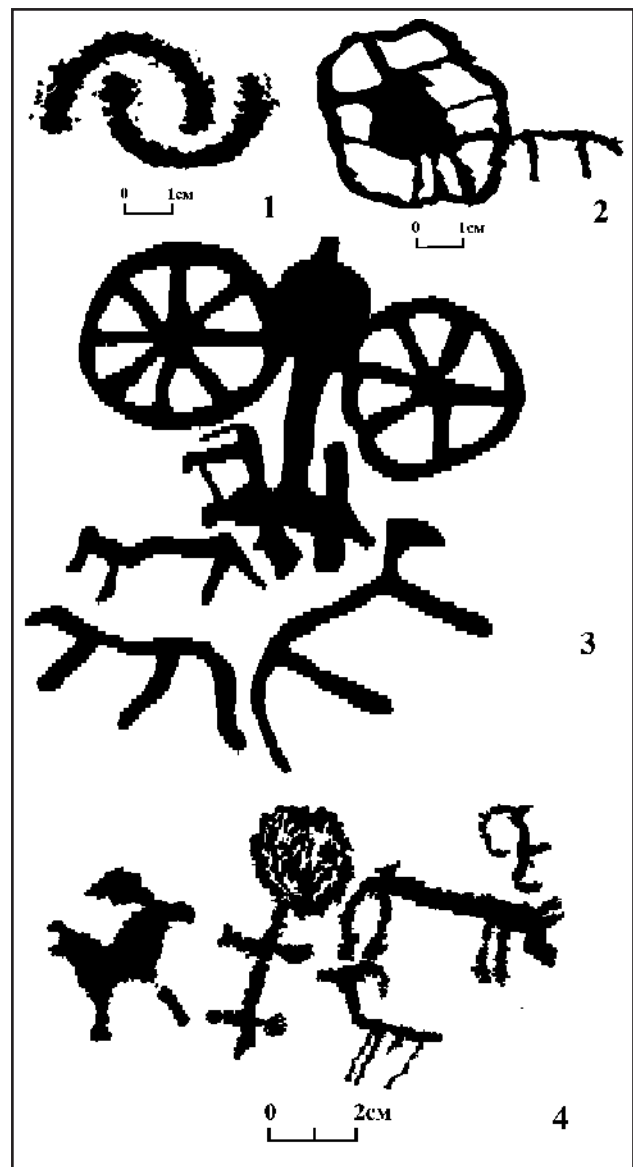

Рис. 9. Знаковые символы в петроглифах эпохи бронзы гор Хантау. Прорисовка: 1, 4 – Шолак-Жиделисай; 2 – Костобе; 3 – Теректы (по Медоеву, 1979).

сутствуют на всех зафиксированных памятниках наскального искусства гор Хантау. Их отличительной чертой являются признаки скифо-сакского звериного стиля в иконографии рисунков. Композиции эпохи бронзы региона нередко дополнялись или подновлялись, что свидетельствует об определенной преемственности художественных традиций древнего населения.

Однако чаще петроглиф наносился поверх более древнего, а рисунки на скальной плите составляли иной, нежели раннее, сюжет (рис. 10: 7). Так, в одной из сцен вначале был изображен бык. Сверху добавлен абрис козлика. Меньшее животное имеет более яркую выбивку. Изображение животных дано путем наложения одной

фигуры на другую. Такой художественный прием встречается в петроглифах Тамгалы, где отмечен похожий сюжет коровы с бычком [Марьяшев, Горячев, 2002, фото 16].

Основные образы наскального искусства раннего железного века в петроглифах Хантау представлены зооморфными изображениями и композициями (рис. 10, 11). Как правило, это отдельные и группы фигур козлов, архаров, верблюдов, оленей, домашних и диких хищников. Крайне редки рисунки лошадей и крупного рогатого скота. Фигуры мелкого рогатого скота профильные, в большинстве случаев у них прорисовано по одной от пары ног и рогов, реже по два рога (рис. 10: 1–22). Такое прочтение, вероятно, было близко и последующим племенам и на скальной плоскости дополнительно выбили рисунки козлов стилистики эпохи раннего железа. Отличительным признаком козлов этой эпохи служит также скифо-сибирский звериный стиль (рис. 10: 6, 9, 11, 13), в традициях которого выполнен ряд изображений животных на следующей скальной гряде, уже покрытой множественными рисунками козлов эпохи бронзы.

Стилистической манерой исполнения выделяются фигуры двух козлов: поджарое туловище с подчеркнутым бедром и передней частью, короткие загнутый вверх хвост и вниз «кисточкой» (рис. 10: 6, 11). Здесь наиболее полно представлены традиции «звериного» стиля наскального искусства. Помимо стилистических отличий в изображении козлов замечено значительное разнообразие приемов нанесения изображений. В некоторых случаях контур животного создает не точечная выбивка, а линии, которые прорисованы и пробиты по скале тонко и филигранно, создавая фактуру его шерсти то свисающей по крупу, то сложенную в виде коротких штрихов, то мелко-точечной выемчатой резьбой передают короткошерстную поверхность ног (рис. 10: 5).

Необычной манерой исполнения выделяется сцена козла и баранов у следующего комплекса поселений (рис. 10: 18). Животные высечены с удлинёнными телами, длинными шеями, закругленными рогами и выделенными курдюками. Изображения животных ближе к реалистическому исполнению, они отличаются от схематичных рисунков козлов в округе. На одном животном просматриваются вертикальные выбивки каменной плоскости с про-

шлифовкой параллельных полос, отчего тело животного видится с ребристыми волнами шерсти. Курдюк выполнен полукруглыми чеканными рубчиками.

Разнообразна и стилистика изображения козлов на скальных панно в устье ущелья Шолак-Жиделисай (рис. 10: 11, 15). В этом ущелье есть также сцена преследования козла двумя собаками (рис. 10: 17). Здесь показан большой по размерам козел, которого преследуют собаки. Одна из них схематично тощая, у другой выделена мощная холка и тяжелая морда. У обоих хищников высечены небольшие уши и колечком загнутые хвосты. Сюжеты с преследованием хищниками травоядных животных характерны для петроглифов раннего железного века Жетысу и относятся к «сценам терзания» [Марьяшев, Горячев, 2002, с. 58, рис. 222–225, 233–234].

Другая сцена с животными в долине ручья Багыл упрощена до минимализма (рис. 10: 14). Тоненькими линиями выбиты козлики, их красоту создают разнонаправленные линии ног (выпрямленные, подогнутые, вогнутые) и рогов высоко, низко, закругленно опускающихся к телу. Ниже две сюжетообразующие фигуры волка и оленя также переданы чуть намеченными характерными штрихами: у оленя длинное тело, короткий хвостик, едва заметные линии рогов; у волка – длинный хвост «трубой», крупная морда опущена книзу, торчащие уши. Сцена преследования хищником травоядного доведена до схематизма. Возможно, в этом заключалось мастерство художника эпохи раннего железа.

В прорисовке козлов отражались умение и наблюдательность художника в передаче их своеобразия. С необычно длинным телом и ногами, но коротковатыми рогами отмечен в урочище Багыл рисунок короткомордого козла (рис. 10: 12). С отвисающей шерстью, филигранными копытцами и небольшими рогами в проекции передан образ другого (рис. 10: 10). По две пары ног и рогами, завершающимися объемной формой, выполненной штрихами, отличен следующий рисунок (рис. 10: 13). Такое многообразие изображений этого животного может свидетельствовать о большом количестве и мастеров, исполнявших рисунки на скалах.

В петроглифах ущелья Багыл имеется сцена с конными лучниками (рис. 10: 20), один из

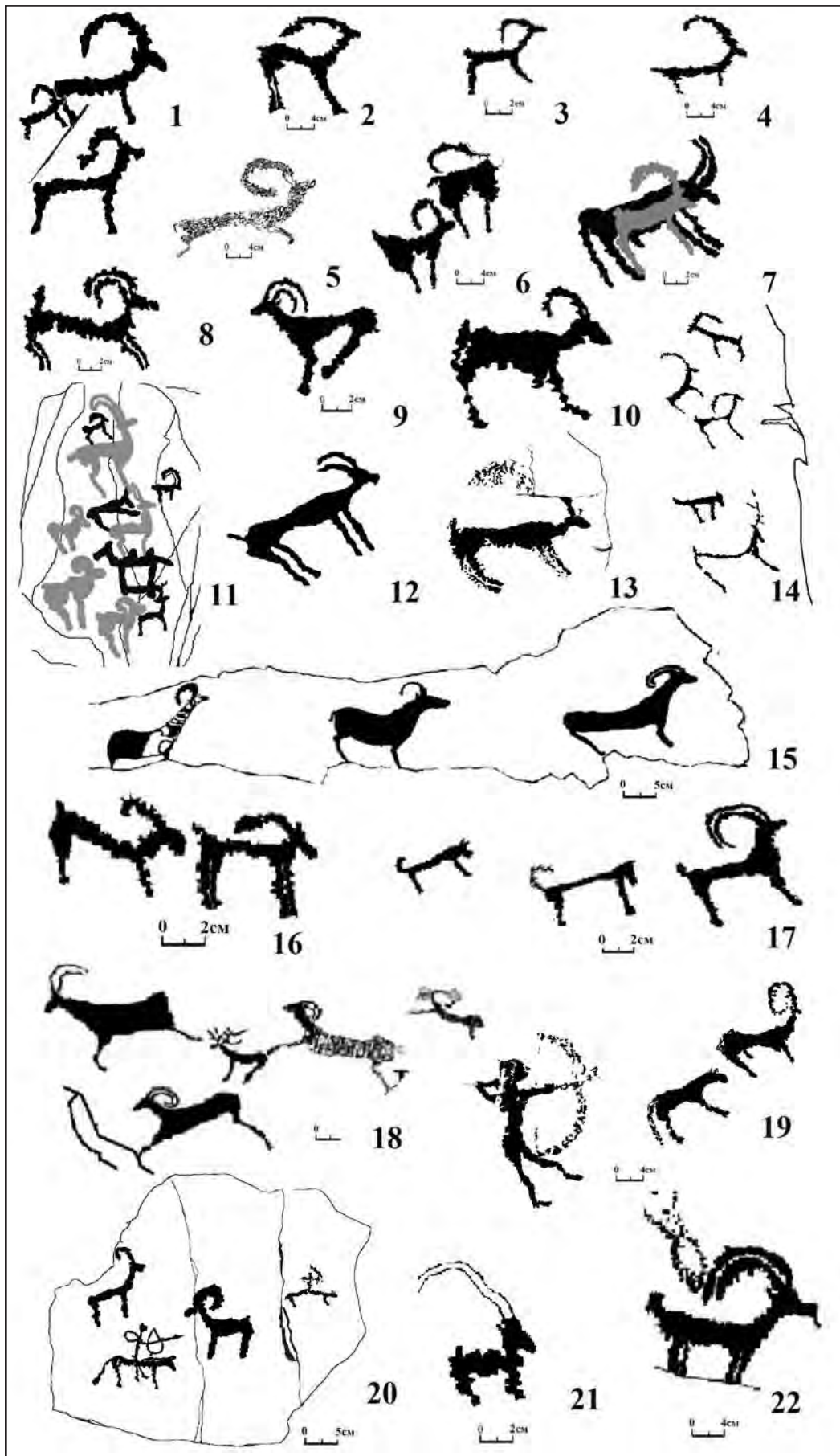

Рис. 10. Изображения козлов в петроглифах раннего железного века гор Хантау. Прорисовка: 1–4, 22 – Котыр; 5, 8, 9 – Костобе; 6 – Сункар; 7, 16, 21 – Бекетаймак 1; 10, 12–14, 19, 20 – Багыл; 11, 15, 17, 18 – Шолак-Жиделисай.

которых стреляет в стоящего впереди козла. Рисунок козла кажется намного больше конного лучника, так как его тельце, конечности и рог выполнены плотной выбивкой. Конь же под всадником почти схематичный: по одной от пары ног, расширение копыт, хвост заканчивается утолщенной кистью, сверху над линией шеи показана грива, выбитой косицей в виде жгута. Лучник также схематичен: длинные нитеобразные корпус туловища, руки, ноги с оттопыренными пальцами. Венчает образ довольно крупная голова. Рука, натягивающая тетиву, в петлевидный оборот отведена назад. Стрела остро заточена с большим наконечником. Другой конный лучник на этой же скале еще более схематичен.

Еще один сюжет с пешим лучником отмечен в сцене охоты на козла, но уже с собакой (рис. 10: 19). Хищник имеет мощное тело, с шерстью, стоящей на загривке (выполнено резкими неровностями по линии шеи), уши прижаты к голове, крупная морда, длинный хвост спускается книзу. Рисунок объекта охоты выполнен в следующем виде – маленькая голова и круторогость передают образ архара. Сам же охотник исполнен с тщательной проработкой деталей. Корпус тела показан в развороте, когда одна рука заведена назад, другая удерживает стрелу, показаны сгибы пальцев рук. Ноги изображены расставленными таким образом, что видно, как лучник принял ими упор. Голова не имеет шарообразной округленности, возможно, художник стремился передать пластичный абрис лица. Сзади от жгута сверху головы как бы свисает кисточка, она прочерчена тонкой линией вниз. Лук большой, сложно-составной. В целом в сцене заключено некое изящество, с которым выполнена каждая в ней фигура.

На самом крупном скоплении петроглифов в долине речки Котыр над фигурой козла высечено изображение маски-личины с дугообразными рогами (рис. 10: 22). В профильном ракурсе животное исполнено плотной мелко-точечной выбивкой, видны две пары ног с копытцами, рога, выделены ухо, борода. Личина выбита над изображением архара по окончании абриса его рогов. Она имеет овальную несимметричную форму. Правая часть линии контура прерывистая с утолщением в нижней части. По характеру выбивки и цвету патины композиция определяется как единый образно-

смысловой ряд. В Шуилийских горах такой знак зафиксирован в урочище Ой-Джайляу, где находится в сцене с вереницей изображений козлов раннего железного века [Марьяшев, Горячев, 2008, с. 107]. Исследователями сделано предположение о природе этого знака как о «скотьем боге» [Горячев и др., 2014, с. 11]. Смысловое содержание личины раскрывается в непрерывной связи с козлом, обусловившим ее форму. Как образная форма он широко распространен в петроглифических материалах Центральной Азии [Кубарев, 1988, с. 96; Дэвлет, 1997, с. 240–250; Кубарев и др., 2005, с. 377, 381–382, 411, 479].

На многочисленных полотнах ущелий Таракбай и Бекетаймак отражено мастерство всадничества на верблюдах (рис. 11: 5–7). Аналогии среди петроглифов эпохи бронзы Шуилийских гор очень обширны. Это связано со значимостью этого животного в хозяйственном укладе и природно-климатических условиях данного региона. Образ одомашненного бактриана – постоянный сюжет наскального искусства Казахстана и Средней Азии [Кадырбаев, Марьяшев, 1977, с. 176]. Здесь верблюд использовался в качестве верхового и тяглового животного, по мнению исследователей, ещё во 2 тыс. до н. э. [Кузьмина, 1994, с. 164, 165].

Отмечена сюжетная сцена верблюдицы с верблюжонком в скалах, полукружьем обрамляющих ровную площадку древнего поселения у горы Костобе (рис. 11: 5). Среди них отмечены козлы; слабой потертостью на каменистой поверхности выделяется сцена с невыразительными наездниками на верблюдах, нанесенные сверху козлов с пририсованными горбами (?).

В основании конусовидного борта ущелья над ручьем у горы Сункар выполнена многофигурная композиция с представлением такого использования верблюдов, оседланных наездниками и ведущим в поводу (рис. 11: 6). Верблюд верхний исполнен схематично, а нижние – даны с проработкой голов бактрианов, абриса тел животных, копыт, человеческих фигур. Нижнему крупному животному с рогами (вероятно, козел) добавлены два горба – таким образом он правлен в верблюда. Чуть поодаль представлена другая техника исполнения – у козла выбито тельце, а рога прочерчены острым инструментом, тонкими линиями

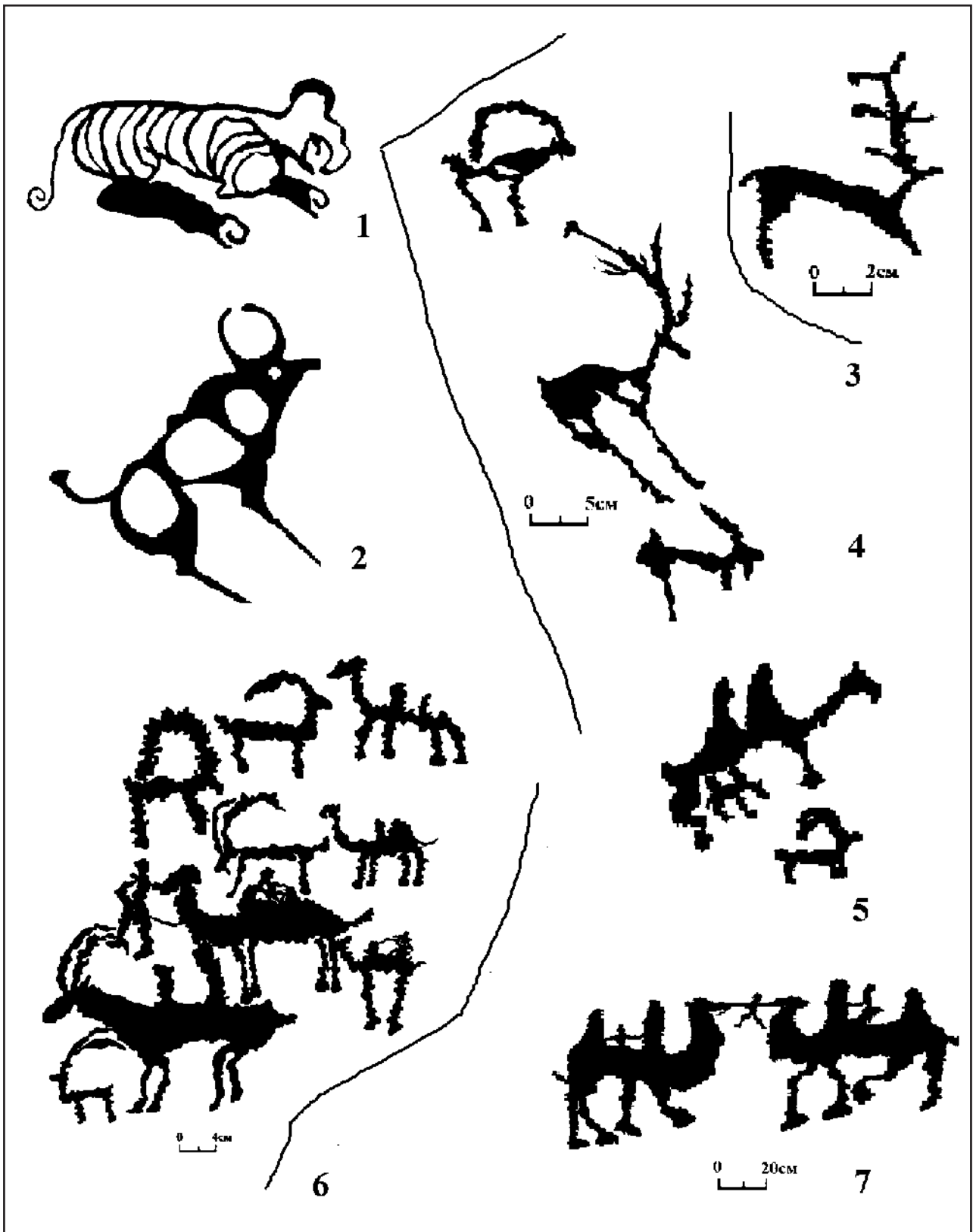

Рис. 11. Изображения животных в петроглифах раннего железного века гор Хантау. Прорисовка: 1, 2 – Теректы (по Медоеву, 1979); 3, 4 – Шолак-Жиделисай; 5 – Костобе; 6 – Сункар; 7 – Таракбай.

они высоко вздымаются над крупом животного. Такой же прием исполнения копытного отмечен выше на скалах под многофигурной сценой людей. Эти животные группами заполняют скальные поверхности. В большей массе это профильные изображения, они имеют субтильные тела, по одной из пары ног и рогов.

Выделяется крупная композиция в урочище Таракбай (рис. 11: 7). Значимым является изображение в виде узкого многофигурного фриза двух встречных верблюдов, которых держит, вероятно, за мурундук человек, стоящий между ними, от морды одного из животного «свисают» поводья. Верблюды выполнены с большой тщательностью: «гордая» прямая посадка голов, передана поступь животных, показаны копыта и сочленения ног, по внешнему краю абриса фигур рубчиками условно показана как бы «курчавящаяся» шерсть. На верблюдах наездники. Сюжет, когда двух встречных животных (пар коней и верблюдов) держит под «узды» человек, известен в позднебронзовых петроглифах урочища Ой-Джайляу [Марьяшев, Горячев, 2008, с. 103], лошадей в поводу – в петроглифах урочищ Каракыр, Тамгалы и гор Ешкиольмес [Марьяшев, Горячев, 2002; Байпаков и др., 2005, с. 128, 149]. В округе гор Хантау в петроглифах изображены верблюды, оседланные наездниками, что, возможно, свидетельствует об их применении в хозяйстве как транспортного средства.

Обобщая характер древних традиций наскального искусства гор Хантау, следует отметить, что по технике нанесения рисунков на скалы, набору образов и сюжетов в петроглифах и их семантическому полю, они относятся к тамгалинскому кругу Юго-Западного Жетысу. Прямые аналогии наскальным изображениям региона обнаруживаются в известных комплексах гор Шуили, Киндыктас, Кулжабасы, Серектас и Анрахай, которые вместе с хребтом Хантау составляют общую систему степных гор Шу-Илейского междуречья. Именно здесь ярко прослежи-

ваются параллели традициям древнего наскального искусства Центрального Казахстана.

Обращает на себя внимание техника нанесения петроглифов на скалы – сочетание точечной выбивки корпуса животных с прорисовыванием отдельных деталей (рогов, копыт и т. д.) [Самашев, 2013, с. 147]. Определенное сходство имеется в иконографии древних рисунков, прежде всего, в ранних сюжетах эпохи бронзы. К общим относится традиция изображения массивной головы, выгнутой спины, обвислого или ровного живота и коротких ног [Самашев, 2013, с. 132–133]. В этот период практически ничем не отличаются условно-схематичные фигуры антропоморфов в обоих регионах.

Подбор основных сюжетов древнего наскального искусства гор Хантау характерен для скоплений петроглифов степных районов Жетысу, а также Центрального и Южного Казахстана. Структурная организация данного комплекса сопоставима с небольшими «святыщами» типа Шокпар, Кызылгора, Киндыктас, Аккайнар, устроенными при семейно-родовых стоянках, что характерно как для региона Шуилейских гор, так и петроглифических комплексов других районов Жетысу [Марьяшев, Горячев, 2002, с. 61–64]. Самый многочисленный пласт гравюр на скалах гор Хантау относится к раннему железному веку и его искусство полностью соответствует канонам развития скифо-сакских художественных традиций [Шер, 1980, с. 239–250; 18, с. 95–101].

Многочисленные аналогии изображениям животных и ведущим сюжетам эпохи бронзы и раннего железного века, отмеченные в петроглифах гор Хантау, дают основание полагать, что этнокультурные связи древнего населения степных районов Жетысу были наиболее тесными с жителями региона Сарыарки и хребта Каратау, но распространялись вплоть до Алтая, Южной Сибири и Западной Монголии. Представленные художественные традиции обусловлены развитием транспортных коммуникаций древнего населения региона.

ЛИТЕРАТУРА

- Байпаков К.М., Марьяшев А.Н., Горячев А.А., Потапов С.А. Наскальные изображения в горах Ешкюльмес. Алматы: «OST XXI век», 2005. 226 с.
- Байпаков К.М., Марьяшев А.Н. Петроглифы Баян-Журека. Алматы: Credo, 2008. 200 с.
- Берденов С.А. Казахстанская горно-металлургическая область // Вопросы археологии Казахстана. Алматы, Москва: «Фылым», 1998. Вып. 2. С. 180–190.
- Воякин Д.А., Горячев А.А., Ильин Р.В., Дуйсебаева Т.Н. Археологические комплексы эпохи палеометалла в горах Хантау // Материалы международной научно-методической конференции «XI Оразбаевские чтения» по теме «Семь граней Великой Степи и актуальные вопросы археологии и этнологии Евразии». Алматы: Қазақ университеті, 2019. С. 126–132.
- Горячев А.А., Егорова Т.А. Художественное своеобразие и семантический анализ образов «солнцеголовых» эпохи бронзы урочища Тамгалы в свете материалов письменной и изобразительной традиций древних цивилизаций // История и археология Семиречья. Вып. 4. Алматы: Фонд «Родничок», 2011. С. 27–47.
- Горячев А.А., Егорова Т.А., Егорова К.А. Петроглифы гор Хантау // «edu.e-history.kz» № 1 (17) 2019. <http://edu.e-history.kz/ru/publications/view/1156>.
- Горячев А.А., Сараев В.В., Егорова Т.А., Егорова К.А. Петроглифы северо-западных склонов хребта Киндыктас // Известия НАН РК / Серия общественных и гуманитарных наук. 2014. № 5 (297). С. 3–15.
- Горячев А.А., Егорова Т.А. Сцены боя всадников эпохи бронзы из урочища Ой-Джайляу // История и археология Семиречья. Вып. 6. Алматы, 2019. С. 219–228.
- Дэвлет М.А. Окуневские антропоморфные личины в ряду наскальных изображений Северной и Центральной Азии // Окуневский сборник. Культура. Искусство. Антропология. СПб., 1997. С. 240–250.
- Кадырбаев М.К., Марьяшев А.Н. Наскальные изображения хребта Каратау. Алма-Ата: [б. и.], 1977. 229 с.: илл.
- Кадырбаев М.К., Марьяшев А.Н. Петроглифы хребта Каратау: 2-е изд. Алматы: [б. и.], 2007. 147 с.
- Кубарев В.Д. Древние росписи Каракола. Новосибирск: Наука, 1988. 173 с.
- Кубарев В.Д., Цэвээндорж Д., Якобсон Э. Петроглифы Цагаан-Салаа и Бага-Ойгура (Монгольский Алтай). Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2005. 640 с.
- Кузьмина Е.Е. Откуда пришли индоарии? Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев. М.: Наука, 1994. 464 с.
- Марьяшев А.Н., Горячев А.А. Наскальные изображения Семиречья. Издание второе. Алматы: Фонд «XXI век», 2002. 264 с.
- Марьяшев А.Н., Горячев А.А. Петроглифы поздней бронзы и раннего железного века в урочище Ой-Джайляу // Известия НАН РК / Серия обществ. наук. 1 (254). 2008. С. 101–109.
- Марьяшев А.Н., Железняков Б.А. Древности Кулжабасы. Алматы: [б. и.], 2013. 150 с.
- Медоев А.Г. Ареалы палеолитических культур Сары-Арка // По следам древних культур Казахстана. Алма-Ата: Наука Казахской ССР, 1970. С. 211–216.
- Медоев А.Г. Гравюры на скалах. Сары-Арка, Мангышлак. Ч. 1. Алма-Ата: «Жалын», 1979. 175 с.
- Новоженков В.А. Петроглифы Сары-Арки. Алматы: [б. и.], 2002, 125 с., с илл.
- Рифтин Б.Л. Инь и Ян // Мифы народов мира. Т. 1. М.: Советская энциклопедия, 1991. С. 547.
- Самашев З., Байтлеу Д., Курманкулов Ж. Петроглифы Теректы-Аулие. Астана: Филиал Института археологии им. А.Х. Маргулана, 2013. 240 с.
- Толстов С.П. Древний Хорезм. Опыт историко-археологического исследования. М.: Издание МГУ, 1948. 352 с.
- Флиттнер Н.Д., Блэк В.Б. Искусство Древнего Востока // История искусства зарубежных стран: первобытное общество, Древний Восток, античность. Изд. 4-е, дополненное. М.: Изобразительное искусство, 1981. С. 31–90.

Хлобыстина М.Д. Древнейшие южносибирские мифы в памятниках окуневского искусства // Первобытное искусство. Новосибирск: Наука, 1971. С. 105–180.

Шер Я.А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. М.: Наука, 1980. 328 с.

Kaul F. Ships on Bronzes. A study in Bronze Age Religion and Iconography // PNM Publications from the National Museum. Copenhagen, 1998. Vol. 3.1.

Горячев А.А., Егорова Т.А., Егорова Қ.А.
Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты,
Алматы, Қазақстан

ХАНТАУ ТАУЛАРЫНДАҒЫ ПАЛЕОМЕТАЛЛ ДӘУІРІНІҢ ПЕТРОГЛИФТЕРІ

Түйін. Мақалда Хантау тауларындағы ежелгі тастағы суреттерді археологиялық зерттеудің жаңа материалдары берілген. Археологиялық барлау қортындысы бойынша аймақта 30 дан 300 ге дейін әрқайсысында суреттері бар петроглифтердің 15 шоғыры құжатталды. Олардың ежелгі қоныстарға жақын жартастарда орналасуы анықталды. Жартастағы суреттер арасында жануарлардың (түйелердің, ешкілердің, жылқылардың, бұқалардың, бұғылардың, жыртқыштардың) жеке бейнелері және қола дәуірі мен ерте темір дәуірінің көп фигуралы композициялары басым. Жұмыста жартастарға сурет салудың негізгі дәстүрлері және Хантау тауларының петроглифтерінде палеометалл дәуірінің көркемдік бейнелері қарастырылады. Аймақтың ежелгі жартастағы өнерінің ең айқын сюжеттерінің функционалды мақсаты мен семантикасы мәселелері анықталуда. Зерттеу материалдары қола дәуірі мен ерте темір дәуірінде Солтүстік Тяньшань тұрғындарымен де, Орталық Қазақстан тұрғындарымен де жергілікті халықтың тығыз мәдени байланысын болжайды.

Goriachev A.A., Egorova T.A., Egorova K.A.
Institute of archaeology after A.Kh. Margulan,
Almaty, Kazakhstan

PETROGLYPHS OF THE EPOCH OF PALEOMETAL IN THE KHANTAU MOUNTAINS

Annotation. New materials of archaeological researches of Ancient rock art in the mountains of Khantau into scientific circulation in the publication presents. As the results of archaeological exploration there have been 13 places of petroglyphs found. Each place has from 30 to 300 pictures. Their predominant location on the rocks near the Ancient settlements. Most of petroglyphs were located near ancient settlements. There are as separate images of animals (camels, goats, horses, bulls, deer, predators) as multifigured compositions of Bronze epoch and Early Iron age. Article deals with the main traditions of drawing on the rocks and artistic images of the Bronze Age and the Early Iron age in the petroglyphs of the Khantau mountains. The issues of functional purpose and semantics of the most vivid subjects of the ancient rock art of the region are investigated. The researches involve close cultural ties of the local population of Northern Tian-Shan and Central Kazakhstan in the Bronze Age and the Early Iron age.

Марьяшев А.Н., Горячев А.А., Егорова Т.А., Сараев В.В.

Институт археологии им. А.Х. Маргулана,
Алматы, Казахстан

ДРЕВНИЕ НАСКАЛЬНЫЕ РИСУНКИ ХРЕБТА КИНДЫКТАС

Аннотация. Статья посвящена изобразительному виду памятников одного из ключевых районов в системе функционирования Хантауского транзитного коридора – горного массива Киндыктас. Открытие в рамках проекта новых петроглифов близ скоплений древних памятников позволяет ставить вопрос о возможной связи между группами памятников, как в каждом отдельном микрорайоне, так и на уровне всего региона. Авторами выдвигается понимание изобразительных комплексов как предназначенных для коммуникации знаковых систем, в том числе маркирующих транзитные маршруты древнего населения Хантауского транзитного коридора.

Горы Киндыктас (1200–1300 м на ур. м.) являются северо-западным отрогом хребта Заилийский Алатау и одним из ключевых микрорайонов в системе функционирования Хантауского транзитного коридора (рис. 1: 1). Как показывают исследования, здесь находятся многочисленные древние археологические памятники – могильники, поселения и наскальные рисунки – свидетельства активной жизнедеятельности людей на протяжении многих веков. В результате археологических изысканий по настоящему проекту в районе горного массива Киндыктас комплексно исследованы материалы культуры племен эпохи бронзы и раннего железного века, значительную часть которых составляют петроглифы. Их изучение на территории Шуилийских гор позволило авторам статьи и другим специалистам выявить целую систему расположения небольших скоплений наскальных изображений близ древних поселений и могильников [Сараев, 1992, с. 22, 40; Марьяшев, Горячев, 2002, с. 61–64; Потапов, 2007; Марьяшев, Горячев, 2008, с. 101–109].

В ряду известных на сегодняшний день в регионе подобных памятников имеются скопления петроглифов в урочище Ой-Джайляу, на плато Жайсан, в долинах рек Унгулли и Шокпар, ущельях Мадьярсай, Киндык-

тас, Карасай, Кызылнора и Кызылсай и другие [Горячев, Сараев, Егорова Т., Егорова К., 2014, с. 3–15]. В рамках проекта серии небольших скоплений петроглифов отмечены и у юго-западных склонов хребта Киндыктас [Горячев, Ильин, 2019, с. 150–151]. Данные памятники частично изучались, однако полномасштабной систематизации их не проводилось.

Уже первичные исследования позволили не только предполагать наличие петроглифов в районе скоплений древних памятников региона, но и ставить вопрос о возможной взаимосвязи между группами памятников как в каждом отдельном микрорайоне, так и на уровне всего региона. Общие набор сюжетов и изобразительные традиции свидетельствуют о культурной близости древнего населения, их оставившего. Взаимосвязи древнего населения хребта Киндыктас также, возможно, определяются по хронологически и культурно близким памятникам наскального искусства в соседних регионах Центрального Казахстана, гор Каратау, Джунгарского и Заилийского Алатау. Настоящая работа призвана на примере петроглифических комплексов хребта Киндыктас установить внутренние и внешние взаимосвязи древнего населения Шуилийского региона.

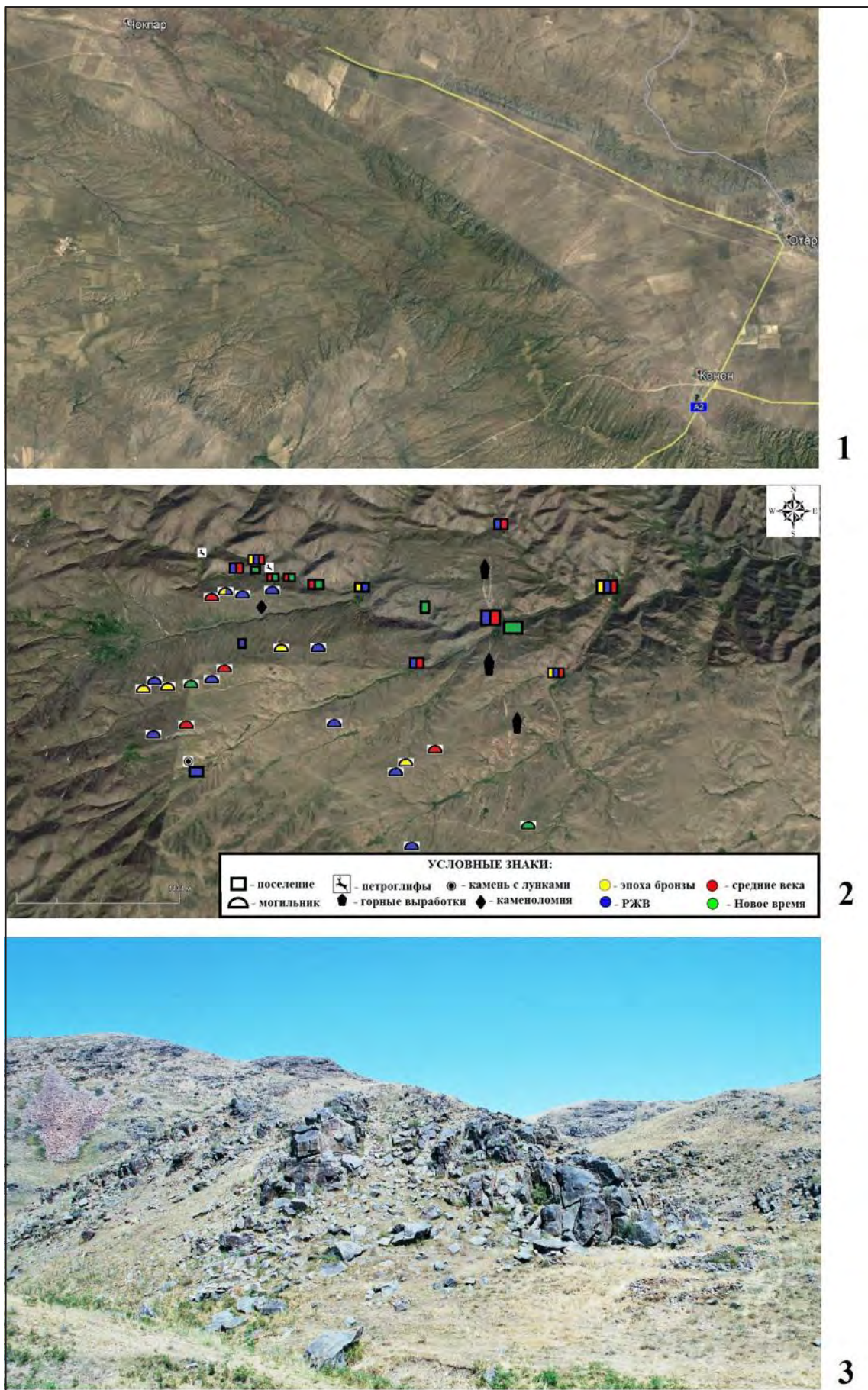

Рис. 1. Археологические памятники урочища Ой-Джайляу в горах Киндыктас: 1 – хребет Киндыктас на космоснимке; 2 – карта археологических памятников урочища Ой-Джайляу на космоснимке; 3 – центральная сопка с петроглифами в долине ручья Узынсyу, фото.

Петроглифы урочища Ой-Джайляу

Одним из опорных памятников для реконструкции хозяйственных и культурных связей древнего населения северо-восточных склонов хребта Киндыктас является известный археологический комплекс урочища Ой-Джайляу. Недавно открытые поминальные и поселенческие памятники с группами петроглифов, примыкающего к нему с восточной части ущелья Мадьярсай с единственным проходом в предгорные долины и степные равнины, только расширили и подтвердили его значение для транзитных маршрутов эпохи бронзы и раннего железного века в регионе.

Урочище Ой-Джайляу, где расположен комплекс, представляет собой горное плато (около 1200 м над у. м.). Оно простирается на 6–7 км с востока на запад и на 4–5 км с юга на север. В северо-западной его части по левому берегу ручья Узынсу на скальных выходах с темной патиной расположены 6 групп наскальных изображений. Первые сведения об этих петроглифах были сделаны еще в XIX веке А.Н. Красновым [Краснов, 1886]. В 70-е годы XX века наскальные изображения Ой-Джайляу обследовал краевед Н.Д. Черкасов. Им сделаны первые копии петроглифов, опубликованные А.Г. Медоевым [Медоев, 1979]. В течение ряда лет в середине 80-х годов XX века экспедицией КазПИ им. Абая и Института археологии им. А.Х. Маргулана проводились планомерные исследования поселений и могильников эпохи бронзы и раннего железного века на плато, а также сопутствующих им наскальных изображений. Было установлено, что наскальные рисунки относятся к трем эпохам: к эпохе бронзы, раннего железа и к древнетюркскому времени, тогда же были сделаны отдельные копии наиболее ярких сюжетов в центральной части петроглифического комплекса [Марьяшев, 1979, с. 211–229; Марьяшев, Горячев, 2002, с. 139–141].

В результате дальнейших работ по систематизации материалов памятника было выявлено свыше 50-ти скальных плит, на которых обнаружено около 300 наскальных изображений. Установлено, что все они сосредоточены на трех сопках по западному берегу левого притока ручья Узынсу, составляя некую структуру святилища с определенным «центром», содержанием сюжетов на отдельных сопках, выровненными площадками под скалами, кам-

нями жертвенниками вверху скальных гряд [Марьяшев, Горячев, 2008, с. 101]. Скопления наскальных рисунков обнаружены в районе двух поселений эпохи бронзы и раннего железного века (рис. 1: 2, 3).

Отдельные группы рисунков представляют собой небольшие скопления, нанесенные на скальные плиты с южной или юго-восточной экспозицией техникой выбивки с последующей шлифовкой. Ряд рисунков только шлифованы, что затрудняет их видимость. Эти петроглифы находятся либо на отдельных сопках близ древних хозпостроек, либо на предвершинной части невысоких увалов. В отличие от центрального скопления на них выполнены отдельные изображения животных или знаков. Из сюжетов изредка встречаются сцены охоты.

Наиболее ранние петроглифы эпохи бронзы размещены преимущественно на крайней к западу скальной гряде центральной сопки. Они занимают плоскости западной скалы и крупных каменных блоков, находящихся у ее подножия. В верхней части скалы выбита композиция с двумя крупными быками и собаками в тамгалинском стиле (рис. 2: 1). Фигура нижнего быка неоднократно подновлялась. Сюжет с преследованием хищниками травоядных животных более характерен для раннего железного века и относится к так называемым «сценам терзания», которые встречаются и в Ой-Джайляу. Однако иконографические особенности изображения быков, типичные для наиболее ранней группы петроглифов Тамгалы, позволяют считать, что этот мотив в наскальном искусстве получил развитие значительно раньше, еще в эпоху бронзы. Семантически подобные сюжеты связаны с культом быка.

В нижней части этой же скалы нанесена многофигурная композиция, состоящая из нескольких сюжетов (рис. 2: 2). В центральной части показана сцена охоты «великана-лучника» с собакой на козла, уничтоженная во время последующих подновлений. Выше прорисованы крупные фигуры двух козлов, буйвола (?) и быка в «тамгалинском стиле». В левом верхнем углу показан лучник, стреляющий во всадника. Сцена охоты повторяется в композиции эпохи бронзы на крупной каменной плите, лежащей у подножия скальной гряды (рис. 2: 3), где изображены лучники, быки, козлы, архары и, возможно, хищники. В центре

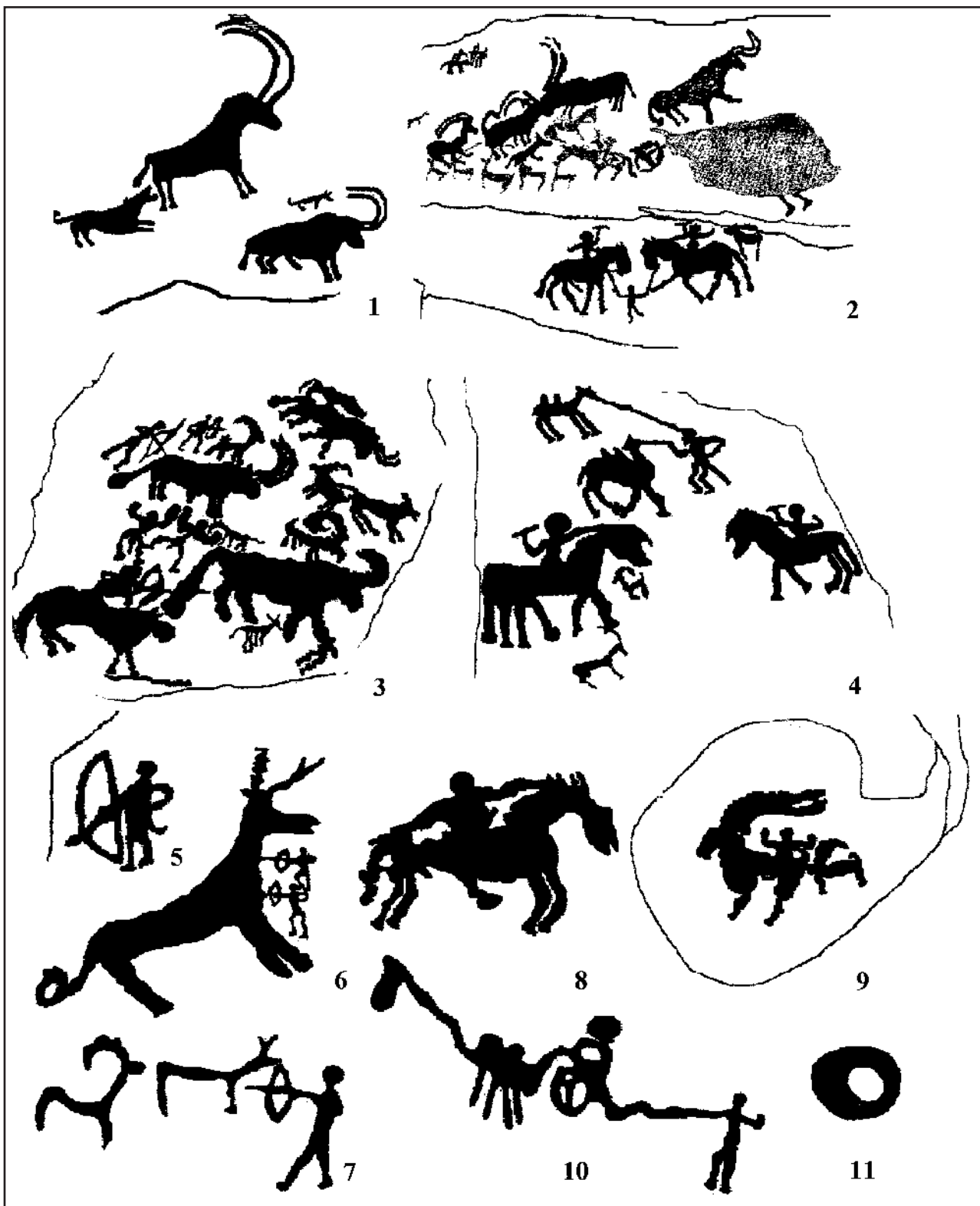

Рис. 2. Сюжетные композиции в петроглифах эпохи бронзы урочища Ой-Джайляу.

всей композиции расположены две фигуры мужчин с поднятыми вверх руками.

В нижней части композиции, под трещиной, разделяющей скалу на блоки, изображены в поединке два всадника с боевыми клевцами или чеканами в руках. Конь и лошадь, хвосты которых подвязаны, держит под узды человек. Справа за крупом лошади, высечен козел.

Следует отметить, что всадники неоднократно подновлялись, в результате чего на фоне всей остальной композиции они выглядят светлее. Похожий сюжет повторяется на плоскости этой же скалы с юго-восточной экспозицией (рис. 2: 4). Также, как в предыдущей сцене, воины с оружием восседают на противостоящих коне и лошади. У обоих всадников головы

непропорционально укрупнены. Конь и лошадь имеют характерные челки, зато не показана узда. Под конем позже нанесены на скалу два козла раннего железного века. Поверх всадников изображен человек, держащий в поводу двух верблюдов. Следует отметить, что композиции с изображением воинов-всадников выполнены техникой протирки, что, вероятно, вызвано особенностями скальной породы, легко распадающейся от прямых ударов по поверхности.

Батальные сюжеты в наиболее ранних петроглифах крайне редки. Надо отметить, что в археологических материалах этой эпохи находки предметов вооружения встречаются не часто, в то время как в петроглифах в сценах охоты, поединках и противоборства запечатлены различные виды оружия. В данном случае чеканы, или клевцы – короткое древковое оружие ближнего боя с узким, горизонтально расположенным клинком, заканчивающимся острием. Все аналогии из территориально близлежащих к урочищу Ой-Джайляу памятников наскального искусства (долина Теректы, урочища Каракыр и Тамгалы) свидетельствуют о распространении подобного вида оружия в период поздней бронзы и на переходном этапе к раннему железному веку [Горячев, Егорова, 2019, с. 219–226]. К тому же времени относятся изобразительные параллели этим чеканам в Северо-Восточном Жетысу, хребте Каратау и в более отдаленных памятниках Сибири и Центральной Азии.

Данные композиции относятся к воинскому культу, зарождающегося в период смены эпох, который сопровождается многочисленными военными столкновениями. В позднебронзовом веке в петроглифах Южного Казахстана и Средней Азии значительным образом увеличивается количество батальных сюжетов: сцены единоборств, композиции со сценами боя двух групп воинов, вооруженных дубинками, чеканами, луками и копьями [Марьяшев, Горячев, 2002, с. 31–32, 57].

Древнейшая группа петроглифов представлена рисунками эпохи бронзы – фигурами диких быков-туров, козлов, собак, мужчин с воздетыми вверх руками, пеших лучников. Сцены охоты являются наиболее распространенными среди других сюжетов в петроглифах эпохи бронзы (рис. 2: 5–7). Помимо этого, встречаются изображения всадников на коне и козле, вероятно, нанесенные уже позднее

(рис. 2: 8, 9), причем фигура всадника на козле была помещена внутри выемки в скале, образовавшейся в результате естественного выветривания. К этой же группе относится и фигура верблюда (?) с неестественно длинной шеей, запряженного в повозку или колесницу, управляемую человеком (рис. 2: 10). Особую группу петроглифов эпохи бронзы составляют лункообразные очковидные знаки (рис. 2: 11). Они были выбиты на отдельных камнях, лежащих на вершине одиночной сопки. Лунки обращены вверх, выбивка глубокая до 1,5 см. Наиболее большую группу рисунков эпохи бронзы составляют изображения животных – быков, козлов и архаров, реже собак (рис. 3: 8–15).

Подобные изображения известны на многочисленных памятниках Шуилийских гор. Их объединяют и некоторые стилистические признаки: у быков неестественно удлиненные изогнутые рога, на концах хвостов просматриваются кисти в форме шаров. Выделяются два типа в изображении быков: с изогнутыми рогами, загнутыми вверх, и вытянутыми вперед. Часто встречаются фигуры быков с выделенными копытами. Все эти признаки известны и в петроглифах гор Анрахай (Тамгалы, Аккайнар) и Кульжабасы, где они датируются эпохой бронзы. Их объединяет ряд признаков, по которым он получил название «тамгалинский» стиль или традиция [Марьяшев, Горячев, 2002, с. 31–35], что позволяет по аналогиям с древнейшей группой петроглифов Тамгалы отнести данные рисунки к середине II тысячелетия до н.э. В то время как в нижней ее части имеются такие детали, как боевое оружие, известное в Центральной Азии с конца II тысячелетия до н. э. и до середины I тысячелетия до н. э. [Кубарев, 1988, с. 78, 133; Новгорова, 1989; Марьяшев, Горячев, 2002, с. 32]. В композициях из урочища Ой-Джайляу достаточно ярко выделяются изображения коня и лошади с челками, а также фигуры верблюдов в батальных сюжетах. Подобные же изображения верблюда и лошадей с челками во второй композиции встречаются в петроглифах гор Каратау и центрально-казахстанского региона, где они датируются периодами поздней и финальной бронзы [Кадырбаев, Марьяшев, 1977, с. 213; Марьяшев, Горячев, 2002, с. 54, табл. IX, XXI; Новоженков, 2002, табл. 30–34].

Представленные рисунки эпохи бронзы урочища Ой-Джайляу составляют наиболее

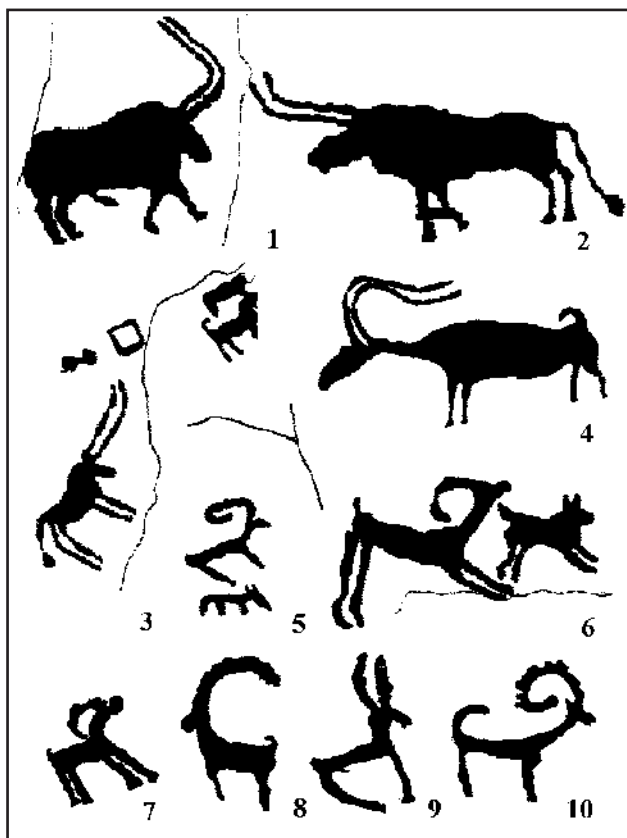

Рис. 3. Изображения животных в петроглифах эпохи бронзы урочища Ой-Джайляу.

многочисленную группу петроглифов. Среди них можно выделить пласт изображений, который определяется как промежуточный по времени между петроглифами эпохи бронзы и сакского времени. Однако, основные религиозные мотивы, такие как почитание священных животных, остаются неизменными. В тоже время среди традиционных батальных сюжетов в петроглифах эпохи палеометалла отмечены сцены, которые свидетельствуют о широком освоении лошади в эпоху бронзы, в том числе и под верховую езду. Аналогии этим сюжетам, как нами отмечалось ранее, имеются по всей территории Жетысу [Горячев, Егорова, 2019, с. 223]. С учетом исследований памятников ботайской культуры, которые показывают, что domestикация лошади в степной зоне Казахстана произошла в конце IV–III тыс. до н. э. [Зайберт, 2009, с. 410–411], можно предположить ее освоение под верховую езду к периоду поздней бронзы в военном деле, что получило отражение в наскальных рисунках гор Киндыктас.

Петроглифы ущелья Мадьярсай

Ущелье Мадьярсай, протяженностью 5,5 км с северо-востока на юго-запад, является про-

ходным по маршруту от северо-восточных склонов хребта Киндыктас на плато Ой-Джайляу. В центральной части оно раздваивается на узкий каньон одноименного ручья и относительно широкую долину его бокового притока, где находится основная группа археологических памятников ущелья (рис. 4: 1). Здесь обнаружено 4 древних поселения и 2 средневековые усадьбы, в районе которых зафиксированы 3 скопления наскальных рисунков. Еще одна их группа найдена на вершине сопки, разделяющих ущелье на южный и северный отщелки.

В отличие от петроглифов в урочище Ой-Джайляу, расположенных достаточно компактно, наскальные изображения в ущелье Мадьярсай устроены отдельными небольшими скоплениями от 3–8 фигур на одной-двух плитах до серии разновременных рисунков, устроенных на 6–14 плитах (рис. 4: 2–5). Среди технических приемов изготовления петроглифов этих периодов преобладают мелкоточечная и крупноточечная выбивка. Более древние рисунки дополнительно зашлифовывались внутри выбитого контура. В ущелье зафиксировано около 70 петроглифов на 23 скальных плитах или отдельных камнях. Основную массу сюжетов составляют фигуры животных – козлов, архаров, верблюдов, оленей, крупного рогатого скота, собак, хищников. Редко встречаются изображения лошадей, которые являются в соседнем урочище одним из ведущих образов в наскальных рисунках. Изображения людей встречаются редко, преимущественно в сценах охоты, причем в разновременных рисунках.

Самое значительное по количеству скопление петроглифов обнаружено в верховьях левого притока ручья Мадьярсай по северо-западному борту ущелья. Под сопкой с рисунками найдены следы древнего поселения. Около 40 петроглифов зафиксировано на плитах с южной и юго-восточной экспозицией на двух скальных блоках. Большая часть рисунков по набору сюжетов и стилистике изображений относится к бронзовому веку.

Среди них найдены два знака колесниц (рис. 5: 1, 2), композиции с фигурами собак, хищников (рис. 5: 3, 4). Встречаются антропоморфные фигуры. Здесь же на отдельном гранитном валуне на плоскостях, обращенных вверх, найдены 4 чашевидных углубления, диаметром 5–8 см и глубиной до 1 см. На

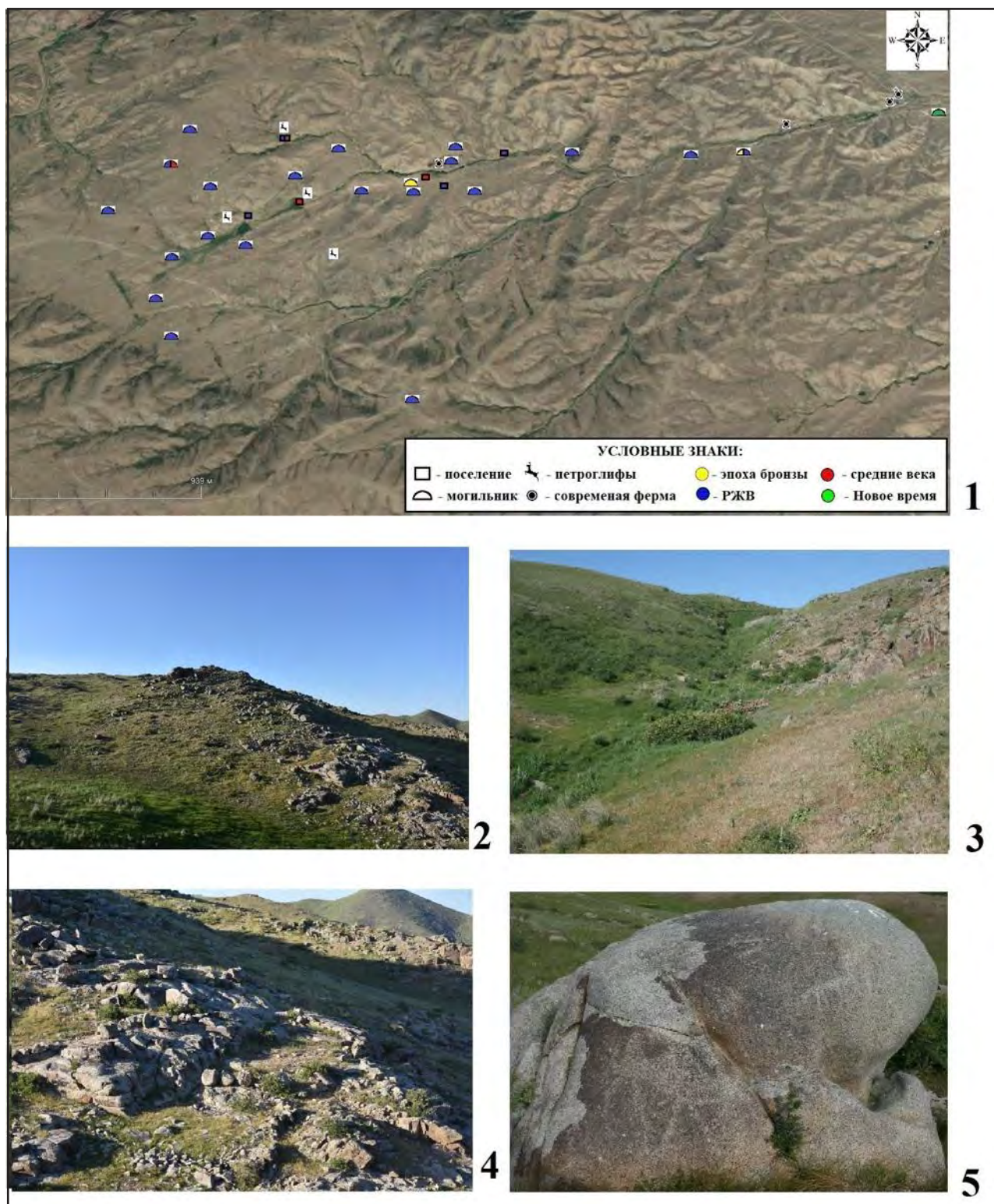

Рис. 4. Памятники наскального искусства ущелья Мадьярсай: 1 – карта археологических памятников ущелья на космоснимке; 2 – первая группа скал с петроглифами в верховьях ущелья, фото; 3 – вторая группа скал с петроглифами в боковом саяе ущелья, фото; 4 – следы древнего поселения близ скал с петроглифами в боковом саяе, фото; 5 – крупный валун с петроглифами на перевале между северным и южным отщелками, фото.

боковой грани камня высечена фигура козла, выполненная в традициях, характерных для эпохи бронзы данного региона (рис. 5: 5).

Другая группа петроглифов найдена в верховьях бокового сая, примыкающего к основ-

ному ущелью с северной стороны. Рисунки зафиксированы на плитах с южной и юго-восточной экспозицией скального выхода, под которым было устроено древнее и средневековое поселение. В 100 м перед поселением

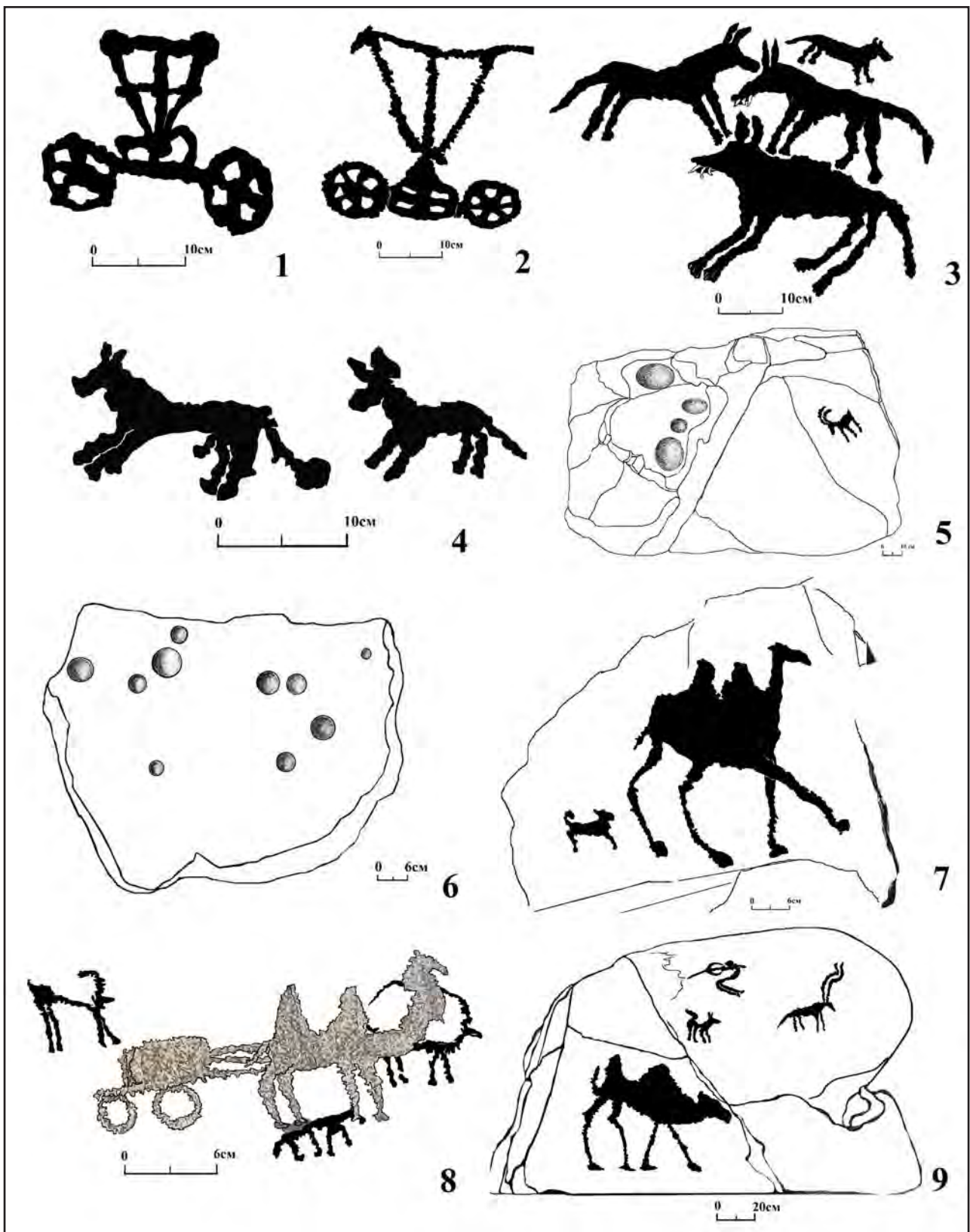

Рис. 5. Петроглифы эпохи бронзы ущелья Мадьярсай.

по правому берегу ручья обнаружен крупный гранитный валун, на верхней грани которого отмечены 12 чашевидных лунок диаметром 4–6 см и глубиной 0,5–0,7 см (рис. 5: 6). Всего на скалах в этом отщелке найдено 21 изображение. К древним рисункам можно отнести два сю-

жета с изображением верблюдов (рис. 5: 7, 8). В одном из них показан идущий верблюд, выполненный в характерных традициях звериного стиля раннего железного века. За ним прослеживается неясная фигура животного. Другой сюжет демонстрирует изображение этого жи-

вотного, запряженного в повозку. Сцена перекрывает более древние нечеткие рисунки с двумя козлами и хищником (?). Композиция была существенно подновлена в средневековую эпоху, особенно колеса повозки и фигура верблюда.

Еще одна группа наскальных рисунков бронзового века обнаружена на вершине сопки, разделяющей северный и южный участки ущелья Мадьярсай. Они были зафиксированы на отдельном гранитном валуне, с южной стороны поверхности которого образовалась патина (рис. 5: 9). Камень овальной формы размерами 2,2x1,6 м h 1,1 м. На патинированной нижней части изображен идущий верблюд, в правой верхней боковой грани – бык с длинными вытянутыми рогами. На верхней грани камня показана фигура лучника, стреляющего с колен. Объект охоты неизвестен, так как участок камня перед лучником выщерблен. Фигуры крупных размеров: верблюда – 50 см, быка – 25 см. Высота лучника от головы до ног 30 см. Стилистические особенности изображений позволяют отнести период создания всей композиции к эпохе бронзы.

Основные образы наскального искусства бронзового века в петроглифах ущелья Мадьярсай представлены изображениями животных, антропоморфными фигурами и знаками колесницы. Последние очень показательны по своей стилистике и характерны для наскального искусства эпохи бронзы именно Шуилийских гор и хребта Каратау.

Исследованные петроглифы эпохи палеометалла у северо-западной оконечности гор Киндыктас обнаружены в ущельях Кызылнора, Кызылсай и Шокпар (рис. 6).

Петроглифы ущелья Шокпар

Петроглифы были обнаружены на скалах узкого каньона ручья Шокпар, текущего в меридианном направлении. С восточной и западной сторон каньона расположены долины, которые называются местным населением Сартай и Борибай. Непосредственно в долинах и к северу от ущелья обнаружены два крупных разновременных могильника от эпохи бронзы до средневековья и отдельные группы курганов раннего железного века. Скопления петроглифов от эпохи бронзы до средневековья найдены в непосредственной близости восточнее жилых и хозяйственных строений. Только на

выходе из ущелья в долину Борибай петроглифы и поселение разделены руслом ручья.

Петроглифы по обоим берегам ручья Шокпар расположены на скалах преимущественно с южной экспозицией. Древнейшая группа из них относится к эпохе бронзы (рис.7). Это, прежде всего, изображения диких быков-туров, верблюдов, лошадей, архаров, козлов, собак, мужчин в сценах «противоборства». Подобные сюжеты известны на многочисленных памятниках близлежащих регионов. В ущелье Шокпар среди петроглифов эпохи бронзы наиболее яркими являются сцены с быками в тамгалинской традиции. Их объединяют и некоторые стилистические признаки: у быков неестественно удлиненные изогнутые рога, на массивном корпусе просматривается надлопаточный горб, на концах хвостов выделены кисти в форме шаров. Все эти признаки известны и в петроглифах Тамгалы и Кульжабасы, где такие рисунки датируются эпохой бронзы [Максимова, Марьяшев, Ермолаева, 1985; Марьяшев, Железняков, 2013].

Наиболее ранние петроглифы эпохи бронзы размещены на гряде скалы с южной экспозицией, примыкающей к хозяйственному двору поселения, расположенного в восточной части комплекса. Интересным предстает большое композиционное панно с фигурами быков-туров эпохи бронзы, выполненное двухчастно

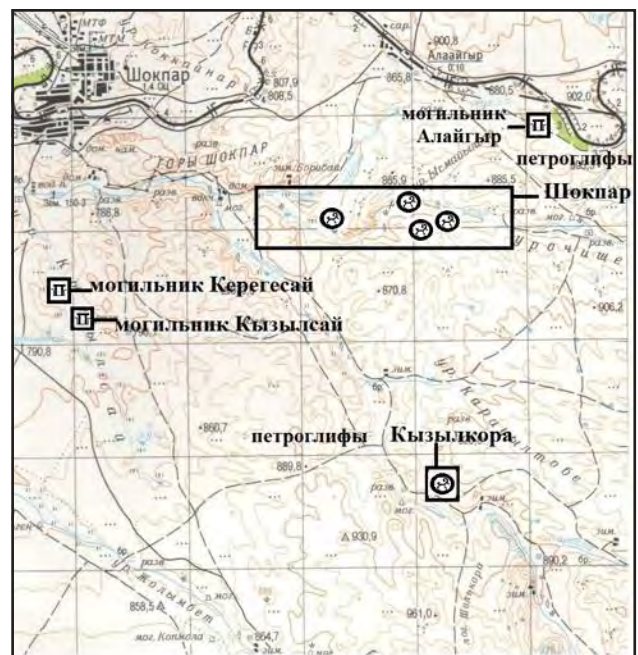

Рис. 6. Карта археологических памятников эпохи палеометалла у северо-западной оконечности хребта Киндыктас.

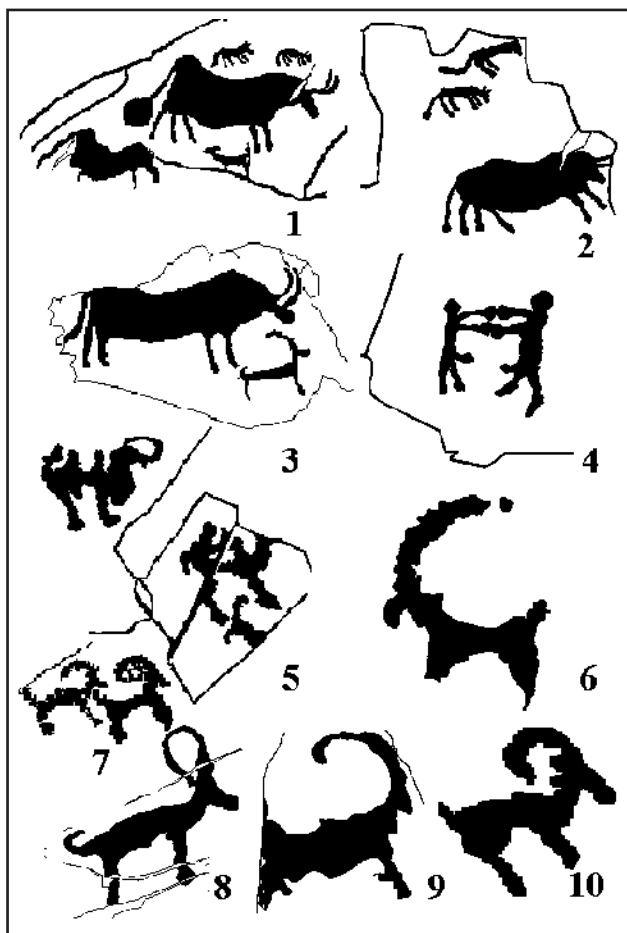

Рис. 7. Петроглифы эпохи бронзы ущелья Шокпар.

на разломанной скальной гряде. Левая часть скалы имеет законченную композицию с изображением крупного быка, которого преследуют два хищника (волки), внизу навстречу показана собака. Фигуры волков очень выразительны и реалистичны, они показаны в движении преследования животных – крупные головы опущены, мощные лапы, хвосты напряжены и опущены вниз (рис. 7: 1). Собака, в отличие от волков, имеет небольшую, поднятую вверх голову, туловище короткое, лапы маленькие, высоко поднятый и закрученный колечком хвост. Бык изображен с изогнутыми рогами, крупным брюхом, фаллосом, хвостом, оканчивающимся большой шарообразной кисточкой. Левее и ниже обозначена крупная фигура лошади. Техника нанесения всех элементов композиции – контурная выбивка со сплошной шлифовкой.

Горизонтальная правая часть скалы также демонстрирует сюжет преследования быка двумя хищниками (рис. 7: 2). Удерживает внимание гипертрофированный фаллос, показанный у обоих животных. На втором ярусе этой

же гряды имеется еще одна фигура быка в паре с рисунком козла. В отличие от двух предыдущих эта композиция не выражает динамику движения персонажей: оба животных статичны, отсутствуют половые признаки (рис. 7: 3).

Выразительной представляется многофигурная композиция с изображением людей и верблюдов на выходе из ущелья в долину Борибай. На нижней части скалы изображены двое мужчин (рис. 7: 4). Поднятые в поединке руки означают «противостояние». Такой мотив распространен среди древнего пласта наскальных изображений: нередко персонажи отобразены в кулачном бою, сражаются с боевым оружием – с топорами в руках, с палицами через плечо, с луками, стрелы которых нацелены друг в друга и пр. В Тамгалы это петроглифы II и V групп, часто встречаются сцены противоборства среди петроглифов урочища Каракыр, хребта Каратау и в горах Ешкиольмес [Кадырбаев, Марьяшев, 1977, с. 208; Марьяшев, Горячев, 2002, табл. V, VI, XX; Потапов, 2007, с. 24–26]. Рядом с парой воинов показана пара двугорбых верблюдов, также выполненных в эпоху бронзы (рис. 7: 5). На плоскости скалы мы наблюдаем присутствие у одного верблюда некоторой упряжной детали округлой формы над головой и мордой животного. Второй рисунок верблюда поврежден разломом, внизу рядом с ним определяется собака, от которой осталась видимой короткая часть корпуса и завиток хвоста. Вверху скалы находится фигура козла в «битреугольном» стиле (рис. 7: 6).

Такие петроглифы относятся исследователями к наиболее ранним древним изображениям [Шер, 1980, рис. 1, 19, 1]. Рисунок козла подновлен в более позднее время, возможно, в эпоху раннего железа – сделана попытка округления тельца животного и придано характерное столбообразное очертание конечностям ног. Петроглифы верблюдов также подновлены и продолжены в ряд еще четырьмя изображениями этих животных в эпоху раннего железного века. Вверху слева над этим стадом видится сцена преследования хищником козла, справа – кошачий хищник, исполненные в той же стилистике. Двугорбых верблюдов в ущелье отмечено около 20 фигур. Крупные контурные фигуры верблюдов выполнены выбивкой и шлифованы. Встречающиеся

рисунки верблюдов в ущелье определяются как изображения диких животных. Это и отдельные животные, и верблюды в стае, и верблюдица с верблюжонком.

Наличие же в сюжете эпохи бронзы у одного верблюда некоего подобия упряжи, сопровождение второго собакой позволяет предположить, что показаны одомашненные верблюды. Образ верблюда-бактриана – распространенный сюжет наскального искусства Казахстана и Средней Азии [Кадырбаев, Марьяшев, 1977, с. 176]. Здесь верблюд был одомашнен и использовался в качестве верхового и тяглового животного, по мнению исследователей, уже в период андроновской и тазабагыбской культур во 2 тыс. до н. э. [Кузьмина, 1994, с. 164, 165].

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что отдельные группы рисунков выполнены различными техническими приемами нанесения изображений на скалы. Так мелкоточечной выбивкой тщательно исполнены изображения козлов эпохи бронзы (табл. 7: 7, 8, 9, 10). Необычным выглядит круг рогов одного из животных, замыкающихся в узкой петле. Некоторые аналогии данному образу прослеживаются в фигурах козлов из Тамгалы, рога которых замыкаются на хвост или круп [Горячев, Егорова, 2007, с. 88–99]. Данный рисунок расположен отдельно восточнее всех групп петроглифов на высокой скальной гряде, что придает ему особый символизм. Своеобразной техникой исполнения отмечен сюжет с лошастью и стоящим рядом человеком. Корпус животного исполнен грубой резкой щербатой выбивкой – крупная холка, тонкий хвост, длинные тонкие дугообразные ноги. В изображении человека также виден грубый след резца, выбоинами обрисовавший его контур.

Петроглифы ущелья Кызылнора

Петроглифы в урочище Кызылнора, находящиеся в 3 км к западу от «святилища» ущелья Шокпар, расположены на скальных плитах близ древних поселений. В соседнем ущелье Кызылсай к востоку от комплекса зафиксировано два крупных могильника эпохи бронзы. Возле одного из поселений найдено скопление петроглифов общей численностью около 150 рисунков, большая часть которых относится к эпохе бронзы. Петроглифы сосредоточены на двух сопках, на нескольких скальных грядах,

расположенных у входа в урочище с северной стороны. Часть рисунков эпохи бронзы подновлялась неоднократно в разные периоды времени.

Петроглифы по обоим бортам ущелья Кызылнора расположены на скалах с южной экспозицией. Основной способ нанесения всех рисунков – контурная выбивка со сплошной шлифовкой. В ущелье Кызылнора среди изображений эпохи бронзы фигуры быков немногочисленны, тем сильнее обращает на себя внимание отдельный рисунок быка-тура: мощный корпус, поджарое брюхо, хвост, оканчивается небольшой округлой кисточкой, удлинённая шея и рога, загнутые вверх (рис. 8: 1). Данное изображение животного имеет сходные стилистические черты с рисунками быков гор Кульжабасы [Байпаков, Марьяшев, 2004, рис. 28].

В несколько иной манере выполнена фигура коровы (рис. 8: 2). У нее выделен один короткий прямой рог, раздутое брюхо и вымя. Изображение животного выполнено более тщательно, «прямые рога» в наложении боковой проекции, массивный дугообразный корпус, шарообразные окончания проработанных ног, выписаны детали. Семантическая наполняемость образа коровы исходит из таких посылов, как пожелание благосостояния, изобилия, плодородия.

Образ верблюда также представлен в мелкосопочнике Кызылнора, возможно, это связано со значимостью верблюда в хозяйственном укладе в условиях засушливости региона. Уже в эпоху бронзы разведение верблюдов становится одной из частей хозяйственной деятельности человека. Среди рисунков ущелья Кызылнора есть изображение человека, ведущего верблюда в поводу. Представлена многофигурная композиция с изображением людей и верблюдов (рис. 8: 3). Фигуры двугорбых верблюдов подновлены, более крупному верблюду горбы добавлены в высоту и поставлен между ними человек с предметом, напоминающим аркан, который он набрасывает через голову на морду животного. Подобная петля, определяемая как предмет упряжи, была встречена в сюжете эпохи бронзы петроглифов ущелья Шокпар, описанного выше. У верблюда, вероятно, уже вставлен мурундук, с помощью которого осуществляется управление запряженного верблюда. Возможно, изображение древним человеком одомашненного верблюда явилось недостаточным для людей более позднего вре-

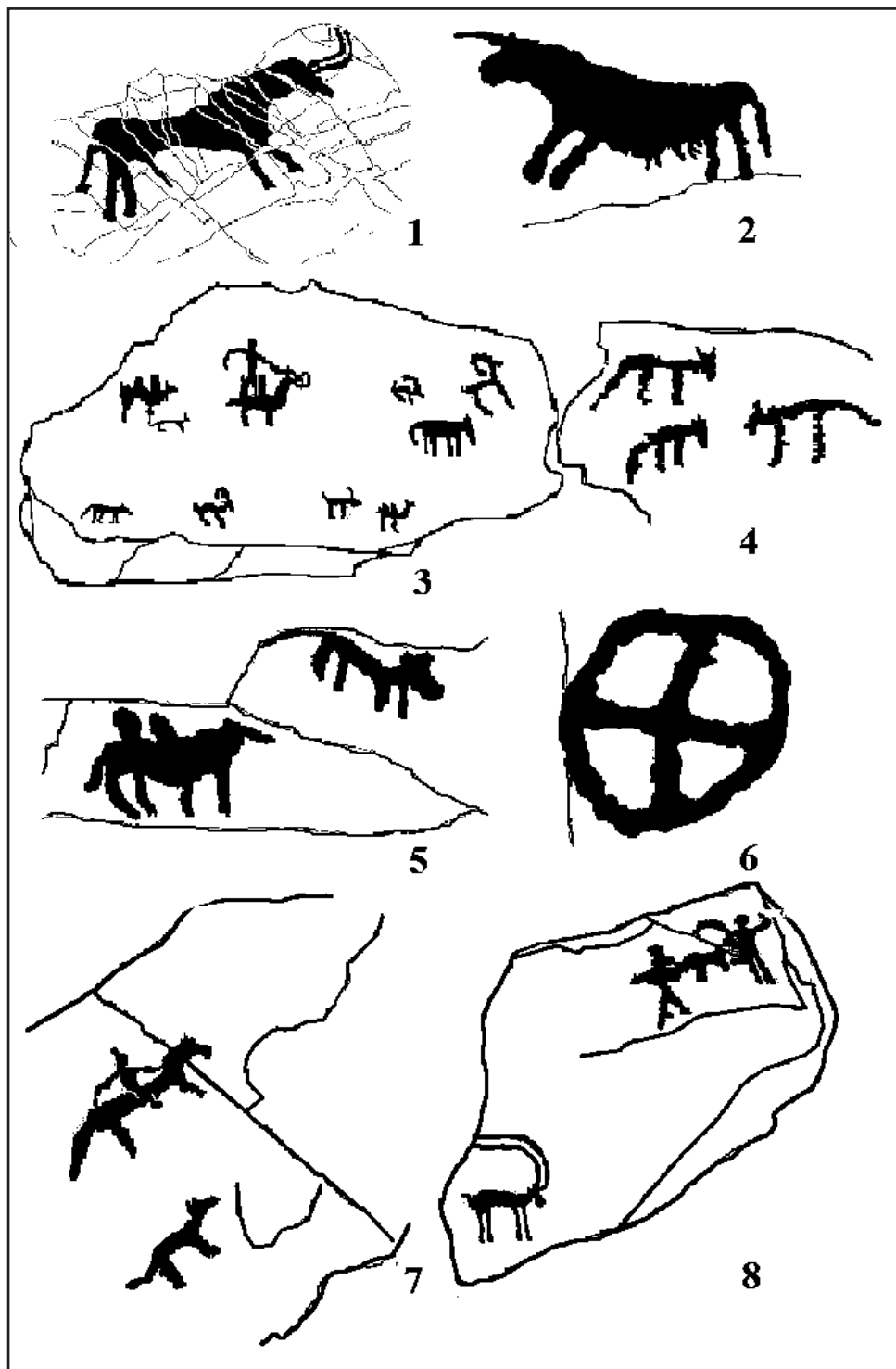

Рис. 8. Петроглифы эпохи бронзы ущелья Кызылнора.

мени, поэтому были добавлены детали (человек + верблюд в качестве верхового животного и аркан) для усиления понимания смысла, что не противоречит первоначальному замыслу древнего художника [Кузьмина, 1994, с. 164, 165].

Необычным сюжетом, нечасто встречаемым в петроглифах, но высеченным в ущелье Кызылнора, можно назвать «противостояние хищников» (рис. 8: 4). На небольшой скальной плите изображены три фигуры хищных жи-

вотных. Слева высечены два волка напротив кошачьего хищника. Облик волков передан характерными чертами – большие головы опущены вниз в большом напряжении, длинный хвост настороженно приспущен книзу, вздыбленная шерсть передана прерывистой включенной выбивкой. Абрис противника передан более утонченными плавными линиями, настороженно поднятыми небольшими ушами, плоская морда обращена на волков, кончик,

оканчивающийся небольшим шарообразным утолщением длинного тонкого хвоста, выгнутого в напряжении дугой, приподнят в угрозе. В сюжете наиболее точно переданы наблюдения о характере и повадках животных в природной среде. К таким сценам можно отнести и другой рисунок – хищника и верблюда (рис. 8: 5).

Преимущественно на скалах в древности изображались дикие животные – козлы, архары, олени, быки, хищники. Среди фигур животных этого комплекса как в эпоху бронзы, так и в раннем железном веке наиболее часто изображались козлы и архары. Козел с древних времен у разных народов являлся своеобразным символом плодородия. При этом плодородие рассматривается не как конкретное проявление, а как высший закон природы. Поэтому на большинстве скал ущелий Кызылнора и Шокпар встречаются именно эти изображения. Вероятно, что в малом освоенном пространстве древнему человеку необходимо было отразить именно эти жизнеобеспечивающие моменты.

В петроглифических композициях фигуры козлов нередко сопровождаются различными знаками, что обращает внимание на сложное и глубокое понимание этого образа в древности. Так, в ущелье Кызылнора на одной скальной композиции в центре размещен солярный знак, вокруг которого сосредоточены козлы и обозначен хищник, преследующий животных. Знак колеса представляет собой окружность, внутри которой расположены крестообразно прямые линии (рис. 8: 6). Такое изображение широко распространено в петроглифах многих регионов, в том числе и наиболее значительном памятнике региона святилище Тамгалы [Марьяшев, Горячев, 2002, с. 106]. Этот знак древний человек наделил особыми сакральными свойствами. Он включает в себя несколько семантических пластов. Колесо как наиболее важный элемент колесницы осмыслялось как символ Вселенной – мандал... Крест в древних архаических культурах символизировал четыре стороны света, а в некоторых связан с идеей поклонения солнцу, как плодоносящей силе [Хужаназаров, 2000, с. 225].

Интересным представляется сюжет эпохи бронзы из ущелья Кызылнора, в котором показаны два человека, держащие козла с двух сторон (рис. 8: 7). Вероятно, показан обряд жертвоприношения животного в манере более

характерной для сцен «терзания», получивших распространение в раннем железном веке. В нижнем углу плиты изображен козел с необычайно крупными рогами, уходящими за спину. Подобная иконография козлов характерна для культовых сцен святилища Тамгалы и подчеркивает ритуальный характер композиции [Горячев, Егорова, 2007, с. 90, рис. 1].

Необычным для петроглифов эпохи бронзы региона выглядит фигура всадника на лошади и сопровождающей их собакой (рис. 8: 8). В рисунке отсутствует изображение седла и стремян. Повод обозначен тонкой линией от руки к крупу животного. В подобной традиции встречаются фигуры всадников на лошадях в петроглифах урочища Ой-Джайляу и датируются периодом поздней бронзы.

Сцены этого петроглифического комплекса степного ущелья мало отражают охоту. Встречаемость сюжетов с целым рядом одомашненных животных вблизи древних жилищ позволяет говорить о комплексном типе хозяйства в малых стационарных поселениях среди небольших сопков, в ущельях, представляющих ойкумену древних племен. По мнению специалистов, этих животных одомашнили неолитические племена Центральной и Средней Азии, что привело к сложению своеобразной комплексной скотоводческой культуры в III–II тыс. до н. э. [Кузьмина, 1994, с. 200–203]. Такая ситуация лишь подчеркивает традиционность жизненного уклада древних скотоводов Жетысу на протяжении нескольких исторических периодов.

Представленные рисунки эпохи палеометалла хребта Киндыктас являются частью археологических комплексов и, несомненно, играют определенную роль в организации культурного ландшафта древним населением этого микрорегиона. Все петроглифы высечены на скалах, непосредственно примыкающих к жилым конструкциям, или на сопках, у подножия которых фиксируются жилые строения. Этот фактор не позволял создать вокруг рисунков сакральное пространство святилища в традиционном понимании его структурной организации. Но наличие среди петроглифов культовых сюжетов и ритуальных сцен позволяет считать, что наскальные изображения отражали определенные религиозные представления их создателей и являлись составной частью ритуальной практики. Особенностью этой прак-

тики было обязательное наличие рисунков на скалах вблизи жилищ.

По своему составу эти скопления петроглифов существенно уступают известным святилищам региона. Количество рисунков в них варьирует от 50 до 250. Они гораздо беднее по объему культовых сюжетов и ритуальных сцен и менее выразительны стилистически. Как правило, в таких скоплениях на каждом историческом этапе выделяется один или два ведущих образа, который регулярно повторяется в серии сюжетов. Чаще всего центральную часть скопления занимает крупная фигура наиболее значимого животного. Ведущим образом среди наиболее древней части рисунков эпохи бронзы можно отметить изображения быка. Среди них выделяется пласт петроглифов, который определяется как промежуточный между рисунками эпохи бронзы и сакского времени. К ним относятся сюжеты с верблюдами, которые дублируются и в раннем железном веке. Эти рисунки предположительно датируются рубежом II—I тыс. до н. э.

В составе многочисленных петроглифов различных комплексов встречены образы этого времени, перекликающиеся с другими памятниками Жетысу (Тамгалы, Хантау, Ешкиольмес) и более отдаленных территорий Средней Азии, Сибири и Западной Монголии,

такие как знаки колесниц, солярные символы, поддерживающие некую идентичность, для большинства рисунков отмечена традиционность сюжетов. Сюжеты петроглифов аналогичны рисункам других памятников южных регионов Казахстана. Многие скопления петроглифов имеют отдельные рисунки, выполненные в «тамгалинской традиции», в основном, это животные.

Определяя хронологию и типологию древних рисунков местности гор Киндыктас, можно сказать о стилистической близости многих из них как петроглифам Тамгалы, так и его округи, это позволяет сделать вывод, что в целом они связаны с одной этнокультурной традицией. Прямые аналогии наскальным изображениям региона обнаруживаются в известных комплексах гор Шуили, Киндыктас, Кулжабасы, Серектас и Анрахай, которые вместе с хребтом Хантау составляют общую систему степных гор Шу-Илейского междуречья. Именно здесь ярко прослеживаются параллели традициям древнего наскального искусства Центрального Казахстана. Все они имеют аналогии в наскальном искусстве племен Алтая, Южной Сибири и Монголии, что может быть связано с миграцией части населения из этих регионов на юг Казахстана через Хантауский транзитный коридор.

ЛИТЕРАТУРА

- Байпаков К.М., Марьяшев А.Н. Петроглифы Ак-Кайнара. Алматы: [б. и.], 2009. 104 с.
- Горячев А.А., Сараев В.В., Егорова Т.А. Егорова К.А. Петроглифы северо-западных склонов хребта Киндыктас // Известия НАН РК / Серия общественных и гуманитарных наук. 2014. № 5 (297). С. 3–15.
- Горячев А.А., Егорова К.А. Семантический аспект одной иконографической традиции изображений козлов в петроглифах Южного Казахстана и Киргизии // История и археология Семиречья. Вып. 3. Алматы: Фонд «Родничок», 2007, С. 88–99.
- Горячев А.А., Егорова Т.А. Сцены боя всадников эпохи бронзы из урочища Ой-Джайляу // История и археология Семиречья. Вып. 6. Алматы: [б. и.], 2019. С. 219–228.
- Горячев А.А., Ильин Р.В. Итоги археологической разведки памятников эпохи палеометалла и раннего железного века в горах Киндыктас // Материалы международной научно-практической конференции «Методы и методология естественных наук в полевых археологических исследованиях» 18 сентября 2019 г. Алматы: Қазақ университеті, 2019. С. 150–164.
- Зайберт В.Ф. Ботайская культура. Алматы: ҚазАқпарат, 2009. 566 с.
- Максимова А. Г., Ермолаева А.С., Марьяшев А.Н. Наскальные изображения урочища Тамгалы. Алма-Ата: Изд-во «Өнер», 1985. 144 с.
- Марьяшев А.Н. Петроглифы Семиречья // Звери в камне (Первобытное искусство). Новосибирск: Наука, 1979. С. 211–229.

Марьяшев А.Н., Горячев А.А. Наскальные изображения Семиречья. Издание второе. Алматы: Фонд «XXI век», 2002. 264 с.

Марьяшев А.Н., Горячев А.А. Петроглифы поздней бронзы и раннего железного века в урочище Ой-Джайляу // Известия НАН РК / Серия обществ. наук. № 1 (254). 2008. С. 101–109.

Марьяшев А.Н., Железняков Б.А. Древности Кулжабасы. Алматы: [б. и.], 2013. 150 с.

Потапов С.А. Древнее святилище Каракыр. Алматы: [б. и.], 2007. 176 с.

Сараев В. В. К вопросу изучения археологических памятников Заилийского Алатау // Археологические исследования в Казахстане. Алма-Ата: Изд-во КазПИ им. Абая, 1992. С. 82–88.

Медоев А.Г. Гравюры на скалах. Сары-Арка, Мангышлак. Часть первая. Алма-Ата, 1979. 176 с.

Кадырбаев М.К., Марьяшев А.Н. Наскальные изображения хребта Каратау. Алма-Ата: [б. и.], 1977. 229 с.: илл.

Кубарев В.Д. Древние росписи Каракола. Новосибирск: Наука, 1988. 173 с.

Кузьмина Е.Е. Откуда пришли индоарии. Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев. М.: МГП «Калина», 1994. 463 с.

Новгородова Э.А. Древняя Монголия. М.: Наука, 1989. 399 с.

Новоженков В.А. Петроглифы Сары-Арки. Алматы: [б. и.], 2002. 125 с., с илл.

Шер Я.А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. М.: Наука, 1980. 328 с.

Хужаназаров М. Наскальные рисунки и их взаимосвязь с исламскими культовыми местами // Международная конференция по первобытному искусству (3–8 августа 1998). Труды, том 2. Кемерово: Изд-во: КемГУ, 2000. 259 с.

Марьяшев А.Н., Горячев А.А., Егорова Т.А., Егорова Қ.А.

Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты,
Алматы, Қазақстан

КИНДІҚТАС ЖОТАСЫНЫҢ ПАЛЕОМЕТАЛЛ ДӘУІРІНІҢ ЖАРТАСТАҒЫ СУРЕТТЕРІ

Түйін. Мақала Хантау транзиттік дәлізінің жұмыс істеу жүйесіндегі негізгі аудандардың бірі – Киндіктас тау сілемі ескерткіштерінің бейнелеу түріне арналған. Жоба аясында ежелгі ескерткіштер жанында жаңа петроглифтердің ашылуы әрбір жеке шағын ауданда да, бүкіл өңір деңгейінде де ескерткіштер топтары арасында мүмкін болатын байланыс туралы мәселе қоюға мүмкіндік береді. Авторлар бейнелеу кешендерін коммуникацияға арналған, оның ішінде Хантау транзиттік дәлізінің ежелгі тұрғындарының транзиттік бағыттарын белгілейтін белгі жүйелері ретінде түсінуді алға тартады.

Mariashev A.N., Goriachev A.A., Egorova T.A., Saraev V.V.

Institute of Archaeology named after A. Margulan,
Almaty, Kazakhstan

ROCK ART OF THE ERA OF PALEOMETAL OF KINDYKTAS RIDGE

Annotation. Article is devoted to pictorial view of monuments from one of the key districts in the system of functioning in Khantau transit corridor – mountain range Kindyktas. The discovery of new petroglyphs near clusters of Ancient monuments within the framework of the project raises the question of possible connections between groups of monuments both in each individual micro district and at the level of the entire region. The authors put forward an understanding of visual complexes as sign systems intended for communication, including marking the transit routes of the ancient population of the Khantau transit corridor.

Сараев В.В.

Институт археологии им. А.Х. Маргулана,
Алматы, Казахстан

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ФУНКЦИОНАЛЬНОГО НАЗНАЧЕНИЯ ДРЕВНИХ ЧАШЕЧНЫХ КАМНЕЙ ЖЕТЫСУ

Аннотация. Исследования чашечных камней на территории Жетысу позволили выявить такое важное, но не отмеченное специалистами, явление, как наличие на их поверхности потертостей преимущественно с западной стороны этих объектов. Данные факты не могут быть объяснены следствием побочных эффектов при создании чашевидных углублений на этих камнях. Они образовались в результате ритуальной практики, связанной с натиранием камня при обращении к духам предков. Таким образом, раскрывается еще один аспект функционального назначения чашечных камней в древности в качестве сакрального объекта на трансцендентной границе мира мертвых и мира живых.

Камни с чашевидными лунками (небольшими углублениями, чаще всего округлой формы) хорошо известны по всему миру под названием чашечных камней. Камни с чашевидными углублениями традиционно фиксировались, проводились обмеры, подсчет углублений, визуальный осмотр и т. д. За длительное время выявления и обследования чашечных камней уже сложилась обобщенная картина факторов, сопутствующих этим объектам древней истории, в том числе и на территории Жетысу [Марьяшев, Потапов, 1999, с. 104–109; Сараев, Первых, 2001, с. 165–170]. Большинство специалистов отмечают несомненную связь чашечных камней с религиозными воззрениями их создателей, представляя различные вариации своих наблюдений и размышлений на данную тему [Кубарев, 1988, с. 104–109; Кусов, 1989, с. 52; Табалдиев, 1996, с. 172–177; Виноградов, 2006, с. 125–143]. Более подробно основные соображения специалистов были рассмотрены нами в работе, посвященной функциональному назначению аналогичных археологических объектов на территории Жетысу [Сараев, 2016, с. 116–124].

Многолетние разведочные работы и обследо-

вания археологических памятников в степной, предгорной и горной зонах Жетысу регулярно пополняются новыми объектами с чашечными камнями. Практически все чашечные камни, выявленные и обследованные в регионе, имеют на своей поверхности небольшие локальные площади потертости поверхности камня до зеркального блеска. Данный факт был отмечен нами при исследовании Каргалинского комплекса чашечных камней [Сараев, Первых, 2001, с. 165]. Наблюдения показали, что эта особенность присуща всем видам подобных археологических объектов – отдельным крупным валунам (уйтасы), крупным камням при поселениях эпохи бронзы и раннего железного века, крупным скоплениям подобных объектов и даже отдельным плитам среди комплексов наскальных рисунков, где имеются такие углубления.

За прошедшее время было обследовано и выявлено много таких исторических памятников и другими исследователями, но ранее авторы, описывающие камни с чашевидными углублениями, не отмечали наличие такого фактора ни в отечественной, ни в зарубежной литературе. Принципиально можно это объяс-

нить тем, что обнаружение затертостей на камнях, да еще несколько отстраненно от чашевидных углублений, требует внимательного осмотра всей его поверхности. Места с затертостями могут располагаться в различных точках поверхности камня, однако в основном это западное направление, если рассматривать ориентацию самого камня по сторонам света.

Какого-то особого значения им до сих пор не придавалось. Частое обнаружение подобных затертостей на отмеченных археологических объектах в Жетысу дает основание считать, что это есть факт использования чашечного камня в качестве сакрального объекта людьми в древности. Обоснование их наличия как свидетельства использования чашечного камня в прошлом, как трансцендентного объекта, посредством, которого люди общались с потусторонними силами, является основной задачей настоящей работы.

Прежде всего, очевидным пунктом определения нашей позиции видения будет понимание того, что любые подобные потертости на камне не могли образоваться как побочное следствие процесса изготовления чашевидного углубления. Технология их изготовления такова, что образования затертости на них не образуется. Следовательно, они появились на камнях целенаправленно, но не в процессе создания углублений.

Второй шаг доказательства структурно будет рассматриваться нами несколько подробнее. Начать объяснение необходимо будет с представлений, понимания и действий людей, связанных с теплотой. Получение тепла – это всегда энергетически затратное действие, связанное с движением.

Физическое явление, отражающее внутреннее энергетическое состояние предметов в окружающий физический мир, известно человеку с момента рождения. Это явление – температура материальных тел. По причине физиологических особенностей в первый момент рождения человек оказывается в среде другого температурного режима, нежели появления на свет. Так, в первые минуты рождения человек, сталкиваясь с окружающим миром, испытывает на себе негативное воздействие внешней среды температурного характера. Первоначально от этого негатива его защитят

люди, принимающие роды. Холод для теплокровного существа – человека, всегда стресс. Далее в течение всей жизни любой человек постоянно сталкивается с температурными изменениями окружающей среды, в которой он живет. Приспособлениями к ним выразилось в изобретении одежды, постельного белья, придумывании различных способов обогрева жилища, приемов приготовления пищи и т. д. Все это приемы противления человека понижению температуры среды окружения.

Любопытно отметить, что понижение температуры теплого тела, условно говоря, «уход тепла во вне», происходит как бы самостоятельно, без применения целенаправленных специальных усилий. Так, солнце, несущее свет и тепло, самопроизвольно перемещается на запад и заходит – «умирает». Уместно будет упомянуть, что богиня Аментет – богиня Запада – стороны, которая в древнеегипетской мифологии также символизировала царство мертвых. Те же представления отмечены и «в фольклоре, эпосе тюркских народов запад ассоциируется со страной мертвых, находящейся на стороне заходящего «умирающего» Солнца, что отразилось в древнетюркском языке» [Сембин, 1999, с. 97].

Так объективные природные явления в практике жизни человека оказались эмоционально окрашенными в «плохие» и «хорошие». «При базовой восточной ориентации правая, южная, теплая сторона считалась «хорошей», тогда как левая, северная, холодная – «плохой». Главенство правой стороны при восточной ориентации проявляется при войсковом построении, т. н. «крыльях», делении жилища на мужскую и женскую половины, церемонии распития кумыса т. д.» [Сембин, 1999, с. 100]. Приведенные примеры показывают, как природные явления, действуя на человека на инстинктивном уровне, эмоционально окрашиваются на «хорошие», «плохие» и служат фундаментом для образования примет, обрядов и построения поведенческих норм сообществ.

Так же на инстинктивном уровне, несмотря на наличие различных придуманных защитных приспособлений в борьбе с холодом (варежки, носки, шарфы и т. д.), каждому человеку доводилось потирать замерзшие руки, ноги, попрыгивать и похлопывать себя, чтобы согреться.

Не вдаваясь в тонкости физических явлений и биологических процессов, происходящих в этот момент в организме, следует заметить, что при этом человеку объективно становится теплее без использования огня – традиционного носителя света и тепла. Все эти ощущения, представления и действия закрепляются в памяти человека как след опыта. Действительно, из жизненного практического опыта почти каждому известно, что тела нагреваются при соударении или трении друг о друга. При достаточном усердии можно даже получить огонь при трении двух сухих деревянных палочек друг о друга.

В 1620 году английский философ Френсис Бэкон заявил, что «Теплота сама по себе... есть движение и ничего более». Позднее английский физик и химик Роберт Бойль и естествоиспытатель Роберт Гук высказали такую же идею» [Купер, 1973, с. 359]. Обобщенным выводом изложенного можно считать, что тепло – это жизнь, и его можно получить, например, трением.

Еще одним моментом, требующим рассмотрения, является один из способов коммуникации, бытующий среди людей. Человека, внимание которого мы хотим обратить к себе, мы слегка похлопаем по плечу. Этот способ обращения, при непосредственном контакте, невозможно не заметить и, как бы, невозможно игнорировать. На подсознательном уровне тактильный вызов на контакт применяется как природный способ вызова для информационного общения.

Ранее мы уже рассматривали причины, побудившие людей в древности создавать на определенных камнях чашевидные углубления как знак предка [Сараев, 2016, с. 116]. Таким образом, если сформированную традицию «совместить» с пониманием отношения человека к теплоте и осязательному способу обращения, то легко представить причины образования потертостей у чашечных камней.

Можно предположить, что в определенное время, либо каким-то образом сложившихся обстоятельствах, либо по своей внутренней

потребности люди потирали поверхность чашечного камня. Натирание поверхности камня могло быть достаточно формальным, поскольку нагреть камень массой до нескольких тон трением практически невозможно. Но совершение самого действия, акт натирания поверхности в смысловой нагрузке уже содержит в себе осязательный контакт, нагревание – процесс придания «жизненных сил». Чем совершалось натирание, не важно, ладонью или куском шкуры животного. Понятно, что такое действие не имело целью оживить кого-либо. Оно имело целью «приблизить к оживлению» некую субстанцию (возможно персонифицированную), символически отмеченную в чашечном камне. Таким действием, природным языком, активировалось к единению «нечто сущее» в формате отложенного результата обращения. Что, в принципе, срабатывало как опора для души обращающегося. Подобный акт, совершаемый в течение нескольких лет, а возможно, и десятилетий, обязательно оставит следы. В качестве примера такого обращения с чашечными камнями можно видеть, как рудимент обряда, необходимость потирания животом о камень женщиной, желающей родить ребенка. Например, так в Армении поступают женщины с чашечными камнями (портакар).

Таким образом, чашечные камни могли служить людям в древности в качестве сакрального объекта на трансцендентной границе мира мертвых и мира живых. Это объясняет образование потертостей на чашечном камне и тенденцию их расположения на камне преимущественно на западной стороне – «стране мертвых». Существенным вопросом при описании подобных фактов древности является то, что предположения об их истинном назначении возможны только чисто гипотетически, в пределах абстрактных представлений. Несмотря на обоснованность их на известных фактах, эта тема нуждается в дополнительных исследованиях, поиске у камней с чашевидными углублениями возможных фактов подношений как жертвенным объектам.

Рис. 1. Чашечные камни на территории в долине реки Шиен из «поля чашечных камней» в районе аула Когамшил: 1 – камень с чашевидными углублениями; 2 – чашевидные углубления на камне; 3 – заглаженная часть камня.

ЛИТЕРАТУРА

Виноградов В.В. Представления о камнях-валунах в традиционной культуре русских / В.В. Виноградов, Д.В. Громов // Этнографическое обозрение. 2006. № 6. С. 125–143.

Кубарев В.Д. Древние росписи Каракола. Новосибирск: Наука. Сибирское отделение, 1988. 173 с.

Купер Л. Физика для всех. Введение в сущность и структуру физики. Том 1. Классическая физика. М.: «Мир», 1973. 473 с.

Кусов Г. Камень с Большой Медведицей // «Вокруг света». № 5 (2584). 1989.

Марьяшев А.Н., Потапов С.А. Камни с чашевидными углублениями из Семиречья // История и археология Семиречья. Алматы: Фонд «XXI век», 1999. С. 104–109.

Сараев В.В., Первых Н.М. Каргалинские камни с чашевидными знаками // История и археология Семиречья. Вып. 2. Алматы: Фонд «XXI век», 2001. С. 165–170.

Сараев В.В. К вопросу о функциональном назначении чашечных камней Жетысу // Религия и система мировоззрений древних и средневековых номадов Евразии. Алматы, 2016. С. 116–124.

Сембин М.К. «Мир мертвых» в фольклоре тюркских народов и его отражение в топонимике // История и археология Семиречья. Алматы: Фонд «XXI век», 1999. С. 97–102.

Табалдиев К.Ш. Новые сведения из области духовной и материальной культуры сакского времени Тянь-Шаня // Древний и средневековый Кыргызстан. Бишкек: Илим, 1996. С. 172–177.

Сараев В.В.

Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты,
Алматы, Қазақстан

ЖЕГІСУДЫҢ ЕЖЕЛГІ ТОСТАҒАН ТӘРІЗДІ ТАСТАРЫНЫҢ ФУНКЦИОНАЛДЫҚ МАҚСАТЫНЫҢ КЕЙБІР АСПЕКТІЛЕРІ ТУРАЛЫ

Түйін. Жегісу территориясындағы тостаған тәрізді тастарды зерттеу мамандар белгілемеген осы объектілердің бетіндегі қажалудың батыс жағынан болуы сияқты маңызды құбылысты анықтауға мүмкіндік берді. Бұл фактілер осы тастарда тостаған тәрізді ойықтарды жасау кезінде жанама әсерлердің салдарын түсіндіре алмайды. Олар ата-баба рухтарына жүгінген кезде тасты ысқылау сияқты дәстүр нәтижесінде пайда болды. Осылайша, тостаған тәрізді тастың ежелгі замандағы функционалды мақсатының өлілер әлемі мен тірілер әлемі шекарасындағы киелі объекті ретіндегі тағы бір аспектісі ашылады.

Saraev V.V.

Institute of archaeology after A.Kh. Margulan,
Almaty, Kazakhstan

ABOUT ASPECTS OF THE FUNCTIONAL PURPOSE OF CUP STONES FROM ANCIENT ZHETYSU

Annotation. During researches of cup stones on the territory of Zhetysu it was discovered such important phenomenon, ignored by specialists, as the presence of scuffs on their surface mainly on the western side of these objects. These facts cannot be explained as a result of side effects when creating cup shaped depressions on these stones. They were made for ritual practice of rubbing stones for connection with ancestral spirits. Thus there is another one aspect of functional use of cup stones in Ancient times as sacral thing on the transcendent border of the world of the dead and the world of the living people.

Новоженов В.А.

Центр сближения культур под эгидой ЮНЕСКО,
Алматы, Казахстан

О ДРЕВНЕЙШИХ МИГРАЦИЯХ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: ТУРАНСКИЙ КОММУНИКАЦИОННЫЙ КАНАЛ*

Аннотация. Статья посвящена анализу свидетельств реального использования колёсного транспорта населением северной части Евразии на маршрутах Великого Шёлкового пути в рамках Туранского коммуникационного канала. Подробно рассмотрены материалы из Пазырыкских курганов на Алтае, наскальные изображения транспорта в петроглифах. К исследованию привлечены новые материалы казахстанских археологов из раннеандроновских могильников эпохи бронзы, сарматских и сакских могильников Таксай, а также находки гуннских (ханьских), тюркских повозок и соответствующие изобразительные памятники. Автор приходит к выводу о развитии устойчивой местной традиции изготовления колёсных повозок, уходящей корнями в памятники колесничного комплекса урало-казахстанских и евразийских степей эпохи бронзы, ставшей материальной основой транспортных коммуникаций в рамках Великого Шелкового пути и Хантауского транспортного коридора.

Анализ ландшафтов и местоположения изобразительных памятников (скоплений петроглифов) в равнинных, степных, полупустынных и предгорных районах Центральной Азии доказывает их традиционное, на протяжении многих столетий, расположение в узловых, господствующих пунктах местных коммуникаций, связанных с переправами через реки, скотопрогонами и пастбищами вдоль долин рек или проходимыми горными перевалами, на господствующих, стратегических высотах окружающего рельефа, связанных с источниками воды и богатыми травой и живностью угодьями [Рогожинский, Новоженов, 2018].

Этот факт позволяет достоверно реконструировать пути древних, традиционных коммуникаций, маршрутов миграции и кочевий древнего населения, поскольку учитывает географический фактор – удобство территориально-передвижения, проходимость маршрута,

наличие воды и мест для удобного отдыха. Этот фактор, независимо от этнического происхождения кочевого населения, использующего эти маршруты, традиционно был определяющим и универсальным в течении многих столетий, а наличие стандартных, повторяющихся и синхронных по времени сюжетов, изображенных на скалах, может с большой долей вероятности свидетельствовать о передвижении конкретных этнических групп – носителей той или иной изобразительной традиции, поскольку скалы с петроглифами остаются монументальными и неподвижными в пространстве, в отличие от населения, создававшего конкретные сюжеты на скалах.

Эти соображения позволяют реконструировать древнейшие маршруты коммуникаций на территории современного Казахстана задолго до сформировавшегося на рубеже эпох Великого Шелкового пути, ставшего высшей точкой исторического развития

*Работа выполнена по гранту Министерства образования и науки Республики Казахстан ИРН АР05131564: «Разработка модели коммуникаций населения Центральной Азии в древности и средневековье: взаимодействие традиций и диалог культур».

древних коммуникаций, апофеозом транс-континентальной логистики и торговли, со всей своей сложной системой сервисного обслуживания этого транспортного коридора.

Как правило, источником миграций древнего населения и формирующихся коммуникаций всегда были некие инновации, технологии, ноу-хау, позволявшие, с одной стороны, осуществлять такие миграции отдельным, небольшим по численности кланам кровных родственников, обладателям определенных технологических секретов, а с другой стороны – они обеспечивали поиск новых плодородных пастбищ, руды и присадок для металлургического производства (олово, мышьяк), распространение и селекцию некоторых пород домашних животных (прежде всего, лошадей, верблюдов), культурных растений, красителей, распространение некоторых пород камней (кремень, лазурит, нефрит), прогрессивных типов оружия, специй и позднее – шёлка, бумаги, пороха.

Применительно к древним коммуникациям наиболее показательными являются инновации

в колесном транспорте, поскольку именно они напрямую обеспечивали наличие в древних социумах конкретных транспортных средств и условий их производства, которые, собственно, и позволяли совершать такие продолжительные и автономные передвижения на длительные расстояния как людей, так и грузов.

На основании присутствия свидетельств транспортных инноваций в конкретных археологических культурах Евразии и, прежде всего, её степной, равнинной части, в истории древних коммуникаций континента с конца IV тыс. до н. э. и до I тыс. н. э. выделены три основных этапа развития коммуникаций [Новоженков, 2020]: эпоха боевых телег и фургонов (конец IV – конец III тыс. до н. э.); эпоха колесниц (начало II – начало I тыс. до н. э.); эпоха всадников – Кентавров степей (начало I тыс. до н.э. – I тыс. н.э.).

Эпоха боевых телег и фургонов (рис. 1). В этот период, на заре эпохи бронзы, как результат успешной «неолитической революции», в Евразии господствовали, скорее, созидательные процессы глобального освоения новых степных

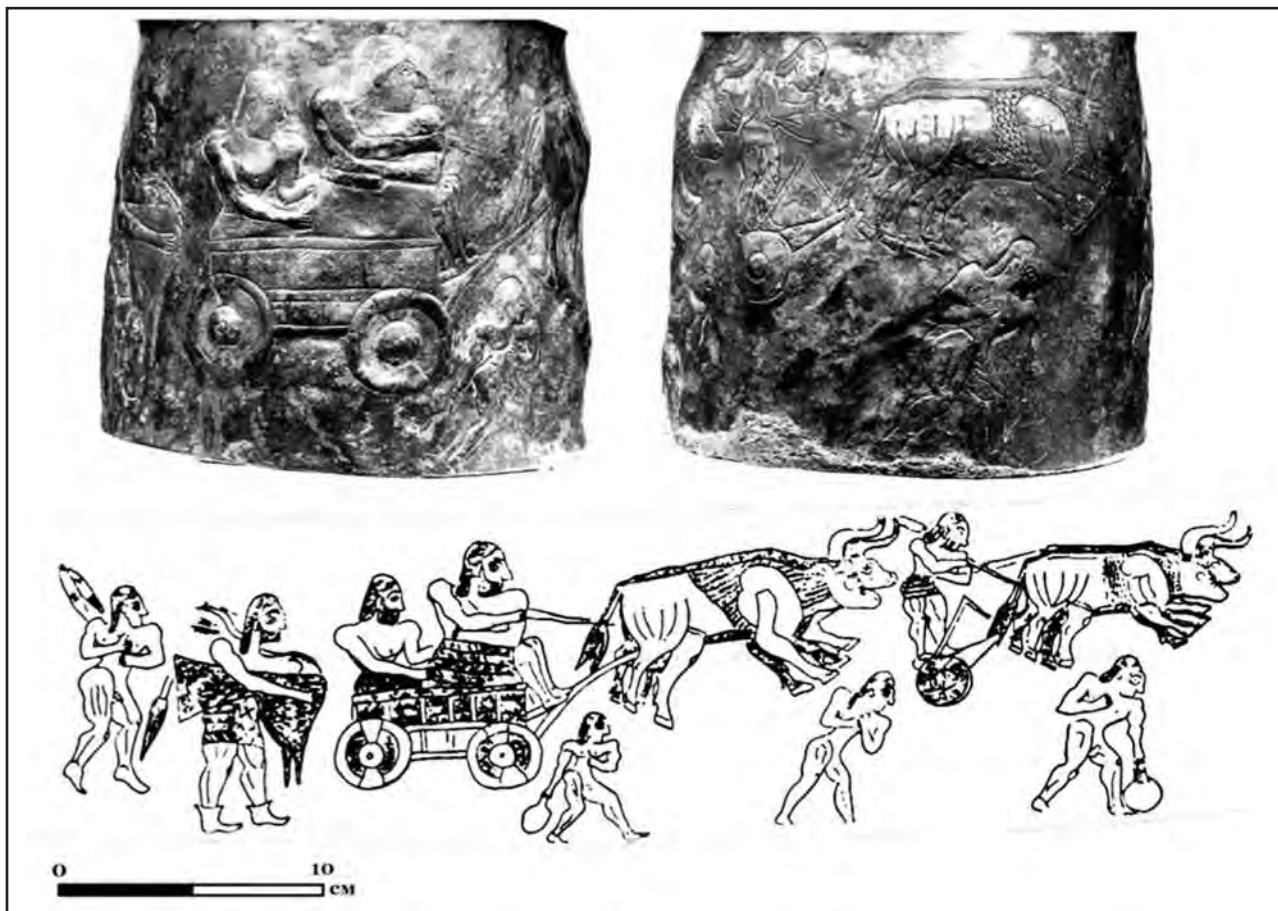

Рис. 1. Бактрия. Серебряный сосуд с изображением телеги и двуколки с возничими, запряженные парой быков. Эпоха ранней бронзы. Музей Лувр. Фото автора.

целинных просторов на востоке континента, формирования каналов коммуникации и поиска новых источников могущества наиболее воинственных, а скорее более всего готовых к таким экспансиям элитных кланов степняков. Этим объясняются длительные миграции чемурчекских, ямно-афанасьевских и катакомбных производственных коллективов (кланов) на восток, вплоть до Минусинской котловины и Таримской впадины и освоение ими новых экологических ниш. В этом же ряду событий – южная экспансия шумерских городов на восток и на север, покорение Элама, вовлечение в сферу своих интересов Бактрии, Маргианы вплоть до Мелуххи – цивилизации долины Инда. Отголоски этих и других глобальных событий, очевидно, нашли своё отражение и в синхронных изобразительных памятниках, так же как и стимулировали ускоренное развитие древнейших средств передвижения при помощи колёс и животной тяги.

Так, о продвижении западных степных животноводов на юг и/или в обратном направлении в это время могут свидетельствовать гроты и гранитные навесы с полихромной живописью, найденные А. Е. Рогожинским в 2020 году в южных регионах Казахстана – в Семиречье, отрогах гор Киндыктас (северо-западные предгорья Илийского Алатау), в долине р. Сарыбулак, в местности Шатыртас, Кордайского района Жамбылской области, а так же ямные погребения в районе села Самсы, в Алматинской области, раскопанные Р. Шербаяевым и бронзовые крюки степного типа, обнаруженные А.Н. Подушкиным в районе

Рис. 2. Казахская степь. Реконструкция андроновской колесницы.

Эпоха развитой бронзы.

Авторы: К. Алтынбеков и В. Новоженев.

Фото О. Беялова.

Шымкента (к сожалению, эти материалы пока ещё не опубликованы).

Все эти синхронные памятники с большой долей вероятности маркируют маршруты продвижения раннебронзового населения в этих регионах и далее – на юг в Ферганскую и Зеравшанскую долины, плодородные оазисы [Каспаров, Аванесова, 2017]. Новые данные популяционной генетики позволяют предполагать существование трансконтинентального канала коммуникации древнейших сообществ животноводов уже в самом начале эпохи бронзы, сформировавшегося в широтном направлении, по всему континентальному поясу степей. Кочевавшие на своих фургонах-жилищах вслед за многочисленными стадами в поисках новых пастбищ отдельные кланы древних пастухов, происходящие из западной части степной Евразии, привезли с собой многие необычные навыки, а именно: изобразительную традицию – украшение охрой стен своего жилища-фургона; традицию возводить мегалиты – стелы-менгиры; каменные статуи и ящики своих гробниц – жилищ в ином мире; своих идолов, известных в мелкой пластике; свои производственные навыки, в том числе плотницкие и металлургические и свои собственные коммуникативные системы.

Оказавшись в комфортных и достаточно обширных экологических нишах, каковыми являются многочисленные поймы небольших степных рек, они активно стали вступать в различного типа отношения с редким аборигенным населением, воспринимая их традиции и некоторые обычаи через своих местных жен. Дальнейшее продвижение этих групп было возможно только в южном направлении, вектор этого движения направлен на степные пространства Восточного Туркестана, через горные долины Алтая, а также на юг, через Казахские степи – на плодородные оазисы и речные долины Средней Азии. При этом данные популяционной генетики и антропологии наглядно подтверждают факт таких дальних миграций степного населения на восток двумя крупными волнами в ямно-афанасьевское (катакомбное) и синташтинское время [Новоженев, 2020].

Наше понимание господствующей роли животноводства в степных социумах эпохи

бронзы не отвергает способности к занятиям земледелием в тех экологических нишах, где это было возможно – в долинах и поймах степных речек, в предгорьях, там, где был решён вопрос наличия воды и гарантированного водоснабжения – регулярного полива растений. Находки семян и злаков культурных растений в последние годы на поселениях эпохи средней и поздней бронзы на территории Казахстана убедительно подтверждают этот тезис [Doumani et al., 2015, с. 17–32; Franchetti, 2008; 2012, с. 2–21]. Ориентация на занятия животноводством давала свободу выбора и передвижений из одной удобной экологической ниши – в другую, что всегда актуально в условиях аридного и резко континентального климата. Если природно-климатические условия позволяли заниматься земледелием на новых местах, то, несомненно, оно практиковалось в повседневной жизни.

Минеральные богатства Урало-Казахстанского и Алтайского регионов, Сарыарки в целом, естественным образом определили их одним из основных центров добычи медной руды, олова, других лигатур и выплавки бронзовых изделий сложных форм, включив в широчайшую сеть культурных связей и миграций трансевразийского масштаба от Китая до Балкан [Черных, 2009]. Роль складывающихся в это время коммуникационных систем в становлении и развитии человечества трудно переоценить, даже если отринуть крайности диффузионистского подхода.

Необходимым условием возникновения и поддержания таких коммуникаций стали domestikация быков (волов), овец, верблюдов и лошадей, а так же развитие сухопутных средств транспорта [Littauer, Crouwel, 1979; 1996; Littauer et al., 2002; Piggott, 1992; Кожин, 2011; 2015; Anthony, 2007; 2010; Kuznetsov, 2006; Есин, 2012; Lindner, 2020; Мобильность..., 2019; Новоженков, 2012; Чечушков, 2013; Кукушкин, 2011 а, б; Кукушкин, Дмитриев, 2018 а, б, в; 2019; Ван, 2019, с. 9–18]. По сути, на протяжении бронзового века поэтапно формируется Мир-Система, обретшая ныне планетарный масштаб. В рассматриваемое время складывается только ядро этой глобальной евразийско-африканской системы [Епимахов, 2012, с. 5–9; 2014].

Эпоха колесниц (рис. 2). Изобретение быстрых и манёвренных пароконных колесниц революционно изменило все сферы деятельности древних социумов, что нашло яркое отражение в развитии коммуникаций этого периода. Колесницы, обеспечивая неведомое ранее могущество отдельным кланам и целым государствам, кардинально изменили геополитическую картину Древнего мира. Во многом благодаря колесницам возвысились Хеттское царство, государство Миттани, первая в истории Ассирийская империя, Египет и ряд других. Продвижение гиксосов, возможно, из Гонура [абу Бакри, 2012] на запад примерно в 1805 году до н. э. и покорение ими Египта [Ryholt, 1997] дало мощный импульс развитию египетской цивилизации. И такие примеры можно долго перечислять.

В основе последующих миграций стоят глобальные процессы, произошедшие на заключительном этапе эпохи бронзы в 15(?)12–10 вв. до н. э. повсюду на Евразийском континенте и известные как «тёмные века». Это был период глобального «слома» стабильных ранее археологических культур и даже передовых цивилизаций Средиземноморья. Причина этого вселенского кризиса, возможно, кроется в глобальных природных катаклизмах, в значительной аридизации климата, усугубившейся в южных регионах наводнениями и извержениями вулканов, но и, по нашему убеждению, причина этого так же находится внутри самих, сложившихся в это время догосударственных социальных и общественных структурах, их внутренних системах коммуникации в степной среде и внутри их собственных производственных единиц – самодостаточных кланов кровных родственников, находящихся в социальном плане на уровне вожеств и начинавших борьбу за передел сложившейся ранее системы пастбищ и водопользования, за контроль за господствующими в степи традиционными, стратегическими коммуникациями.

Эта «катастрофа бронзового века» разрушила процветающие южные цивилизации: крито-микенскую, хеттскую, египетскую; крупнейшие торговые города, в числе которых были Угарит (Рас Шамра); Вавилон (в 1157 г. до н. э. разграблен касситами); Хаттуса –

столица Хеттского царства и многие другие. В этом ряду событий и знаменитая Троянская война, которая произошла, как полагают, около 1184 г. до н. э. Многие древние государства пали в этот период, торговые пути заустели, богатые города Восточного Средиземноморья оказались разрушенными. Сходные изменения отмечаются и в центральной части Европы, где пришла в упадок культура полей погребальных урн. В азиатской, степной части Евразии в это время происходят аналогичные процессы: господство срубных и андроновских кланов заканчивается, с востока из Ордоса, из Внутренней Монголии, Южной Сибири продвигается новая угроза – воинственные карасукские и родственные им тюркоязычные племена.

Эпоха всадников. Окончательное завершение процесса доместикации и селекции, а главное – прогресс в конском снаряжении сделали возможным в последние века первого тысячелетия до н. э. и на рубеже эпох использование лошади под «верх» в качестве значимой военной силы – кавалерии, что в очередной раз кардинально поменяло всю систему сложившихся ранних коммуникаций и закономерно привело к эпохе Великих переселений и образованию первых в истории трансконтинентальных кочевых империй – Хунну (сюнну) и Тюркских каганатов.

Обеспечить экспансию в этот период могли революционные изменения, прежде всего, в коммуникациях – в создании универсальных знаковых систем, которые зарождались в недрах каждого социума и определяли его социальную структуру и иерархию, а так же – в конском снаряжении и в новых типах вооружения ранних кочевников. Гарантировать необходимое революционное превосходство в древности и раннем средневековье в степи могла только верховая лошадь и обладание передовыми навыками её использования, прежде всего, в военном деле.

Ведь задолго до Великого Шёлкового возник «Оловянный», а чуть позже и «Конский» Великие пути, основной вектор которых скорее был направлен не из Китая на запад, а напротив – с запада, из степи – на восток, на территорию Великой Китайской равнины. И контроль за такими стратегически важными территориями, несомненно, обеспечивал геополитическое

превосходство именно тем элитарным кланам, которые могли возглавить этот процесс и гарантированно получать превосходных коней для своих военных походов в нужном количестве.

Новые волны миграции и нестабильности вновь усиливаются с IV в. до н. э. Теперь двигались уже другие воинственные элитные кланы преимущественно тюркского происхождения – савиры/гунны/хунну/сюнну, которые инициировали новый «тектонический» сдвиг центрально-азиатского населения, привели в движение всех аборигенных насельников евразийской степи и способствовали созданию иных союзов и объединений кочевников, кочевых империй, в рамках глобального, так называемого, «Великого переселения народов», хлынувших мощной «волной» с востока на запад континента.

Очевидно, что формирующиеся исторически каналы коммуникации были достаточно устойчивыми, фиксированы географически, поскольку оказались «привязанными» к наиболее удобным путям передвижения в степи и между долинами, к источникам воды, к традиционным ремесленным (ремонтным) центрам, ставших потом караванными городами [Ростовцев, 2010], к перевалам, переправам, к пунктам питания и отдыха, оформившихся позднее в караван-сарай на традиционных торговых дорогах. По ним, этим торговым дорогам, традиционно проходили значительные миграции населения, распространялись инновации, идеи, знания, культуры, религии, а так же товары и рабы.

Наглядно эти выделенные этапы развития коммуникаций иллюстрируют изображения транспортных средств на скалах. Поразительное сходство изобразительных материалов Бактрийско-Маргианского археологического комплекса (БМАК) с центрально-азиатскими сюжетами в петроглифах уже отмечалось многими исследователями [Рогожинский, 2011, с. 87–99; Марьяшев, 2011, с. 36–40; Shvets, 2012] и нашло яркое выражение в древнейших петроглифах Саймалы-Таша [Шер, 1980] в виде самобытного «битреугольного стиля» изображения животных и, прежде всего, быков [см.: Каспаров, Аванесова, 2017]. Соединение «северного» и «южного» импульсов на рубеже

III и II тыс. до н. э., видимо, и привело к возникновению андроновской изобразительной традиции, нашедшей свое яркое воплощение на скалах Центральной Азии [Новоженков, 2012а, с. 114–145; 2014а; д].

Выделен ряд конкретных сюжетов, запечатленных на скалах южных казахстанских изобразительных памятников, сходных с материалами гонурских погребений [Рогожинский, 2011, с. 87–99]. Петроглифические памятники Казахстана (Каратау, Сауыскандык, Баганалы), Узбекистана (Нуратау) и вдоль Каракорумского шоссе в Пакистане (Чилаз) по мнению некоторых исследователей связаны с окуневской изобразительной традицией [Jettmar, 1982, с. 293–308; MANAP, 2007; Швец, 2011; Есин, 2012, с. 37], что дает основание в том числе и для гипотез о контактах окуневцев с Хараппской цивилизацией и об их миграциях [Соколова, 2010, с. 87–94]. Однако, двуколки А-образного типа появляются на территории Индии слишком поздно – только после арийского завоевания (поселение Инамгаон, рисунок на фрагменте керамики). На указанных территориях не известны окуневские памятники, которые могли бы картографировать такую миграцию, и напротив – открыты и изучены памятники ямно-афанасьевского круга (Карагаш, Григорьевка 2 и др. в Центральном Казахстане, заманбабинская группа в долине Зеравшана [Новоженков, 2012б, с. 68–73; Евдокимов, Ломан, 1989, с. 34–46; Мерц, 2010, с. 49–58; Кукушкин, 2014, с. 401–414; Каспаров, Аванесова, 2017].

Эти выявленные исследователями памятники и их контакты, несомненно, свидетельствуют о развитой системе коммуникаций между северной и южной частями Центральной Азии через казахские степи, но вряд ли имеют что-то общее с перемещениями окуневского населения на юг. Выявленный факт сходства рассмотренных материалов может свидетельствовать о мощном южном инновационном импульсе в рамках туранского коммуникативного канала, который формировался в самые последние века III тыс. до н. э. и оказал существенное влияние на культуру андроновской КИО, обусловив ее отличие от синхронных степных культур [Новоженков, 2012а, с. 308–336].

Новации в конструкциях здесь свелись к раннему изобретению оглобельного способа упряжки (в Туране), что привело к замене двух тягловых животных на одно и замене тяжелых дисковых колес – на более легкие, со спицами. Это изобретение, в свою очередь, в сочетании с успехами в селекции лошади на северных, степных территориях, привело к революционному изобретению и активному использованию колесницы. В Туране стали очень рано запрягать вместо быков верблюдов, а в Хараппе, как позднее и в Китае, развивались повозки практически одной конструкции: на двух больших колесах со спицами – (арба) универсального грузо-пассажирского назначения, запряженные парой быков – которые сохранились вплоть до этнографической современности в своей первоначальной форме.

Северные изобразительные памятники Центральной Азии, происходящие из степных и полупустынных районов Казахстана и Узбекистана: Байконур, Каратау (Сауыскандык, Баганалы, Арпаузен, Койбагар и др.), Тамгалы, Кулжабасы, Сармышсай, Букантау – наглядно свидетельствуют о распространении четырехколесных повозок гонурского типа и, соответственно, населения, их использовавшего, по направлению север-юг и обратно, по долинам небольших речек, протекающих в меридиональном направлении.

Эти памятники повествуют о развитии здесь культа верблюда, наряду с культом лошади и быка, демонстрируют разные способы упряжки в телеги как пары, так и одного верблюда, а также парные упряжки быков, например, в Кулжабасы. Еще далее на север региона, в Минусинской котловине – на юге Сибири, так же зафиксирован очаг древнейшего колесного транспорта, представленный в изобразительных памятниках и демонстрирующий несколько иные типы повозок: четырехколесные фургоны и двухколесные А-образные двуколки [Есин, 2012, с. 14–47; Новоженков, 2014б, с. 90–100]. Этот очаг связывается с южно-казахстанской и центрально-казахстанской группами изобразительных памятников через колесничные петроглифы, известные на Алтае, в Тарбагатае, в Синьцзяне и Монголии: таким образом, эти петроглифы

картографируют каналы коммуникации во всем центрально-азиатском регионе. Рассмотрим подробнее известные в каждом регионе изображения повозок и запечатленные на них инновации с целью прояснения направленности векторов коммуникации.

Минусинская котловина. В настоящее время в этом самом северном регионе известны 10 хорошо сохранившихся изображений древнейших повозок, 9 из которых найдены на стелах и плитах, вторично использованных в могильниках, и одно в петроглифах – на горе Тепсей [Есин, 2012, с. 39–41; Новожинов, 2014б, с. 90–100]. Во всей этой серии выделены четырехколесные и двухколесные повозки. Если телеги представлены повозками «платформенного», открытого типа и крытым фургоном, то двухколесные – только одним типом: А-образными двуколками. Они имеют раму в виде очень вытянутого треугольника, широкая часть которого является кузовом с колесами, а узкая – дышлом, с прикрепленной поперечной перекладной – ярмом. Показаны невысокие боковины кузова, сделанные, очевидно, из жердей [Есин, 2012, рис. 9].

Абсолютно сходная реальная двуколка обнаружена в катакомбном погребении 32 Большого Ипатовского кургана в Ставрополье [Большой Ипатовский..., 2007, с. 107–112; Belinskij, Kalmykov, 2004, с. 201–220]. Очевидно, что такая поразительная аналогия недвусмысленно свидетельствует о времени и месте происхождения подобного типа повозок и, соответственно, позволяет предполагать возникновение окуневской культуры из ямно-катакомбной среды [Подольский, 2007, с. 113–128] и связывать этот тип А-образных повозок с кавказскими памятниками (Лчашен, Бедени и др.). Что касается четырехколесных минусинских повозок – телег и фургона, то их реальные прототипы так же хорошо документированы в памятниках Майкопско-Новосвободненской общности (МНО) Предкавказья и степной полосы Евразии [Избицер, 1994, с. 12–19; 2010, с. 187–194; Izbitser, 2013, с. 9–17; Гей, 2000; Корневский, 2011]. Знаменский фургон, запряженный парой быков и изображенный с детальными прорисовками бортов и перекрытия этой кибитки, повторяет многие конструктивные особенности раскопанных здесь

новотиторских телег. В качестве упряжных животных исключительно изображены пары быков [Есин, 2012, с. 25].

Таким образом, минусинские двухколесные повозки демонстрируют ряд прогрессивных инноваций и достижений в своих конструкциях, а также в селекции крупного рогатого скота, не известных ранее в регионах Северной Евразии. Они коренным образом отличаются по конструкции от конских упряжек на колесах со спицами – истинных колесниц, повсеместно распространившихся в Центральной Азии в более поздний период. Эти своеобразные упряжки, конструкция которых изначально разрабатывалась для использования только волов и коров, совершенно не приспособлены для использования в них эквидов и, очевидно, никак не могут быть связаны конструктивно с гонурскими. Однако это утверждение не вполне справедливо для четырехколесных минусинских повозок-фургонов, запряженных быками.

Долина реки Байконур. Приблизительно в 200 км западнее г. Джезказгана, в Казахском мелкосопочнике (Бетпак-дала, юго-западная часть Сарыарки), на берегах небольшой одноименной степной реки обнаружено несколько групп петроглифов и две многофигурные композиции с повозками [Новожинов, 2002, с. 22–26, табл. 28, 33]. В третьей группе на массивной наклонной плите (длиной более 8 м) выбита композиция в которой участвуют: лучник с «хвостом» и собакой, стреляющий в быка, лошади, верблюды, горные бараны, степные антилопы и открытая четырехколесная повозка с центральным дышлом, запряженная парой верблюдов-бактрианов. Рядом с ней изображена процессия из людей (9 фигур) и другая телега также открытого типа, на которой изображен возничий, стоя управляющий с помощью вожжей парой крупных лошадей, запряженных в эту повозку с центральным дышлом. Повозки показаны детально, с проработкой элементов упряжи и ярма и даже некоторых ремней оголовья. Очевидно, что среди многих скрытых смыслов этой композиции явно выделяется тема миграции или переселения какого-то клана близких родственников.

Другая многофигурная композиция в этой же группе байконурских петроглифов изо-

бражена на плите длиной более 2-х м. Здесь очень маленькая повозка на двух сплошных колесах с центральным дышлом запряжена парой верблюдов и показана в окружении многочисленных фигур людей, животных и знаков. Обе композиции относятся к наиболее раннему хронологическому горизонту этого памятника [Новоженков, 2002, с. 42–50] и по многочисленным изображениям коней, в легко узнаваемой сейминско-турбинской манере, датированы раннеандроновским периодом (рубеж III–II тыс. – 18 в. до н. э.), что, очевидно, совпадает с периодом наивысшего расцвета Гонур-депе. Байконурские телеги конструктивно соответствуют найденным здесь повозкам открытого типа с центральным дышлом и запряженным парой верблюдов и очень крупных лошадей. Колеса показаны на длинных осях, они дискового типа и небольшого диаметра.

Пропорции фигур композиции, соотношение их размеров между собой позволяют предполагать небольшой размер самих повозок, их колес, вполне сопоставимый с габаритами гонурских телег в сравнении с фигурами возничего и собственно упряжных животных. Отсутствие в северных, степных регионах явно выраженной военной угрозы могло повлечь за собой трансформацию кузова этих повозок: расширение грузоподъемности и полезной площади платформы за счёт удаления в конструкции кузова защитного передка. Потребность в большей автономности – желание преодоления значительных и малонаселённых степных пространств и соответствующая модернизация кузовов повозок стали, вероятно, более актуальной задачей, чем защита экипажа повозки от врагов. Наличие же на северных территориях большого количества лошадей могло стимулировать их использование в колесных повозках в качестве упряжных животных.

Хантауский транспортный коридор. Важным связующим звеном в продвижении населения в меридиональном направлении из северных регионов на юг и обратно стали находки транспортных средств на скалах гор Хантау в Северном Прибалхашье. Традиционно, на протяжении многих столетий, здесь проходили маршруты, связывающие

Сарыарку с Семиречьем, Ферганской, Зеравшанской долинами, Маргианой и Бактрией, с южными оазисами (Чачский оазис). Находки изображений распряженных колесниц, верблюжьей упряжки в местности Мадьярсай (находки экспедиции под руководством А.А. Горячева, рис. 3) и бычьей упряжки в долине реки Сарыбулак в местности Шунак [Бедельбаева и др., 2015; 2019, рис. 4] наглядно свидетельствуют о функционировании в этих местах активных коммуникационных каналов уже в эпоху палеометалла.

Таким образом, во всём «южном поясе» древнейших земледельческих цивилизаций на Евразийском континенте, от Шумера до Хараппы, в начале III тыс. до н. э. четырехколесные экипажи представлены типом боевых телег с высоким передком, поручнями и низкими боковыми стенками, с узким кузовом, достаточным для возничего и пассажира и который трансформируется в зависимости от практических потребностей социума. В Месопотамии в могилах зафиксированы остатки фургонов, а в южных и восточных памятниках континента, за исключением Знаменской стелы в Минусинской котловине, они практически неизвестны – здесь использовались открытые четырехколесные грузопассажирские платформы, которые, впрочем, легко могли трансформироваться в мобильные жилища, о чем свидетельствуют значительно более поздние пазырыкские материалы [Новоженков, 2014а, с. 142–151; 2018б].

В синхронный гонурскому периоду в ближневосточном регионе впервые появляются двуколки двух типов – «сидячие повозки» с массивным дышлом, на котором сидел возничий, и повозки с открытой площадкой, представляющие собой двухколесную версию боевой телеги. Использование двуколок в военном деле не зафиксировано. Они могли применяться как транспорт для связи и охоты. Нет никаких свидетельств существования здесь А-образных двуколок.

Все типы повозок имели составные трехчастные дисковые колеса, которые вращались на неподвижных осях. Не исключено использование подвижных осей, вращающихся вместе с зафиксированными на них парой колес. Дышло – изогнутое или прямое. Впервые в

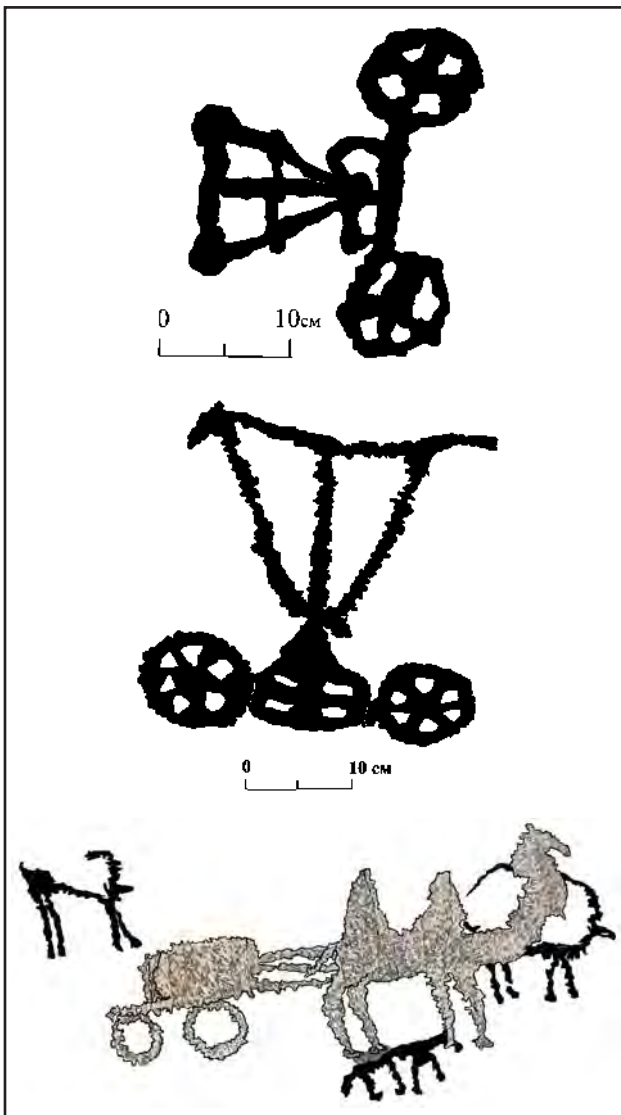

Рис. 3. Горы Хантау. Изображения повозок на скалах. Распряжённые колесницы эпохи бронзы и верблюжья упряжка периода ранних кочевников (?).

Фото и прорисовка А.А. Горячева.

качестве упряжных животных используются верблюды и эквиды – азиатские «полуослы» (*Equus hemionus*) и ослы (*Equus asinus*), очень редко – лошади (*Equus caballus*). Упряжка, как правило, состояла из 2-х или реже – 4-х животных: двух тягловых и двух пристяжных.

В Туране в упряжках активно использовались верблюды и быки в парных и одиночных (только один верблюд) упряжках. Боевые телеги – четырехколесные повозки применялись как передвижные платформы, с которых метали дротики и копья под прикрытием высокого передка. Они так же использовались как грузопассажирские платформы, на которых могли, кроме того, устанавливаться сборно-разборные конструкции – мобильные жилища (кибитки,

Рис. 4. Северное Прибалхашье. Горы Шунак. Бычья упряжка и лучники. Фото автора.

протоюрты) или просто легкие навесы для защиты от солнечных лучей. Эти повозки могли разворачиваться только по большой дуге (20–40 м), пока их передние оси не стали подвижными в горизонтальной плоскости.

Другим революционным видом транспортных средств в Центральной Азии стали изобретённые в степи на рубеже III–II тыс. до н. э. легкие и маневренные колесницы, запряженные конями [Lindner, 2020, с. 361–380]. Их изображения на скалах трассируют передвижения в пространстве населения синташтинско-андоновского круга, а на рубеже II и I тыс. до н. э. – кланов карасукского (бегазыдандыбаевского) облика. Возможно, это были кочевые группы населения, которые ранние китайские письменные источники называют ривемы или жуны и ди, которые кочевали на северных и западных границах Китайской равнины [Новоженев, Рогожинский, 2019; Новоженев, 2018а; 2019а].

Массовое распространение в петроглифах Центральной Азии колесничных сюжетов и находки остатков реальных повозок в могилах позволили поставить вопрос о существовании азиатского колесничного комплекса [Новоженев, 2011], а типология конструкций колесниц, датировка могил и комплексов вооружения колесничих позволила установить конкретные сроки их существования в древних социумах региона [Новоженев, 2012а].

Таким образом, выделенные в петроглифах Казахстана древнейшие типы транспортных средств – двухколесные колесницы и четырехколесные телеги, очевидно, связаны

с важным этапом в истории степной Евразии, когда в эпоху палеометалла коммуникации между различными регионами Древнего мира стали приобретать массовый и глобальный характер.

Новая яркая страница в истории коммуникаций Центральной Азии связана с ранними кочевниками сакского происхождения (исседонами; масагетами; аримаспами; киммерийцами) и первыми кочевыми империями хунну (сюнну), а затем – тюрков. Хотя всадничество становится господствующим способом передвижения в это время, колесные повозки сохраняют все свои коммуникативные функции, сложившиеся раньше, и более того – становятся важным символом власти, могущества и престижа.

Судя по находкам хорошо сохранившейся четырёхколесной повозки в Пятом Пазырыкском кургане [Руденко, 1953; Гук, Николаев, 2012], она имела универсальное, полифункциональное назначение и могла легко трансформироваться и в крытую церемониальную повозку для поездок вождя, и в открытую грузовую платформу для перевозки различных грузов (рис. 5). Конструкция этой крытой телеги находит поразительное сходство с повозкой, изображенной на скалах Мангышлака (святилище Байте III, рис. 6). Кроме того, в этих курганах обнаружены и

Рис. 5. Горный Алтай. Пятый Пазырыкский курган. Повозка вождя. Эрмитаж. (Королькова, 2006).

другие типы двухколесных грузовых и транспортных повозок [Новожинов, Алтынбеков, 2014].

В раннесарматском курганном комплексе Таксай 1 на западе Казахстана, датированном концом VI в. до н. э., в погребении знатной женщины обнаружен уникальный деревянный гроб с резным двусторонним скульптурным изображением сцены противостояния боевой колесницы и пешего воина (рис. 7) [Сыдыков, Лукпанова, 2013; Алтынбеков, 2014]. В этот период колесницы с правителями (или сцены царской охоты) становятся излюбленным сюжетом в изобразительных памятниках этой эпохи повсюду в Древнем мире и особенно в античной и персидской изобразительных традициях.

Показательным изображением четырёхколесной повозки этого времени является находка резного изображения на костяной пластине, найденной в Тургенском ущелье недалеко от Алматы, в усуньском жилище, датированном рубежом эпох [Горячев и др., 2016]. Здесь в крытой повозке изображен правитель, перед ним разворачивается кровавая сцена, в которой представлен подчинённый персонаж с отрубленной головой знатного врага в руках (рис. 8). В более поздний период хунну (сюнну) и древних тюрков на скалах чаще всего изображались двухколесные крытые и открытые престижные повозки типа «арба», явно предназначавшиеся для элиты (рис. 9). Подобные изображения повозок имеются среди петроглифов Сауыскандыка, Баянжурека [Самашев, 2012; Shvets, 2012; Самашев и др., 2014]. В пределах 2–8 вв. н. э.

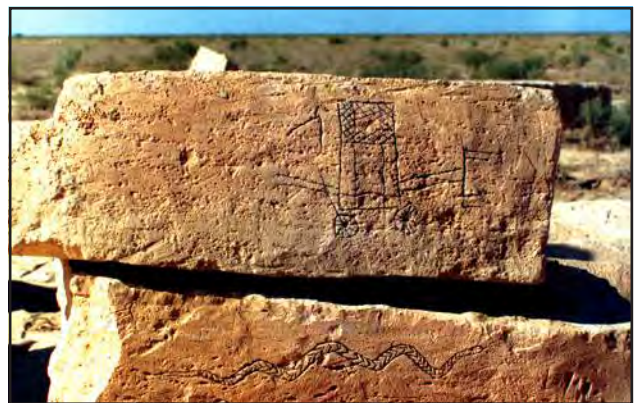

Рис. 6. Мангышлак. Раннесарматское святилище Байте III. Изображение крытой повозки на плите. (Тасмагамбетов, 2003).

Рис. 7. Западный Казахстан. Курганный комплекс Таксай 1. Реконструкция деревянного гребня из погребения знатной женщины с изображением сцены противостояния. Конец 6 в. до н. э. (Сыдыков, Лукпанова, 2013; Алтынбеков, 2013; 2014).

и даже позднее датируются найденные там изображения двух крытых экипажей, которые различаются в деталях оформления кабины:

у одной она прямоугольная, у другой – сферическая, наподобие мини-юрты. Балдахин центрально-азиатских экипажей, в том числе и

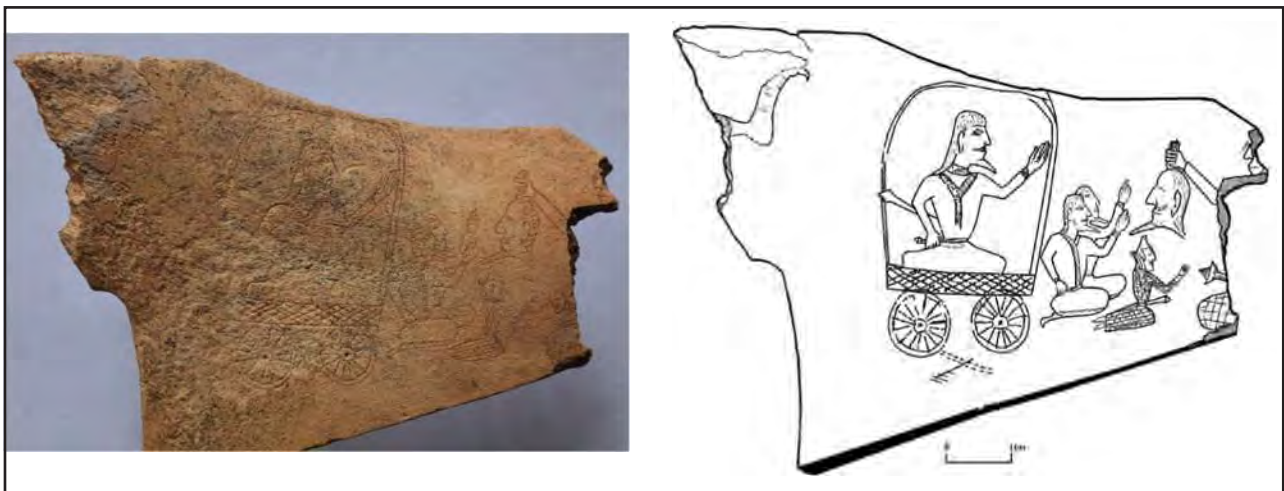

Рис. 8. Предгорья Заилийского Алатау. Урочище Тургенъ. Костяная пластина с гравированным изображением крытой повозки. Рубеж эпох (фото Белялов О.В.; прорисовка по Горячев и др., 2016).

Рис. 9. Китай. Повозка ханьского типа с восседающим под зонтом вельможей и возничим. Настенная роспись подземной могилы. Западная Хань. Рубеж эпох.

одного из баянжурекских, опирается на высокие штанги-опоры. Различие в изображении экипажей, в основном, связано с количеством запряжённых лошадей (или быков) и составом сопровождающей свиты. Стилистические и декоративные вариации в показе экипажей не только соответствовали духу эпохи, но так же отражали различия социального статуса людей, перемещающихся в них.

Иконография экипажей из Яманы Ус (Монголия) наиболее близка баянжурекским. Некоторые исследователи связывают стилистическую манеру изображения данных повозок с таштыкской изобразительной традицией, где запряженные лошади выпол-

нены в характерной манере: реалистичное изображение деталей, одна нога вытянута вперёд, другая подогнута к туловищу. Формирование данного стиля, по мнению Д. Г. Савинова [1995, с. 9], происходит в хуннской среде. Изображения крытых двухколесных экипажей А. П. Окладников [1980, с. 81] датирует гунно-сарматской эпохой и ранним средневековьем. Такую датировку подтверждают находки в петроглифах Сауыскандыка лошадей, выполненных в изящном араванском стиле.

Повозки гуннского времени обнаружены в погребениях кочевой знати хунну (сюнну). Их конструкция принципиально отлична от пазырыкских повозок – у них нет центрального дышла, используется оглобельный способ запряжки упряжного (упряжных) животного (животных). В самом большом кургане могильника Царам в Забайкалье зафиксированы остатки крытой двухколесной повозки с оглоблями и с сиденьем «ханьского типа», датированной I в. н. э. [Миняев, Сахаровская, 2007, с. 130–137]. Подобные колесницы обнаружены в Монголии, где раскопан крупный комплекс хуннских вождей Гол-Мод II [Эрденбаатар, 2012, с. 463–468]. При расчистке самого большого кургана в комплексе зафиксированы 6 или 7 богато декорированных (расписанных разными красками и иероглифами) колесниц и их многочисленных и разнообразных деталей, судя по сохранившимся иероглифам, также изготовленных в Китае [ibid, с. 467].

Такие повозки китайские императоры обычно дарили при заключении браков их принцесс с хуннскими вождями. Повозки оборудовались всем необходимым для походной жизни, красиво оформлялись, так как в них китайские невесты добирались до мест кочевий своих будущих мужей и часто использовались в качестве жилища.

Самые первые двухколёсные представительские экипажи с оглоблями (не с центральным дышлом) в Китае появляются в период Воюющих царств (IV–III вв. до н. э.) и документируются археологическими находками керамической модели из Бакутина (пров. Шэнси), а также реальной колесницы из некрополя Маанжун (пров. Хэнань). Производство представительских экипажей с оглоблями широкое распространение получает только в ханьское время [Кожанов, 1984, с. 67–75; Lu, 1993, с. 824–838; Miller, 2012, с. 29–39]. На скалах Монголии, кроме Яманы-ус, где обнаружены уже упоминавшиеся выше две великолепно выбитые, запряжённые конями, крытые повозки [Новгородова, 1984], подобные изображения двухколёсных повозок аналогичного типа известны в петроглифах других регионов Западной Монголии [Jang Seogho, Erdenbaatar, 2008; 2009; Jacobson, 2012, с. 1–28].

Из краткого обзора развития транспортных средств у ранних кочевников [ЗТКА 2013, с. 132–142; Новоженков, 2018] следует предположение об активном использовании в этих социумах

разнообразных типов транспортных средств и развитых систем коммуникации. В пользу такого вывода свидетельствуют и данные более поздних письменных и изобразительных источников тюркского периода. Известны сведения о повозках, груженных сокровищами, в ставке западного тюркского кагана Истеми, увиденные там Земархом, посланником византийского императора, а в «Истории династии Суй» (581–618 гг.) упоминаются кочевые тюркские племена с общим названием – *теле-тегрегг*, которые «при перемещениях пользовались крытыми повозками с высокими колесами» [Зуев, 2002, с. 231; Ахинжанов, 1995].

Приведённые материалы наглядно свидетельствуют об активной собственной линии развития колёсного транспорта в ранних кочевых сообществах Северной Евразии: здесь разрабатывались и активно использовались различные автохтонные типы двухколёсных военных и четырёхколёсных грузовых и церемониальных, представительских повозок, которые наряду с верховой лошадью обеспечивали их могущество и процветание, развитие коммуникационных каналов и активную интеграцию в транспортные потоки в рамках Великого Шёлкового пути. Параллельно этой линии развивалась древнекитайская колесничная традиция, основанная исключительно на эволюции двухколёсных экипажей.

ЛИТЕРАТУРА

- Акишев К. А. Саки азиатские и скифы европейские (общее и особенное в культуре) // Археологические исследования в Казахстане. Алма-Ата: Наука, 1973. С. 43–58.
- Алтынбеков К. Возрождённая из пепла. Реконструкция жирицы по материалам погребения в могильнике Таксай I / Новоженков В. А. (отв. ред.). Алматы: Остров Крым, 2013. 64 с., ил.
- Алтынбеков К. Возрожденные сокровища Казахстана: опыт научной реставрации / Новоженков В. А. (отв. ред.). Алматы: Остров Крым, 2014. 364 с.
- Алтынбеков К., Новоженков В. А. Повозки ранних кочевников в центре Евразии // Таинство этнической истории древнейших кочевников степной Евразии (Кочевая прародина индоевропейцев). Коллективная монография памяти Е. Е. Кузьминой. Алматы: Остров Крым, 2014. С. 308–344.
- Ахинжанов С. М. Кыпчаки в истории средневекового Казахстана (2 изд., исправленное). Алматы, 1995. 296 с.
- Байпаков К. М. Великий Шёлковый путь (на территории Казахстана). Алматы: Адамар, 2007. 496 с.
- Байпаков К. М., Новоженков В. А. О древнейших коммуникациях Евразии // Материалы международной конференции «Великие переселения в древней Передней Азии: движение, обмена и социальные трансформации». Париж: Изд-во ЮНЕСКО, 2017. С. 178–210.

Байпаков К. М., Савельева Т. В. Великий Шёлковый путь и урбанизация Казахстана // Центральная Азия на Великом Шёлковом пути: диалог культур и конфессий от древности до современности. Алматы: Центр сближения культур, 2018. С. 28–59.

Байпаков К. М., Ерофеева И. В., Казизов Е. С., Терновая Г. А. История религий в Казахстане (древность и средневековье). Алматы: Центр сближения культур, 2018. 553 с., 567 илл.

абу Бакри А.-Х. Были ли гиксосы в Средней Азии? Телль Эль-Даб'а и Гонур-депе (торговые центры бронзового века в Древнем Египте и в Центральной Азии) // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями: материалы международной научной конференции, посвящённой 110-летию со дня рождения выдающегося российского археолога М. П. Грязнова. СПб.: Филиал ИА РАН, 2012. Т. 2. С. 267–278.

Бедельбаева М. В. Образы сакрального пространства: изучение, историческая реальность, современная мифологизация (на примере памятников местности Тайаткан-Шунак) // «Маргулановские чтения-2019»: М-лы Межд. арх. науч.-практ. конф., посв. 95-летию К.А. Акишева. Нур-Султан, 2019. С. 624–635.

Бедельбаева М. В., Усманова Э. Р., Кожахметов Б. С. Открытие и этапы изучения комплекса Алтыншоки // Знак Тимура на сопке Алтыншоки: сборник статей и публикаций. Караганда, 2020. С. 31–49.

Бедельбаева М. В., Новоженев В. А., Новоженева Н. В. Изобразительные памятники Казахского мелкосопочника. Караганда: Сарыаркинский археологический институт, 2015. 252 с.

Бедельбаева М. В., Новоженев В. А. Мир петроглифов Сарыарки. Фотоальбом // Караганда: Изд-во КарГУ им. Е.А. Букетова, 2018. 101 с.

Бедельбаева М. В., Новоженев В. А., Ұ. Ұ. Үмітқалиев. Сарыарқаның тастағы таңбалары. Нұр-Сұлтан: Л. Н. Гумилев атындағы Евразия ұлттық университеті, 2019. 204 б.

Большой Ипатовский курган на Ставрополье: Коллект. монография / С. Н. Кореневский, А. Б. Белинский, А. А. Калмыков. М.: Наука, 2007. 229 с.

Ван П. К вопросу происхождения колесниц Иньсюй 1 // Вестник Новосибирского гос. университета. Серия история, филология. № 4. Том 18. 2019. С. 9–18.

Гей А. Н. Новотиторовская культура. М.: Старый сад, 2000. 224 с.

Горячев А.А., Яценко С.А., Егорова Т.А. Костяная пластина с гравированной композицией из поселения раннего железного века Кызылбулак IV // Актуальные проблемы археологии Евразии. Сб. мат-ов Международной конференции, посвященной 25-летию независимости Республики Казахстан и 25-летию Института археологии имени А. Х. Маргулана. Алматы: Институт археологии им. А. Х. Маргулана, 2016. С. 632–648.

Гук Д. Ю., Николаев Н. Н. Поездка из Пятого Пазырыкского кургана // В. А. Алёшкин, Е. В. Бобровская (отв. ред.) Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. Материалы международной научной конференции, посвящённой 110-летию со дня рождения выдающегося российского археолога М. П. Грязнова. Т. 2. СПб.: Изд-во ИИМК РАН, 2012. С. 454–457.

Евдокимов В. В. Эпоха бронзы степей Центрального и Северного Казахстана. Автореф. дис. докт. ист. наук: 07.00.06. Алматы: ИА им. А. Х. Маргулана, 2001. 32 с.

Евдокимов В. В., Ломан В. Г. Раскопки ямного кургана в Карагандинской области // Вопросы археологии Центрального и Северного Казахстана. Караганда: Изд-во КарГУ, 1989. С. 34–46.

Евдокимов В. В., Варфоломеев В. В. Эпоха бронзы Центрального и Северного Казахстана. Караганда: Изд-во КарГУ, 2002. 138 с.

Епимахов А. В. К оценке свидетельств дальних связей в эпоху палеометалла // Вестник Челябинского гос. университета. 2012. № 34 (288). История. Вып. 53. С. 5–9.

Епимахов А. В. Динамика коммуникаций бронзового века Урала // Таинство этнической истории древнейших кочевников степной Евразии / Епимахов А. В. (гл. ред.). Коллективная монография памяти Е. Е. Кузьминой. Алматы: Остров Крым, 2014. С. 125–205.

- Есин Ю. Н. Древнейшие изображения повозок Минусинской котловины // Научное обозрение Саяно-Алтая. № 1 (3). 2012. С. 14–47.
- Зайберт В. Ф. Ботайская культура. Алматы: КазАқпарат, 2009. 576 с.
- ЗТКА, Западный Тюркский каганат. Атлас / Досымбаева А., Жолдасбеков М. (гл. ред.) / Новоженев В. А. (отв. ред.). Астана: Назарбаев Центр, Service Press, 2013. 848 с., ил.
- Зуев Ю. А. Древнетюркские генеалогические предания как источник по ранней истории тюрков: Автореф. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Алма-Ата, ИИАЭ АН КазССР, 1967. 18 с.
- Зуев Ю. А. Ранние тюрки: очерки истории и идеологии. Алматы: Дайк-Пресс, 2002. 333 с.
- Избицер Е. В. Погребения с повозками степной полосы Восточной Европы и Северного Кавказа. 3-2 тыс. до н. э. Автореф. дис. канд. ист. наук. СПб.: ИИМК РАН, 1993. 28 с.
- Избицер Е. В. Колесница с тормозом или реконструкции без тормозов // Stratum plus. № 2. 2010. С. 187–194.
- Кадырбаев М. К., Марьяшев А. Н. Каратауские колесницы // Археологические исследования в Казахстане. Алма Ата: Наука, 1973. С. 128–145.
- Кадырбаев М. К., Марьяшев А. Н. Наскальные изображения хребта Каратау. Алма-Ата: Наука, 1977 (2007 – второе изд-е). 232 с.
- Каспаров А. Р., Аванесова Н. А. От Волги до Зеравшана: межкультурные взаимодействия в эпоху палеометалла // «Самара-Самарканд: наследие и современность в диалоге культур от Волги до Зеравшана». Материалы междунар. научн. конф. (Самара, 2016) / «Samara-Samarkand: Heritage and Modernity in the Dialiogue of Cultures from the Volga to the Zeravshan» / под ред. В. И. Ионесова. Издание 2-е дополненное. Самара: Институт культуры, 2017. С. 204–228.
- Кирчо Л. Б. Древнейший колесный транспорт на юге Средней Азии (новые материалы Алтын-депе) // Археология, этнография и антропология Евразии. № 1 (37). 2009. Новосибирск. С. 25–33.
- Кожанов С. Т. Колёсный транспорт эпохи Хань // Новое в археологии Китая: Исследования и проблемы. Новосибирск: Наука, 1984. С. 67–75.
- Кожин П. М. Китай и Центральная Азия до эпохи Чингисхана: проблемы палеокультурологии. М.: ИД «Форум», 2011. 368 с.
- Кожин П. М. Древний колёсный транспорт: состояние проблем и рабочие гипотезы // Научное обозрение Саяно-Алтая. 2015. № 1 (9). Серия: археология. Вып. 2. С. 2–18.
- Корневский С. Н. Древнейший металл Предкавказья. Типология. Историко-культурный аспект. М.: Таус, 2011. 336 с., ил.
- Королькова Е. Ф. Властители степей. СПб.: Государственный Эрмитаж, 2006. 136 с.
- Кочевые империи Евразии в свете археологических и междисциплинарных исследований: сб. науч. ст. IV международного конгресса средневековой археологии евразийских степей, посвященного 100-летию российской академической археологии (Улан-Удэ, 16–21 сентября 2019 г.). В 2 кн. / отв. ред. Б. В. Базаров, Н. Н. Крадин. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2019. кн. 1. 248 с., кн. 2. 182 с.
- Кузьмина Е. Е. Арии – путь на юг. М.–СПб.: КомКнига, 2008а. 360 с.
- Кузьмина Е. Е. Классификация и периодизация памятников андроновской культурной общности. Актобе: Принт А, 2008б. 324 с.
- Кузьмина Е. Е. Предыстория Великого Шёлкового пути: диалог культур Европа – Азия / Ред. Г. М. Бонгард-Левин. М.: КомКнига, 2010. 240 с.
- Кукушкин И. А. Металлические изделия раннеандроновского могильника Ащису // РА. 2011а. № 2. С. 110–116.
- Кукушкин И. А. Археологические комплексы Казахстана с колесничной атрибутикой. Новый аспект в археологии бронзы Казахстана // Свидетели Тысячелетий: Археологическая наука Казахстана за 20 лет (1991–2011). Алматы, 2011б. С. 97–113.
- Кукушкин И. А. Доандроновские погребения Центрального Казахстана // Диалог культур Евразии в археологии Казахстана. Сборник научных статей, посвященных 90-летию со дня

- рождения выдающегося археолога К. А. Акишева / Отв. ред. М. К. Хабдулина. Астана: Сарыарка, 2014. С. 401–414.
- Кукушкин И. А., Дмитриев Е. А. Раннеалакульские древности могильника Танабай (по материалам кургана 4) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2018а. № 2 (41). С. 28–40.
- Кукушкин И. А., Дмитриев Е. А. Находка погребения с зеркалом на могильнике Сенкибай-2 (Центральный Казахстан) // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии. Барнаул, 2018б. Вып. 2. С. 173–177.
- Кукушкин И. А., Дмитриев Е. А. Колесничный комплекс могильника Табылды (Центральный Казахстан) // Археология, этнография и антропология Евразии. Том 47. № 4. 2019. С. 43–52.
- Кукушкин И. А., Дмитриев Е. А., Кукушкин А. И. Погребение петровской культуры близ села Талды (Каркаралинский район Карагандинской области) // Самарский научный вестник. 2018. Т. 7. № 2 (23). С. 150–155.
- Кукушкин И. А., Бедельбаева М. В. Погребения с булавой: семантические аспекты (по материалам могильника Тундык) // Вещь в контексте погребального обряда. Материалы международной научной конференции. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2020. С. 35–45.
- Маргулан А. Х. Петроглифы Сарыарки. Гравюры с изображением волчьего тотема. Каменные изваяния Улытау. Алматы, 2003. Т. 3–4.
- Марьяшев А. Н. Наскальные изображения Казахстана: итоги 20-летнего изучения и проблемы // Археология Казахстана в эпоху независимости: итоги и перспективы. Материалы международной научной конференции, посвященной 20-летию Независимости Республики Казахстан и 20-летию Института археологии им. А. Х. Маргулана. / Гл. ред. Б.А. Байтанаев, отв. ред. А.З. Бейсенов. Алматы: ИА МОН РК. Том 1. 2011. С. 36–40.
- Марьяшев А. Н., Рогожинский А. Е. Наскальные изображения в горах Ешкиольмес. Алма-Ата, 1991.
- Марьяшев А. Н., Горячев А. А. Наскальные изображения Семиречья. Алматы: Фонд «XXI век», 2001. 264 с.
- Марьяшев А. Н., Горячев А. А. Итоги изучения памятников эпохи бронзы Жетысу // Свидетели тысячелетий: археологическая наука Казахстана за 20 лет / Гл. ред. Б.А. Байтанаев. Алматы: ИА МОН РК, 2011. С. 313–337.
- Масанов Н. Э. Кочевая цивилизация казахов: основы жизнедеятельности кочевничества. Изд. 2-е, доп. Алматы: Print-S, 2011. 740 с.
- Массон В. М. Культурогенез древней Центральной Азии. СПб.: ИИМК РАН, 2006.
- Медоев А. Г. Гравюры на скалах. Сары-Арка, Мангышлак. Ч. 1. Алма-Ата: Жалын, 1979. 174 с.
- Мерц В. К. Наскальные рисунки края Кереку-Баян. Павлодар: госуниверситет, 2002. 114 с.
- Мерц В. К. К проблеме миграций в эпоху раннего металла (о погребении ямного типа на Иртыше) // Проблемы археологии: Урал и Западная Сибирь. К 70-летию Т. М. Потемкиной. Курган, 2007. С. 71–75.
- Мерц И. В. Древнейший колесный транспорт Восточного Казахстана (к постановке проблемы) // «edu.e-history.kz» электрондық ғылыми журналы. Электронный научный журнал. № 4 (16). 2018. <http://edu.e-history.kz/kz/publications/view/1029>. Дата обращения 18 января 2020.
- Мерц В. К., Мерц И. В. Погребения «ямного» типа Восточного и Северо-Восточного Казахстана (к постановке проблемы) // Афанасьевский сборник. Барнаул: Азбука, 2010. С. 134–144.
- Мерц И. В., Святко С. В. Радиоуглеродная хронология памятников раннего бронзового века Северо-Восточного и Восточного Казахстана. Первый опыт // Теория и практика археологических исследований. № 1 (13). 2016. С. 126–150. (ISSN 2307-2539/ А.А.Тишкин (гл. ред.). Барнаул: Алтайский гос. университет, 2016).
- Мерц И. В., Антонов М. А. Грот Енбек с наскальными росписями в окрестностях г. Талдыкоргана // Отан тарихы. № 2 (86). 2019. С. 200–214.

- Миняев С. С., Сахаровская Л. М. Ханьская колесница из могильника Царам. Археологические вести. СПб., 2007. (14). С. 130–137.
- Мобильность и миграция: концепции, методы, результаты: материалы V Международного симпозиума «Мобильность и миграция: концепции, методы, результаты» (Денисова пещера, Алтай, Россия), 19–24 августа 2019 г.). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2019. 364 с.
- Новгородова Э. А. Мир петроглифов Монголии. М.: Наука, 1984. 168 с.
- Новгородова Э. А. Древняя Монголия. М.: Наука, 1989. 384 с.
- Новожинов В. А. О взаимосвязях населения Казахского мелкосопочника в древности // Проблемы изучения наскальных изображений в СССР. М.: Наука, 1990. С. 130–136.
- Новожинов В. А. Петроглифы долины реки Байконур // Современные проблемы изучения петроглифов / Мартынов А. И., Шер Я. А. (отв. ред.). Кемерово: Изд-во КемГУ; Кем. полиграфкомб., 1993. С. 143–159.
- Новожинов В. А. Наскальные изображения повозок Средней и Центральной Азии (к проблеме миграции населения степной Евразии в эпоху энеолита и бронзы). Алматы: Аргументы и Факты – Казахстан, 1994. 266 с.
- Новожинов В. А. Петроглифы Сарыарки. Алматы: ИА НАН РК, 2002. 125 с.
- Новожинов В. А. Чудо коммуникации и древнейший колесный транспорт Евразии. Под редакцией Е. Е. Кузьминой. М.: Таус, 2012 а. 500 с.
- Новожинов В. А. Раннеандроновские колесничные инновации и некоторые аспекты генезиса китайской цивилизации // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. Материалы международной научной конференции, посвящённой 110-летию со дня рождения выдающегося российского археолога М. П. Грязнова / Алёшкин В. А., Кашуба М. Е. и др. (отв. ред.). СПб.: ИИМК РАН, 2012б. Т. 2. С. 183–187.
- Новожинов В. А. Ямно-афанасьевские изобразительные коммуникации населения Сарыарки в эпоху ранней бронзы // Материалы республиканской научно-практической конференции «V Оразбаевские чтения: Отечественная археология и этнология: исследования, открытия и интерпретации» / Калыш А. Б., Жуматаев Р. С. (отв. ред.). Алматы: Казак университети, 2013а. С. 100–117.
- Новожинов В. А. Древнейшие кузнецы Евразийской степи (карасукская культура и происхождение бегазы-дандыбаевского феномена) // Бегазы-дандыбаевская культура степной Евразии. Сборник научных статей, посвященный 65-летию Ж. Курманкулова / Бейсенов А. З. (отв. ред.). Алматы: Бегазы-Тасмола, 2013б. С. 321–329.
- Новожинов В. А. Великая степь: человек в системе древних коммуникаций // Таинство этнической истории древнейших кочевников степной Евразии / Епимахов А. В. (гл. ред.) // Таинство этнической истории древнейших кочевников степной Евразии. Коллективная монография памяти Е. Е. Кузьминой. Алматы: Остров Крым, 2014а. С. 18–267.
- Новожинов В. А. К вопросу о происхождении А-образного типа двуколок Минусинской котловины // Археология, этнография и антропология Евразии. № 2 (58). Новосибирск, 2014б. С. 90–100.
- Новожинов В. А. Этнокультурные маркеры андроновского погребального обряда (по материалам могильника Карагайлы 3) // Материалы международной научно-практической конференции «VI Оразбаевские чтения» по теме «Проблема преемственности культур в археологии и этнологии», приуроченной к 80-летию КазНУ им. аль-Фараби (25 апреля 2014 г.) / Калыш А. Б., Жуматаев Р. С. (отв. ред.). Алматы: Казак университети, 2014в. С. 115–127.
- Новожинов В. А. Разграбление могил как коммуникативный месседж // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Т. 1. Казань: Отечество, 2014 г. С. 622–628.
- Новожинов В. А. Андроновская изобразительная традиция в петроглифах эпохи бронзы Центральной Азии // Арии степей Евразии: эпоха бронзы и раннего железа в степях Евразии и на сопредельных территориях: сборник памяти Е. Е. Кузьминой / Ред. кол.: К. Э. Разлогов (председатель); Е. В. Антонова; А. В. Епимахов; Ю. Ф. Кирюшин; В. И. Молодин; А. А. Тишкин;

- Т. С. Федорова; Н. А. Кочеляева / Молодин В. И., Епимахов А. В. (отв. ред.). Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2014д. С. 455–468. (600 с).
- Новоженков В. А. К вопросу об этнокультурной интерпретации коллекции антропоморфной пластики из памятников Центральной Азии второй половины III тыс. до н. э. // Древний Тургай и Великая Степь: часть и целое: сб. научных статей, посвященный 70-летию Виктора Николаевича Логвина / Бейсенов А. З. (отв. ред.). Костанай–Алматы: Институт археологии им. А. Х. Маргулана КН МОН РК, 2015а. С. 314–331.
- Новоженков В. А. Колесный транспорт и евразийские коммуникации ранних номадов // *Stratumplus*. № 3. 2015б. С. 57–88.
- Новоженков В. А. Археологические маркеры идентичности // Этнические взаимодействия на Южном Урале: материалы VI Всерос. науч. конф. / ред. кол.: В. И. Богдановский (предс.) и др. А. Д. Таиров (отв. ред.). Челябинск: Челябинский государственный краеведческий музей, 2015в. С. 40–45.
- Новоженков В. А. Изобразительные коммуникации населения Центральной Азии в эпоху бронзы // РА. № 3. 2015 г. С. 20–36.
- Новоженков В. А. Трансконтинентальные связи ранних кочевников (к проблеме происхождения киммерийцев) // А. З. Бейсенов (отв. ред.). Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этно-социо-культурных процессов в степной Евразии. Сборник научных статей, посвященный памяти археолога Кималя Акишевича Акишева / ISBN 978-601-7312-60-2. Алматы: Институт археологии имени А. Х. Маргулана, 2015д. С. 171–193.
- Новоженков В. А. Коммуникации и транспорт страны Маргуш в пространстве и во времени // Труды Маргианской археологической экспедиции. Т. 6. Памяти Виктора Ивановича Сарияниди / Дубова Н. А. (гл. ред.). М.: Старый Сад, 2016. С. 361–377.
- Новоженков В. А. Древнейшие возничие Евразийской степи // Горизонты цивилизации. № 8. 2017. Челябинск: Аркаим, 2017а. С. 170–220.
- Новоженков В. А. Индоиранская мифологическая традиция в петроглифах Казахстана и Центральной Азии: миф о сотворении человека и о «чудесной» повозке // Религии Казахстана и Центральной Азии на Великом Шёлковом пути / К. М. Байпаков (ред.), В. А. Новоженков (отв. ред.). Материалы международной научно-практической конференции 12–13 июня 2017 года. Алматы: Центр сближения культур под эгидой ЮНЕСКО, 2017б. С. 334–358.
- Новоженков В. А. Ранние кочевники на северных границах Китая и в Казахской степи: инновации и модель взаимодействия // Новое в исследованиях раннего железного века Евразии: проблемы, открытия, методики. Материалы международной научной конференции: тезисы докладов // Отв. ред. А. А. Малышев. М.: ИА РАН-МАКС Пресс, 2018а. С. 118–121. DOI: 10.29003/m159.s_et_s. ISBN 978-5-317-05861-6. On-line: <http://scythia-sarmatia.ru/publish/>
- Новоженков В. А. Коммуникации и колёсный транспорт на Великом Шёлковом пути // Центральная Азия на Великом Шёлковом пути: диалог культур и конфессий от древности до современности. Алматы: Центр сближения культур, 2018б. С. 241–263.
- Новоженков В. А. Модель коммуникации ранних кочевников Центральной Азии // Скифия и Сарматия (Материалы Международной научной конференции «Новое в исследованиях раннего железного века Евразии: проблемы, открытия, методики»). М.: ИА РАН, 2019а. С. 159–181.
- Новоженков В. А. Ботайские коневоды и ямные мигранты: кто победил? // VI Международные Фарабиевские чтения. Материалы международной научно-практической конференции «Ботайская культура и другие энеолитические памятники Центральной Азии», 4–6 апреля, Алматы, Казахстан. Алматы: Казак университеті, 2019б. С. 13–14.
- Новоженков В. А. «Генетическая революция» в свете актуальных проблем истории Северной Евразии в эпоху палеометалла // Древности Восточной Европы, Центральной Азии и Южной Сибири в контексте связей и взаимодействий в евразийском культурном пространстве (новые данные и концепции): Материалы Международной конференции, 18–22 ноября 2019 г., СПб. Т. II. Связи, контакты и взаимодействия древних культур Северной Евразии и цивилизаций

Востока в эпоху палеометалла (IV–I тыс. до н. э.). К 80-летию со дня рождения выдающегося археолога В. С. Бочкарёва / ISBN 978-5-907053-35-9; DOI 10.31600/978-5-907053-35-9. СПб.: ИИМК РАН, Невская Типография, 2019в. С. 12–15.

Новожинов В. А. Наскальные летописи Золотой степи: модель коммуникации населения в древности и средневековье. В двух томах. Том 1. Алматы: Международный Центр сближения культур ЮНЕСКО, 2020. 780 с.

Новожинов В. А., Алтынбеков К. К вопросу об использовании колесниц в эпоху ранних кочевников // Восхождение к вершинам археологии: сборник материалов международной научной конференции «Древние и средневековые государства на территории Казахстана», посвященной 90-летию со дня рождения К. А. Акишева / Байтанаев Б. А. (гл. ред.), Байпаков К. М. (отв. ред.). Алматы: Изд-во ИА археологии имени А. Х. Маргулана, 2014. С. 231–247.

Новожинов В. А., Бедельбаева М. В. Изобразительные традиции в наскальном искусстве Сарыарки (Казахстан) // Ойрад монголчуудын биет бус соёлын өв. Олон улсын эрдэм шинжилгээний V хурлын илтгэлийн эмхэтгэл. (Материалы V международной научной конференции по ойратоведению в г. Хобд, Монголия, на монг. яз). / Отв. ред. Ч. Мөнхбаяр. Улаанбаатар: изд-во Хобдского университета, 2017. С. 187–200.

Новожинов В. А., Шакиров Т. Г. Коммуникации и изобразительные памятники эпохи ранней бронзы в Казахской степи // Изобразительные и технологические традиции ранних форм искусства (2). Памяти Е. Г. Дэвлет / Отв. ред. М. А. Дэвлет. (Труды Сибирской Ассоциации исследователей первобытного искусства). Вып. XII. М.; Кемерово: Кузбассвузиздат, 2019. С. 257–275.

Новожинов В. А., Рогожинский А. Е. Новые колесничные сюжеты в петроглифах долины реки Коксу (Ешкиольмес) // История и археология Семиречья: сборник статей и публикаций. Вып. 6. Алматы, 2019. С. 170–196.

Новожинов В. А., Ильин Р. В. Использование метода фотограмметрии для исследования изобразительных памятников Центральной Азии // «Методы и методология естественных наук в полевых археологических исследованиях». Материалы международной научно-практической конференции. 18 сентября 2019. Алматы: Қазақ Университеті, 2019. С. 53–54.

Окладников А. П. Петроглифы Центральной Азии: Хобд-сомон (гора Тэбш). Л., 1980.

Оськин А. В. Новые находки петроглифов в Кызылкумах // Полевые исследования Института этнографии за 1976. М., 1978. С. 166–173.

Оськин А. В. Небесные светила в символике петроглифов Букантау // Проблемы изучения наскальных изображений в СССР. М.: Наука, 1990. С. 141–145.

Подольский М. Л. Феномен и парадоксы Минусинской степи (смена культурных доминант) // Культурно-экологические области: взаимодействие традиций и культуuroгенез: сборник научных статей. СПб.: ИИМК РАН, 2007. С. 113–128.

Рогожинский А. Е. Образы и реалии древнеземледельческой цивилизации Средней Азии в наскальном искусстве эпохи бронзы Южного Казахстана и Семиречья // Наскальное искусство в современном обществе. Материалы международной научной конференции / Отв. ред. О. С. Советова и др. Кемерово: САИПИ, 2011 а. С. 87–99.

Рогожинский А. Е. Петроглифы археологического ландшафта Тамгалы. Алматы: SignetPrint, 2011 б. 342 с.

Рогожинский А. Е., Новожинов В. А. Культурные ландшафты с петроглифами Центральной Азии: вопросы и ответы. Самарканд: МИЦАИ, 2018. 252 с., ил.

Руденко С. И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.–Л.: Наука, 1960. 380 с.

Румянцев Е. А. Реставрация и консервация древних деревянных повозок из Закавказья и Алтая // СА. № 1. 1961. С. 236–242.

Савинов Д. Г. О происхождении таштыкского стиля // Древнее искусство Азии. Петроглифы. Кемерово: Изд-во КемГУ, 1995. С. 6–12.

- Савинов Д. Г. Ранние кочевники Верхнего Енисея: Археологические культуры и культурогенез. СПб.: СПбГУ, 2002. 257 с.
- Сала Р., Деом Ж.-М. Наскальные изображения Южного Казахстана. Алматы, 2005. 150 с.
- Самашев З. Петроглифы Казахстана. Алматы: Өнер, 2006. 200 с.
- Самашев З. Наскальные изображения Казахстана как исторический источник. Автореф. докт. ист. наук: 07.00.06. Алматы: ИА МОН РК, 2010. 56 с.
- Самашев З. Наскальные изображения Жетысу. Баянжурек. Астана: Филиал ИА МОН РК, 2012. 240 с.
- Самашев З. Древнее искусство. Т. 1. Алматы: Елнур, 2013 а. 240 с.
- Самашев З., Чжан Со Хо, Боковенко Н., Мургабаев С. Наскальное искусство Казахстана (Rock Art of Kazakhstan). Сеул–Астана: Фонд истории Северо-Восточной Азии – Астанинский филиал Института археологии им. А. Х. Маргулана, 2011. 380 с.
- Самашев З., Байтлеу Д., Курманкулов Ж. Петроглифы Теректы Аулие. Астана, 2013. 240 с.
- Самашев З., Байтлеу Д., Кариев Е., Мургабаев С. Исследование археологического комплекса Сарияниди В. И., Дубова Н. А. Археологические работы на юго-западном холме Гонур-депе (раскоп 16) // Труды Маргианской археологической экспедиции. М., 2008. Т. 2. С. 28–83.
- Сарияниди В. И., Дубова Н. А. Новые гробницы на территории царского некрополя Гонура (Предварительное сообщение) // На пути открытия цивилизации. Труды Маргианской археологической экспедиции / Отв. ред. Н. А. Дубова. СПб.: Алетея, 2010. Т. 3. С. 144–171.
- Сарияниди В. И., Бороффка Н. Г. О., Дубова Н. А. Культурные контакты Маргианы (Туркменистан) в III тыс. до н. э. Новые данные по Гонур-Депе (погребение № 4150) // Труды Маргианской археологической экспедиции. Т. 5. Исследования Гонур-Депе в 2011–2013 гг. / Сарияниди В. И. (гл. ред.) и др. М.: Старый сад, 2014. С. 127–137.
- Сатаев Р. М. Животные из раскопок городища Гонур-депе // Труды Маргианской археологической экспедиции. М., 2008. Т. 2. С. 144–160.
- Сатпаев К. И. Доисторические памятники в Джекказганском районе // Народное хозяйство Казахстана. № 1. Алматы, 1941. С. 40–43.
- Сафронов В. А. Индоевропейские прародины. Горький: Волго-Вятское кн. изд-во, 1989. 396 с.
- Сдыков М. Н., Лукпанова Я. А. Ранние кочевники Западного Казахстана (на примере комплекса Таксай I). Уральск: Полиграфсервис, 2013. 292 с.
- Соколова Л. А. Окунево и Хараппа – свидетельства контакта // Древние культуры Евразии: материалы международной научной конференции, посвящённой 100-летию со дня рождения А. Н. Бернштама. СПб., 2010. С. 87–94.
- Хужаназаров М. Сармишсой кяятош расмлари, идмий тадкикотлар (=Сармишсай: наскальные изображения, научные исследования) / М. Хужаназаров. Тошкент: “NurfayzNashriyotti”, 2018. 175 б.
- Черных Е. Н. Степной пояс Евразии: Феномен кочевых культур. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. 624 с.
- Чечушков И. В. Колесничный комплекс эпохи поздней бронзы степной и лесостепной Евразии (от Днепра до Иртыша): автореф. дис. канд. ист. наук: 07.00.06. М., 2013: ИА РАН. 27 с.
- Чечушков И. В. Распространение колесного транспорта в свете радиоуглеродной хронологии // Таинство этнической истории древнейших номадов степной Евразии / Епимахов А. В. (отв. ред.). Алматы: Остров Крым, 2014. С. 274–285.
- Чечушков И. В., Епимахов А. В. Колесницы и упряжь как культурный индикатор эволюции коневодства. Колесничный комплекс Урало-Казахстанских степей // П. Ф. Кузнецов (гл. ред.) Кони, колесницы и колесничие степей Евразии. Екатеринбург: Институт экологии растений и животных УО РАН, 2010. С. 182–229.
- Швец И. Н. Сюжеты окуневского изобразительного типа в наскальном искусстве Казахстана // Материалы международной научной конференции «Наскальное искусство в современном обществе (к 290-летию научного открытия Томской писаницы)». Т. 2. Кемерово, 2011 б. С. 134–138.

Швец И. Н. Об антропоморфных изображениях казахстанских петроглифов эпохи бронзы // Таинство этнической истории древнейших номадов степной Евразии / Епимахов А. В. (гл. ред.). Коллективная монография памяти Е. Е. Кузьминой. Алматы: Остров Крым, 2014. С. 294–299.

Швец И., Самашев З., Мургабаев С., Бедельбаева М. Петроглифы местонахождения Сауыскандык: к проблеме культурных контактов древнего населения Евразии // VII исторические чтения памяти М. П. Грязнова: Сборник научных трудов. Омск, 2008а. С. 342–347.

Швец И., Самашев З., Мургабаев С., Бедельбаева М. Некоторые итоги изучения местонахождения петроглифов Сауыскандык в Южном Казахстане // Вестник КарГУ. Сер. история, философия, право. № 4 (52). Караганда, 2008б. С. 22–26.

Шер Я. А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. М.: Наука, 1980. 328 с.

Шишлина Н. И., Ковалёв Д. С., Ибрагимова Э. Р. Повозки катакомбной культуры Евразийских степей // Бронзовый век: Европа без границ. Четвёртое – первое тыс. до н. э. Под ред. Ю. Ю. Пятровского. Кат. выставки. СПб.: Чистый лист, 2013. С. 119–126.

Эрденбаатар Д. Могильник хуннских вождей в Гол-Мод-2. В: В. А. Алёшкин, Е. В. Бобровская (отв. ред.) и др. Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. Материалы международной научной конференции, посвящённой 110-летию со дня рождения выдающегося российского археолога М. П. Грязнова. Т. 2. СПб., 2012. С. 463–467.

Anthony D. W. The horse, the wheel and language. How Bronze-Age riders from the steppes shaped the modern world. Princeton and Oxford: Princeton Univ. Press, 2007; 2010.

Anthony D. W., Vinogradov N. B. Birth of the chariot // *Archaeology*, March/April, 1995. P. 36–41.

Anthony D. W., Brown D.R. The secondary products revolution, horse-riding, and mounted warfare // *Journal of World Prehistory*. 24. 2011. P. 131–160.

Anthony D. W., Ringe D. The Indo-European homeland from linguistic and archaeological perspectives // *Annual Review of Linguistics*. 2015. Vol. 1. P. 199–219.

Belinskij A., Kalmykov A. Neue Wagenfunde aus Graben der Katakombengrabkultur im Steppegebiet des zentralen Vorkaukasus // *Rad und Wagen. Der Ursprung einer Innovation Wagen im Vorderen Orient und Europa*. Mainz am Rhein: Verlag Philipp von Zabern, 2004. S. 201–220.

Childe V. G. The down of European civilization. London, 1957. 388 p.

Doumani P. N., Frachetti M. D., Beardmore R., Schmaus T. M., Spengler III R. N., Mariashev A. N. Burial ritual, agriculture, and craft production among Bronze Age pastoralists at Tasbas (Kazakhstan) // *Archaeological Research in Asia*. № 1–2. 2015. P. 17–32.

Frachetti M. D. Pastoralist Landscapes and Social Interaction in Bronze Age Eurasia. Berkley, ect: University of California Press, 2008.

Frachetti M. D. Multi-regional emergence of mobile pastoralism and nonuniform institutional complexity across Eurasia // *Current Anthropology*. 2012. № 1. Vol. 53. P. 2–21.

Frachetti et al. (Frachetti, M.D., C.E. Smith, C.M. Traub, T. Williams). Nomadic ecology shaped the highland geography of Asia's Silk Roads. // *Nature*. 543. 2017. P. 193–198.

Frankopan P. The Silk Roads: a New History of the World. Oxford: Ox-Press, 2015.

Francfort H.-P., Central Asian petroglyphs: between Indo-Iranian and shamanistic interpretations. *The Archaeology of Rock Art*. Cambridge, 1998. P. 302–318.

Jacobson-Tepfer E. The Image of the Wheeled Vehicles in the Mongolian Altai: Instability and Ambiguity // *The Silk Road*. № 10. 2012. P. 1–28.

Jacobson-Tepfer E. The Anatomy of Deep Time: Rock Art and Landscape in the Altai Mountains of Mongolia (Elements in Environmental Humanities). Cambridge: Cambridge University Press, 2020. doi: 10.1017/9781108855518.

Jang Seogho, Erdenbaatar D. Mongolian Gov'-Altain khadny zurag. Seul: Notheast Asian Foundation; Ulanbataar: Inst. of Archaeology Mong. Acad. of Sciences, 2008. (Mong.)

Jang Seogho, Erdenbaatar D. Mongolyn baruun khoid aimgiin khadny zyrag. Seul: Notheast Asian Foundation; Ulanbataar: Inst. of Archaeology Mong. Acad. of Sciences, 2009. (Mong.)

- Hanks B. K., Epimakhov A. V., Renfrew C. Towards a Refined Chronology for the Bronze Age of the Southern Urals, Russia // *Antiquity*. 2007. № 81. P. 353–367.
- Hsiao-yun Wu Chariots in Early China: Origins, cultural interaction and identity // *BAR Int. Series* (S2457). Oxford: Archaeopress, 2013. 137 p.
- Izbitser E. The royal cemetery at Ur and early wheels // *Tyraetia*, s. n. VII [XXII]. №. 1. 2013. P. 9–17.
- Kristiansen K. et al. (Kristiansen, K., Allentoft, M. E., Frei, K. M., Iversen, R., Johannsen, N. N., Kroonen, G., Pospieszny, Ł., Price, T. D., Rasmussen, S., Sjögren, K.-G., Sikora, M. and Willerslev, E.) Re-theorising mobility and the formation of culture and language among the Corded Ware Culture in Europe // *Antiquity*. 91 (356). 2017. P. 334–347. doi: 10.15184/aqy.2017.17.
- Kristiansen K. et al. Trade and civilisation: economic networks and cultural ties, from prehistory to the early modern era / K. Kristiansen, T. Lindkvist, J. Myrdal (Eds). Cambridge: Cambridge University Press, 2018.
- Kuznetsov P. F. The emergence of Bronze Age chariots in eastern Europe // *Antiquity*. № 80. 2006. P. 638–645.
- Lindner St. Chariots in the Eurasian Steppe: a Bayesian approach to the emergence of horse-drawn transport in the early second millennium BC // *Antiquity* 94 (374). 2020. P. 361–380; <https://doi.org/10.15184/aqy.2020.37>
- Littauer M. A., Crouwel J. H. Wheeled vehicles and ridden animals in the Ancient Near East. Leiden–Koln: E. J. Brill, 1979. 185 p.
- Littauer M. A., Crouwel J. H. The origin of the true chariot // *Antiquity*. 1996. Vol. 70. № 270. P. 934–939.
- Littauer M. A., Crouwel J. H., Raulwing P. Selected Writings on Chariots and Other Early Vehicles, Riding and Harness. Leiden/Koln: E. J. Brill, 2002.
- Lu Liancheng Chariot and Horse Burials in Ancient China // *Antiquity*. № 67 (257). 1993. P. 824–838.
- MANP 2007: Materialien zur Archäologie der Nordgebiete Pakistans. Die Felsbildstation Thalpan III, 8. Mainz 2007.
- Miller B. Vehicles of the Steppe Elite: Chariots and Carts in Xiongnu Tombs // *The Silk Road*. № 10. 2012. P. 29–38.
- Novgorodova E. *Alte Kunst der Mongolei*. Leipzig, 1980.
- Novozhenov V. A. Bronze Age Trans-Eurasian Communications. // *Sixth International Congress of Eurasian Archaeology. Eurasian Prehistory* / A. Semih Günerli (Ed.). Izmir: Dokuz Eylül University, 2017. P. 56–58.
- Novozhenov V. A. Whence did the Cimmerians Came? Transcontinental Communications of the Early Nomads in the Lights of the Origin of the Cimmerians // *Journal of Historical Archaeology & Anthropological Science*. 3 (1). P. 00058. doi:10.15406/jhaas.2017.03.0005.
- On-line: http://medcraveonline.com/JHAAS/volume_issues?issueId=1974&volumeId=563
- Novozhenov V. Human Population Genetics and Basic Problems of Central Asia Prehistory // *Centenary of human population genetics. Moscow 29-31 of May 2019*. Moscow: MSU, Institute of genetics RAS, 2019. P. 77–78.
- Novozhenov V. A., Bedelbaeva M. V. Figurative Monuments and Rock Art traditions of the Kazakh Steppe // *Art of the Orient*. 2018. Vol. 7 / Jerzy Malinowski, Bogna Łakomska (Eds). Proceedings of the International Conference in Kracow. Torun: Polish Institute of World Art Studies, 2018. P. 119–130.
- Novozhenov V. A., Ilin R. V. Digital technology of non-contact copying of image monuments // *Bulletin of Abay Kazakh National Pedagogical University. Series «Historical and socio-political sciences»*. № 3 (62). 2019. P. 368–378.
- Novozhenov V. A., Sydykov A. Zh. Bronze Age Transeurasian Communications // *Отантарихы*. 2019. № 3 (87). С. 183–204.
- Piggott St. Wagon, chariot, and carriage: symbol and status in the history of transport. London: Thames & Hudson, 1992.
- Ryholt K. The Political Situation in Egypt during the Second Intermediate Period c. 1800-1550 B.C. CNI Publications 20. Copenhagen: Museum Tusulanum Press, 1997. xiv+463 p.

Shvets I.N. Studien zur Felsbildkunst Kasachstans. Materialien zur Archaeologie Kasachstans. Bd.1. Darmstadt/Mainz: Philipp von Zabern, 2012. 267 s., 151 tafeln.

Shvets I., Samašev Z., Murgabaev S., Bedelbaeva M. Felsbilder des Karatau-Gebirgsrückens, Südkasachstan. Die Felsbildstation Sauskandyk I-II – Wissenschaftlicher Bericht an die Gerda Henkel Stiftung. Heidelberg, 2008. 320 S.

Shvets I., Samašev Z., Murgabaev S., Bedelbaeva M. Felsbilder des Karatau-Gebirgsrückens, Südkasachstan. Die Felsbildstation Sauskandyk III–VII. Wissenschaftlicher Bericht an die Gerda Henkel Stiftung. Heidelberg, 2010. 450 S.

Wallerstein I. A World-System. Perspective on the Social Sciences // British Journal of Sociology. 1976. № 27 (3). P. 343–352.

Новоженев В.А.

ЮНЕСКО аясындағы мәдениеттерді жақындастыру орталығы,
Алматы, Қазақстан

ОРТАЛЫҚ АЗИЯДАҒЫ ЕЖЕЛГІ КӨШІ-ҚОН ТУРАЛЫ: ТҰРАН КОММУНИКАЦИЯЛЫҚ АРНАСЫ

Түйін. Мақала Ұлы Жібек жолында Еуразияның солтүстік бөлігінің тұрғындары көлік құралдарын пайдалану туралы дәлелдемелерді талдауға арналған. Алтайдағы Пазырық қорғандарының материалдары зерттелді. Қазақстандық археологтардың қола дәуіріндегі ежелгі андроновтық зираттар, сарматтар мен сақтардың ескерткіштері, сондайақ, ғұн (Хан), түрік арбалары мен ұқсас бейнелеу ескерткіштерінің табылған материалдарынан тұрады. Автор Ұлы Жібек жолындағы көлік байланысының материалдық негізі болған Орал-Қазақстан және Орта ғасырлық Евразия даласының ескерткіштеріне негізделген дөңгелекті арбаларды өндіруге арналған тұрақты жергілікті дәстүрді дамыту туралы қорытындыға келеді.

Novozhenov V.A.

Center for rapprochement of cultures under the auspices of UNESCO,
Almaty, Kazakhstan

ABOUT THE OLDEST MIGRATIONS IN CENTRAL ASIA: TURAN COMMUNICATION CHANNEL

Annotation. The article is devoted to the analysis of evidence of the real use of wheeled transport by the population of the northern part of Eurasia on the routes of the Great Silk Road and Turan communication channel. The materials from the Pazyryk mounds in Altai are examined. The research involved new materials from Kazakhstani archaeologists from the Early Andronovo burial grounds of the Bronze Age, the Sarmatian and Saka burial sites, as well as finds from the Hun (Sunnū), Turkic carts and the corresponding figurative monuments. The author comes to the conclusion about the development of a stable local tradition of making wheeled vehicles, rooted in the monuments of the chariot complex of the Ural-Kazakhstan and Eurasian steppes of the Bronze Age, which became the material basis of transport communications within the framework of the Great Silk Road and Khantau Transport corridor.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АН КазССР	– Академия наук Казахской Советской Социалистической Республики
БМАК	– Бактрийско-Маргианский археологический комплекс
БНЦ СО РАН	– Бурятский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук
ВИНИТИ РАН	– Всероссийский институт научной и технической информации Российской академии наук
ГИС	– Геоинформационные системы
ИА МОН РК	– Институт археологии Министерства образования и науки Республики Казахстан
ИА РАН	– Институт археологии Российской академии наук
ИАЭТ СО РАН	– Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук
ИГН	– Институт геологических наук
ИИМК РАН	– Институт истории материальной культуры Российской академии наук
ИИАЭ АН КазССР	– Институт истории, археологии и этнографии им. Ч.Ч. Валиханова Академии наук Казахской Советской Социалистической Республики
ИРГО	– Известия Русского географического общества
КазГУ	– Казахский государственный университет
КазНИПИ	– Казахский научно-исследовательский и проектный институт (бывш. Институт «Казпроектреставрация»)
КазНПУ	– Казахский Национальный Педагогический университет
КазПИ	– Казахский Педагогический институт
КазССР	– Казахская Советская Социалистическая Республика
КарГУ	– Карагандинский государственный университет
КемГУ	– Кемеровский государственный университет
КН МОН РК	– Комитет науки Министерства образования и науки Республики Казахстан
КСИА	– Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии АН СССР (Краткие сообщения Института археологии)
КСИИМК	– Краткие сообщения Института истории материальной культуры
Л.	– Ленинград
ЛГУ	– Ленинградский государственный университет
М.	– Москва
МГУ	– Московский Государственный Университет
МИЦАИ	– Международный институт центральноазиатских исследований (г. Самарканд)
МНО	– Майкопско-Новосвободненская общность
МОН РК	– Министерство образования и науки Республики Казахстан
НА ИИМК РАН	– Научный архив Института истории материальной культуры Российской Академии наук (г. Санкт-Петербург, Россия)
НАН РК	– Национальная Академия наук Республики Казахстан
НА РГО	– Научный архив Российского географического общества (г. Санкт-Петербург, Россия)
НГУ	– Новосибирский государственный университет
РА	– Российская археология (1992–2020 гг.)
РАН	– Российская академия наук
РГО	– Русское географическое общество
РГП	– Республиканское государственное предприятие
СА	– Советская археология (1957–1992 гг.)
САИ	– Свод археологических источников

САИПИ	– Сибирская ассоциация исследователей первобытного искусства
СО РАН	– Сибирское отделение Российской академии наук
СПб.	– Санкт-Петербург
СССР	– Союз Советский Социалистических Республик
УО РАН	– Уральское отделение Российской академии наук
ЦГА РК	– Центральный государственный архив Республики Казахстан

ХАНТАУ ПАЛЕОМЕТАЛЛ ДӘУІРІНІҢ ТАСЫМАЛДАУШЫ ӨТКЕЛІ

**ЖЕТІСУ ӨЛКЕСІНІҢ ТАРИХЫ МЕН
АРХЕОЛОГИЯЛЫҚ ДЕРЕКТЕРІ
МАҚАЛАР МЕН ЖАРИЯЛЫНЫМДАР ЖИНАҒЫ**

7 ШЫҒАРЫЛЫМ

ХАНТАУСКИЙ ТРАНЗИТНЫЙ КОРИДОР В ЭПОХУ ПАЛЕОМЕТАЛЛА

**ИСТОРИЯ И АРХЕОЛОГИЯ СЕМИРЕЧЬЯ
СБОРНИК СТАТЕЙ И ПУБЛИКАЦИЙ**

ВЫПУСК 7

Научное издание

Егорова Т.А.	– шеф-редактор
Воскобойников К.А.	– технический редактор
Манапова А.М.	– перевод и редактирование казахского текста
Егорова К.А.	– перевод и редактирование английского текста

Сдано в набор 21.09.2020. Подписано в печать 25.09.2020.

Бумага офсетная. Гарнитура Times.

Усл. печ. л. 25. Тираж 100 экз.